А. А. КАУФМАНЪ

ПО НОВЫМЪ МѢСТАМЪ

Изданіе
«Общественной Пользы».

Книгоиздательство и книжный магазинъ

Т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.

(СПБ., Б. Подъяческая ул. 39, соб. домъ).

„Библіотека Общественной Пользы“.

Іоллосъ Г. Письма изъ Берлина. Ц. 2 руб.

Кузьминъ-Караваевъ В. Земство и деревня. Ц. 2 руб.

Страховскій Ив. Крестьянскія права и учрежденія. Ц. 1 руб. 50 коп.

Арсеньевъ К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Ц. 1 р. 50 к.

Каутскій К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Ц. 2 руб.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бургенъ М. Соціальныя доктрины и экономич. эволюція.

Поль Луи. Государство и рабочій.

Корниловъ А. Статьи по крестьянскому вопросу.

Булгаковъ. Отъ марксизма къ идеализму. (Сборникъ статей 1896—1903 г.г.) Ц. 1 руб. 50 коп.

Богдановъ. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Ц. 1 руб.

Веббъ С. и Коксъ Х. 8-часовой рабочій день. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 25 коп.

Геффдингъ. Философія религіи. Пер. В. Базарова и И. Степанова. Ц. 1 руб. 50 коп.

Еллинекъ Г. Право современнаго государства. Пер. подъ ред. В. Гессена и Л. Шалланда. Ц. 3 руб.

Евреиновъ Г. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Изд. 2-е. 1904 г. Ц. 1 руб.

Иванюковъ И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Изд. 2-е. Ц. 2 руб. 50 коп.

Майковъ П. Ив. Ив. Бецкой—Опытъ его біограф.—Ц. 4 руб.

Пругавинъ А. Законы и справочныя свѣдѣнія по нач. нар. образованію. Изд. 2-е. 1903 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

Его же. Религіозные отщепенцы. Вып. I и II по 1 руб.

Риль А. Введеніе въ современную философію. Ц. 80 коп.

Соловьевъ Вл. С. Сочиненія въ 8 т. Ц. 12 руб.

Соловьевъ С. М. Исторія Россіи. Изд. 2-е. Ц. 15 руб.

Его же. Дополнит. томъ къ «Исторіи Россіи». Ц. 4 руб.

А. А. Кауфманъ.

По новымъ мѣстамъ.

(ОЧЕРКИ и ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

1901—1903.

I. По Амуру и Приамурью.
II. Въ Уссурійскомъ краѣ.
III. Въ арало-каспійской степи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза.“
1905.

ПРОВ. 1958

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Больш. Подъяч., № 39.

Незабвенной памяти

Ореста Федоровича

Миллера.

Отъ автора.

Больше пятнадцати лѣтъ — лучшихъ лѣтъ жизни, автору этой книжки пришлось посвятить хозяйственно-статистическимъ изслѣдованіямъ, потомъ—практической и литературной работѣ въ области переселеній и колонизаціи. Ему довелось, за это время, побывать на разнообразнѣйшихъ «новыхъ мѣстахъ», отъ самарскихъ степей до залива св. Ольги, на Тихомъ океанѣ, и отъ вологодскихъ лѣсовъ до предгорій Туркестанскаго хребта. Попутно съ тяжеловѣснымъ экономическимъ и статистическимъ матеріаломъ, съ дѣловыми наблюденіями и обобщеніями, невольно воспринималась масса разнообразнѣйшихъ живыхъ образовъ и яркихъ представленій. Вначалѣ эти образы и представленія улетучивались безъ слѣда. Но въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ они вылились въ нѣсколько серій легкихъ путевыхъ очерковъ и набросковъ, которые и были

помѣщены, въ свое время, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Не претендуя на литературный и въ частности на изобразительный талантъ, авторъ думаетъ однако, что появленіе этихъ очерковъ и набросковъ отдѣльною книжкой будетъ не совсѣмъ безполезно. Каждый изъ нихъ, появляясь въ повременной печати, имѣлъ, несомнѣнно, во много разъ больше читателей, нежели всѣ написанные авторомъ толстые томы и многочисленныя журнальныя статьи дѣлового содержанія, взятыя вмѣстѣ, что̀ и убѣждаетъ автора въ цѣлесообразности этого способа обработки его наблюденій и впечатлѣній.

По своей формѣ,—это непринужденные наброски, почти моментальные снимки: авторъ записывалъ свои впечатлѣнія въ томъ самомъ видѣ и въ такомъ порядкѣ, какъ они представлялись ему въ дѣйствительности, иногда только вводя тѣ или другія объясненія или обобщенія, гдѣ это было необходимо, чтобы выяснить значеніе описываемыхъ имъ конкретныхъ фактовъ, какъ показателей извѣстнаго общаго явленія. Только въ очеркѣ «Бродячая Русь», при помощи очень простого литературнаго пріема, сгруппированы факты, наблюдавшіеся авторомъ въ разное время и въ разныхъ пунктахъ сѣверной киргизской степи и уже ранѣе описанные имъ въ печати. Это было необходимо, чтобы съ извѣстною полнотою обрисовать одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ русскаго переселенческаго движенія.

Тѣ многолѣтнія наблюденія, которыя, лишь въ небольшой своей долѣ нашли себѣ выраженіе въ предлагаемыхъ очеркахъ, привели автора къ довольно опредѣленнымъ и, къ сожалѣнію, во многомъ неутѣшительнымъ выводамъ относительно настоящаго положенія и ближайшаго будущаго нашихъ переселеній и нашей колонизаціи. Авторъ многократно высказывалъ свои взгляды по этому вопросу, по частямъ, въ періодической печати, а въ настоящее время работаетъ надъ книгой, въ которой онъ думаетъ, между прочимъ, подвести итоги своимъ наблюденіямъ и свести воедино выводы изъ этихъ наблюденій. Въ настоящей книжкѣ авторъ не хотѣлъ бы подсказывать своихъ выводовъ читателю. Читатель самъ додумается до этихъ выводовъ, если они, дѣйствительно, вытекаютъ изъ изображаемыхъ авторомъ фактовъ. Одного авторъ не можетъ обойти молчаніемъ: если въ современномъ положеніи переселенческаго дѣла многое обстоитъ не такъ, какъ хотѣлось бы людямъ, любящимъ народъ и вѣрящимъ въ его будущность, то дѣло здѣсь отнюдь не въ однѣхъ только такихъ случайностяхъ, въ какихъ обыкновенно ищутъ причины переселенческихъ невзгодъ и колонизаціонныхъ неудачъ: не въ недостаточности матеріальной помощи переселенцамъ, вообще затратъ государства на переселенческое дѣло; не въ ошибкахъ тѣхъ или другихъ лицъ и учрежденій, причастныхъ къ дѣлу завѣдыванія переселеніемъ, въ центрѣ или на периферіи; даже

не въ тѣхъ или другихъ общихъ дефектахъ организаціи переселенческаго и колонизаціоннаго дѣла. Корень вопроса гораздо глубже; онъ лежитъ въ той самой слабости культуры нашихъ народныхъ массъ, которая, въ послѣднемъ счетѣ, двигаетъ „на новыя мѣста“ большинство нашихъ переселенцевъ. И путь къ правильному разрѣшенію переселенческаго вопроса не въ такихъ сравнительно простыхъ реформахъ, какъ увеличеніе переселенческаго бюджета, передача переселенческаго дѣла изъ одного вѣдомства въ другое, даже переходъ этого дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, не въ открытіи, какъ этого желаетъ прогрессивная литература, полной свободы переселенія, а *только* въ повышеніи уровня нашей общей культурности, и въ зависимости отъ этого—нашей сельскохозяйственной культуры. Тогда только одни будутъ избавлены отъ самой необходимости переселяться, а другіе получатъ силу бороться съ неблагопріятными условіями «новыхъ мѣстъ» и выдерживать конкуренцію такихъ, теперь болѣе приспособленныхъ къ этимъ условіямъ, элементовъ, каковы напримѣръ китайцы на нашемъ Дальнемъ Востокѣ или сарты въ русскомъ Туркестанѣ.

Декабрь 1904 года.

I.

По Амуру и Приамурью.

(1901).

I. Стрѣтенскъ.

Медленно извиваясь по каменному карнизу, огибающему на протяженіи сотенъ верстъ утесы лѣваго берега сначала Ингоды, а потомъ Шилки, поѣздъ подходитъ къ Стрѣтенску—этому преддверью амурскаго края. Станція Стрѣтенскъ лѣпится на такомъ-же каменномъ карнизѣ, только чуть пошире, а „городъ", вѣрнѣе—станица Стрѣтенская, длинною лентой протянулся вдоль противоположнаго, отлогаго берега Шилки. Общій видъ Стрѣтенска приблизительно такой-же, какъ большинства болѣе крупныхъ уѣздныхъ и болѣе плохихъ губернскихъ городовъ Сибири,—но окружающій пейзажъ удивительно красивъ: куда ни посмотрѣть, со всѣхъ сторонъ надвигаются высокія безлѣсныя горы, образуя что-то вродѣ котловины, изъ которой не видно выхода иначе, какъ черезъ горные перевалы.

На паромѣ-самолетѣ (въ Стрѣтенскѣ ихъ три, а въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ еще недавно обходились однимъ такимъ паромомъ) переѣзжаемъ въ городъ; за перевозку багажа — разстояніе до пароходныхъ пристаней не болѣе полуверсты—ломовые берутъ по два рубля съ телѣги. Первое, что бросается въ глаза въ городѣ,—это гостинницы,—„настоящія" гостинницы, съ ресторанами, билліардами и граммофонами, вѣчно

биткомъ набитыя народомъ и дерущія — когда поѣзда подвозятъ много пассажировъ—по пяти рублей за крохотную коморку. Затѣмъ, рядъ довольно нарядныхъ по наружному виду магазиновъ, нѣкоторые съ зеркальными стеклами; „магазины не хуже петербургскихъ“, какъ говорила мнѣ ѣхавшая со мною въ одномъ вагонѣ мѣстная дама. По ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, эти великолѣпные магазины оказываются лавками обычнаго сибирскаго типа, гдѣ можно достать все что угодно, начиная съ серебрянаго блюда или дамской шляпки и кончая кирпичнымъ чаемъ и колесною мазью, но гдѣ мнѣ не сразу удалось найти баночку плохихъ чернилъ. Но самое характерное, — это лихорадочное движеніе, которое не прекращается на главной артеріи Стрѣтенска, — на берегу Шилки, тяготѣя къ полудюжинѣ стоящихъ на якорѣ пароходовъ,—и царящая здѣсь „смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній“. Одинъ изъ стоящихъ у пристани пароходовъ зафрахтованъ для перевозки крестьянъ-переселенцевъ, двигающихся на Амуръ и въ Уссурійскій край; на другой грузятъ партію новобранцевъ, пригнанныхъ изъ западной Сибири для войнскихъ частей Дальняго Востока; на одну буксирную баржу садится партія молодыхъ казаковъ-забайкальцевъ, которые идутъ въ свои полки, въ Манджурію; другая приготовлена для казаковъ-переселенцевъ, по преимуществу кубанцевъ, направляющихся въ Уссурійское войско и пестрящихъ, въ данную минуту, улицы Стрѣтенска своими разноцвѣтными бешметами, мохнатыми папахами и характерными, энергичными физіономіями; на баржу амурскаго общества, которую долженъ буксировать нашъ почтовый пароходъ, грузятъ партію ссыльно-каторжныхъ, слѣдующихъ на Сахалинъ. По улицамъ снуетъ разнообразная „чистая публика“, не мало иностранцевъ-европейцевъ, кое-гдѣ попадаются японцы, и въ перемежку

съ мѣстными казаками и съ крестьянами-переселенцами двигается сплошная масса китайцевъ, изъ которыхъ многіе сохранили отъ традиціоннаго китайскаго наряда только косы, курьезнымъ образомъ контрастирующія съ русскою крестьянскою одеждою или съ „нѣмецкимъ“ пиджакомъ. Чувствуется уже та связь съ Тихимъ океаномъ, а черезъ океанъ—съ Америкою и Европой, которая такъ характерна для всего нашего Приамурья. Вотъ навстрѣчу вамъ идетъ мужикъ, несущій свои пожитки въ мѣшкѣ съ американскимъ красно-зеленымъ клеймомъ; вы проходите мимо домовъ и амбаровъ, крытыхъ американскимъ цинкованнымъ желѣзомъ; вы покупаете прескверныя свѣчи какого-то англійскаго завода, съ этикетками на русскомъ языкѣ; вы садитесь обѣдать—къ скверному жаркому вамъ подаютъ *настоящую* англійскую, а не распространенную по всей Сибири эйнемовскую сою, а на третье блюдо вы получаете компотъ изъ калифорнскихъ фруктовыхъ консервовъ. И вездѣ разговоры о вновь введенномъ таможенномъ тарифѣ, и о томъ, какъ трудно будетъ жить на Дальнемъ Востокѣ съ отмѣной порто-франко...

Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ Стрѣтенскъ сталъ узловымъ пунктомъ сквозного сибирскаго желѣзнодорожно-пароходнаго движенія [1]), жизнь кипитъ здѣсь, какъ въ котлѣ: постоянное населеніе „города“ достигаетъ пяти тысячъ, а съ пришлыми и проѣзжими въ Стрѣтенскѣ скопляется, временами, до двадцати тысячъ людей. И какъ вездѣ, гдѣ создаются подобные узлы, около нихъ ютится масса всякаго темнаго народа, и разнообразнѣйшія темныя дѣла, начиная съ мелкихъ мошенничествъ и кражъ и кончая крупными преступленіями, здѣсь, можно сказать, въ обычномъ порядкѣ вещей. „Другого

[1]) Теперь, съ открытіемъ сквозного желѣзнаго пути черезъ Манчжурію во Владивостокъ Стрѣтенскъ, конечно, потерялъ большую часть своего значенія.

такого труднаго участка, пожалуй, во всей Россіи не найдете", жалуется мѣстный судебный слѣдователь—онъ же мировой судья. „Народъ—на девять десятыхъ жулье", характеризуетъ мѣстный приставъ подвѣдомое ему населеніе. Лучшій элементъ изъ всего сосредоточеннаго въ Стрѣтенскѣ разнообразнаго сброда — это, повидимому, рабочіе китайцы. „Самый смирный народъ,—говоритъ объ нихъ приставъ,—никого не трогаютъ, не пьянствуютъ, какъ нашъ братъ русскій рабочій; нетребовательны, работящи,—только цѣну русскимъ рабочимъ сбиваютъ"; это, быть можетъ, главная причина той готовности, съ которою русскіе жители Приамурья въ 1900 году приняли участіе въ „усмиреніи" попадавшихся имъ подъ руку, нерѣдко и вполнѣ мирныхъ китайцевъ. А нравы, въ этомъ смыслѣ, выработались жестокіе!.. Всего за нѣсколько дней до моего проѣзда черезъ Стрѣтенскъ атаманъ одного изъ ближайшихъ къ Стрѣтенску поселковъ, „чтобы попробовать берданку", открылъ пальбу по группѣ ни въ чемъ не повинныхъ китайцевъ-рабочихъ и перебилъ ноги двоимъ изъ нихъ...

Ѣду на переселенческій пунктъ. Переселенческій пунктъ въ Стрѣтенскѣ, какъ гнѣздо ласточки, прилѣпился на склонѣ горы, надъ станціонными путями; доступъ къ нему для пѣшеходовъ—по крутой деревянной лѣстницѣ, для экипажей и телѣгъ—по зигзагообразной, достаточно отлогой дорогѣ. Первое, что вамъ бросается въ глаза, когда вы взобрались на верхъ—это изумительный видъ на Стрѣтенскъ и на окружающія его горы,—видъ, отъ котораго, положительно, трудно оторваться... Вы, однако, отводите глаза отъ чудной горной панорамы и видите себя среди, приблизительно, полуторыхъ десятковъ свѣжихъ, частью еще не достроенныхъ дере-

вянныхъ строеній, съ крышами изъ листоваго или американскаго цинкованнаго желѣза. Тутъ нѣсколько жилыхъ бараковъ для переселенцевъ, больничка, контора, баня, домъ для служащихъ на пунктѣ. Кромѣ того — рядъ хозяйственныхъ построекъ, принадлежностей крупнаго пунктоваго хозяйства: амбаръ, гдѣ въ данную минуту сложено тысячъ шесть пудовъ хлѣбныхъ припасовъ; пекарня, гдѣ выпекается въ день до 160—180 пудовъ хлѣба, а можетъ, при нуждѣ, выпекаться до трехсотъ; кухня съ нѣсколькими котлами для варки пищи и съ сорокаведерными кубами для кипятку; конюшни для водовозныхъ лошадей. Пунктъ потребляетъ въ день до пятидесяти бочекъ воды, а водовозы брали по 50 копѣекъ за бочку; оказалось, поэтому, выгоднѣе купить лошадей для возки воды; а теперь уже устраиваютъ водопроводъ съ нагнетательнымъ насосомъ. По периферіи пункта стоитъ нѣсколько грязныхъ, прокопченныхъ войлочныхъ юртъ киргизскаго типа. На юрты эти возлагались большія надежды при первоначальномъ оборудованіи первыхъ переселенческихъ пунктовъ; но теперь онѣ, по крайней мѣрѣ на Стрѣтенскомъ пунктѣ, служатъ исключительно для изоляціи переселенческихъ семей съ заразными больными; „самое лучшее—сжечь бы ихъ совсѣмъ“, говоритъ мнѣ провожающій меня по пункту стрѣтенскій обыватель, и достаточно грязный видъ юртъ заставляетъ меня думать, что, можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ было бы самое лучшее...

Стрѣтенскій пунктъ исключительно проходной,—на тысячи верстъ отъ него нѣтъ земель, гдѣ бы водворялись переселенцы. Какъ и всѣ новые пункты на Дальнемъ Востокѣ, онъ разсчитанъ преимущественно на такъ называемое „организованное переселеніе“: переселенцы, получившіе разрѣшеніе на переселеніе въ Уссурійскій край, на мѣстахъ выхода группируются въ партіи, вносятъ

стоимость проѣзда по переселенческому тарифу и содержанія во время пути и тогда поступаютъ на полное иждивеніе и попеченіе устроенной на отпущенныя комитетомъ Сибирской желѣзной дороги средства переселенческой организаціи министерства внутреннихъ дѣлъ; она размѣщаетъ ихъ по вагонамъ и пароходамъ, слѣдитъ за перевозкой, кормитъ и лечитъ ихъ во время пути. Въ 1900 году, когда открылось желѣзнодорожное движеніе до Стрѣтенска, былъ сдѣланъ первый опытъ перевозки черезъ сибирскій материкъ организованныхъ уссурійскихъ партій, которыя раньше перевозились исключительно моремъ, на пароходахъ добровольнаго флота. Для перевозки отдѣльными поѣздами было сформировано шесть большихъ партій; онѣ двинулись изъ дому самою раннею весною, съ разсчетомъ проплыть по весеннему половодью и попасть на мѣсто ко времени полевыхъ работъ; но благодаря необыкновенно раннему мелководью Шилки, а затѣмъ—„китайскимъ событіямъ“ 1900 года, эти партіи застряли въ Стрѣтенскѣ и прожили здѣсь значительную часть лѣта, причемъ переселенцы, конечно, не мало наголодались и порастратили средствъ и здоровья. Въ 1901 году было всего три организованныхъ партіи, которымъ удалось захватить весеннее половодье; онѣ безъ задержки были посажены на пароходы и очень быстро, безъ всякихъ промедленій, достигли до мѣста назначенія. Дѣятельность Стрѣтенскаго пункта въ этомъ году совсѣмъ затихла бы, поэтому, уже къ серединѣ мая, если бы ему, какъ и остальнымъ пунктамъ переселенческой организаціи, не пришлось взять на себя другую заботу: попеченіе о шести, тоже организованныхъ партіяхъ, въ общей сложности до четырехъ тысячъ человѣкъ, казаковъ—кубанцевъ, терцевъ, оренбуржцевъ и другихъ, переселявшихся въ Амурское и Уссурійское казачьи войска, на китайскую границу. Пересе-

леніе казаковъ—мѣра, продиктованная отчасти стремленіемъ разрѣдить начинающее обнаруживаться въ старыхъ войскахъ—по казачьимъ понятіямъ—малоземелье, но главнымъ образомъ политическою необходимостью, особенно обострившеюся подъ вліяніемъ все тѣхъ-же „китайскихъ событій“ 1900 года. Переселяются желающіе, по вызову начальства, причемъ какъ всѣ издержки по перевозкѣ ихъ, такъ и крупныя денежныя пособія на ихъ обзаведеніе приняты на счетъ войсковыхъ капиталовъ: перевозка совершается распоряженіемъ военнаго начальства; каждая партія сопровождается офицеромъ и фельдшерицей, продовольственную же часть приняла на себя переселенческая организація, которая получаетъ съ военнаго вѣдомства заготовительную стоимость израсходованныхъ продуктовъ.

— Они еще экономію на продовольствіи дѣлаютъ,— говорилъ мнѣ одинъ изъ служащихъ на пунктѣ, пока мы съ нимъ ходили по занятымъ казаками—я засталъ на пунктѣ пятую казачью партію—баракамъ: мы ихъ кормимъ по 12 копѣекъ въ день, а получаютъ они по 16 копѣекъ на взрослыхъ и по 10 копѣекъ на дѣтей.

— А терцамъ всѣмъ наравнѣ выдали,—вмѣшался въ разговоръ пожилой казакъ-кубанецъ (пятая партія—почти все кубанцы): имъ-было дали меньше на ребятъ, а они послали телеграмму военному министру; онъ и приказалъ всѣмъ выдавать вравнѣ.

— Такъ что-жъ, и вы посылайте, можетъ и вамъ добавятъ; телеграммы посылать не запрещено, — полуиронически, полусерьезно отвѣтилъ мой спутникъ; очень они любятъ,—добавилъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ,—посылать телеграммы къ высшему начальству!

— И не удивительно,—возразилъ я:—они вѣдь идутъ по вызову, значитъ понимаютъ, что они *нужны*; это не то, что крестьяне-переселенцы, которыхъ только терпятъ, которымъ только *дозволяютъ* переселяться; не удиви-

тельно, что казаки считаютъ себя въ правѣ быть требовательными.

— Вообразите, какъ разъ наоборотъ: казаки—все-таки народъ служилый, болѣе или менѣе дисциплинированный; съ ними притомъ ѣдетъ офицеръ, у него громадныя полномочія: онъ можетъ каждаго вернуть на родину, или списать изъ партіи и отправить по этапу. Такъ или иначе, но только они довольны тѣмъ, что получаютъ,— по крайней мѣрѣ не заявляютъ никакихъ претензій. А съ крестьянами—мука: вообразите, въ прошломъ году заявили разъ, что не желаютъ ѣхать съ врачемъ и фельдшерицей,—а врачъ и фельдшерица какъ разъ были прекрасные; ноньче вотъ одна партія отказалась брать провіантъ —*такой же точно*, какой казаки принимали безъ всякихъ претензій и жалобъ; нѣтъ, съ казаками куда легче имѣть дѣло!..

Прелюбопытный народъ, эти кубанцы! Ихъ характерныя физіономіи ясно говорятъ каждому, что это—*казаки*, а не мужики въ форменныхъ фуражкахъ, какъ сибирскіе казаки или забайкальцы. И въ то же время кубанцы, въ отличіе, напримѣръ, отъ донцовъ—исконные хлѣборобы, любящіе землю и въ Сибири не ищущіе ничего, кромѣ земли. Они везутъ съ собою и плуги, и сѣмена, которыя собираются акклиматизировать на Дальнемъ Востокѣ. Поднимаясь по пѣшеходной тропѣ, ведущей къ пункту, я нагналъ пожилого казака, который на плечѣ несъ ящикъ..... съ разсадою клубники и съ черенками груши и сливы. „Выростутъ—должны вырости“, заявилъ онъ мнѣ, съ полною вѣрою въ голосѣ, когда я сталъ разсказывать ему о неблагопріятномъ для плодовыхъ деревьевъ климатѣ Приамурья.

Въ литературѣ неоднократно отмѣчался фактъ, что донцы, которыхъ пытались также переселять на Дальній Востокъ, здѣсь рѣшительно не акклиматизируются. Кубанцы подсмѣиваются надъ донцами: „не того имъ

нужно", говорятъ они; и ходоки-кубанцы не нахвалятся уссурійскими землями.

Кромѣ казаковъ, я засталъ на Стрѣтенскомъ пунктѣ и небольшую группу неорганизованныхъ переселенцевъ, по большей части самовольныхъ. Самовольные, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей переселенческаго дѣла, самый надежный колонизаціонный элементъ; разъ у нихъ хватило рѣшимости пуститься на свой страхъ и рискъ на Амуръ или на Уссури, то хватитъ и энергіи устроиться, и они едва ли увеличатъ собою контингентъ обратныхъ переселенцевъ.

Обратныхъ черезъ Стрѣтенскъ въ нынѣшнемъ году прошло довольно много,—на увеличеніе ихъ числа повліяли и „китайскія событія", и военно-конская перепись, возбудившая въ народѣ опасенія новыхъ „событій", и разныя другія, еще менѣе относящія къ дѣлу обстоятельства. Но обратные не засиживаются въ Стрѣтенскѣ: ихъ сажаютъ въ ближайшій же поѣздъ и отправляютъ дальше, „въ Россію". Мнѣ довелось застать на пунктѣ лишь небольшую партію обратныхъ—могилевцевъ. Народъ, на видъ, довольно бойкій и даже словоохотливый, особой удрученности не замѣтно. Были въ окрестностяхъ Благовѣщенска, но устроиться не пожелали или не сумѣли.

— Скотина дорога, — объясняли они мнѣ причину возвращенія изъ Амурской области:—которая лошадь въ Рассеѣ тридцать рублей стоитъ, здѣсь—триста (въ дѣйствительности порядочную рабочую лошадь можно имѣть въ окрестностяхъ Благовѣщенска за 120—150, а то и за 100 рублей; триста рублей за лошадь,—это одно изъ тѣхъ преувеличеній, въ которыя такъ охотно впадаютъ обратные переселенцы); а цѣлину пахать сколько лошадей надо!.. И потомъ—купишь лошадей, а онѣ и вывалятся, сибирка губитъ...

Земель могилевцы, въ сущности, даже не смотрѣли:

— Поглянулось намъ на манджурскомъ обрѣзѣ (районъ

въ окрестностяхъ Благовѣщенска, гдѣ раньше жило, по договору съ Китаемъ, нѣсколько десятковъ манчжурскихъ селеній; послѣ „китайскихъ событій“ 1900 года манчжуръ прогнали, и земли этого района предназначены подъ заселеніе казаками); мѣста чистыя, удобныя; да не пускаютъ туда мужиковъ, подъ казаковъ берегутъ. Гнали насъ въ тайгу землю смотрѣть, да намъ въ тайгѣ что дѣлать?.... въ тайгѣ землю разработать какой капиталъ надо!..

Опять характерное для обратныхъ переселенцевъ преувеличеніе: отводимыя подъ заселеніе въ Амурской области земли вовсе не таежныя; расположены онѣ по смежности со старыми крестьянскими селеніями и очень не трудны для разработки.

По словамъ пунктоваго начальства, обратные съ Амура—почти исключительно могилевцы, минскіе, витебцы, „народъ слабый, хилый, всѣ почти больные; у нихъ и силъ нѣтъ бороться съ амурскою природой“. Прочно на Амурѣ до сихъ поръ устраивались одни хохлы. Но большой вопросъ, будутъ ли они прочно устраиваться и дальше: хохламъ было хорошо, пока заселялись степные, малолѣсные районы. Но земельные запасы въ такихъ районахъ болѣе или менѣе исчерпаны,—свободными скоро останутся почти исключительно лѣсныя и гористыя пространства, которыя слишкомъ уже не похожи на благодатныя степи Малороссіи и едва ли поглянутся непривычному къ лѣсу хохлу.

II.

Шилка и верхній Амуръ. Благовѣщенскъ.

Почтовый пароходъ быстро разсѣкаетъ слегка красноватыя воды, Шилки мутныя отъ весенняго ила. Я почти цѣлые дни сижу на верхней палубѣ или смотрю

въ окно рубки, и не могу свести глазъ съ величественной картины береговъ этой рѣки,—картины, вызывающей представленіе о берегахъ Рейна или верхней Роны, какими они были, приблизительно, во времена Юлія Цезаря или переселенія народовъ.

Русло Шилки, а затѣмъ—и верхняго Амура, прорыто къ непрерывной горной странѣ. Лѣвый берегъ падаетъ въ воду обнаженными, мѣстами почти отвѣсными утесами, по которымъ лишь кое-гдѣ лѣпятся чахлыя березы или лиственницы; правый берегъ немного отложе, и лѣсъ на немъ какъ будто гуще. Мѣстами къ рѣкѣ выходятъ „пади",—горныя лощины, позволяющія заглянуть нѣсколько вглубь страны,—и тогда вы видите поодаль другія гряды невысокихъ горъ, тоже поросшихъ то лиственницей, то березою. Кое-гдѣ, изрѣдка, утесы и каменистыя горы отступаютъ отъ русла рѣки, оставляя неширокую полосу прирѣчной долины; въ такихъ мѣстахъ располагаются немногочисленныя крестьянскія селенія и казачьи поселки верхняго Приамурья, и пашни ихъ то тянутся узкою полосою по прирѣчной равнинѣ, то всползаютъ въ гору, выбирая для себя отлогіе, покрытые болѣе глубокимъ почвеннымъ слоемъ, горные склоны.

Береза и лиственница окаймляютъ берега Амура почти до самаго Благовѣщенска; только незадолго передъ Благовѣщенскомъ они уступаютъ мѣсто дубу и коряво-раскидистой черной березѣ, типичнымъ для всего средняго теченія Амура. Самые берега, начиная, приблизительно, отъ сліянія Шилки съ Аргунью, постепенно понижаются, особенно на правой, китайской сторонѣ, и обнаженные утесы уступаютъ мѣсто пологимъ склонамъ. Но мѣстами и здѣсь встрѣчаются картины, которыя такъ и просятся на полотно: таковъ, напримѣръ, Кумарскій утесъ, падающій въ воду совершенно отвѣсною каменною стѣною, съ какими-то высту-

пами, въ родѣ башенъ, на углахъ, и наискосъ отъ него другой, совершенно похожій, утесъ на китайскомъ берегу; таковы „дымящія горы“—обнаженія желтовато-бѣлыхъ слоистыхъ песковъ съ выступающею наружу и тлѣющею — повидимому отъ простого соприкосновенія съ атмосфернымъ воздухомъ — прослойкой каменнаго угля или лигнита.

— Славная у васъ рѣка,—говорю я какъ-то командиру парохода, чтобы дать исходъ вызванному какимъ-то особенно красивымъ видомъ восторгу.

— Да, славная,—расхолаживаетъ меня капитанъ,—только если въ хорошую воду плыть; а вотъ попробуйте-ка плыть въ мелководье,—не очень вамъ наша Шилка понравится!...

Дѣйствительно: мы плывемъ въ хорошую весеннюю воду, пароходъ сидитъ всего четыре фута, и тѣмъ не менѣе на носу все время стоитъ матросъ съ „наметкой“, и почти постоянно раздаются его заунывные возгласы: ше-е-есть, шесть съ половинà-а-ай, ше-е-есть, пять съ половинà-а-ай, пя-я-ять... И когда дѣло подходитъ къ пяти футамъ, „классные“ пассажиры высыпаютъ на верхнюю палубу или облѣпляютъ окна каютъ-компаніи и принимаются слѣдить за распоряженіями командира и за поворотами парохода. „Пройдетъ или не пройдетъ“, думаютъ одни вслухъ, другіе про себя,—и болѣе опытные вспоминаютъ о томъ, какъ они „сиживали“ именно на этомъ самомъ мѣстѣ, какъ они маялись безъ провизіи, какъ третій классъ сгонялся на берегъ, чтобы облегчить пароходъ и дать ему всплыть съ мели.

Однако, наше плаваніе, благодаря весенней водѣ, прошло вполнѣ благополучно; разъ только было слышно, какъ днище парохода процарапало небольшую дорожку въ песчаномъ днѣ, всѣ же остальные перекаты мы миновали совершенно безъ запинокъ. Правда, гдѣ-то мы простояли часовъ шесть изъ-за какой-то баржи,

сѣвшей на мель и перегородившей узкій фарватеръ; въ другомъ мѣстѣ тоже около шести часовъ простояли изъ-за густого тумана. Но на такіе пустяки на Амурѣ не обращаютъ никакого вниманія,—и, несмотря на эти маленькія задержки, мы пришли въ Благовѣщенскъ даже раньше времени, положеннаго по росписанію. Но уже слѣдующій почтовый пароходъ, вышедшій пятью днями позже, опоздалъ въ Благовѣщенскъ слишкомъ на двое сутокъ, а черезъ мѣсяцъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня, плаваніе отъ Стрѣтенска до Благовѣщенска продолжалось цѣлыхъ три недѣли, вмѣсто положенныхъ по росписанію четырехъ дней. А что̀ дѣлается на Шилкѣ и Амурѣ осенью, послѣ второго половодья,—объ этомъ разсказываютъ цѣлыя эпопеи: пароходы и баржи сидятъ на меляхъ недѣлями; пассажировъ и грузы пересаживаютъ и перегружаютъ на лодки, заставляютъ идти пѣшкомъ десятки верстъ, а то и вовсе бросаютъ на произволъ судьбы, предоставляя имъ добираться, какъ кто знаетъ, до мѣста назначенія. Всѣ, кто можетъ, деруть въ это время все, что̀ могутъ,—деруть и съ пароходчиковъ, и съ пассажировъ: при сгрузкѣ съ обмелѣвшихъ пароходовъ лишней клади зарабатываютъ по шести и по восьми рублей въ день; за провозъ берегомъ, по приамурскому вьючному тракту, требуютъ по 10—15 рублей съ лошади за станцію въ 20—25 верстъ; за фунтъ хлѣба берутъ по 25 и 30 копѣекъ...

Всѣмъ извѣстно, какъ некстати пришлось мелководье Шилки въ 1900 году, во время „китайскихъ событій“. Чтобы обойти обмелѣвшую Шилку, была экстренно построена береговая дорога отъ Стрѣтенска до Игнашиной. Плывя на пароходѣ, вы все время любуетесь смѣлыми изгибами этой дороги, которая то высѣчена въ скалѣ, въ полуторыхъ или двухъ десяткахъ саженъ надъ уровнемъ рѣки, то спускается къ самому урѣзу воды, поражая крутизною своихъ подъемовъ и

замысловатостью зигзаговъ. Но увы!—компетентные люди сообщаютъ вамъ, что подъемы слишкомъ круты для перевозки грузовъ, а вглядываясь пристальнѣе, вы замѣчаете, что въ низкихъ участкахъ дорога мѣстами размыта первымъ же осеннимъ половодьемъ.

Пассажиры смотрятъ и обмѣниваются ядовитыми замѣчаніями по адресу „инженеровъ“, къ которымъ здѣсь, какъ и во всей Сибири, не питаютъ особенныхъ симпатій; вспоминаютъ, по этому поводу, и о забайкальской дорогѣ, значительную часть которой размыло первымъ же разливомъ рѣкъ, и полотно которой послѣ этого пришлось поднять чуть ли не на двѣ сажени; и о затѣѣ возить поѣзда по рельсамъ, проложеннымъ черезъ байкальскій ледъ,—затѣѣ, иниціаторы которой забыли объ образующихся во льду громадныхъ трещинахъ! и о байкальскихъ ледоколахъ, служащихъ неисчерпаемою темой для обывательскаго злословія...

Я упоминалъ уже о крестьянскихъ селеніяхъ и казачьихъ поселкахъ верхняго Приамурья. По наружному виду они крайне разнообразны. Вотъ Ломы, Баты, Шилкино, — деревни, по застройкѣ очень мало отклоняющіяся отъ обычнаго средне-сибирскаго типа—аккуратно построенные дома, изъ крѣпкаго лѣса, съ обязательными бѣлыми ставнями; вотъ Горбица, съ массою большихъ, шикарно отдѣланныхъ, хотя еще крестьянскаго типа, домовъ, и съ множествомъ лавокъ; вотъ Джалинда—цѣлая улица „господскихъ“ домовъ съ садиками, огромными „купеческими“ амбарами и съ тротуарами по берегу Амура. Но всѣ эти селенія имѣютъ одну общую, рѣзко бросающуюся въ глаза черту: почти полное отсутствіе хозяйственныхъ построекъ—амбаровъ, сараевъ, скотскихъ хлѣвовъ и т. п. И эта общая черта—внѣшнее выраженіе существеннаго признака, характеризующаго болѣе или менѣе все населеніе верхняго

Приамурья: не отъ земли живетъ это населеніе, а отъ золота и разныхъ побочныхъ заработковъ, прямо или косвенно связанныхъ съ золотопромышленностью, отъ пароходнаго движенія, отъ извоза и почтовой гоньбы. Джалинда—это „резиденція“ одной изъ крупныхъ золотопромышленныхъ компаній. Горбица—мѣсто выхода рабочихъ съ цѣлой системы пріисковъ; населеніе ея „живетъ около пріискателей“, промышляя скупкой краденаго золота, спиртоносничествомъ, а главное—тѣмъ разгуломъ рабочихъ, который такъ хорошо описанъ въ „Паутинѣ“ покойнаго Н. И. Наумова и который на время прохода „пріискателей“ превращаетъ каждый домъ—въ кабакъ, а каждую дѣвушку—въ „гулящую“ дѣвку. Населеніе другихъ селеній заготовляетъ сѣно для пріисковъ, возитъ пріисковые грузы, ставитъ дрова для пароходовъ, а затѣмъ—„срываетъ“, что̀ можно,—а сорвать можно много!—при посадкахъ на мель и при перегрузкахъ пароходовъ и баржей съ пассажирами и товарами, вообще во время тѣхъ заторовъ, которые образуются во время обмелѣнія рѣкъ.

Золото играетъ видную роль и въ разговорахъ пассажировъ парохода,—разговорахъ, которые очень легко завязываются за общепринятымъ на амурскихъ пароходахъ табль-д'отомъ и за общими чаепитіями. Передаютъ другъ другу свѣдѣнія о вновь найденномъ или разыскиваемомъ въ той или другой мѣстности золотѣ; о положеніи—чаще всего о печальномъ положеніи—дѣлъ той или другой золотопромышленной компаніи; объ условіяхъ найма рабочихъ, въ особенности о послѣдствіяхъ „китайскихъ событій“ и связаннаго съ ними отлива китайскихъ рабочихъ. Люди, повидимому, стоящіе близко къ золотому дѣлу, жалуются на стѣсненное положеніе золотопромышленности — слѣдствіе, отчасти, истощенія (конечно, въ высокой степени относительнаго истощенія!) большей части работающихся

пріисковъ, а частью — вызваннаго „китайскими событіями“ повышенія рабочей платы и вздорожанія многихъ продуктовъ; впрочемъ, стѣсненное положеніе золотопромышленности связываютъ и съ отмѣною порто-франко, благодаря которой значительно возрасли издержки добычи золота: изъ Америки получались прежде не только машины и инструменты, но даже такіе продукты, какъ крупчатка или сало для продовольствія рабочихъ. Отмѣчаютъ также любопытное измѣненіе, наблюдаемое, въ самые послѣдніе годы, въ области быта золотопромышленныхъ рабочихъ: старый типъ „пріискателя“, который, выйдя съ пріиска, немедленно прокучивалъ весь заработокъ и нерѣдко, даже не дойдя до дому, вновь законтрактовывался на слѣдующую золотопромышленную кампанію,—этотъ типъ, повидимому, начинаетъ уступать мѣсто новому типу рабочаго, который тщательно бережетъ заработанныя деньги и цѣликомъ уноситъ ихъ домой, въ свое хозяйство.

Безконечные разговоры о китайцахъ; говорятъ о нихъ, всѣ безъ исключенія, чуть что не восторженно. Одинъ расхваливаетъ честность китайскаго рабочаго, его вѣрность данному слову, его методичность и аккуратность. Другой разсказываетъ чудеса о земледѣльческомъ и огородномъ хозяйствѣ китайцевъ; „не имъ у насъ культуру перенимать, а намъ у нихъ“, говоритъ пассажиръ, ѣдущій изъ Кяхты, и разсказываетъ, какъ около Кяхты китайцы на голомъ пескѣ развели превосходные огороды. Третій распространяется насчетъ коммерческихъ способностей китайцевъ: „появится китаецъ въ деревнѣ,—товару у него на пять рублей, а черезъ два-три года, гля дишь, еврей бѣжитъ изъ этой деревни,—ему выдержать конкурренціи китайца“. И среди восторговъ явственно проглядываетъ страхъ передъ „мирнымъ нашествіемъ желтой расы“, отъ котораго мѣстные люди не разсчитываютъ

отбиться такъ легко, какъ въ девятисотомъ году отбились отъ вооруженнаго нападенія.

О переселенцахъ и переселеніи сравнительно мало разговоровъ—золото и китайцы поглощаютъ все вниманіе мѣстныхъ людей. Слышатся больше отрицательные отзывы о переселенцахъ и о будущности края, какъ русской земледѣльческой колоніи,—слышатся и противоположныя нотки.

„Мѣста хваленыя, да негодныя,—говоритъ богатый хабаровскій коммерсантъ:—въ Уссурійскомъ краѣ у насъ равнины плодородныя, да топитъ ихъ; чего не топитъ—то каменныя горы, совсѣмъ безъ почвы, удобныхъ земель вовсе нѣтъ".

— Не въ этомъ дѣло,—возражаетъ другой мѣстный обыватель,—а въ томъ, что не извѣданы мѣста: ходокъ ѣдетъ на пароходѣ, видитъ скалы,—и назадъ: негодныя, говоритъ, мѣста; чиновнику поручаютъ осмотрѣть долину рѣки,—онъ проѣдетъ по рѣкѣ на лодкѣ и доноситъ, что ничего, кромѣ болотъ, не оказалось. А сунься кто подальше отъ рѣки—и земли найдется сколько угодно.

— По Зеѣ на триста верстъ все удобныя земли,—подтверждаетъ третій собесѣдникъ:—ужъ на что, на первый взглядъ, неудобныя мѣста по Шилкѣ—однѣ горы да скалы; а пошли крестьяне и казаки съ Шилки работать на желѣзнодорожныхъ развѣдкахъ,—и руками развели; ну, парень, говорятъ, какая въ нашихъ мѣстахъ земля сказывается! Нѣтъ, не въ этомъ дѣло,—надо только развѣдать, и найдутся удобныя земли.

Въ одномъ только всѣ спорящіе согласны,—въ томъ, что на переселенца трудно угодить: „полтавецъ привыкъ къ аршинному чернозему; здѣсь всего на два, на три вершка черной земли,—онъ дальше и разбирать не хочетъ—значитъ земля негодная; корейцы и китайцы чуть не голые пески да отвѣсныя горы обрабатываютъ, да какіе урожаи получаютъ, а нашъ братъ пе-

реселенецъ только самыя лучшія мѣста по долинамъ распашетъ, а дальше и посмотрѣть вокругъ себя не хочетъ".

Благовѣщенскъ... Пароходъ проходитъ мимо поселка Верхне-Благовѣщенскаго—того самаго, гдѣ такъ недавно происходила печальной памяти „переправа" китайцевъ [1]), затѣмъ приближается къ китайскому берегу и проходитъ мимо длинной линіи обгорѣлыхъ столбовъ и кучъ пережженной глины, которые обозначаютъ мѣсто бывшаго китайскаго города Сахаляна,—круто заворачиваетъ и подходитъ къ городу.

Благовѣщенскъ стоитъ на почти плоской равнинѣ, частью затопляемой большими разливами рѣки, у самаго сліянія Амура съ Зеею. Въ отличіе отъ старыхъ городовъ, которые располагаются обыкновенно въ видѣ ряда концентрическихъ колецъ или полуколецъ, съ узкими и кривыми улицами и переулками (вспомните Москву!), Благовѣщенскъ, какъ городъ новый, отличается прежде всего чрезвычайно правильною и притомъ широкою планировкой. Пять или шесть очень широкихъ улицъ, параллельныхъ Амуру, и множество перпендикулярныхъ къ нимъ, нѣсколько болѣе узкихъ; въ длину городъ растянулся, кажется, на шесть верстъ, и множество кварталовъ по окраинамъ стоятъ еще пустыми или только что начинаютъ обстраиваться.

Застройка больше деревянная—бревенчатые дома, по большей части небольшіе, но иногда болѣе обширные и причудливо отдѣланные; многіе дома окрашены масляною краскою, почему-то почти исключительно въ разные оттѣнки зеленаго цвѣта, съ мудреными прорѣзными наличниками и карнизами. Не мало, однако, и каменныхъ построекъ, особенно въ центрѣ города. Въ

[1]) Любопытный разсказъ объ этой „переправѣ" см. въ любопытныхъ очеркахъ А. В. Верещагина въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1902 г.

большинствѣ сибирскихъ городовъ пріѣзжему прежде всего бросаются въ глаза тѣ или другія казенныя зданія; въ Благовѣщенскѣ, напротивъ, казенныя зданія поражаютъ своею скромностью, даже запущенностью. Губернаторскій и архіерейскій дома, гимназія, мужская и женская, присутственныя мѣста, судъ— все это деревянныя строенія, довольно ветхаго вида; пріятно бросается въ глаза только обширное и довольно красивое бѣлое зданіе почтамта. Но первая достопримѣчательность Благовѣщенска—это роскошныя палаццо, одно въ ново-русскомъ стилѣ московскихъ верхнихъ рядовъ, другое—что-то въ родѣ ренессанса, съ несимметрично расположенными, полумавританскими куполками, — занятыя громадными универсальнами магазинами Чурина и Кунста-Альберса — этихъ властителей думъ населенія Благовѣщенска и другихъ городовъ Приамурья. И какъ въ Стрѣтенскѣ, только еще гораздо сильнѣе, здѣсь бросается въ глаза и связь съ океаномъ, а чрезъ него — съ Америкою и Западною Европой, и тѣсное соприкосновеніе съ Китаемъ и Японіей. По улицамъ, на ряду съ обычными русскими пролетками, на каждомъ шагу попадаются экипажи-американки, разнообразныхъ фасоновъ, но непремѣнно съ высочайшими колесами; на Большой улицѣ — рядъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, почти исключительно американскаго или нѣмецкаго происхожденія; въ магазинахъ преимущественно американскіе и нѣмецкіе мануфактурные товары. Японія представлена разнообразнѣйшими ремесленниками, изъ которыхъ наиболѣе популярны японцы-прачки, и... японскими публичными домами, которые во всемъ Приамурьѣ побѣдоносно конкурируютъ съ русскими учрежденіями подобнаго же рода. Китайцы, точнѣе манчжуры, занимали въ Благовѣщенскѣ особые китайскіе кварталы, а затѣмъ населяли шестьдесятъ деревень въ такъ на-

зываемомъ „за-Зейскомъ отводѣ“, пользуясь здѣсь чѣмъ-то въ родѣ права экстерриторіальности. Но теперь китайскіе кварталы опустѣли, китайскія деревни выжжены, а обитатели ихъ либо перебиты и перетоплены, либо ушли за Амуръ, на китайскую сторону. Впрочемъ, Благовѣщенскъ не долго будетъ обходиться безъ китайцевъ: уже и теперь, меньше года послѣ погрома, множество китайцевъ расхаживаетъ по благовѣщенскимъ улицамъ, и мало-по-малу они, конечно, опять обоснуются въ городѣ и около города, опять сдѣлаются главными поставщиками рабочей силы и разнообразныхъ, особенно огородныхъ продуктовъ. А пока что, благовѣщенцы безъ китайцевъ кряхтятъ и охаютъ: въ городѣ ни за какія деньги нельзя достать никакой зелени, кромѣ лука, проросшаго на разоренныхъ китайскихъ огородахъ; яйца, которыя китайцы продавали по 10—15 копѣекъ, теперь отъ 30 до 50 копѣекъ, а зимою стоили и до рубля десятокъ. Страшно вздорожалъ всякаго рода трудъ: изъ китайцевъ благовѣщенцы брали домашнюю прислугу, дворниковъ, чернорабочихъ; китайцы были дешевыми и аккуратными плотниками, каменьщиками, малярами, печниками, и съ уходомъ ихъ за всякаго рода подѣлки приходится платить, буквально, втридорога. Вообще въ Благовѣщенскѣ „безъ китайцевъ жить нельзя“,—въ этомъ согласны, повидимому, всѣ благовѣщенскіе обыватели. Продолжаетъ волновать благовѣщенцевъ и прошлогодняя „переправа“ или расправа съ китайцами. Одни оправдываютъ или извиняютъ ее, другіе рѣзко осуждаютъ; но всѣ, кто болѣе, кто менѣе, конфузятся, всѣмъ хочется знать, „что говорятъ объ этомъ“, и всѣ признаютъ, что подъ флагомъ предупрежденія и усмиренія совершилось не мало ненужно-жестокаго и возмутительнаго.

Благовѣщенскъ — городъ, растущій почти съ американскою быстротой. По переписи 1897 года въ

Благовѣщенскѣ числилось 32.000 жителей; теперь, въ 1901 году, ихъ болѣе 45.000 и слѣдовательно, за четыре года населеніе возросло приблизительно на 50%. „Благовѣщенскъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ края, крупный коммерсантъ, американецъ,—это не то, что Хабаровскъ или Владивостокъ; тѣ живы только, пока казна даетъ деньги, а Благовѣщенскъ—единственный городъ на Амурѣ, который самъ себя содержитъ, который играетъ самостоятельную экономическую роль". Въ настоящее время, правда, Благовѣщенскъ переживаетъ нѣкоторый кризисъ, обусловленный стѣсненнымъ положеніемъ золотопромышленности, и многіе опасаются, что кризисъ этотъ, особенно если Благовѣщенскъ и дальше останется въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, затянется и превратится въ длящійся упадокъ. Но пока, въ современномъ Благовѣщенскѣ, жизнь кипитъ ключомъ, и эта кипучая жизнь имѣетъ своимъ послѣдствіемъ совершенно своеобразный складъ хозяйственнаго быта благовѣщенскаго населенія. Въ Благовѣщенскѣ *все* дорого,—дешевы только деньги: „здѣсь рубль нипочемъ", говоритъ переселенецъ или чернорабочій; „у насъ сто рублей не деньги"—слышите вы на каждомъ шагу отъ благовѣщенскаго интеллигента. Цѣны на квартиры и на предметы первой необходимости — на эти послѣдніе благодаря слабости земледѣльческой колонизаціи края—стоятъ по большей части не ниже, а нерѣдко и значительно выше петербургскихъ: фунтъ мяса 30 копѣекъ, погонная сажень дровъ въ самое дешевое время 6—7 рублей, а зимою и до двѣнадцати рублей; даже чай—и тотъ не дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Страшно дороги всякіе привозные продукты и издѣлія. Это результатъ, прежде всего, плохого состоянія, а въ распутицу, — и полнаго отсутствія сообщеній Благовѣщенска съ внѣшнимъ міромъ. До послѣдняго времени, правда, благодаря амурскому пор-

то-франко, были дешевы многіе заграничные продукты, а китайскіе торговцы какъ-то ухитрялись продавать почти все гораздо дешевле большихъ магазиновъ. Но теперь порто-франко отмѣнено, китайскихъ торговцевъ почти не осталось,—и благовѣщенцы отданы въ полную власть крупныхъ фирмъ Чурина и Кунстъ-Альберса, которыя берутъ съ нихъ за продукты все, что только вздумается... И, несмотря на это, масса населенія, весь рабочій людъ, живетъ припѣваючи: деньги здѣсь дешевыя, зато и легкія—условія трудового рынка чрезвычайно благопріятны. Пароходы и пріиски предъявляютъ громадный спросъ на трудъ, а предложеніе его не велико: сельское населеніе, превосходно обезпеченное землею и по большей части очень зажиточное, не нуждается въ заработкахъ. Даже вновь приходящіе въ край переселенцы, и тѣ приводятъ въ негодованіе самыхъ благодушныхъ благовѣщенцевъ: стремясь какъ можно скорѣе устроить свое собственное хозяйство и по большей части располагая для этого достаточными средствами, они отказываются отъ предлагаемыхъ имъ заработковъ, хотя бы имъ давали въ день по два рубля. И вотъ, обычная плата дворнику или сторожу въ Благовѣщенскѣ не менѣе 25—30 рублей въ мѣсяцъ; женская прислуга, ничего не умѣющая, получаетъ 12—15 рублей; поденщицѣ, какая въ Петербургѣ получаетъ 50—60 копѣекъ, платятъ отъ рубля до рубля двадцати. Еще выше, конечно, заработки ремесленниковъ: весною 1901 года, во время снаряженія пароходовъ, обойщики зарабатывали по десяти рублей въ день, печники во время строительнаго сезона — по восьми рублей.

Въ концѣ концовъ, повторяю, трудящемуся люду въ Благовѣщенскѣ живется хорошо: заработки, и хорошіе заработки, находитъ всякій, кто только желаетъ работать. Недурно положеніе и той низшей интеллигенціи

или полуинтеллигенціи, которая занимаетъ мѣста писцовъ въ казенныхъ, общественныхъ и т. п. учрежденіяхъ. Конечно, получаемое такими низшими служащими жалованье совершенно не достаточно для сноснаго существованія,—но каждому изъ нихъ легко получить хорошій добавочный заработокъ въ коммерческомъ предпріятіи или другую частную работу: за переписку на ремингтонѣ въ Благовѣщенскѣ платятъ отъ рубля до двухъ рублей съ листа, и грамотнаго писца нельзя имѣть дешевле, нежели за 75—80 рублей въ мѣсяцъ Нечего и говорить о томъ, какъ хорошо въ этой странѣ золота и монопольныхъ цѣнъ живется торгово-промышленному классу; впрочемъ, какъ разъ въ данное время золотопромышленники жалуются на „плохія времена“, такъ какъ вмѣсто прежнихъ обычныхъ 20-30%, а то и 200—300% на капиталъ, они должны довольствоваться несчастными, семью, восемью, а то и тремя процентами. Процвѣтаютъ около золота адвокаты и нотаріусы, процвѣтаютъ немногочисленные врачи, заработокъ которыхъ исчисляется десятками тысячъ. Тяжело только мѣстному чиновничеству. Всѣ оклады, правда, значительно повышены, но далеко не въ той пропорціи, въ какой повышены цѣны на квартиру, прислугу, на продукты и т. п. Большинство чиновниковъ, поэтому, не сводитъ концы съ концами, многіе должаютъ, а другіе находятъ исходъ изъ затруднительнаго положенія въ заработкахъ своихъ женъ и дочерей, которыя даютъ частные уроки, служатъ по разнымъ конторамъ и канцеляріямъ, сидятъ въ кассахъ большихъ магазиновъ, и трудъ которыхъ также оплачивается сравнительно недурно.

Подъ вечеръ мѣстный „переселенный“, везетъ меня на переселенческій пунктъ. Въ противоположность съ иголочки новенькому, превосходно,

хотя и безъ излишней роскоши, обставленному Стрѣтенскому пункту, Благовѣщенскій пунктъ, еще не вошедшій въ составъ „переселенческой организаціи“ Сибирскаго комитета, созидался и содержится на мѣдные гроши, и это отражается даже на внѣшнемъ его видѣ [1]). На пунктѣ всего три барака; изъ нихъ только одинъ построенъ спеціально для пункта; остальные два—низкія, длинныя, каменныя зданія, разгороженныя на маленьотдѣленьица съ низкими кирпичными китайскими „канами“ (отопляемыя нары)—были выстроены городомъ, какъ ночлежный домъ для китайцевъ-рабочихъ, и затѣмъ, за ненадобностью, переданы подъ устройство переселенческаго пункта. Вмѣсто кухни — небольшой навѣсъ и подъ нимъ первобытнѣйшаго устройства очаги, гдѣ переселенцы варятъ пищу въ собственныхъ котелкахъ. Гордость пункта — только-что отстроенная небольшая деревянная больничка; но она занята больными сыпнымъ тифомъ, оставшимися отъ одной изъ прошедшихъ весною организованныхъ партій,—а неподалеку отъ нея еще только строится небольшой изоляціонный баракъ. Эта постройка—наглядный образецъ того, какъ на Благовѣщенскомъ пунктѣ молотятъ на обухѣ рожь. Потребовалось выстроить изоляціонный баракъ; стоимость его была исчислена архитекторомъ въ 1.800 рублей, а на лицо имѣлось всего семьсотъ; вотъ, и пришлось прибѣгнуть къ своеобразному способу укладки стѣнъ изъ двухъ рядовъ досокъ, съ забивкой промежутка между ними смѣсью глины съ соломой.

Вообще, строй жизни Благовѣщенскаго пункта совсѣмъ не тотъ, что на пунктахъ, состоящихъ на попеченіи Сибирскаго комитета: эти пункты хорошо оборудованы, обставлены достаточнымъ персоналомъ и сред-

[1]) Напоминаю читателю, что характеристика этого пункта относится къ 1901 году. Съ тѣхъ поръ здѣсь многое измѣнилось.

ствами, каждый пунктъ и каждый служащій на пунктѣ дѣлаетъ свое опредѣленное, хотя и не легкое дѣло. Въ Благовѣщенскѣ не то. Средства здѣсь такъ ничтожны, что не позволяютъ имѣть ни постояннаго врача, ни даже сколько-нибудь порядочнаго фельдшера, не говоря уже о такихъ должностяхъ, какъ завѣдующіе хозяйственною частью, бухгалтеры и т. п. персоналъ, имѣющійся на другихъ пунктахъ. Все дѣлаетъ переселенческій чиновникъ—онъ и администраторъ, и хозяинъ, и банкиръ переселенцевъ, и строитель, и благотворитель. Да—благотворитель, потому что за ничтожностью отпускаемыхъ казенныхъ средствъ, многія существенныя потребности Благовѣщенскаго пункта кое-какъ удовлетворяются лишь при помощи частной благотворительности. Но и послѣдняя для Благовѣщенскаго пункта—плохой источникъ доходовъ: въ Благовѣщенскѣ не любятъ переселенцевъ, и многіе состоятельные, даже богатые люди прямо говорятъ, что не дадутъ на переселенцевъ ни гроша. Всѣхъ возмущаетъ бьющее каждаго по карману систематическое нежеланіе переселенцевъ браться за какіе бы то ни было заработки въ городѣ,—и мало кто хочетъ понять, что это нежеланіе вполнѣ естественно: переселенецъ, которому важнѣе всего какъ можно скорѣе обзавестись хозяйствомъ на отведенной ему землѣ, не можетъ не избѣгать заработковъ въ городѣ, отвлекающихъ отъ устройства собственнаго хозяйства.

Переселенцевъ на пунктѣ я засталъ очень мало. Кромѣ нѣсколькихъ одиночекъ, на пунктѣ проживало, въ ожиданіи зейскаго парохода, семей двадцать пять черниговцевъ, направлявшихся на уже облюбованный ходоками, въ прошломъ году, участокъ на берегу Зеи.

— Много мы земель смотрѣли, разсказываетъ мнѣ одинъ изъ ходоковъ: на одно мѣсто пришли, — пашня такая, что лучше не надо, да покоса нѣтъ; на другое,—

покосы хороши, да пашни какъ будто маловато; пошли на третье, на четвертое; наконецъ видимъ—мѣсто какъ будто ладное, да и ноги уже пристали мѣста смотрѣть; ну, думаемъ себѣ, видно здѣсь жить доведется. А что, ваше высокоблагородіе — обращается ходокъ къ „переселенному“ — ежели это мѣсто не поглянется, можно намъ еще другія мѣста посмотрѣть будетъ?

— Можно-то можно,—отвѣчаетъ „переселенный“—а только отчего же оно вамъ не понравится? вѣдь вы же смотрѣли мѣсто?

— Мы—какъ старики наши; они вотъ придутъ, поглядятъ; скажутъ ладно—жить будемъ; а не поглянется имъ,—будемъ другого мѣста искать.

Обзаводиться скотомъ переселенцы сразу не думаютъ: „побѣднѣли шибко за дорогу,—говорятъ они,—а скотина здѣсь дорога: за пару коней отдай двѣсти рублей, а пахать цѣлину надо шесть лошадей. Вотъ придемъ, да поглядимъ, да мотыками, сколько сила позволитъ, разробимъ земли“.

„Переселенный“ даетъ черниговцамъ болѣе практическій совѣтъ: для перваго посѣва снять мягкой землицы гдѣ-нибудь въ ближайшихъ селеніяхъ. Переселенцы съ радостью ухватываются за эту простую мысль.

Очень безпокоитъ ихъ также вопросъ — гдѣ покупать хлѣбъ на продовольствіе: жители ближайшей къ облюбованному мѣсту деревни—старовѣры, и самито хлѣба не имѣютъ, а не то чтобы продать,—живутъ рыболовствомъ и звѣринымъ промысломъ.

У. „переселеннаго“ опять оказывается хорошій совѣтъ—въ какихъ деревняхъ достать хлѣба, какъ въ эти деревни проѣхать и т. д.

Затѣмъ, переговоривъ съ какимъ-то старикомъ по поводу невысланнаго солдатскаго билета, съ другими—относительно неполученныхъ по переводу денегъ, съ

какимъ-то самовольнымъ переселенцемъ о затрудненіяхъ при припискѣ по пріемному приговору, вымѣривъ окно въ строющемся изоляціонномъ баракѣ, распорядившись покупкою пары недостающихъ бревенъ, произведя разслѣдованіе относительно недавно случившейся на пунктѣ кражи, взявъ у фельдшера прописанные врачомъ рецепты, „переселенный“ уѣзжаетъ домой. Я уѣзжаю вмѣстѣ съ нимъ.

III.

Черняевскій волокъ. Зейская пристань.

Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, съ помощью всевозможныхъ протекцій, намъ удается, наконецъ, попасть на почтовый пароходъ, отплывающій отъ Благовѣщенска вверхъ по Амуру; насъ пускаютъ на пароходъ и, за недостаткомъ какихъ бы то ни было мѣстъ, отгораживаютъ намъ уголокъ общей столовой, ставятъ двѣ желѣзныя койки и завѣшиваютъ эту импровизированную каюту флагами Амурскаго общества пароходства и торговли.

За тѣ десять дней, которые прошли со времени моего пріѣзда въ Благовѣщенскъ, вода въ Амурѣ упала на три фута; на тѣхъ перекатахъ, которые мы проходили при пятифутовой глубинѣ, воды осталось, значитъ, всего два фута, и вода продолжаетъ убывать. Пассажировъ, взявшихъ билеты до Стрѣтенска, предупреждаютъ поэтому, что въ Покровкѣ, при входѣ въ Шилку, имъ придется пересаживаться на особо-приспособленныя для пассажировъ, буксирныя мелкосидящія баржи. Какъ потомъ оказалось — пересадка произошла гораздо ниже Покровки; уже на полпути, около Черняевой, мы едва переползли че-

резъ перекатъ, а въ Черняевой застали цѣлую флотилію пароходовъ, сгружающихъ товаръ, чтобъ уменьшить свою осадку, и выяснилось, что нашъ пароходъ уже на слѣдующей пристани долженъ передать и публику, и почту на буксирную баржу.

Меня лично, однако, это мало интересовало. Я долженъ былъ плыть всего только до Черняевой, а отсюда пробираться на лошадяхъ, на перерѣзъ зейско-амурскаго водораздѣла или „волока“ до Зейской пристани или просто „Зеи“—„резиденціи“ Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи. Ѣхать предстояло почтовымъ трактомъ, чрезвычайно оживленнымъ въ зимнее время: зимою по этому тракту сосредоточивается все движеніе—и пассажирское, и грузовое, между Амуромъ и зейскими пріисками, и содержатели почтовыхъ станцій, пользуясь абсолютно-монопольнымъ положеніемъ (гдѣ же больше взять лошадей среди глухой тайги!), берутъ съ проѣзжающихъ невѣроятныя деньги: за станціонный перегонъ требуютъ въ горячее время до 15 рублей съ лошади, и проѣздъ на парѣ отъ Черняевой до Зеи—всего 160 верстъ—обходится полтораста рублей—почти по рублю за версту... Лѣтомъ этотъ „трактъ“—не что иное, какъ вьючная тропа, совершенно непроѣздная въ дожди. На наше счастье, на „волоку“ почти двѣ недѣли не было дождя, а потому дорога стояла относительно хорошая,—проѣздъ былъ *не* абсолютно невозможенъ. Движеніе по „тракту“ лѣтомъ совершенно пріостанавливается: и почта, и пассажиры, и грузы, все это лѣтомъ двигается отъ Благовѣщенска на пароходахъ, вверхъ по Зеѣ; достаточно сказать, что, забирая верховыхъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, мы вездѣ получали квитанціи за нумеромъ *первымъ*, и станціонные ямщики подтверждали намъ, что, дѣйствительно, съ самаго конца зимы (а мы ѣхали въ началѣ іюня) по тракту не было отпущено на одной лошади.

— Что же ты здѣсь дѣлаешь все время? — спрашиваемъ мы ямщика на одной изъ станцій.

— Да чего лѣтомъ дѣлать-то,—отвѣчаетъ ямщикъ,— все больше козуль стрѣляю; козуль здѣсь мно-о-го. А вотъ скоро время придетъ — сѣно косить будемъ на зиму.

Почтовый ямщикъ, единственный мужчина на станціи, преспокойно занимающійся охотой на козуль!..

Какъ мало здѣсь считаются лѣтомъ съ возможностью появленія проѣзжающаго (почта, какъ я упоминалъ, лѣтомъ слѣдуетъ на пароходахъ), показываетъ слѣдующій инцидентъ, едва не поставившій насъ въ довольно-таки безвыходное положеніе. Пріѣзжаемъ на первую отъ Черняевой станцію; застаемъ только женщину съ ребенкомъ, и отъ нея, къ нашему ужасу, узнаемъ, что лошади со станціи убѣжали въ Черняеву, и что ямщикъ уѣхалъ ихъ искать.

— Ужъ четвертый день, какъ кони убѣгли — гнусъ заѣлъ, — объясняла женщина: онъ-то сряду хотѣлъ ѣхать искать, да я все отговаривала, думала—вернутся да вернутся кони; ну а седни видитъ—не ворочаются, онъ и уѣхалъ; по-оздно, надо быть, воротится...

Почтовая станція, три дня стоящая безъ лошадей! Положеніе было довольно-таки трагическое: лошадей, привезшихъ насъ изъ Черняевой, мы отпустили; не найдетъ ямщикъ лошадей, — хоть пѣшкомъ возвращайся въ Черняеву!..

Однако, дѣло обошлось сравнительно благополучно: ямщикъ съ лошадьми вернулся подъ-вечеръ, такъ что мы прождали его всего около двѣнадцати часовъ.

По картѣ главнаго штаба, водораздѣлъ Амура и Зеи заполненъ длиннымъ горнымъ хребтомъ Нюкжа. Новѣйшія изслѣдованія установили, что такого хребта въ натурѣ нѣтъ, и что водораздѣлъ — почти совершенно плоское равнинное плато. И дѣйствительно: только первыя 12 или 15 верстъ отъ Черняевой мы ѣхали сильно

всхолмленною мѣстностью, съ каменистыми хребтами, поросшими превосходною сосною и лиственницею, остающеюся, за недостаткомъ людей, безъ всякой эксплуатаціи. Верстахъ въ пятнадцати отъ Амура хребты исчезаютъ, и дальнѣйшій путь идетъ по плоской равнинѣ, съ едва замѣтными приподнятостями и впадинами. Приподнятости, „гривы“ или „мысы“, покрыты перелѣсками изъ „россійской“ бѣлой березы или лиственницы—столь характерные для амурской флоры дубъ и черная береза, а также кустарный орѣшникъ, преобладающіе по долинѣ Амура у Черняевой и по прибрежнымъ хребтамъ, исчезаютъ на „волоку“, чтобы опять появиться верстъ на сто сѣвернѣе, уже на побережьѣ Зеи. Мѣстами, гдѣ густой травяной войлокъ задерживаетъ снѣговую и дождевую воду, „мысы“ замѣтно заболочены; мѣстами, напротивъ, почва достаточно суха и могла бы хоть сейчасъ поступить подъ распашку. Но господствующій типъ мѣстности—плоскія или слегка припадистыя низины; тропа идетъ по безконечнымъ, уныло однообразнымъ „марямъ“, имѣющимъ характеръ то превосходнаго покоса, хотя и по слегка заболоченному грунту, то настоящаго кочковатаго болота. Наши лошади все время то хлюпаютъ между кочками, по водѣ, то вязнутъ въ липкой грязи; сплошь и рядомъ приходится спѣшиваться и въ поводу проводить лошадей черезъ особенно топкія мѣста; иногда—разгружать вьючныхъ и переносить на себѣ багажъ; лошади спотыкаются, падаютъ, и мы только и думаемъ о томъ, какъ бы ноги наши остались цѣлы... Тоскливое молчаніе нарушается только свистомъ куликовъ, летающихъ надъ „марями“, да кукованіемъ ютящихся по перелѣскамъ кукушекъ...

Подъ вечеръ второго дня пути, утомленные и тяжелою дорогою, и уныло-однообразнымъ пейзажемъ, злые, готовые изъ-за всякаго пустяка сцѣпиться другъ съ

другомъ, мы встрѣчаемъ, наконецъ, первыя за весь путь живыя существа — двухъ всадниковъ, на маленькихъ грязно-бѣлыхъ лошадкахъ, съ рѣзко-монгольскими физіономіями, въ одеждахъ изъ звѣриныхъ шкуръ; за плечами у нихъ какіе-то необыкновенные треножники, по ближайшемъ разсмотрѣніи — ружья самаго первобытнаго устройства.

— Вѣдь поди-жъ ты, замѣчаетъ нашъ ямщикъ или точнѣе—проводникъ: сѣрянкой онъ порохъ запаливаетъ; выстрѣли изъ экого ружья въ доску—пуля назадъ отскочитъ; а шибко хорошо стрѣляютъ — промышляютъ всякаго звѣря.

Встрѣченные нами всадники — манегры, названіе, которымъ обозначаютъ мѣстныхъ тунгусовъ, ѣздящихъ на лошадяхъ, въ отличіе отъ тунгусовъ, ѣздящихъ на оленяхъ.

Ночевать довелось не на зимовьѣ (станціи), а въ открытомъ полѣ, въ долинѣ рѣчки Цагаяна. Довольно широкая долина, усѣянная небольшими группами сосны и лиственницы, занявшейся по болѣе выпуклымъ „мысочкамъ“ или „рѣлкамъ“; долина подернута легкимъ вечернимъ туманомъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ вьются небольшіе дымки, затѣмъ расползающіеся по долинѣ и сливающіеся съ туманомъ. Кое-гдѣ бродятъ маленькія, грязно-бѣлыя лошадки.

— Манегры,—говоритъ нашъ проводникъ.

И дѣйствительно; только что мы выбрали мѣсто для ночлега, не успѣли еще развести огня, какъ къ нашей стоянкѣ подошелъ сперва пожилой манегръ съ рѣденькою сѣдою бородою, одѣтый въ звѣриныя шкуры, съ широкимъ костянымъ кольцомъ на одномъ изъ пальцевъ; затѣмъ, одинъ за другимъ, четыре мальчика, рѣзко выраженнаго монгольскаго типа; наконецъ, подошелъ крохотный человѣчекъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, кривой, въ одеждѣ изъ брезента и въ картузѣ,—какъ оказа-

лось—шаманъ. Подошли, усѣлись на корточки; завязался довольно оживленный разговоръ. Прежде всего, манегры пожелали знать, кто мы такіе? инженеръ-механики? дорогу проводимъ? или телеграфъ поправляемъ? и кто изъ насъ „старше“ (т. е. важнѣе)—мой товарищъ или я? Какъ знали, мы удовлетворили ихъ любопытству, потомъ сами поинтересовались, какъ наши собесѣдники попали на Цагаянъ, и куда они держатъ путь.

— Моя на Амуръ кочевай, — объяснилъ намъ пожилой манегръ, на китайскій манеръ ломая русскій языкъ:—тайга звѣрь нѣту, козуля нѣту, сохатый нѣту, на Амуръ, сказываютъ, есть.

Разобрали наши вьюки, приступили къ чаепитію; за недостаткомъ лучшихъ подарковъ, презентовали взрослымъ манеграмъ по горсти чая, мальчуганамъ— по нѣсколько кусковъ сахара. Изъ четырехъ мальчиковъ трое тотчасъ же запустили въ ротъ по куску сахара и пустились бѣжать прочь. Четвертый спряталъ сахаръ за пазуху и остался сидѣть, не спуская съ насъ своихъ большихъ, горящихъ любознательностью глазъ.

— Шибко умна̀, — похвалилъ мальчика шаманъ, — все знать надо.

У нашего проводника или ямщика оказывается запасъ свѣжаго хлѣба—у насъ такой роскоши не было. Я прошу проводника отрѣзать и намъ пару ломтей, и говорю, шутя, манеграмъ:

—Смотри, какой худой русскій чиновникъ—у мужика послѣдній хлѣбъ беретъ.

— Нѣтъ, русскій нойонъ хорошъ, — возражаетъ мнѣ на это шаманъ:—разъ возьми (ясакъ), больше не надо; а китайскій нойонъ сколько разъ встрѣчай — все албанъ [1]) давай. А хлѣбъ бери не худо есть. Наша одинъ

---

[1]) Китайскій налогъ.

манегръ уби сохатаго,—всѣ манегры ѣди; одинъ купи буда — всѣ бери по чашкѣ; вмѣстѣ голодай, вмѣстѣ ѣди.

— А вы,—спрашиваемъ,—китайскіе манегры или русскіе?

— Были китай, теперь стали русски.

— Водку русскую шибко пьютъ,—иронизируетъ нашъ проводникъ.

Манегры вступаютъ въ разговоръ съ проводникомъ.

— Хозяинъ,—спрашиваютъ,—дома?

Хозяинъ — содержатель станціи или зимовья на Уланге; состоятельный, очевидно, человѣкъ, интеллигентный видъ котораго невольно обратилъ на себя наше вниманіе, пока мы мѣняли лошадей и чайничали на зимовьѣ.

— Дома,—отвѣчаетъ ямщикъ;—а вамъ чего?

— Мѣхъ, другъ, есть,—буда [1]) надо, порохъ надо.

— Есть все это, айдате къ нему,—отвѣчаетъ ямщикъ.

— А почемъ буда?

— Четыре рубли пудъ.

— Что больно дорого?—вмѣшиваюсь я въ разговоръ.

— Ничего не дорого.—недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ ямщикъ:—сейчасъ буда на Зейской пристани два восемь гривенъ.

Чтобы оцѣнить этотъ отвѣтъ, надо вспомнить, что Зейская пристань—пріисковый центръ, лежащій *дальше* отъ Амура, нежели то зимовье, гдѣ манегры разсчитываютъ купить буду.

— А хорошую, спрашиваемъ, цѣну за мѣха кладетъ?

— Ничего,—нерѣшительно отвѣчаютъ манегры...

— Хорошо платитъ хозяинъ,—вмѣшивается проводникъ:—онъ вѣдь ихъ и кормитъ; кабы не онъ, они бы и живы не были, пропали бы. Вѣдь вотъ въ лѣсу живутъ,

[1]) Китайское просо.

звѣря промышляютъ, а мясо у него-жъ берутъ, и буду, и табакъ, и порохъ, и все.

— Порохъ, другъ, шибко худая давай, — вставляетъ шаманъ,—сильно худо гори...

— Ладно, какого тебѣ еще пороха, — строго отвѣчаетъ ямщикъ,—ничего порохъ. А то, не хочешь къ моему хозяину, ступай на Вольгу [1]) къ Іону Ивановичу; онъ тамъ сейчасъ стоитъ, тоже васъ, пожалуй, кормить станетъ; можетъ, у него порохъ лучше поглянется!..

Мы допивали чай и стали поговаривать о томъ, что не грѣхъ бы собираться и на отдыхъ: восемьдесятъ верстъ верхомъ, по кочкамъ, сильно давали себя знать.

— А мѣхъ не надо,—спрашиваютъ насъ манегры:— сохатинъ теленокъ есть, рукавицы есть. Хочешь купи?

Чтобы потѣшить манегровъ, покупаемъ пару лосинныхъ рукавицъ. Едва получивъ отъ насъ деньги, пожилой манегръ обращается къ нашему проводнику съ вопросомъ—нѣтъ ли спирта, и дѣлаетъ самую огорченную физіономію, когда оказывается, что спирта нѣтъ.

— Ну, и здоровы же они спиртъ лакать, говоритъ по этому поводу проводникъ: съ голоду мрутъ, а пьютъ; сколько ни дай,—все вылакаютъ!

Мы начинаемъ раскладывать палатку; манегры съ жаднымъ любопытствомъ слѣдятъ за этою процедурой, осматривая палатку и снаружи, и изнутри. Восторгъ ихъ полный...

— Больно хороша палатка, говоритъ шаманъ,—шибко хороша. Нутро желѣзная печка поставить — зимовай можно.

— А вотъ ты пойди къ намъ на будущій годъ въ проводники,—говоритъ мой спутникъ,—мѣста по тайгѣ показывать. Хорошо служить будешь—подаримъ палатку сверхъ денегъ.

---

[1]) Рѣчка Ольга, впадаетъ въ Амуръ недалеко отъ Черняевой.

Шаманъ въ полномъ восторгѣ отъ этой перспективы. Изъ его безсвязныхъ восклицаній выясняется, что онъ даже не думаетъ о денежной платѣ—онъ готовъ цѣлое лѣто проводничать изъ-за поглянувшейся ему палатки, и даже разъясненіе моего товарища, что палатка будетъ только добавкой къ хорошей денежной платѣ, оставляетъ шамана довольно равнодушнымъ.

На другое утро, вставъ до солнца, мы уже не видали нашихъ манегровъ; только вдалекѣ еще виднѣлась вереница, штукъ двадцать, маленькихъ, грязно-бѣлыхъ лошадокъ, на которыхъ сидѣли верхами мужчины, женщины, дѣти, и были навьючены кожаныя юрты и другіе предметы скуднаго манегрскаго обихода.

Прощайте, случайные знакомцы... Прощайте, бѣдные обломки обреченнаго на гибель племени, получившіе отъ цивилизаціи водку, оспу и сифилисъ, а носителей цивилизаціи видящіе въ образѣ разныхъ Іоновъ Иванычей, которые на вашей медленной гибели строятъ зданіе своего богатства и благополучія...

Еще нѣсколько часовъ, сначала по болотамъ, потомъ по сухимъ, поросшимъ рѣдколѣсьемъ „еланямъ“, и окончательно измученные, злые, мы выбираемся, наконецъ, на берегъ Зеи.

Мы выѣзжаемъ на Зею въ деревнѣ Овсянкѣ. Эта деревня—въ сущности не деревня; оффиціально она не признана и не имѣетъ ни административнаго сельскаго устройства, ни земельнаго отвода. Это—просто двадцать семь дворовъ, выстроившіеся въ одну линію вдоль берега Зеи. Жители этихъ двадцати семи дворовъ занимаются поставкой дровъ и сѣна на пріиски Верхне-Амурской компаніи, разведеніемъ овощей для сбыта на тѣ же пріиски и тому подобными дѣлами. Казалось бы, компанія должна только радоваться существованію та-

кого поселенія. А между тѣмъ администрація компаніи почему-то уже много лѣтъ усиленно хлопочетъ объ его уничтоженіи, и нѣкоторые изъ обитателей поселка почему-то находятъ нужнымъ „для вида“ заниматься земледѣліемъ. Дѣло очень просто: на ряду съ перечисленными, оффиціальными, такъ сказать, профессіями, жители Овсянки поголовно либо спиртоносы, либо занимаются операціями по части краденнаго золота, либо „промышляютъ около рабочихъ“, возвращающихся съ пріисковъ...

Пришлось намъ познакомиться и съ почетнымъ обывателемъ Овсянки—владѣльцемъ прекраснаго дома съ зеленою крышей и высокими флагштоками, на которыхъ при проѣздахъ начальства взвиваются флаги. Это—господинъ въ сюртукѣ, съ быстрыми, нервными движеніями и съ массою „образованныхъ“ словъ въ разговорѣ; въ восьми верстахъ отъ Овсянки онъ содержитъ почтовую станцію и чрезвычайно усердно занимается разными опытами по части сельско-хозяйственной культуры: сажалъ на огородѣ тыквы, картофель, сѣялъ на грядкахъ овесъ и гречиху: теперь окончательно убѣдился въ возможности произрастанія хлѣбовъ и собирается заводить около своего „зимовья“ серьезную запашку. Господинъ этотъ былъ раньше искателемъ золота, нашелъ пріискъ, продалъ его компаніи, а теперь получаетъ за намытое золото попудную плату, которая за послѣднюю „кампанію“ дала ему болѣе десяти тысячъ рублей.

Проходимъ, наконецъ, послѣднія тридцать верстъ, сначала по невысокимъ уваламъ и ровнымъ „еланямъ“, съ рѣдколѣсьемъ то бѣлой, то черной березы; потомъ переваливаемъ черезъ нѣсколько довольно высокихъ хребтовъ, круто обрывающихся на Зею, покрытыхъ густою зарослью лиственницы и бѣлой березы, а по крутымъ каменистымъ склонамъ заросшихъ корявымъ дубнякомъ. Спотыкаясь на каждомъ шагу о корни и ва-

лежникъ, увязая въ липкой глинѣ, мы кое-какъ преодолѣваемъ эти хребты, спускаемся въ широкую заливную долину Зеи, гдѣ ѣдемъ уже рысью, по ровно укатанной, широкой торной дорогѣ и, наконецъ, достигаемъ обѣтованной земли—Зейской пристани, гдѣ насъ ждутъ покойный ночлегъ и удобное путешествіе на пароходѣ.

Какъ Овсянка не деревня, такъ Зейская пристань или „Зея"—не городъ, по крайней мѣрѣ *пока* не городъ. Это—не болѣе, какъ „резиденція" Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи, и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь ничего и не было, кромѣ этой резиденціи. Теперь это большое, городского типа, поселеніе съ четырьмя улицами, съ восемью слишкомъ тысячами жителей и съ самыми разнообразными признаками чисто городского уклада жизни. Зейская пристань имѣетъ самостоятельный полицейскій штатъ съ пятнадцатью полицейскими служителями (въ Благовѣщенскѣ ихъ, кажется, 12); извозчиковъ съ нумерами и таксой—по рублю въ часъ (въ Благовѣщенскѣ такса полтинникъ); на пристани есть городской—вѣрнѣе компанейскій садъ, обширный и тѣнистый; есть училище съ обширнымъ, очень хорошимъ зданіемъ, есть свыше двадцати кабаковъ или ренсковыхъ погребовъ; есть и типографія,—мало того, имѣется даже нѣчто въ родѣ газеты: выходятъ ежедневные бюллетени съ телеграммами Россійскаго агентства...

Центромъ города остается однако, попрежнему, „резиденція" Верхне-Амурской компаніи. Это рядъ красивыхъ домовъ, вытянувшихся по берегу Зеи: домъ главноуправляющаго—настоящій дворецъ, хотя и деревянный; главная контора, соединенная телефономъ со всѣми пріисками, домъ „резидента" съ „посѣтительскою"; за ними, вытянувшись въ видѣ второй линіи, рядъ домовъ попроще, для прислуги и второстепенныхъ служащихъ,

а за ними—третій рядъ: громадные амбары и ледники, гдѣ хранится всякая провизія—между прочимъ мясо, которое въ замороженномъ видѣ по цѣлымъ годамъ не подвергается порчѣ. Впереди компанейскаго квартала берегъ перегороженъ барьерами, закрывающими проѣздъ для всѣхъ, кромѣ особо привилегированныхъ лицъ, и на этой закрытой набережной, по которой даже и пѣшкомъ ходить полагается только „чистой публикѣ“, понастроены разные павильоны, балкончики съ видомъ на Зею и на окружающія горы, а на рѣкѣ—прекрасная купальня.

Весь остальной, не компанейскій городъ, среди котораго разбросаны, между прочимъ, „резиденціи“ нѣсколькихъ другихъ, болѣе мелкихъ золотопромышленныхъ предпріятій, являетъ мало привлекательную для глазъ картину. Постройки почти сплошь новенькія, особенно на заднихъ улицахъ; но все построено коекакъ, домишки гадкіе, заборы еле держатся; по всему видно, что люди устраиваются здѣсь не для прочной осѣдлости, а лишь на время—„добыть деньгу“ и уѣхать проживать ее куда-нибудь въ другое мѣсто.

И „дѣланіе денегъ“—единственный жизненный нервъ новаго, какъ на дрожжахъ растущаго города; это—настоящій городъ золотого (буквально золотого!) тельца, гдѣ на золотѣ и около золота въ немного лѣтъ создаются огромныя состоянія. На „Зеѣ“—не мало типовъ въ родѣ одного изъ мѣстныхъ торговцевъ, въ настоящее время милліонера, начавшаго свои операціи всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ капиталомъ, кажется, въ пятьсотъ рублей; или бывшаго „конюховскаго старосты“ Верхне-Амурской компаніи, и сейчасъ неграмотнаго, который получилъ пятьдесятъ паевъ въ основанномъ на найденномъ имъ золотѣ предпріятіи и двадцать изъ этихъ паевъ уже продалъ за кругленькую сумму въ двѣсти тысячъ рублей...

Легко нажитыя деньги легко и проживаются, и среди

высшаго зейскаго общества царитъ величайшая расточительность и роскошь: дамы ходятъ въ шелкахъ и бархатахъ, мужчины играютъ въ карты на огромныя ставки. Не отстаютъ отъ богачей—въ другомъ, конечно, масштабѣ—и пріисковые рабочіе, выходъ которыхъ изъ тайги, въ концѣ золотопромышленной кампаніи, наполняетъ Зею шумомъ и разгуломъ. „Есть деньги,—говорятъ про пріискателя мѣстные обыватели,—ему чортъ не братъ, свинья не сестра; сорокъ, пятьдесятъ рублей—нипочемъ. Пьянъ—къ нему и не подступайся, разнесетъ; а проспится или деньги пропуститъ—и опять тише воды, ниже травы".

Труднѣе всего жить на Зеѣ служащему обывателю, если онъ, принадлежа по положенію къ высшему зейскому обществу, не располагаетъ, однако, соотвѣтствующими этому положенію доходами. Не говоря уже о томъ, что сложившіяся при бѣшеныхъ деньгахъ привычки заставляютъ и такихъ людей тянуться за богачами,—самая жизнь на пристани безумно дорога. На Зеѣ—все привозное, и стоимость провоза отъ Благовѣщенска, нормально 20—22 копѣекъ съ пуда, во время продолжительныхъ мелководій на Зеѣ поднимается до двухъ рублей за пудъ. Вблизи пристани нѣтъ ни земледѣлія, ни скотоводства, и даже процвѣтающее на Зеѣ и въ Овсянкѣ огородничество недостаточно, чтобы покрыть спросъ на овощи со стороны пристанского населенія. Не удивительно, что цѣна картофеля на Зеѣ достигаетъ, нерѣдко, рубля за пудъ, а мяса, сплошь и рядомъ, нельзя купить ни за какія деньги: мясо ѣдятъ только служащіе Верхне-Амурской компаніи и тѣ немногіе счастливцы, которымъ компанейская администрація, въ особое одолженіе, дозволяетъ брать мясо изъ компанейскихъ ледниковъ.

IV.

Амурская прерія.

Еще только приближаясь къ Благовѣщенску, вы начинаете уже замѣчать постепенную смѣну растительныхъ формъ средне-сибирской тайги совершенно иными растительными формами: на горныхъ склонахъ „россійская“ береза и лиственница вытѣсняются дубомъ и черною березой; по прирѣчнымъ низинамъ—если вы ѣдете, какъя, раннею весною—вамъ бросаются въ глаза бѣлыя шапки сплошь покрытыхъ цвѣтами дикихъ яблонь. Начиная отъ Благовѣщенска, вы вступаете уже въ область типичной амурской природы. Здѣсь начинается главный колонизаціонный районъ Амурской области—Зейско-Буреинская равнина, или, какъ ее иначе называютъ, Амурская прерія. Это — обширное степное пространство, протянувшееся вдоль Амура отъ впаденія Зеи до казачьяго поселка Пашковскаго, гдѣ Амуръ входитъ въ горную область Малаго Хингана; вглубь страны „прерія“ уходитъ на западѣ, вверхъ по Зеѣ, приблизительно на двѣсти верстъ, по Буреѣ—на сто, а въ восточномъ своемъ концѣ не болѣе чѣмъ на 30—40 верстъ. То почти плоская, съ едва замѣтными „падями“ и „падушками“, то съ яснѣе выраженнымъ волнообразнымъ рельефомъ, она представляетъ собою какъ бы степной островъ среди необозримаго моря лѣсистыхъ горъ, заполняющаго все остальное Приамурье; а отроги сплошной горной страны заходятъ и въ границы „преріи“, то незамѣтно сливаясь съ волнистою степью, то рѣзко выдѣляясь надъ нею грядами невысокихъ хребтовъ; поднявшись на оголенный отъ лѣса гребень любого изъ этихъ хребтовъ, вы видите передъ собою другія, такія же невысокія гряды, порос-

шія темнымъ, кудрявымъ дубнякомъ, и въ промежуткахъ между ними—ярко-зеленыя равнины, покрытыя пышною травою.

Этотъ роскошный травяной покровъ, съ точки зрѣнія спеціалиста, „составляется изъ причудливой, странной смѣси формъ степныхъ, съ растеніями, свойственными болотистымъ лугамъ или просто болотамъ“ (Коржинскій). Для простого смертнаго, какъ я, это просто роскошные луга, которые весною, пестрѣютъ богатымъ ковромъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Травяной покровъ роскошенъ, ростомъ и густотою, и въ долинѣ Амура, и по склонамъ хребтовъ, но достигаетъ особенно грандіозныхъ размѣровъ тамъ, гдѣ долины Буреи, Архары и другихъ притоковъ Амура врѣзываются въ предѣлы горно-лѣсистаго массива страны: здѣсь трава достигаетъ положительно гигантскаго роста, съ головою закрывая всадника, сидящаго на конѣ...

Проѣзжая въ разныхъ направленіяхъ по амурскимъ лугамъ и степямъ, я постоянно вспоминалъ картины художниковъ-декадентовъ или послѣдователей Бёклина: и луга, и степи усѣяны лиліями—то блѣдно, рѣже темно-желтыми, то оранжево-красными,—и ирисами, то блѣдно-лиловыми, то темно-фіолетовыми; по рѣчнымъ долинамъ они перемѣшиваются съ огромными, какъ блюдечко, бѣлыми піонами, съ шиповникомъ, краснымъ клеверомъ, фіолетовою чиною, образуя коверъ, въ которомъ пестрѣютъ всѣ цвѣта радуги, мѣстами же, гдѣ посырѣе, разстилаются сплошныя поля бѣлыхъ, какъ снѣгъ, ландышей. На степи цвѣточный коверъ, весною, почти исключительно желтый—лиліи, купальницы, лютикъ, одуванчики, молочаи, такъ что амурскую степь, по ея весеннему виду, съ полнымъ правомъ можно назвать, просто, „желтою степью“.

Гдѣ только повыше и посуше, тамъ и луга, и степь густо поросли мелкою лещиною-орѣшникомъ, которая

на каменистыхъ и сильно глинистыхъ мѣстахъ уступаетъ мѣсто дубовому кустарнику, на болѣе влажныхъ—мелкому ракитнику или кустарной березѣ-ернику. Корявый дубъ и безобразно-раскидистая черная береза то разбрасываются по степи отдѣльными деревьями, то группируются въ болѣе или менѣе обширныя рощи, то всползаютъ по склонамъ горныхъ хребтовъ, одѣвая ихъ сплошнымъ, но негустымъ лѣснымъ покровомъ, кудрявая листва котораго совершенно непохожа на сплошной, мрачный лѣсъ типичной сибирской тайги. На мокрыхъ рѣчныхъ водораздѣлахъ дубъ и черная береза уступаютъ мѣсто „россійской“ бѣлой березѣ—въ Приамурьѣ первый признакъ мокрыхъ и мало плодородныхъ земель, а по прирѣчнымъ лугамъ они смѣшиваются съ такими древесными породами, какъ ильмъ, кленъ, дикая яблоня и груша, грецкій орѣхъ и т. п.

Если вы, пріѣзжій, будете разговаривать объ амурской природѣ съ мѣстнымъ обывателемъ, будетъ ли то крестьянинъ-землепашецъ или горожанинъ-интеллигентъ, обыватель съ первыхъ же словъ начнетъ говорить вамъ о несообразностяхъ мѣстной природы и въ особенности—климата. „Удивительный здѣсь край, услышите вы отъ горожанина: вездѣ рѣки разливаются весной,—а здѣсь—лѣтомъ или осенью; въ августѣ надо убирать хлѣбъ, а какъ разъ въ это время всегда дожди; единственное спасеніе — жнейки; только машинами и можно поспѣть съ уборкой хлѣба. Зимы безснѣжныя—сѣять озимь совершенно невозможно. На горахъ — болота; ѣдешь по горному склону, а лошадь сплошь и рядомъ увязаетъ по брюхо“. Крестьянина особенно интригуютъ именно эти болота по горамъ. „Чудныя здѣсь мѣста,—непремѣнно скажетъ вамъ выходецъ изъ Западной или Средней Сибири: у насъ, въ Сибири (Амуръ какъ-будто не признается за Сибирь), гдѣ низкое мѣсто, тамъ мокро, гдѣ высокое—

сухо; а здѣсь ничего не разберешь: на горахъ болота, а по низкимъ мѣстамъ сухо". И крестьянинъ, съ которымъ вы будете проходить или проѣзжать по знакомымъ ему мѣстамъ, непремѣнно покажетъ вамъ „низкія да крѣпкія" земли, съ разработанными на нихъ пашнями, и покажетъ высокіе на видъ „мысы", съ виднымъ даже простому глазу скатомъ, куда, однако, „съ конемъ не заѣдешь въ мокрый годъ". Вообще, Приамурье и особенно „амурская прерія" поражаетъ васъ обиліемъ болотъ и мокрыхъ мѣстъ; почти вездѣ, куда еще не зашла колонизація, вы видите безконечныя кочки, среди которыхъ послѣ дождей застаивается вода; почти вездѣ встрѣчаете разныя осоки, мелкій ракитникъ, голубицу и всякіе другіе безспорные признаки болѣе или менѣе сильной заболоченности. Но заболоченность эта, большею частью, чисто поверхностная: изобильные лѣтніе осадки жадно впитываются покрываю щимъ почву толстымъ войлокомъ изъ мертвой растительности,—и заболоченность быстро исчезаетъ по мѣрѣ заселенія края: разъ гдѣ-либо появились люди, разъ началъ ходить скотъ, пошли гулять весенніе палы,—то почва обсыхаетъ въ немного лѣтъ, и на мѣстѣ недавняго болота появляются сплошныя пространства пахатныхъ полей.

Какъ своеобразна амурская природа, такъ своеобразны и люди на Амурѣ. Я не буду говорить пока о казакахъ—мнѣ почти не удалось бывать въ казачьихъ поселкахъ Зейско-Буреинской равнины и совсѣмъ не пришлось присматриваться къ казачьему быту. Замѣчу только, что неблагопріятное впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ видомъ казачьихъ селеній, впечатлѣніе полной нехозяйственности, вполнѣ подтверждается всѣми указаніями, какія можно найти въ литературѣ, и отзывами мѣстныхъ людей. „Казакъ—что собака на сѣнѣ",—эту фразу вы постоянно слышите изъ устъ мѣстныхъ

обывателей. И въ самомъ дѣлѣ—казаки владѣютъ необозримыми пространствами лучшихъ въ краѣ земель, а между тѣмъ сами живутъ бѣдно, не извлекая никакой выгоды изъ своихъ огромныхъ земельныхъ богатствъ. Слухъ [1]), что бывшій манджурскій районъ за Зеей рѣшено отдать подъ заселеніе казаками, приводитъ въ ужасъ благовѣщенцевъ: они предвидятъ, что городъ надолго останется безъ овощей, молочныхъ продуктовъ и другихъ предметовъ необходимости. И въ самомъ дѣлѣ: пересѣкая полосу казачьихъ земель, вы видите, что только самая ничтожная ихъ доля, ближайшая къ поселкамъ, занята казачьими пашнями и сѣнокосами. Амурскіе казаки, получивъ въ надѣлъ, почти вездѣ, самыя плодородныя и легкія для разработки земли, владѣя при этомъ огромными лугами, запахиваютъ въ среднемъ вдвое меньше и держатъ гораздо меньше скота, нежели крестьяне; обширныя площади плодороднѣйшихъ земель служатъ исключительно для выпаса скота, а по удаленной отъ Амура и селеній сѣверной окраинѣ казачьей полосы громадныя площади даже не выпасаются скотомъ и, слѣдовательно, пропадаютъ совершенно даромъ. А какъ ревниво казаки блюдутъ неприкосновенность захваченныхъ ими необъятныхъ пустынь, и какими только цифровыми куншткоами они не доказываютъ, что имъ земли едва-едва хватаетъ!..

Совершенно своеобразный типъ — амурскіе крестьяне. „Здѣшніе крестьяне — настоящіе американцы“, характеризуетъ ихъ мѣстный интеллигентъ. Обиліе земли, превосходные заработки, дешевизна денегъ, близкое соприкосновеніе съ пріисками и пріисковою жизнью,—всѣ эти условія вырабатываютъ изъ переселенца, прожившаго десятокъ лѣтъ на Амурѣ, нѣчто совершенно непохожее на нѣсколько инертнаго и твердо

[1]) Въ настоящее время уже это фактъ.

знающаго свое „мужицкое“ мѣсто „россійскаго“ крестьянина. Обжившійся на Амурѣ крестьянинъ понемногу утрачиваетъ и внѣшнее обличье „мужика“: костюмъ его скорѣе мѣщанскій, нежели крестьянскій; если не въ будни, то въ праздники онъ носитъ фетровую шляпу съ клеймомъ „Tchourine et C-ie“; личныя его потребности уже не опредѣляются мужицкою традиціей—амурскій крестьянинъ не стѣсняется покупать все, что̀ ему по средствамъ. „Какъ они живутъ—просто изумительно,—говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, по роду службы постоянно соприкасающійся съ крестьянами: стоитъ зайти къ Чурину или Кунстъ-Альберсу—посмотрѣть, что покупаетъ здѣшній крестьянинъ. Признаться вамъ,—продолжалъ почтенный чиновникъ—я вначалѣ даже возмущался; мужикъ сѣрый, а ни въ чемъ отъ барина отстать не хочетъ. Прихожу разъ къ Кунсту, — мужикъ туалетное мыло покупаетъ; ему показываютъ простой сортъ,—а онъ и смотрѣть не хочетъ; „мнѣ, говоритъ, небось руки мыть“; взялъ французское, опопонаксъ или жокей-клубъ, по рублю кусокъ“.

Вліяніе Америки, такъ бросающееся въ глаза на улицахъ Благовѣщенска или Стрѣтенска, отражается и на хозяйственномъ бытѣ амурскихъ крестьянъ: сплошь и рядомъ у простой телѣги тяжи изъ американскаго проволочнаго каната; подъ сидѣньемъ у вашего ямщика оказывается топорикъ съ американскимъ клеймомъ; проѣзжая мимо крестьянской пашни или покоса, вы видите вмѣсто обычнаго мужицкаго берестянаго или дерноваго балагана палатку изъ американскаго брезента; дома болѣе состоятельныхъ крестьянъ крыты американскимъ цинкованнымъ желѣзомъ, а кое-гдѣ этимъ желѣзомъ одѣты цѣлые амбары. Но самое любопытное—не въ этихъ мелочахъ хозяйственнаго быта амурскаго крестьянина. Гораздо важнѣе его необыкно-

венная воспріимчивость къ новизнѣ, отсутствіе всякой рутины, проявляющееся въ его земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ особенности поражаютъ, даже поверхностнаго наблюдателя, колоссальные успѣхи амурскаго крестьянскаго хозяйства въ дѣлѣ усвоенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ,—успѣхи, которыми едвали можетъ, въ той же степени, похвалиться какая-бы то ни было другая мѣстность Азіатской или Европейской Россіи; успѣхи тѣмъ болѣе замѣчательные, что на Амурѣ крестьяне не пользовались, въ этомъ отношеніи, содѣйствіемъ ни земства, котораго здѣсь нѣтъ,—ни правительства. Быстрый прогрессъ въ распространеніи улучшенныхъ орудій и машинъ—результатъ просвѣщенной и энергичной иниціативы американца Эмери, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и необыкновенной воспріимчивости амурскаго крестьянства. Здѣсь не мѣсто входить въ исторію этого дѣла. Достаточно указать на результаты, именно отмѣтить, что въ 1901 году одна только фирма Эмери довела свою продажу до огромной суммы въ 300.000 р.—а населеніе всего Амурскаго крестьянскаго района вѣдь немногимъ болѣе ста тысячъ! что приамурское крестьянство въ настоящее время пашетъ исключительно заводскими, главнымъ образомъ американскими, плугами; что съ каждымъ годомъ все болѣе распространяются жнейки и молотилки—есть селенія, гдѣ крестьяне почти забыли о традиціонномъ серпѣ и о ручной уборкѣ хлѣба. Мнѣ пришлось возвращаться въ Благовѣщенскъ, послѣ одной изъ моихъ экскурсій въ районъ крестьянскихъ селеній, по главной дорогѣ, ведущей изъ города въ этотъ районъ; на моихъ глазахъ, съ одного только парома съѣхало пять телѣгъ съ только что купленными въ городѣ жнеями-сноповязалками; а содержатель парового перевоза черезъ Зею разсказывалъ мнѣ, что въ горячее время ему сплошь и рядомъ приходится перевозить, за одинъ рейсъ, по два и по три десятка подводъ съ подобнымъ грузомъ.

Спѣшу оговориться. Я лично отнюдь не склоненъ преувеличивать значенія такой распространенности усовершенствованныхъ орудій и машинъ. Напротивъ: вполнѣ признавая, напримѣръ, значеніе хорошихъ плуговъ, для улучшенія обработки земли, и не отрицая необходимости жнеекъ при дождливости амурскаго лѣта, я, однако, думаю, что суть дѣла—отнюдь не въ этомъ. Вмѣстѣ съ покойнымъ Коржинскимъ, я думаю, что несмотря на изобиліе улучшенныхъ орудій, земледѣліе, въ сущности, „находится здѣсь на первобытной ступени развитія“: замѣтьте—Приамурье—единственная часть Сибири, гдѣ господствуетъ чисто-переложное хозяйство, безъ общепринятаго въ остальной Сибири пара; что „всѣ эти жатвенныя машины не служатъ выраженіемъ прогресса и раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества“. Если я сравнительно долго остановился на вопросѣ объ усовершенствованныхъ орудіяхъ и машинахъ, то только потому, что быстрое распространеніе такихъ орудій и машинъ, включительно до 175-тирублевыхъ плуговъ и тысячныхъ молотилокъ,—хорошій показатель той легкости, съ которою амурскіе крестьяне усваиваютъ все новое, и той свободы, съ которою они тратятъ деньги на улучшеніе своего хозяйства.

Конечно, амурское крестьянство не представляетъ собою сколько-нибудь однообразной массы. Напротивъ, въ средѣ его отчетливо выдѣляется нѣсколько разнообразныхъ въ бытовомъ и въ хозяйственномъ отношеніи типовъ.

Вотъ молоканскія селенія подгородной Гильчинской, частью Краснояровской, Амурско-Зейской и др. волостей. По общему виду и характеру построекъ—это не деревни, а маленькіе городки, почище многихъ сибирскихъ уѣздныхъ городишекъ. Сами молокане на видъ—совершенные горожане; по существу—это народъ въ

высшей степени дѣловитый, оборотистый, склонный, какъ никто, къ усвоенію всякой новизны. Первые изъ обитателей Приамурья, они начали покупать улучшенныя орудія и машины, и ихъ примѣръ увлекъ за собою остальное крестьянство. „У каждаго молокана,—говорятъ мѣстные обыватели,—полонъ дворъ машинъ: самъ, подлецъ, ничего не работаетъ, — все за него дѣлаетъ машина; помѣщика изъ себя изображаетъ: встанетъ въ восемь часовъ, въ десять выѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле, посмотрѣть и распорядиться; распорядится—и домой, обѣдать". Въ затратахъ на хозяйство или на торговыя операціи молоканинъ никогда не стѣсняется размѣрами собственныхъ средствъ: „доподлинно знаешь, что у него ни гроша нѣтъ, а глядишь,—тысячную молотилку во дворъ везетъ". Молокане, именно, въ совершенствѣ постигли значеніе кредита и выучились пользоваться имъ; по словамъ знающихъ людей, гильчинскіе молокане въ однихъ только благовѣщенскихъ банкахъ задолжали сотни тысячъ рублей, не считая частныхъ займовъ и долговъ фирмамъ по закупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ. При этомъ зажиточный или располагающій кредитомъ молоканинъ рѣдко остается при одномъ земледѣліи: онъ обращается къ торговлѣ, подрядамъ, покупаетъ или строитъ въ Благовѣщенскѣ дома, заводитъ мельницу или какой-нибудь заводъ,—въ молоканскихъ рукахъ значительная часть благовѣщенской торговли и промышленности. И по всеобщему мнѣнію, пальца въ ротъ молокану не клади—откуситъ. Да и вообще—репутація у молоканъ далеко не лестная: имъ приписываютъ и склонность къ ростовщичеству, и участіе во всякихъ темныхъ дѣлахъ, совершающихся „около золота", и руководящую роль въ прошлогоднихъ избіеніяхъ китайцевъ, и съ молоканскими именами связываются разсказы о самыхъ

возмутительныхъ случаяхъ вѣроломства и предательства, жертвою котораго дѣлались, при этомъ, болѣе зажиточные китайцы.

Вотъ деревня Екатеринославка, на Будундѣ. Небольшое селеніе—всего 29 дворовъ, но раскинувшееся чрезвычайно широко и окруженное обширнымъ сплошнымъ поясомъ распаханныхъ земель. Всѣ дворы огорожены однообразными, аккуратно сбитыми досчатыми заборами. На дворахъ и по улицамъ стоятъ раскрашенные, на желѣзномъ ходу и съ дышловою запряжкой, колонистскіе фургоны, виднѣются жнейки, буккера, плуги съ сидѣніями и т. п.

Екатеринославцы всѣ пришли съ значительными средствами,—нѣкоторые принесли по пяти и болѣе тысячъ; къ заработкамъ имъ совершенно не приходилось обращаться,—„свои деньги проводили“, говорятъ они. Теперь обжились и окрѣпли вполнѣ; оставшись, въ отличіе отъ молоканъ, исключительно пахарями, екатетеринославцы тоже поставили земледѣльческое хозяйство исключительно на машинную основу: въ деревнѣ нѣтъ другихъ плуговъ, кромѣ заводскихъ; на 29 дворовъ имѣется семь жнеекъ, да еще за три даны задатки, и ручной способъ уборки совершенно вышелъ изъ употребленія: у кого посѣвъ сравнительно невеликъ, тѣ покупаютъ жнейки сообща или нанимаютъ жнейку у болѣе зажиточныхъ хозяевъ. Хозяйственность, отличающая въ Екатеринославкѣ отдѣльныхъ крестьянъ, характерна и для цѣлаго общества. Въ другихъ селеніяхъ къ поправкѣ дорогъ—да и что это за поправка!—приступаютъ только послѣ усиленныхъ настояній начальства,—а екатеринославцы устроили себѣ хорошую дорогу по собственной иниціативѣ: укатали полотно боронами, сдѣлали хорошія гати черезъ заболоченныя „падушки“, и теперь не нахвалятся своей дорогой. „Сердятся на насъ другія деревни-то,—говорятъ они:—мы

себѣ дорогу своей охотой наладили, а теперь, глядя на насъ, начальство и прочія деревни принуждаетъ". Строятъ себѣ екатеринославцы и церковь,—строятъ на собственныя средства, не утруждая никого ходатайствами о помощи: одинъ богатый общественникъ пожертвовалъ двѣ тысячи деньгами, да еще на тысячу рублей церковной утвари, остальные собрали между собою еще тысячу рублей, да посѣяли на „церковь" десять десятинъ пшеницы.

Вотъ многочисленныя селенія полтавскихъ хохловъ, сосредоточенныя, напримѣръ, въ волостяхъ Песчаноозерской и Ивановской. И здѣсь, какъ и вездѣ въ Сибири, полтавцы въ одеждѣ, въ устройствѣ жилищъ и во всемъ домашнемъ быту крѣпче, чѣмъ кто-либо, держатся принесенныхъ съ родины привычекъ и традицій. Селенія полтавцевъ вы узнаете издали по ихъ типичнымъ мазанкамъ; амбары крыты соломой, вмѣсто гуменъ высокія малороссійскія клуни. Сохраняетъ традиціонный малорусскій типъ и внутреннее убранство хатъ, хотя сплошь и рядомъ, особенно теперь, послѣ „китайскихъ событій", вы видите малорусскій вышитый рушникъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ дешево доставшимся китайскимъ шелковымъ покрываломъ. Въ хозяйственномъ отношеніи полтавцы тоже принадлежатъ къ числу крѣпкихъ элементовъ амурскаго крестьянства. Полтавецъ, правда, не проявляетъ такой иниціативы въ усвоеніи улучшенныхъ орудій и машинъ, вообще той склонности къ новизнѣ, какая характеризуетъ молокана; онъ мало приспособленъ къ борьбѣ съ трудностями таёжной жизни и плохо умѣетъ справляться съ лѣсными землями. Но онъ очень трудолюбивъ, аккуратенъ, бережливъ, довольно легко перенимаетъ отъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ разныя улучшенія въ хозяйственныхъ пріемахъ, вообще прекрасно устраивается, разъ только естественныя условія мѣстности—какъ въ

Зейско-Буреинской степи—болѣе или менѣе похожи на тѣ, къ которымъ онъ привыкъ у себя на родинѣ. Впрочемъ, приспособленіе къ новымъ условіямъ не легко дается хохламъ. Какъ разсказываютъ коренные амурцы—молокане и старовѣры—хохлы первое время вовсе не умѣли работать какъ слѣдуетъ, и лишь мало-по-малу выучились хозяйствовать, какъ требуется мѣстными условіями.

Вотъ, наконецъ, недавно возникшіе могилевскіе поселки по Архарѣ, на самой восточной окраинѣ района крестьянской коллонизаціи. Бревенчатые дома, часто недостроенные, крытые соломою или берестой; при каждомъ домѣ уже виднѣется амбарушка, но почти нигдѣ никакихъ крытыхъ скотскихъ помѣщеній; большинство дворовъ еще не огорожено. Сами могилевцы, въ своихъ грязно-бѣлыхъ рубахахъ, еще сохранили свой жалкій „россійскій“ обликъ, особенно низко кланяются, охотно „падаютъ до ногъ“ власть имущихъ лицъ. Что̀ выйдетъ въ будущемъ изъ могилевскихъ поселковъ, — трудно сказать! Но пока могилевцы считаются самымъ слабымъ, ненадежнымъ элементомъ амурскаго крестьянства [1]). „Худой народъ могили,—говорятъ старожилы края, раскольники,—гдѣ имъ противъ русскихъ-сибиряковъ выстоять!.. вовсе не умѣютъ работать: на трехъ лошадяхъ за сѣномъ послать нельзя, дровъ колоть не умѣетъ; наймешь на какую работу,—только и работаетъ, что на глазахъ“. „Самый ненадежный народъ—могилевцы“,—говоритъ и переселенческій чиновникъ, и мѣстное полицейское начальство, которое за отсутствіемъ спеціально-крестьянской администраціи стоитъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ новосе-

[1]) Я отнюдь не желаю обобщать сказанное, а имѣю въ виду только тѣ немногіе могилевскіе поселки, которые возникли въ Амурской области. Въ Уссурійскомъ краѣ у могилевцевъ гораздо лучшая репутація.

лами: „на родинѣ были бѣдны, хозяйства безъ мала что не вели; ничего не умѣютъ дѣлать, а здѣсь еще старожилы избаловали подачками; они теперь и не хотятъ работать, а все только норовятъ, какъ бы у кого-нибудь что выпросить". Съ прихода могилевцевъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, единодушно свидѣтельствуютъ и старовѣры, и хохлы—въ краѣ завелось воровство,—„раньше у насъ и замковъ не бывало, а сейчасъ вездѣ позаводили".

Довольно ли амурское крестьянство условіями своей жизни въ Приамурьѣ? На этотъ вопросъ я затрудняюсь дать категорическій отвѣтъ. Мои личныя впечатлѣнія въ данномъ отношеніи въ высшей степени утѣшительны; только отъ немногихъ стариковъ-могилевцевъ—да и то больше отъ усвоенной привычки къ брюзжанію — довелось слышать плохіе отзывы объ условіяхъ жизни на Амурѣ. Въ общемъ же въ отзывахъ крестьянъ звучитъ основная нота полнаго довольства. „Земля здѣсь все родитъ,—говорятъ вамъ новоселы въ одномъ мѣстѣ,—и хлѣбъ, и кукурузу, и бахчи". „Лѣсъ есть, хлѣбъ родится, покосовъ вдосталь", слышите вы отъ другихъ новоселовъ. „И для пашни здѣсь хорошо, говорятъ вамъ третьи, а главное—деньга легкая, заработки хороши". И каждый новоселъ видитъ передъ собой заманчивую перспективу благосостоянія старожиловъ края—молоканъ и старовѣровъ, которые „позажились такъ, что ахъ ты Господи!"

Мои личныя наблюденія, въ данномъ случаѣ, совершенно расходятся съ впечатлѣніями такого прекраснаго наблюдателя, какъ покойный академикъ Коржинскій. „Несмотря на хорошіе заработки, — писалъ преждевременно угасшій естествоиспытатель,—на зажиточную, даже богатую обстановку, рѣдко можно услышать благопріятные отзывы о краѣ и встрѣтить довольство своимъ положеніемъ"; гораздо чаще Коржинскому прихо-

дилось слышать „затаенные вздохи или самыя горькія жалобы на условія мѣстной жизни“. Но это разногласіе очень просто объясняется. У крестьянъ, особенно у переселенцевъ, очень коротка память; отзывы крестьянъ объ условіяхъ ихъ жизни всегда получаютъ яркую окраску отъ тѣхъ условій, при которыхъ протекли два-три послѣднихъ года, — условій, оставившихъ въ памяти совершенно ясный отпечатокъ, который затѣняетъ воспоминаніе объ обстоятельствахъ болѣе раннихъ лѣтъ. Посѣтите, какъ случалось мнѣ, какую-нибудь мѣстность послѣ пары неурожаевъ, а затѣмъ вторично послѣ двухъ-трехъ урожайныхъ годовъ,—и вы услышите отъ крестьянъ совершенно иные отзывы о землѣ, и объ общихъ условіяхъ ихъ существованія. Покойный Коржинскій посѣтилъ Приамурье въ такіе годы, которые не были благополучными для мѣстнаго населенія: въ годы усиленныхъ дождей и большихъ лѣтнихъ разливовъ. Мнѣ пришлось быть на Амурѣ послѣ трехъ умѣренно-дождливыхъ годовъ, безъ большихъ лѣтнихъ разливовъ; хорошіе урожаи въ эти годы получались и съ такихъ полей, куда „въ другой годъ и съ конемъ не заѣдешь“; и подъ вліяніемъ такого благополучія всѣ впечатлѣнія и отзывы крестьянъ получили совершенно иную, гораздо болѣе розовую окраску... Надолго-ли только?..

V.

Амурскіе старовѣры.

Пароходъ пристаетъ къ берегу у станицы Иннокентьевской. Я отправляюсь искать расположенную на противоположномъ концѣ станицы телеграфную контору, причемъ по дорогѣ любуюсь главною достопримѣчательностью станицы — церковью, которая сплошь

обшита цинкованнымъ волнистымъ желѣзомъ. Возвращаюсь назадъ, и застаю своего товарища по экскурсіи въ оживленной бесѣдѣ съ двумя пассажирами, которые вотъ уже вторыя сутки сидятъ на берегу, въ тщетномъ ожиданіи мѣста на попутномъ пароходѣ.

— Такъ вы, ваше благородіе, такъ и сдѣлайте,—говоритъ одинъ изъ нихъ, молодой еще парень съ рыжеватою бородкой, въ пиджакѣ и картузѣ:—возьмите лошадей наскрозь отъ Грибовки, а то изъ Аркадьевки, да ѣзжайте на Гилеву заимку,—своихъ коней у гилевскихъ не должно быть; у Гилевыхъ заночуете, да оттоль и проѣдете на тятенькину заимку; а ежели понадобится дальше въ хребты (мѣстное названіе тайги) проѣхать, тятенька вамъ тунгуса дастъ,—тунгусъ проводитъ.

— А тятеньку вашего какъ зовутъ?—вмѣшиваюсь я въ разговоръ.

— Фирстовымъ, Филиппомъ Фирстовымъ. У насъ заимка была, какъ Грибовку проѣхать—съ версту; можетъ, ваше благородіе, она у тебя въ планту показана (дѣйствительно, на 40-верстной картѣ главнаго штаба значится „пасѣка Фирстова“); сейчасъ-то тятенька татарину заимку продалъ; самъ верстъ за двадцать пять въ хребты уѣхалъ, на Бирьи вершины, а я свою пасѣку завелъ, недалечку въ сторонѣ.

— Зачѣмъ же это вашъ отецъ старую заимку продалъ?

— Да деревни, ваше благородіе, близко подошли, мѣста людныя стали; а гдѣ люди, тамъ пчелу ужъ неловко водить... а на Бирьихъ вершинахъ мѣсто спокойное, для пчелы славно.

— Ну, а дастъ намъ тятенька тунгуса?

— Пошто не дастъ? Дастъ,—вмѣшивается въ разговоръ другой нашъ собесѣдникъ, пожилой человѣкъ безъ усовъ и бороды, въ чисто крестьянской одеждѣ,

безъ всякихъ городскихъ новшествъ: — ежели только самъ дома. А тунгусъ, ваше благородіе, если понадобится, васъ и до моей заимки довести можетъ. Только, пожалуй, не къ чему вамъ экую даль маяться; тропа худая — горы, топи, а мѣстовъ хорошихъ, ежели вы насчетъ земли ѣздите,—ужъ это я вамъ вѣрно сказываю—нисколько нѣтъ. Вотъ около прежней нашей заимки, тамъ ничего, мѣста ладныя.

— А прежняя заимка у васъ гдѣ была?

— Да вотъ, Гилева заимка въ плану пишется—она и есть. Сейчасъ тамъ могили живутъ, а допрежь того наша была—Гилевыхъ да моя; а меня-то Плюснинымъ зовутъ, ваше благородіе, Харламомъ Плюснинымъ.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ въ крестьянскій районъ судьба натолкнула насъ на представителей любопытнѣйшаго типа старовѣровъ-заимщиковъ, этихъ лучшихъ піонеровъ сибирской и амурской тайги. Со своими заимками они проникаютъ въ непроходимую, безлюдную тайгу, далеко за предѣлы районовъ сплошной земледѣльческой колонизаціи, а когда эта колонизація надвигается на нихъ, они бросаютъ свои заимки, уходятъ куда-нибудь дальше, вглубь тайги, и живутъ, пока опять не придетъ время уходить отъ „міра“. О Фирстовѣ я наслышался еще въ Благовѣщенскѣ; слышалъ, между прочимъ, о посѣщеніи его заимки однимъ важнымъ мѣстнымъ администраторомъ. Поговоривъ о пчеловодствѣ, вообще о хозяйствѣ, администраторъ захотѣлъ перевести разговоръ на религіозныя темы.

— Ты православный?

— Самой православной, настоящей вѣры.

— А дѣтей какъ крестите? водою?

— Нѣтъ, не водою, а духомъ. Да что объ этомъ разговаривать, ваше—ство, лучше я васъ чаемъ да медкомъ попотчиваю...

Я не знаю, сколько еще времени нашимъ собесѣдникамъ пришлось просидѣть въ ожиданіи парохода; возможно, что и не одинъ день, потому что попасть на пароходъ на Амурѣ, особенно съ промежуточной пристани,—это все равно, что взять выигрышъ въ лотерею; проѣзжая по Амуру, постоянно приходится видѣть у пристаней горы багажа и пассажировъ, по многу дней дожидающихся счастья попасть на пароходъ... Мы же черезъ нѣсколько часовъ тронулись въ путь. Проѣхали чистенькую малорусскую деревню Аркадіе-Семеновку (названную такъ, по мѣстному обыкновенію, по имени-отчеству одного изъ бывшихъ губернаторовъ области), проѣхали пару вновь возникшихъ могилевскихъ поселковъ и добрались до могилевскаго же поселка—Грибской или Грибовки (названіе—тоже по губернаторской фамиліи). Здѣсь кончался колесный путь, дальше приходилось слѣдовать верхомъ. Нужно было разобрать багажъ, разложить его по вьюкамъ, собрать партію верховыхъ лошадей и проводниковъ; на все это требовалось не мало времени, которое мы провели въ недостроенной избѣ, бесѣдуя на разныя темы съ ея хозяевами. Поразспросивъ насчетъ посѣвовъ, цѣнъ на разные продукты, услышавъ уже успѣвшій стать привычнымъ отвѣтъ, что „здѣсь всякій хлѣбъ родится“, спрашиваю хозяйку:

— Корова-то у тебя, милая, есть?

— Есть коровушка.

— А сколько плачена?

— Ничего не плачена. Старикъ съ Гилевой заимки, Харламъ, нашимъ старикамъ пожертвовалъ, для Бога.

— Что-жъ, и другимъ онъ жертвовалъ?

— Давалъ которымъ. У насъ на деревнѣ почитай четыре коровы или пять отъ него, да по другимъ деревнямъ—въ каждой по стольку же.

Разговоръ переходитъ на дыни, арбузы, огурцы—и это все „здѣшняя земля родитъ“.

— А сѣмена откуда брали?—спрашиваю.

— Отъ хохловъ, да съ Гилевой заимки. Мы какъ пришли, ничего у насъ не было, хоть помирай съ голоду, не то что сѣять; а они приплавили двѣ лодки съ хлѣбомъ, да съ арбузами, да съ огурцами,—иди и бери. Хорошіе они люди, Богъ ихъ благослови.

Наконецъ, снарядивъ свой обозъ, отправляемся въ путь. Проѣхавъ съ версту, наѣзжаемъ на заимку: хорошая изба, нѣсколько амбаровъ, крытый скотскій загонъ. Около заимки пожилой татаринъ копаетъ ямы для новой изгороди. Очевидно—бывшая заимка Фирстова.

— Это твоя заимка?—спрашиваемъ татарина.

— Моя и есть.

— У Фирстова купилъ?

— У него и есть.

— Что же, пашню будешь пахать?

— Пашню, пчелъ заведу — больно хорошее мѣсто для пчелы.

— Хорошее? — спрашиваю. — А Фирстовъ оттого, говоритъ, ушелъ, что около людей пчелъ водить нельзя?..

— Пустое это,—говоритъ татаринъ.—Люди пчелѣ не препятствуютъ. А оттого Фирстовъ ушелъ, что старовѣръ: они русскихъ къ себѣ не пускаютъ, изъ своего стакана пить не даютъ, имъ и нельзя оставаться, гдѣ русскіе стали жить.

Немного отъѣхавъ отъ заимки, начинаемъ подниматься по отлогому склону невысокаго хребта, поросшаго мѣстами лиственницей, по большей части дубомъ, на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ натыкаясь на кочковатыя болотца или увязая на такихъ полянкахъ, которыя издали казались совершенно сухими. Добравшись до перевала, влѣзаемъ на небольшую каменную сопку, откуда передъ нами открывается дивный видъ—

настоящія „лѣсныя дали“ во вкусѣ М. К. Клодта или раннихъ пейзажей Аполлинарія Васнецова: ярко-зеленыя равнины, параллельныя цѣпи невысокихъ, темно-зеленыхъ, лѣсистыхъ холмовъ, а за ними на горизонтѣ синѣютъ высокія горы Малаго Хингана. Довольно крутой спускъ вдоль весело журчащаго горнаго ручья, среди густой заросли орѣшника и дубняка, приводитъ насъ къ берегу Архары. Здѣсь намъ приходится оставить лошадей—въ Архарѣ высокая вода, и переплавить лошадей нельзя; переправляемся на утлой лодкѣ и идемъ пѣшкомъ до мѣста нашего ночлега.

Ночлегъ этотъ на Гилевой заимкѣ, нынѣ поселкѣ могилевскихъ переселенцевъ. Въ поселкѣ пока всего семь дворовъ; нѣтъ ни выборнаго начальства, ни отводной квартиры. Мы высматриваемъ самый большой домъ и просимъ разрѣшенія переночевать. Намъ разрѣшаютъ.

Оказывается, мы попали удачно: этотъ домъ—бывшій домъ Харлама Плюснина; большія хоромы, крашеные масляною краскою полы, вѣнскіе стулья, прекрасное зеркало съ золоченою рамой. Новый владѣлецъ—пожилой могилевецъ въ грязно-бѣлой рубахѣ—видимо не совсѣмъ ловко чувствуетъ себя среди всего этого непривычнаго великолѣпія, которое, впрочемъ, новые обитатели успѣли достаточно испакостить и загадить.

— У кого купилъ домъ-то?—спрашиваемъ старика-могилевца.

— У Харлама Плюснина.

— За сколько?

— За четыре сотни, да деньги не плачены. Уходилъ Харламъ на новое мѣсто, дома некуда дѣвать,—онъ мнѣ и препоручилъ.

Скоро для меня выяснился и дѣйствительный смыслъ этого „препорученія“. На другое утро мы поѣхали верхами, посмотрѣть окрестности заимки. Съ нами поѣхалъ

сынъ нашего хозяина, толковый и разговорчивый малый, отъ котораго мы и узнали, что могилевцы просто купили дома въ кредитъ у старовѣровъ.

— Чудной народъ: отроду насъ въ глаза не видали, а экія деньги вѣрятъ; да и бумаги никакой не берутъ,— такъ, на слово. Спрашиваю я ихъ: а ежели помремъ, что̀ будетъ? Ничего, говоритъ, Богъ отдастъ... И то сказать,—продолжалъ парень,—много денегъ у нихъ и пропало за нашимъ братомъ, а они—ничего. Милосердные они: Могилевку да Грибовку почитай скрозь кормили; придутъ къ нимъ новоселы, они накормятъ, да всего съ собой даютъ; бери, говорятъ, сколько хочешь,— да еще радуются: видно, говорятъ, голодны, что экую ношу несутъ...

— А зачѣмъ же они—спрашиваю,—заимку бросили?

— Да кто ихъ, ваше благородіе, знаетъ! То ли имъ по старой вѣрѣ съ мірскими жить не глянется, то ли отъ чего другого. Сказываютъ, тунгусы имъ хорошее мѣсто показали: ключикъ горячій, а къ ключику изюбри [1]) ходятъ, имъ для промысла и хорошо; промышляютъ вѣдь они все больше... А то еще сказываютъ, золотишко гдѣ-то нашли, Господь ихъ знаетъ.

— А много ихъ,—спрашиваю,—такихъ милосердныхъ?

— Нѣтъ, про другихъ не слыхали что-то. Покормить—это всякій покормитъ; а подарковъ, кажись, не даютъ другіе.

Однако, гилевскіе старовѣры далеко не единственные въ своемъ родѣ. Черезъ пару дней, пересѣкая водораздѣлъ отъ Архары къ Буреѣ, пришлось заночевать на заимкѣ нѣкоего Безрукова—старовѣра изъ деревни

---

[1]) Благородный олень; охотятся на него изъ-за роговъ („панты"), за которые китайцы даютъ большія деньги.

Домикана. Пріѣхали мы поздно, сейчасъ же залегли спать въ амбарѣ, на засыпанномъ въ сусѣкъ овсѣ, утромъ рано выѣхали, и я только мелькомъ видѣлъ хозяина заимки, угрюмаго и несимпатичнаго на видъ, рослаго, бородатаго мужика и успѣлъ перекинуться съ нимъ всего нѣсколькими словами на какія-то сельскохозяйственныя темы.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ заимки, встрѣчаемъ мѣстнаго пристава, съ которымъ и пришлось доѣхать до Домикана, на Буреѣ. Разговоръ зашелъ о старовѣрахъ. Узнавъ, что мы ѣдемъ съ Гилевой заимки, приставъ началъ дѣлиться со мною своими подозрѣніями относительно причинъ, побудившихъ обитателей заимки перебираться дальше вглубь тайги.

— Что-жъ тутъ особеннаго,—пытался я было возражать: — вездѣ вѣдь старовѣры стараются скрыться отъ „міра“ въ невѣдомую тайгу.

— Да, это такъ, а все-таки—зачѣмъ имъ нужно бѣжать отъ людей?.. Нѣтъ, ужъ я доберусь до нихъ,—съ жаромъ говорилъ почтенный чиновникъ; — пусть они себѣ тамъ годъ посидятъ да обживутся, а тамъ мы и посмотримъ, въ чемъ дѣло.

Однако, несмотря на нескрываемо-недружелюбное отношеніе къ старовѣрамъ, мой случайный спутникъ не отрицаетъ, что старовѣры—лучшая часть населенія его участка; „только насъ, православныхъ, почитаютъ хуже собаки“. Но помогаютъ, не разбирая православныхъ отъ неправославныхъ.

— Вы вотъ ночевали на заимкѣ у Безрукова,—вѣдь онъ рѣшительно всѣхъ переселенцевъ, кто къ нему ни зайди, кормитъ. Даю вамъ слово, если бы не онъ, за зиму бы у меня десятка полтора переселенцевъ позамерзло. Отъ Домикана до Архары сорокъ верстъ, идутъ все больше пѣхомъ, морозъ лютый, ну, каждый и зайдетъ къ Безрукову, обогрѣться; онъ каждаго накормитъ,

да еще хлѣба дастъ съ собой на дорогу. Въ нынѣшнемъ году, знаете, онъ особо четыре десятины пшеницы посѣялъ—„для гостей“; просто для счета—любопытно стало знать, сколько на такихъ „гостей “выходитъ хлѣба.

Разговоръ зашелъ о могилевцахъ; мой собесѣдникъ, оказалось, раздѣляетъ всеобщее нерасположеніе къ этой группѣ новоселовъ.

— Они и на родинѣ-то,—говорилъ онъ, — хозяйства не умѣли вести, а здѣсь еще старовѣры ихъ избаловали подачками. Вѣдь до какого нахальства доходятъ!.. Есть въ Домиканѣ старикъ одинъ — онъ у нихъ въ родѣ архіерея; пришла къ нему женщина изъ Могилевки, онъ ей подарилъ телку; а чрезъ недѣлю та опять къ нему: „телкѣ, молъ, скучно, подари бычка“; пѣтуха дарятъ—не берутъ: дай курицу, она яйца будетъ нести.

Кромѣ отдѣльныхъ заимокъ, забравшихся въ глухую тайгу, въ видѣ авангарда колонизаціи, или располагающихся на „междугранкахъ“, т.-е. на свободныхъ земляхъ въ промежуткахъ между селенными надѣлами, старовѣры живутъ и своими селеніями, преимущественно по Буреѣ и въ ближайшемъ къ ней районѣ; въ одномъ селеніи, при этомъ, нерѣдко можно встрѣтить раскольниковъ различныхъ толковъ, а иногда старовѣры живутъ и вмѣстѣ съ православными.

Всѣ старовѣрскія деревни—Платова на Завитой, на Буреѣ Домиканъ, Каменка, Кулусутай, Бахарева,—прекрасно обстроены, хотя и не съ такимъ шикомъ, какъ селенія молоканъ. Солидно сложенные бревенчатые дома, почему-то всегда съ бѣлыми ставнями, крытые иногда берестой, чаще тесомъ или цинкованнымъ желѣзомъ; дома сплошь и рядомъ въ нѣсколько покоевъ, даже двухъэтажные, у богатыхъ — съ какими-то балкончиками или галлереями; дворы широкіе, съ массивными амбарами и крѣпкими изгородями; около домовъ часто

небольшіе садики или палисадники. Словомъ, все производитъ впечатлѣніе зажиточности и хозяйственности хотя во многихъ, явно зажиточныхъ дворахъ непріятно поражаетъ нѣкоторая запущенность, находящая себѣ выраженіе въ полуразвалившихся амбарахъ, покосившихся заборахъ и разбитыхъ стеклахъ.

У амурскихъ старовѣровъ — слава прекрасныхъ земледѣльцевъ, хотя, въ смыслѣ склонности къ новшествамъ и усовершенствованіямъ, они и уступаютъ молоканамъ, пользующимся репутаціею „американцевъ“ par excellence. Но въ противоположность позднѣйшимъ пришельцамъ, хохламъ или могилевцамъ, старовѣры рѣдко живутъ однимъ земледѣліемъ. Каждый старовѣръ, прежде всего, страстный охотникъ, и охотничій промыселъ, которому такъ благопріятствуютъ и богатая фауна, и почти полная пустынность большей части пространства Амурской области, даваль старовѣрамъ крупные заработки: промышляютъ козулю (козуль вы и сейчасъ еще встрѣчаете на каждомъ шагу, проѣзжая по окраинамъ заселеннаго района), сохатаго, медвѣдя; охотятся на изюбря, молодые рога котораго покупаются китайцами за огромныя деньги. Ловятъ звѣря разными ловушками, но главнымъ образомъ охотятся съ ружьемъ, причемъ, въ отличіе отъ западно-сибирскаго охотника съ его первобытною кремневкой, амурскій старовѣръ вооруженъ въ худшемъ случаѣ берданкой, а нерѣдко — дорогимъ винчестеромъ или винтовкой какой-нибудь другой извѣстной иностранной фирмы. Охота для амурскаго старовѣра—настоящій спортъ: проводя на „промыслѣ“ массу времени и затрачивая бездну энергіи, онъ слѣдуетъ далеко не одному только хозяйственному разсчету, но кромѣ того и своему вкусу, своей страсти къ охотѣ: съ точки зрѣнія чисто-хозяйственнаго разсчета охотничій промыселъ, при высокой оцѣнкѣ труда, обусловливаемой изобиліемъ на Амурѣ разно-

образнѣйшихъ болѣе выгодныхъ заработковъ, отнюдь не можетъ быть признанъ особенно доходнымъ занятіемъ.

Самые крупные заработки амурскимъ старовѣрамъ давала однако золотопромышленность, и обнаружившійся въ самые послѣдніе годы временный — можно думать—упадокъ золотого дѣла въ краѣ довольно тяжело отразился на ихъ благосостояніи. Не мало старовѣровъ, и изъ „деревенскихъ“, и особенно изъ зимщиковъ, занимается, повидимому, такъ называемою „хищническою“ добычею золота: найдутся между ними и спиртоносы, и представители другихъ, частью еще менѣе благовидныхъ профессій, какія всегда складываются около пріисковъ и на путяхъ выхода золотопромышленныхъ рабочихъ,—хотя, впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что разсказы о самыхъ темныхъ дѣлахъ, совершающихся „около золота“, почти всегда связываются не со старовѣрскими, а съ молоканскими именами. Но главный, массовый заработокъ даетъ или, вѣрнѣе, давалъ извозъ—перевозка въ пріисковыя „резиденціи“ десятковъ и сотенъ тысячъ пудовъ потребляемыхъ на пріискахъ продуктовъ; затѣмъ — заготовка сѣна и разные другіе виды вспомогательныхъ работъ (на работы собственно по добычѣ золота мѣстныхъ жителей нанимать воспрещается), не говоря уже о томъ крайне выгодномъ сбытѣ, который пріиски открывали для разнообразнѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства.

На хозяйствѣ буреинскихъ старожиловъ особенно сильно отразился кризисъ Ниманской золотопромышленной компаніи, „резиденція“ которой стоитъ всего въ тридцати верстахъ отъ послѣдняго по Буреѣ старовѣрскаго селенія—Бахаревой. Еще недавно на Ниманскихъ пріискахъ намывали золота до ста шестидесяти пудовъ въ годъ, а въ компанію 1900 г. намыли всего только

семь пудовъ... „И чего тамъ только не было,—съ сокрушеніемъ разсказываютъ бахаревцы: — три тысячи лошадей по три пути дѣлали, разный товаръ возили,—было, значитъ, что̀ возить! Вся Завитинская волость на нихъ работала, съ Томи — Томская волость работала, богато жили!.. На Пайканскомъ складѣ (названіе Ниманской резиденціи) сѣно прессовали — зарабатывали по два да по три рубля въ день; овесъ продавали по семи да по восьми гривенъ, а сейчасъ не дороже полтинника...“

Какъ „деревенскіе“ старовѣры, такъ и обитатели заимокъ почти поголовно собираются уходить съ насиженныхъ мѣстъ,—отсюда, очевидно, нѣсколько запущенный видъ многихъ домовъ и дворовъ въ старовѣрскихъ селеніяхъ: не поправляютъ домовъ, даютъ валиться изгородямъ, потому что доживаютъ здѣсь послѣдніе годы, и каждый присматриваетъ себѣ какое-нибудь новое мѣсто для водворенія. „Только оттого по-сейчасъ не ушли,—говорили мнѣ старовѣры въ деревнѣ Каменкѣ,—что домашность некуда опредѣлить; а вотъ придутъ новоселы, домашность покупятъ, такъ всѣ уйдемъ“. Собираются старовѣры, главнымъ образомъ, „во Владивостокъ“—въ Приморскую область, кто на Даубихе, кто на Уду. Одни стремятся туда исключительно на основаніи слуховъ, другіе уже ходили смотрѣть „новыя мѣста“, кое-кто ужъ и переселился. Впослѣдствіи, странствуя по самымъ глухимъ дебрямъ Южно-Уссурійскаго края, я попалъ въ образованную выходцами изъ Каменки деревню—тоже Каменку, на побережьи Улахе; приходилось только развести руками: какъ старовѣры могли пробраться, съ семьями и скарбомъ, въ такую глухую тайгу, удаленную отъ всякихъ проѣзжихъ дорогъ... Всѣхъ привлекаетъ туда главнымъ образомъ просторъ, приволье. „Тамъ свободно,—разсказывалъ мнѣ старовѣръ, ходившій смотрѣть мѣста на Даубихе;—для

хлѣбовъ, сказать по правдѣ, мѣста не стоятъ здѣшнихъ, да большія удобства для промысла, для пчелы"; а на Удѣ „шибко хорошо" для скотоводства, да и на рыбѣ можно заработать.

Однако, что же гонитъ амурскихъ старовѣровъ съ насиженныхъ ими мѣстъ? Говорить о тѣснотѣ, недостаткѣ земли, было бы смѣшно; сами старовѣры соглашаются, что „пашня есть, покоса сколько угодно, лѣсъ есть, все есть", хотя и говорятъ о разныхъ признакахъ надвигающагося „утѣсненія": „прежде, бывало, не пасли скота, вольно было; а теперь нагнали россійскихъ, пасти скотину доводится". Сократились, правда, и заработки на пріискахъ, но все же условія оплаты труда, а особенно—сбыта продуктовъ, и до сихъ поръ въ высшей степени благопріятны; поистощились, правда, запасы промысловаго звѣря, но и сейчасъ козули такъ и скачутъ по лѣсамъ и горамъ, и хорошій охотникъ все еще избиваетъ за зиму десятки головъ крупнаго звѣря. Если поэтому старовѣры говорятъ о наступившемъ „многолюдствѣ", заставляющемъ ихъ искать „новыхъ мѣстовъ", то это, конечно, не то многолюдство, связанное съ недостаткомъ земли, съ земельною тѣснотою, которое гонитъ переселенца изъ Европейской Россіи или изъ Западной Сибири. Амурскій старовѣръ уходитъ отъ надвигающагося на него „міра", отъ общенія съ иновѣрцами,—онъ ищетъ уединенія и возможности спокойно жить „по старинѣ". Куда онъ пойдетъ, этотъ вѣчный странникъ, куда онъ дѣнется въ томъ близкомъ будущемъ, когда „міръ" придвинется къ самому Тихому океану и проберется въ дикія нынѣ дебри Амурскихъ и Уссурійскихъ „хребтовъ"?.. Вся надежда для старовѣровъ въ томъ, что цѣною упорнаго труда и неослабной борьбы съ суровою природой имъ удастся устроиться на такихъ глухихъ окраинахъ, куда „міръ" не послѣдуетъ за ними,—окраинахъ, которыя по

суровости климата и дикости природы еще долго останутся недоступными для заурядныхъ переселенцевъ.

Подъѣзжая къ деревнѣ Домикану, я замѣтилъ на небольшомъ пригоркѣ какое-то необычное сооруженіе,—что-то въ родѣ сторожевой вышки, на четырехъ столбахъ, съ площадкою и крышей.

— Китайцевъ въ прошедшемъ годѣ караулили,—объяснилъ мнѣ ямщикъ, домиканскій старовѣръ.—Мужиковъ-то всѣхъ взяли въ казаки *); остались однѣ бабы да старики, мы и посадили караульщика: какъ китайцы покажутся, чтобы бѣжать.

— А приходили китайцы?

— Нѣтъ, не приходили. А которые у насъ на деревнѣ жили, работали, тѣхъ... — мой собесѣдникъ нѣсколько заминается..; прочь погнали, — заканчиваетъ онъ фразу.

— А куда жъ они дѣвались?—настаиваю я.

— Да перебили всѣхъ,—отвѣчаетъ ямщикъ какъ-то нерѣшительно.—Согнали въ волость, да тамъ и били. Много, сердешныхъ, перебили, которыхъ и не за что было убивать-то. Пріѣзжалъ какой-то, приказъ будто объявлялъ—бить всѣхъ до единаго; бумаги-то онъ не привозилъ, сказываютъ, а такъ словесно объявилъ. Потомъ бумага пришла—не бить; а ихъ уже всѣхъ перебили... Пожалуй, настояще-то и приказу не было, чтобы бить, а такъ, одно недоумѣніе...“

— А капиталъ у китайцевъ куда дѣвался? — спрашиваетъ его мой товарищъ по поѣздкѣ.

— Какой у нихъ капиталъ! Все дроворубы были, рабочіе—развѣ у кого двадцать аль тридцать рублей заработанныхъ. Ну, у кого нашли деньги, подѣлили

---

*) Имѣется въ виду дружина, сформированная въ 1900 году для обороны границы отъ китайцевъ.

промежъ себя, которые били. А который китаецъ поумнѣе, тотъ прямо въ воду прыгнетъ, да и снесетъ его въ Амуръ, вмѣстѣ съ капиталомъ.

„Китайскія событія“ обогатили, однако, не мало народу. Не мало нажилось вновь прибывшихъ изъ Россіи переселенцевъ: имъ позволили снимать хлѣбъ съ брошенныхъ манчжурами полей за-Зейскаго района; отъ продажи хлѣба, а въ особенности отъ разысканнаго по разнымъ тайникамъ манчжурскаго добра, многіе переселенцы выручили тысячныя суммы... да и ушли съ ними: кто домой („съ такими деньгами ему и дома хорошо будетъ“, говорятъ оставшіеся), кто на свободныя земли западной или средней Сибири, гдѣ обзаведеніе обходится дешевле, чѣмъ на Амурѣ.

Мнѣ уже приходилось говорить о томъ, какъ тяжело „китайскія событія“ отразились на интересахъ благовѣщенскихъ обывателей. Не безъ вліянія они остались и на интересы крестьянъ. Какъ продавцы продуктовъ своего хозяйства, крестьяне, конечно, должны были только радоваться устраненію конкурренціи за-Зейскихъ манчжуръ. Всѣ продукты страшно вздорожали: яйца, которыя манчжуры продавали по 10—15 копѣекъ, лѣтомъ 1901 года продавались по 30—50 копѣекъ, а зимою передъ тѣмъ—и по рублю десятокъ; за рогатую скотину вѣсомъ въ 7—8 пудовъ, какая раньше стоила 40—50 рублей, теперь даже въ отдаленныхъ отъ Благовѣщенска деревняхъ платятъ не менѣе 70—80 руб., а въ Благовѣщенскѣ и всѣ сто рублей; простое масло доходитъ по деревнямъ до 60—70 копѣекъ фунтъ, а раньше стоило половину.

И, тѣмъ не менѣе, крестьяне не радуются отсутствію китайцевъ. Китайцы для амурскихъ крестьянъ прежде всего и болѣе всего—рабочая сила, дешевая и въ то же время надежная: „китаецъ—онъ безоблыжный, говорятъ буреинскіе старовѣры,—до самой смерти мается;

не то что россійскіе; тѣ только и работаютъ, пока на глазахъ". Исчезновеніе этого источника рабочей силы повело къ рѣзкому вздорожанію рабочихъ рукъ. Ручная уборка хлѣба, которая обходилась при китайцахъ по 12—15 руб., въ 1900 году стоила уже по 25 руб. съ „молоканской" десятины (4.000 кв. саж.). За вязку хлѣба при машинной уборкѣ китайцы брали по 2 руб. 50 коп.—3 р. съ десятины; въ 1900 году вязка обошлась уже рублей по пяти, а въ 1901 году, по разсчетамъ крестьянъ, должна была стать не менѣе 7—8 рублей съ десятины. Между тѣмъ, амурскіе крестьяне, даже многіе изъ только-что прибывшихъ въ край, не продаютъ, а покупаютъ рабочую силу; естественно, что вздорожаніе рабочихъ рукъ имъ не очень по нутру. Между прочимъ, оно рѣзко отразилось на техникѣ уборки хлѣба: вмѣсто простыхъ жней, амурскіе крестьяне, въ особенности молокане, понакупили жней-сноповязалокъ, такъ какъ, при почти утроившейся стоимости ручной работы, машинная вязка хлѣба сразу стала несравненно болѣе выгодной.

VI.

Амурскіе помѣщики.

Вотъ, совсѣмъ недалеко отъ Благовѣщенска, за Зеей, Будунда, сожженная манчжурская деревня. Остатки стѣнъ, груды перегорѣвшей глины, мѣстами почти неповрежденныя огнемъ конусообразныя печи, обгорѣлые столбы изгородей; кое-гдѣ валяются маленькіе жерновки китайскихъ ручныхъ мельницъ; на огородахъ гряды, заросшія густымъ и крупнымъ бурьяномъ, среди котораго мѣстами пробивается самосѣвный лукъ.

— Народъ-то куда дѣвался?—спрашиваемъ ямщика.

— Ушли,—нехотя отвѣчаетъ ямщикъ...—А которыхъ побили,—добавляетъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія,—кто уходить не хотѣлъ. Какъ стали жечь Будунду, они похоронились въ травѣ да въ кустахъ; послали команду ихъ искать, да всѣхъ и перебили.

— Кто же билъ-то?—спрашиваемъ.

— Да такъ, всякій народъ: которые деревенскіе, а больше шпана изъ города набралась; ну, тоже и имуществомъ покорыстовались, котораго манчжуры въ землю не попрятали.

Миновавъ Будунду, ѣдемъ долиною Зеи, по извилистой, торной дорогѣ, пересѣкая широкую полосу бывшихъ манчжурскихъ пашенъ; теперь это сплошныя заросли высокаго бурьяна, сквозь который, однако, еще ясно видны характерныя китайскія грядки, узкія и прямыя, какъ стрѣла. На переѣздѣ черезъ неширокое болотце, протянувшееся у подошвы окаймляющаго долину увала, наша тройка проваливается по брюхо; оказывается, устроенная манчжурами, бывшими обитателями Будунды, крѣпкая гать разобрана на топливо переселенцами, въ прошломъ году собиравшими манчжурскій хлѣбъ. Поднимаемся на невысокій увалъ, густо поросшій дубовымъ кустарникомъ, и выѣзжаемъ на безпредѣльную степь, во всѣ стороны раскинувшуюся своими пологими, куполообразными перевалами. Куда ни глянетъ глазъ, вездѣ распаханныя поля, среди которыхъ кое-гдѣ разбросаны небольшія рощицы, да въ разныхъ направленіяхъ протянулись сѣнокосныя низины.

Переѣзжаемъ черезъ неширокій ровъ, сплошь заросшій кустарникомъ. Это—„манчжурская канава“, граница бывшихъ манчжурскихъ, нынѣ отданныхъ казакамъ земель „за-Зейскаго района“; а вдоль этой канавы вытянулся длинный рядъ „нумерныхъ“ участковъ—небольшихъ земельныхъ дачекъ, нарѣзанныхъ и рас-

проданныхъ въ частныя руки, какъ говорятъ, со спеціальною цѣлью — прекратить расползаніе манчжурскихъ запашекъ. За полосою „нумерныхъ“ участковъ располагается нѣсколько молоканскихъ селеній — Тамбовка, Толстовка, Жарикова, Гильчинъ, и въ перемежку съ ихъ надѣлами тоже разбросаны многочисленные, только покрупнѣе, участки частнаго владѣнія.

Меня очень интересовали „амурскіе помѣщики“— эти, пока единственные въ Сибири, серьезные зачатки частнаго землевладѣнія и частновладѣльческаго хозяйства, въ которыхъ одни видятъ главную опору будущаго агрикультурнаго и всякаго иного прогресса Сибири, другіе... ничего не видятъ, кромѣ безполезной растраты цѣннаго государственнаго достоянія; и мнѣ поэтому очень любопытно было посмотрѣть на нѣсколько такихъ частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Нашею ближайшею цѣлью была „Исаевская заимка“,— какъ я думалъ, помѣстье нѣкоего Исаева; и мы завидѣли ее почти сейчасъ же, какъ поднялись на увалъ и переѣхали черезъ „Манчжурскую канаву“. Но то, что я увидѣлъ, повергло меня въ немалое изумленіе: вмѣсто помѣщичьей усадьбы передо мной открылась небольшая деревня, окруженная рощицами молоденькаго недавно запущеннаго лѣса: девять недурныхъ домовъ, но чисто-крестьянскаго типа, съ довольно плохо огороженными или вовсе неогороженными дворами, съ неважными, по большей части, службами; на выѣздѣ красуются обширныя, но, очевидно, необитаемыя хоромы городского вида, а насупротивъ нихъ— небольшая двупоставная паровая мельница. Хоромы съ мельницей и при нихъ 350 десятинъ земли,—это собственно и была Исаевская заимка. Девять жилыхъ домовъ—это усадьбы молоканъ, владѣющихъ участками, каждый отъ семидесяти пяти до четырехсотъ десятинъ;

трое изъ нихъ купили сообща Исаевскую заимку; мельницу и при ней пятьдесятъ десятинъ оставили пока въ общемъ владѣніи, а остальныя триста десятинъ подѣлили на три равныя доли.

Заѣзжаемъ въ одинъ изъ девяти дворовъ. Заходимъ въ избу, просимъ квасу. Завязывается разговоръ; кромѣ хозяина избы, главы семьи въ двадцать семь душъ, въ разговорѣ принимаютъ участіе и собравшіеся сосѣди—все крѣпкій, рослый народъ, настоящіе мужики по обликуи одеждѣ. Оказывается, строй жизни у нихъ—настоящій деревенскій: есть выборный староста, гоняются очередныя подводы; общее усадебное мѣсто—на сходящихся углахъ четырехъ сосѣднихъ участковъ; хлопочутъ объ отводѣ полоски земли подъ общій выгонъ.

— Вотъ вы какіе,—изумляюсь я:—а я думалъ, вы помѣщики, такъ помѣщики,—своими усадьбами живете.

— Какіе мы, ваше б-діе, помѣщики,—смѣется хозяинъ избы:—мужики мы—такъ мужики и есть; по мужицки живемъ, всю жизнь въ землѣ роемся...

— Они всегда другъ къ дружкѣ жмутся, стараются деревнями жить,—разъясняетъ мой спутникъ, мѣстный обыватель, вдоль и поперекъ знающій всѣхъ заимщиковъ.

— Да какъ же, баринъ,—говоритъ одинъ изъ заимщиковъ,—намъ иначе жить-то? Деревней вотъ поселились,—и учителя собча́ нанимаемъ, и выгонъ у насъ общій будетъ, и мельницей ловчѣе пользоваться; да и жить-то на міру веселѣй, нежели по одиночкѣ.

Оказывается, заимщики пораспахали уже почти всѣ свои земли; „залоги“ (цѣлины) парятъ, начинаютъ оставлять подъ паръ и „мятыя“ земли, постепенно переходя такимъ образомъ отъ переложнаго хозяйства южнорусскихъ степей къ общесибирской залежно-паро-

вой системѣ полеводства; пашутъ плугами—„козульками“ (американской фирмы „Deer“ съ оленемъ, „козулькой“, въ видѣ марки), нѣкоторые—двухлемешными; всѣ имѣютъ жнеи-„адріанки“ (тоже американская фирма—„Adriance-Platt“), трое только что купили сноповязалки; у троихъ есть молотилки, остальные нанимаютъ молотилки у этихъ трехъ, платя за обмолотъ по 4 р.—4 р. 50 к. съ десятины. Сѣютъ, „по россійски“, пшеницу, много овса, частью на зерно, частью на зеленый кормъ; начинаютъ перенимать у китайцевъ посѣвы черныхъ бобовъ (сои), вводя, такимъ образомъ, въ сѣвооборотъ начала плодосмѣна. Лошади больше привозныя, томскія; рогатый скотъ мѣстный, монгольскій, овцы—породъ таврическихъ, слабыя, плохо переносящія мѣстный климатъ; есть и мѣстныя, тоже плохой породы. Словомъ, хозяйство обычнаго для данной мѣстности, крестьянскаго типа. Обработаны поля хорошо и аккуратно, но и въ этомъ нѣтъ отличія отъ полей сосѣднихъ деревень. Да и сами заимщики не считаютъ себя въ чемъ-либо выдающимися хозяевами. „Который крестьянинъ бѣдный,—отвѣчаютъ они на мой вопросъ,—тому гдѣ же противъ насъ землю обработать; а ежели у котораго деревенскаго сила, тотъ намъ нисколько не уважитъ“...

Побесѣдовали, напились квасу,— и дальше. Опять почти сплошныя пашни, прерывающіяся небольшими сѣнокосными лощинками или полосками цѣлины, заросшей орѣшникомъ. На каждой полуверстѣ, то справа, то слѣва, толстые-претолстые межевые столбы, поставленные на границахъ отдѣльныхъ владѣній. Минуемъ небольшіе участки — въ пятьдесятъ и въ сто десятинъ — Крахмалева и Красина; вотъ жмутся другъ къ другу ихъ усадьбы—плохенькія крестьянскія избы, жалкія хозяйственныя постройки; у Крахмалева всего три лошади, и поднимать цѣлину ему приходится

помощью супряги. Минуемъ стоящую въ густой рощѣ усадьбу другого Крахмалева—большой домъ, невысокіе крѣпкіе амбары и почему-то—типичная хохлацкая клуня; недоѣзжая усадьбы—широкая полоса чернаго пара и обширныя поля, засѣянныя пшеницей.

— А вотъ тамъ, слѣва,—говоритъ мой спутникъ,—у Л—на четыреста десятинъ...

Л—нъ благовѣщенскій коммерсантъ, заводчикъ и спекулянтъ, раскинувшій свои сѣти по всему Амуру и Забайкалью.

— А что-жъ онъ съ ними дѣлаетъ?—спрашиваю я.

— Да что дѣлаетъ? Ничего не дѣлаетъ, ждетъ; а придетъ время — сумѣетъ деньгу нажить. Сейчасъ ужъ землю по пятнадцати да по тридцати рублей за десятину продаютъ, а покупали-то по три-двадцать пять... Много ихъ, такихъ-то!.. Вотъ сейчасъ одинъ баринъ хлопочетъ, чтобы ему тысячу двѣсти десятинъ отвели; обѣщаетъ край облагодѣтельствовать—мельницу паровую поставить. Тоже, подумаешь, благодѣтель! Тутъ мельницъ-то сколько угодно—однѣхъ паровыхъ въ участкѣ четырнадцать штукъ. А себя-то, конечно, облагодѣтельствуетъ: купитъ за четыре тысячи, продастъ черезъ годъ за пятнадцать—чѣмъ не благодѣтель! Да еще подай ему непремѣнно междуранокъ между деревнями, чтобы хорошенько мужичковъ нажать—тоже благодѣяніе будетъ...

Еще нѣсколько межевыхъ столбовъ, такихъ же толстыхъ. Затѣмъ столбы исчезаютъ, и дорога нѣсколько верстъ тянется черезъ прекрасно обработанныя поля деревни Толстовки. Вотъ и сама Толстовка—семьдесятъ съ небольшимъ дворовъ, изъ нихъ девять—баптисты, остальные—молокане: все Косицыны, Ланкины, Саяпины, Тулуповы, Лиштаевы.

Длинная-длинная улица. Огромные дворы (на Амурѣ подъ усадьбы нарѣзается по десятинѣ—вчетверо больше,

чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Сибири), передъ домами—палисаднички, кое-гдѣ цвѣтники; дома большіе, крѣпкіе, нѣкоторые совсѣмъ городскіе, съ верандами, другіе—попроще; большіе, крѣпкіе амбары. Заѣзжаемъ на въѣзжую квартиру—занята: остановился адвокатъ изъ Благовѣщенска, возвращающійся съ описи имущества у одного изъ ближайшихъ заимщиковъ молоканъ. Сельскій староста подсаживается къ намъ въ экипажъ, помочь сыскать другую квартиру. Въ темнотѣ — было около десяти часовъ вечера—насъ обгоняетъ какая-то фигура... на велосипедѣ.

— Кто такой?—спрашиваемъ старосту.

— А кузнецъ здѣшній, самокатъ завелъ.

— Куда-жъ онъ на немъ ѣздитъ?

— Да куда случится: въ другія деревни ѣздитъ, въ гости, а то такъ, разгуляться.

Ну не американцы-ли?..

Вотъ, наконецъ и желанная квартира: домъ изъ двухъ обширныхъ половинъ; въ „избѣ“, рядомъ съ русскою печкой, американская ручная помпа („у насъ у всѣхъ такія,—объясняетъ хозяинъ,—больно трудно бабамъ-то воду таскать“). Отъ чистой комнаты отгорожено, по молоканскому обычаю, двѣ или три маленькихъ клѣтушки, по одной для каждой брачной пары; въ углу и подъ столомъ — двѣ ручныхъ швейныхъ машины („въ Россіи у бабы прялка, здѣсь швейная машина“).

Толстовка очень зажиточная, притомъ—равномѣрно зажиточная деревня: богачи сѣютъ по 90, по 100 „молоканскихъ“ десятинъ (4000 кв. саж.=$1^2/_3$ казенной десятины), самые бѣдные—не менѣе пятнадцати, двадцати десятинъ каждый. Распахали рѣшительно весь надѣлъ, кромѣ мокрыхъ низинъ—„падушекъ“. Сѣнокосовъ почти не оставили—косятъ „падушки“ и залежи, но тѣхъ и другихъ осталось мало; сѣютъ поэтому много овса

на зеленый кормъ; сѣяли и китайскіе бобы, да не развели своихъ сѣмянъ, а покупали у манчжуръ, а потому теперь, съ изгнаніемъ манчжуръ, пришлось пока прекратить посѣвы бобовъ. Хозяйство въ существѣ, какъ и вездѣ, самое первобытное: сѣютъ хлѣбъ за хлѣбомъ, по двѣнадцати и болѣе лѣтъ подрядъ, безъ отдыха и пара; зато по части орудій и машинъ Толстовка вмѣстѣ съ сосѣднею Тамбовкой ничуть не уступаютъ самымъ богатымъ владѣльческимъ заимкамъ: въ обѣихъ есть хозяева, имѣющіе машинъ на четыре и на пять тысячъ рублей; всѣ, кто побогаче, отъ сравнительно дешевыхъ перешли къ дорогимъ плугамъ съ сидѣньемъ; большинство имѣетъ рядовыя сѣялки, сортировки; простыя жнеи-„адріанки“ выходятъ изъ употребленія: въ Толстовкѣ уже въ 1900 году работало двѣнадцать сноповязалокъ, а нынѣ весной заказано еще двадцать четыре; у двѣнадцати хозяевъ молотилки—изъ нихъ одна приспособлена къ локомобилю паровой мельницы...

Ѣдемъ дальше, все по такой-же, слабо волнистой степи, по большей части сплошь распаханной, а гдѣ остался кусочекъ цѣлины—либо густо уросшей мелкимъ орѣшникомъ, либо усѣянной желтыми лиліями и блѣдно-лиловыми ирисами. Опять нѣсколько межевыхъ столбовъ, и въ сторонѣ, среди небольшихъ рощицъ, еще нѣсколько частновладѣльческихъ усадебъ. Потомъ опять сплошныя, превосходно обработанныя пашни, по которымъ разстилаются густые, ровные и чистые хлѣба. Это—пашни деревни Тамбовки, той самой Тамбовки, задолженность которой въ банкахъ исчисляется уже сотнями тысячъ рублей.

Тамбовка—большая деревня: сто шестьдесятъ дворовъ, тоже молоканъ и частью баптистовъ, все такіе-же Ланкины, Косицыны и Саяпины. На видъ улицы Тамбовки лучше благовѣщенскихъ: почти сплошь желѣзныя крыши, дома съ балконами или верандами, окра-

шенные масляною краскою въ разнообразнѣйшіе цвѣта; громадные, крѣпкіе амбары съ тесовыми крышами, обширные сараи для земледѣльческихъ машинъ. Но заборы по большей части очень плохи: все жалкія изгороди, у нѣкоторыхъ замѣняемыя канавами и валиками. Это—результатъ безлѣсья, уже заставившаго тамбовцевъ, какъ и ихъ сосѣдей изъ Жариковой, Гильчина и другихъ селеній, подумать о возстановленіи раньше безжалостно истреблявшагося лѣса и запустить подъ лѣсъ довольно большую площадь мелкой заросли. Громадныя запашки, несмотря на стодесятинный на семью надѣлъ, уже создали „утѣсненіе“ въ пахатной землѣ, и это утѣсненіе, какъ вездѣ въ Сибири, привело уже въ Тамбовкѣ къ передѣлу ближайшей къ селенію части пашенъ.

Благосостояніе въ Тамбовкѣ менѣе равномѣрно, нежели въ Толстовкѣ: не мало хозяевъ засѣваетъ болѣе сотни „молоканскихъ“ десятинъ, а многіе изъ тамбовскихъ молоканъ, живя попрежнему въ деревнѣ и обрабатывая надѣльную землю, владѣютъ и участками купчей земли. Но есть и бѣднота, засѣвающая по 2—3 десятины, а то и вовсе не имѣющая посѣва. Усовершенствованныя орудія и машины, какъ я уже говорилъ, чуть не болѣе въ ходу, нежели въ Толстовкѣ, и покупаютъ ихъ не только богачи, но и рядовые хозяева—„молокане ужъ такой народъ; нѣтъ денегъ, такъ найдутъ“: молотилки „почесть-что въ каждомъ дворѣ“, у богатыхъ—дорогія, съ вѣялкой, у менѣе состоятельныхъ—подешевле; сноповязалокъ въ 1900 году работало двадцать, весною 1901 года куплено еще за пятьдесятъ; рядовыя сѣялки, сортировки, косилки и т. п... Проѣзжало, говорятъ, по области одно чрезвычайно высокое мѣстное начальство. Мѣстныя власти, на показъ ему, велѣли тамбовцамъ и толстовцамъ выстроить въ шеренгу всѣ машины—начальство такъ и развело руками!..

Отъ границы тамбовскаго надѣла вступаемъ, можно сказать, въ самое сердце амурскаго частнаго землевладѣнія: дорога идетъ внизъ по Гильчину, а вдоль праваго берега этой рѣчки, до самой „Манчжурской канавы", сплошною лентой вытянулись молоканскія заимки.

Вотъ заимки Ѳедора и Евстигнея Косицыныхъ и Тулупова—поселочекъ въ четыре двора, у всѣхъ четырехъ стодесятинные участки; одна изъ четырехъ усадебъ роскошная, другія попроще; пашни вытянуты обширными сплошными полями, засѣянными подъ одну межу, но обработаны плохо и сильно заросли сорными травами.

Вотъ другой поселочекъ, немного побольше — это заимка Епифана Ланкина съ товарищами. Заходимъ въ первую попавшуюся избу—къ старику Тулупову, одному изъ „первыхъ жителей" заимки; коренастый, крѣпкій старикъ, чисто крестьянскаго облика; простой крестьянскій дворъ съ большимъ сараемъ для машинъ; за дворомъ крохотная, но тѣнистая рощица, въ ней столикъ и скамейка.

— Изъ первыхъ я здѣсь, баринъ, изъ первыхъ,— отвѣчаетъ на наши разспросы старикъ Тулуповъ:— вшестеромъ мы заимку-то заводили. Купили наперво пятьсотъ, потомъ еще триста десятинъ, отдѣлили мѣстечко подъ дома да для скота-выпуска, а прочую землю подъ посѣвъ дѣлимъ: подѣлимъ уголъ, снимемъ три хлѣба,—бросаемъ отдыхать и новый уголъ дѣлимъ.

Дѣлятъ землю на шесть равныхъ паевъ; но Тулуповъ выдѣлилъ одного изъ своихъ четырехъ сыновей, и ему теперь, при раздѣлѣ пашни, отводится соотвѣтствующая, двадцать четвертая доля; а другой товарищъ, Поповъ, умеръ, и его доля разбилась между шестью сыновьями.

— Худо живутъ парни, все споры у нихъ, до суда

доходили. Да вотъ и съ Ланкиными, съ Трофимомъ да съ Овдокимомъ, пособиться не можемъ; выдѣлять хотятъ паи-то, да мы ихъ не пускаемъ.

Кромѣ пая въ общемъ владѣніи, Тулуповъ имѣетъ еще два участка, купленныхъ единолично, одинъ въ сто двадцать, другой въ полтораста десятинъ; засѣваетъ около семидесяти десятинъ,—посѣвы все тѣ же: пшеница, овесъ, китайскіе бобы. Своими машинами Тулуповъ непремѣнно захотѣлъ намъ похвалиться: повелъ насъ въ сарай, гдѣ оказалось три плуга съ сидѣніями, конныя грабли, сноповязалка, молотилка, рядовая сѣялка.

— Всѣ деньги, баринъ, на эти машины уходятъ: домъ вотъ у насъ плохонекъ,—все не соберусь новый ставить; а на машины и нѣтъ денегъ, такъ найдешь.

Идемъ пѣшкомъ къ Евдокиму Ланкину, владѣющему, кромѣ пая въ той же артели, еще девятьюстами десятинами, изъ которыхъ четыреста прикуплены недавно, но уже не по три-двадцать пять, а изъ вторыхъ рукъ, по пятнадцати рублей за десятину. Роскошный городской домъ, огромный дворъ, нѣсколько большихъ амбаровъ, обширный сарай съ земледѣльческими орудіями и машинами; достраивается паровая мельница съ пятнадцатисильнымъ локомобилемъ. Самого Евдокима нѣтъ дома; его сынъ, лощеный парень, въ лакированныхъ ботфортахъ, не проявляетъ особенной склонности къ разговорамъ, а потому мы ограничиваемся посѣщеніемъ машиннаго сарая съ паровою молотилкой, тремя сноповязалками, тремя конными граблями и всею прочею „снастью“, потребною для обработки и уборки ста двадцати молоканскихъ десятинъ, и черезъ калитку проходимъ къ другому Ланкину—Трофиму.

Такой же громадный дворъ; домъ проще, но очень просторный; обстановка самая простая, и только на стѣнѣ—коллекція дорогихъ винтовокъ разнообразныхъ иностранныхъ системъ. Трофимъ—коренастый мужчина,

мѣщанскаго облика, съ хитрыми, пронизывающими глазами, большею частью живетъ въ городѣ и только наѣзжаетъ на заимку; какъ и большинство состоятельныхъ молоканъ, онъ ведетъ, наряду съ хозяйствомъ, крупныя торговыя дѣла,—все больше разныя поставки на пріиски; а въ 1900 году онъ заработалъ, ни много, ни мало, двадцать тысячъ рублей на доставкѣ военныхъ грузовъ въ Цицикаръ и въ другіе пункты бывшей на военномъ положеніи Манчжуріи. Ближайшее завѣдываніе хозяйствомъ на заимкѣ лежитъ на двухъ изъ сыновей Трофима—тоже вылощенныхъ юношахъ въ лакированныхъ ботфортахъ. Земли у Трофима меньше, чѣмъ у Евдокима: онъ имѣетъ, кромѣ пая въ артельномъ участкѣ, всего шестьсотъ десятинъ; но засѣваетъ онъ больше—до полутораста десятинъ, имѣетъ еще большій мертвый инвентарь и тоже—паровую мельницу. Хозяйство у Трофима имѣетъ менѣе казовый видъ, нежели у Евдокима, но въ сущности ведется лучше и имѣетъ болѣе, такъ сказать, прогрессивный характеръ: онъ выписываетъ—впрочемъ, пока безъ особаго успѣха—улучшенные сорта пшеницы и овса, собирается устраивать конскій заводъ, строитъ кожевню. Но особенная гордость Трофима—его садъ, большая площадь, правильно засаженная фруктовыми деревьями; деревья, впрочемъ, почти все мѣстныхъ, плохихъ породъ, непривитыя, и только въ нынѣшнемъ году впервые высажено нѣсколько экземпляровъ привозныхъ породъ, купленныхъ у выписавшаго нѣсколько тысячъ саженцевъ, молоканаже, Косицына.

Еще нѣсколько заимокъ: вотъ заимка Тимашевыхъ съ товарищами,—опять небольшой поселокъ изъ семи дворовъ, владѣющихъ, по большей части, стодесятинными участками; вотъ заимка Лаврентія Дружина—крупное хозяйство съ восемьюстами десятинами земли и паровою мельницею, только что разбившееся, по се-

мейному раздѣлу, на нѣсколько частей. За рѣкою видимъ утопающую въ садикахъ и рощахъ деревеньку Жарикову.

— Банкротовкой ее зовутъ,—говоритъ мой спутникъ: проторгуется благовѣщенскій купецъ изъ молоканъ—записывается въ крестьяне въ Жарикову; ужъ сколько ихъ такъ позаписалось!

Вотъ и еще заимка, на самомъ краю Гильчинскаго увала—всего два двора. Это заимка Фокина и Никифора Болотина. Хозяйство послѣдняго—одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ краѣ; его, чаще всего, приводятъ въ подтвержденіе культурнаго значенія частнаго землевладѣнія, а потому мы заходимъ на нѣсколько минутъ еще и на Болотинскую займку. Простая постройка, безъ всякихъ городскихъ затѣй; крестьянскаго обличья и самъ хозяинъ—одинъ изъ двухъ братьевъ Болотиныхъ. Но хозяйство одно изъ самыхъ крупныхъ: восемьсотъ десятинъ земли, полтораста молоканскихъ десятинъ посѣва, четыре плуга съ сидѣньями, три сноповязалки. Гордость Болотиныхъ—ихъ конный заводъ изъ 25—30-ти матокъ мѣстной породы, съ томскими производителями; лошадей раскупаютъ и въ Благовѣщенскѣ, и по деревнямъ, по триста рублей и дороже за штуку. Рогатый скотъ тоже хорошій, но мѣстной породы, безъ всякихъ попытокъ улучшенія извнѣ.

— Отчего вы скота не выпишете изъ Россіи?—спрашиваетъ мой спутникъ Болотина.—Тоже бы заводъ завести могли!

— Да все руки не доходятъ. А слыхать Косицынъ поѣхалъ ужъ въ Россію, быковъ покупать?

— Поѣхалъ, вагонъ разсчитываетъ привезти.

— Какой это Косицынъ? заимщикъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, крестьянинъ, деревенскій. А вотъ я тутъ еще другого человѣчка подбиваю за быками ѣхать, коньче должно быть поѣдетъ; тотъ изъ заимщиковъ...

Еще нѣсколько верстъ по долинѣ Гильчина, у самаго подножья увала. Затѣмъ мы пересѣкаемъ долину и въѣзжаемъ въ деревню Гильчинъ—опять все Саяпины, Ланкины и Косицыны. И здѣсь помпы Нортона въ избахъ, обширные дворы, крѣпкіе амбары, но застройка безъ такого шика, какъ, напримѣръ, въ Тамбовкѣ.

— Небось, поплоше живете противъ тамбовскихъ?—спрашиваю я одного изъ многочисленныхъ Саяпиныхъ.

— Кто его знаетъ, ваше бл-діе, можетъ плоше, а можетъ и нѣтъ,—отвѣчаетъ Саяпинъ, слегка обиженнымъ тономъ.—Строеніе-то у насъ не такое, какъ въ Тамбовкѣ, а машинъ—подходяще; а ужъ посѣвами и скотомъ наши и вовсе не уважатъ тамбовскимъ.

Подъ проливнымъ дождемъ выѣзжаемъ изъ Гильчина, чтобъ прямикомъ, черезъ бывшія манчжурскія земли, проѣхать въ Благовѣщенскъ. Нашей тройкѣ предстоитъ нелегкая задача—везти насъ въ одну пряжку слишкомъ пятьдесятъ верстъ, по сильно размоченной дорогѣ, но рѣзвыя забайкалки блистательно справляются съ этою задачей.

— Вотъ томскимъ лошадямъ ни въ жисть этакъ не вывезти,—говоритъ нашъ ямщикъ, даромъ что здоровыя глядѣть; а эти—и смотрѣть не на что, а поглядите, подъ конецъ еще рѣзвѣй побѣгутъ.

Проѣхали нѣсколько верстъ гильчинскими полями. Миновали послѣднюю заимку—одного изъ Лиштаевыхъ, владѣльца стодесятиннаго участка: скромная изба, очень мало хозяйственныхъ построекъ, но около дома тѣнистая рощица со скамьями и качелью.

Сейчасъ же за заимкой—„Манчжурская канава“, а за нею опять та самая мерзость запустѣнія, которую я уже видѣлъ въ Будундѣ: тѣ же кучи глины, обгорѣлые столбы, полуобвалившіяся печи на бывшихъ манчжурскихъ усадьбахъ; тѣ же заросшіе густымъ, темно-зеле-

нымъ бурьяномъ огороды и также заросшія бурьяномъ, но иного типа, пашни, съ ясно видными еще гребнями или грядками.

— И что у нихъ за огороды были, — скорбитъ мой спутникъ,—какъ они приспособились къ спросу! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Благовѣщенскъ—у нихъ только свои, китайскіе овощи были: а подъ конецъ чего только они не разводили: и салатъ, и круглую редиску, и кочанную капусту, и цвѣтную!..

— Насидятся теперь благовѣщенцы безъ овощей,— говорю я.

— Ну, нѣтъ, сейчасъ-то овощей, дѣйствительно, мало, но будутъ: крестьяне разведутъ; прежде конкуренція манчжуръ была не подъ силу, они и не занимались огородами; а теперь уже начали выписывать сѣмена и раздѣлывать землю подъ огороды.

Какъ и подъ Будундою, мерзость запустѣнія отразилась и на самой дорогѣ: гати и мосты тоже разобраны на дрова переселенцами-могилевцами, которые провели здѣсь лѣто и сняли послѣдній манчжурскій хлѣбъ...

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производитъ эта пустыня, еще такъ недавно кипѣвшая жизнью и трудомъ...

— Теперь ничего, привыкли, — говоритъ, оборачиваясь къ намъ, ямщикъ.—А то съ весны жутко было ѣздить—пусто, никого нѣтъ... А прежде бывало все манчжуры—здороваются, разговариваютъ. „Амба, говорятъ, куда пошелъ, какой деревня, какой дѣло“...

VII.

Малый Хинганъ.

При яркомъ свѣтѣ полной луны, тысячами серебряныхъ искръ переливающейся на мелкой ряби Амура, пароходъ нашъ огибаетъ замѣчательно красивый утесъ, по очертанію своему нѣсколько напоминающій Аю-Дагъ, около Гурзуфа, и, едва выгребая противъ сильнаго теченія, пристаетъ къ казачьему поселку Пашковскому. Этотъ поселокъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, пройдя около четырехсотъ верстъ въ низменныхъ, почти плоскихъ берегахъ, входитъ въ тѣснины Малаго Хингана.

Мы сходимъ съ парохода, и предшествуемые поселковымъ атаманомъ, скромнымъ человѣкомъ совсѣмъ не казачьяго вида, пробираемся ночевать на бездѣйствующую лѣтомъ—почту возятъ на пароходахъ — почтовую станцію. При лунномъ свѣтѣ ясно видны довольно хорошіе жилые дома, но, какъ вездѣ въ казачьихъ селеніяхъ, съ плохо огороженными дворами и жалкими службами, а то и вовсе безъ изгородей и хозяйственныхъ построекъ. Издали доносятся пьяные крики и пѣніе.

— Питейное?—спрашиваю атамана, показывая въ направленіи, откуда доносятся звуки.

— Питейное.

— Что-жъ это они разгулялись—кажется, не праздникъ?

— Помочь была у жителя, угощаетъ.

— Косить началъ?

— Косить.

Переночевавъ, часовъ около семи утра идемъ на Амуръ, купаться. По дорогѣ встрѣчаемъ человѣкъ пять казаковъ, въ фуражкахъ съ желтыми кантами,—всѣ уже навеселѣ,—пробирающихся къ питейному.

Съ выѣздомъ въ тайгу, въ виду изобилія „гнуса“ въ утренніе часы, надо было ждать до послѣ-обѣда. Приходилось подумать о нашемъ продовольствіи. У хозяйки станціи, красивой молодой бабы, но съ какимъ-то безнадежнымъ унынiемъ на лицѣ, на наше счастье оказались яйца. Спрашиваемъ сметаны или творогу— ни того, ни другого нѣтъ: „Одна корова у насъ-то— пойду развѣ поспрошу у сосѣдей“. Одна корова въ очевидно зажиточномъ дворѣ, съ двумя жилыми домами и съ почтовою станціей! что̀ значитъ казаки!..

Поиски хозяйки оказались тщетными: ни сметаны, ни творогу не оказалось въ поселкѣ.

— Сами съ голоду пропадаемъ, извинялась баба:— всѣ пропились; сколько есть мужиковъ—всѣ въ кабакѣ сидятъ. Куръ, и то въ кабакъ тащатъ. Угодья у насъ какія богатыя, а вовсе обнищали...

То же подтверждаетъ и поселковый атаманъ:

— Пашней,—говоритъ онъ,—да скотомъ наши жители мало заимствуются; все больше около Любавинскихъ пріисковъ живутъ, да около пароходовъ.

— Да около питейнаго?—спрашиваю я.

— Ну, тоже и около питейнаго,—безъ возраженій соглашается атаманъ.

Около часу начинаетъ собираться нашъ таёжный обозъ. Является одинъ казакъ, приводитъ во дворъ лошадь и, взойдя въ горницу, въ необыкновенно цивилизованныхъ выраженіяхъ разсказываетъ намъ о характерѣ и привычкахъ своей лошади.

— Прелестная, ваше бл-діе, лошадь,—заканчиваетъ онъ свое сообщеніе.

Приводятъ еще пару лошадей; въ комнату къ намъ заходитъ одинъ изъ нашихъ будущихъ проводниковъ, предупредить, что „по здѣшней системѣ лучше такъ, чтобы господамъ позади конюховъ (чисто пріисковый терминъ!) ѣхать,—отъ паута̀ (родъ овода) легче будетъ“.

Наконецъ, лошади засѣдланы, завьючены—трогаемся въ путь. На первомъ же переходѣ выясняется, что наши „прелестныя“ лошади совершенно безсильны, а вьючная, взятая изъ-подъ жеребенка, ложится чуть не въ каждой „падушкѣ“ — ее приходится развьючивать, вытаскивать изъ топи, опять вьючить; цивилизованные проводники-казаки—лодыри, которые до самаго конца нашей экскурсіи такъ и не выучились тому, чему таёжные проводники обыкновенно выучиваются въ первый же день,—какъ слѣдуетъ перевязывать вьюки; отсюда опять масса лишнихъ остановокъ и перевьючекъ. Въ конечномъ же результатѣ всей этой казачьей цивилизаціи мы ни въ одинъ день этой экскурсіи не прошли болѣе сорока верстъ, тогда какъ, при менѣе цивилизованныхъ проводникахъ и лучшихъ лошадяхъ, мы и по худшимъ таёжнымъ тропамъ прохаживали по шестидесяти и даже по семидесяти верстъ въ день.

Поднимаемая сначала вверхъ по небольшой веселой рѣчкѣ Хингану. Путь нашъ лежитъ по довольно широкой—3 или 4 версты—долинѣ, окаймленной некрутыми горами или холмами, съ рѣдкимъ дубомъ или черною березой. Сама долина очень напоминаетъ, въ миніатюрѣ, Амурскую пойму: тѣ-же низины съ рослою травою, усѣянною блѣдно-желтыми лиліями и красно-фіолетовыми ирисами, которые при закатѣ солнца принимаютъ чудный, почти бордово-красный оттѣнокъ; едва замѣтные „мыски“, съ массою піоновъ, красныхъ лилій, полевого горошка и т. п.; „мыски“ повыше, густо заросшіе орѣшникомъ, среди котораго разросаны отдѣльными деревья и небольшія рощицы черной березы, ильмовъ, липы и т. п. породъ. Симпатичная, веселая долина, почти сплошь удобная для разработки и заселенія, но пока, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ казачьихъ пашенъ и покосовъ, совершенно пустынная.

Ночуемъ въ тридцати пяти верстахъ отъ Пашковой,

при впаденіи въ Хинганъ другой, тоже бойкой и веселой рѣчки Сололи, на зимовьѣ, которое было выстроено и содержалось владѣльцами ближайшихъ, нынѣ оставленныхъ пріисковъ; теперь въ немъ живутъ какой-то тунгусъ и семья бывшаго зимовщика, вмѣстѣ съ тунгусомъ занимающагося звѣринымъ промысломъ. На зимовьѣ застаемъ только ребятъ, которые и помогаютъ намъ просушивать подмокшія на переправахъ и болотахъ вещи, согрѣть воду для чая и для варки консервированныхъ щей, развести дымокуры для предохраненія людей и лошадей отъ изобилующаго надъ рѣкой „гнуса“.

На утро мы встаемъ съ разсвѣтомъ, чтобы какъ можно больше пройти по утреннему холодку. Увы—наши казаки растеряли лошадей, и лишь въ седьмомъ часу, когда солнце уже начало порядочно жарить, намъ удается тронуться въ путь.

Тянемся вверхъ по узкой долинѣ, вѣрнѣе лощинѣ, рѣчки Сололи; и самая лощина, и склоны окаймляющихъ ее довольно высокихъ и крутыхъ горъ—одной изъ многочисленныхъ вѣтвей Малаго Хингана, покрыты дремучею лиственною тайгою, къ которой мѣстами подмѣшиваются то ель или пихта, то бѣлая береза; усѣянная каменными обломками почва долины густо заросла кустарникомъ, а вдоль самого теченія Сололи тянется узенькая полоска болотистаго луга. Мало-по-малу долина теряетъ опредѣленныя очертанія, и Сололи становится горнымъ ручьемъ, почти безъ опредѣленнаго русла; поднимаясь то параллельно теченію этого ручья, на нѣкоторомъ разстояніи, то пересѣкая его десятки разъ, то ступая прямо по каменистому руслу, спотыкаясь о камни, увязая въ липкой глинѣ, наши лошади медленно взбираются вверхъ по довольно отлогому склону хребта. И здѣсь все та-же типичная, все больше лиственничная тайга, съ густымъ подлѣскомъ орѣшника, шиповника, дикаго жасмина; и деревья, и

кустарникъ по хребту ростомъ гораздо выше, нежели въ долинѣ. Вязкая глинистая почва покрыта густою рослою травою, и только на самомъ гребнѣ хребта исчезаютъ ирисы и лиліи.

За переваломъ такой-же спускъ, затѣмъ новый подъемъ и новый спускъ, обращенный къ востоку, съ рѣзко измѣнившеюся растительностью; къ хвойной тайгѣ подмѣшиваются громадныя липы, клены, горный ильмъ; чѣмъ ниже по склону, тѣмъ больше лиственныхъ породъ, тѣмъ гуще подлѣсокъ, мѣстами перевитый то дикимъ виноградомъ, то неизвѣстными мнѣ видами вьющихся растеній; появляются и какіе-то новые виды травъ, съ которыми мнѣ пришлось ближе познакомиться уже впослѣдствіи, въ уссурійской тайгѣ.

Однако, этотъ восточный склонъ—лишь островокъ болѣе южной, уссурійской флоры среди моря лиственничной тайги. За нимъ разстилается возвышенное плоскогорье, изрѣзанное безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, ручьевъ и просто „падушекъ“; это—рѣчная система Сутара, большой рѣки, которая ниже по теченію принимаетъ названіе Большой Биры и впадаетъ въ Амуръ недалеко отъ Хабаровска. Мы вступаемъ въ область золотыхъ пріисковъ Хинганской области или иначе—Сутарской системы.

Вотъ Любавинскіе пріиски: Ириновскій, Любавинскій, Флоровскій. Ириновскій и Любавинскій совершенно заброшены и являютъ собой довольно-таки безотрадную картину. Среди сплошной лиственничной тайги, вдоль прихотливо извивающагося ручейка, начисто вырублена полоса, въ версту шириною, и глазъ устаетъ отъ этого безконечнаго множества почернѣлыхъ пней, уныло торчащихъ среди яркозеленой травы. Вдоль самого русла ручья безпорядочно разбросаны то болѣе темныя кучи снятыхъ съ золотоноснаго пласта „торфовъ“, то розовато-бѣлыя груды отваловъ, уже прошед-

шихъ черезъ промывку и давшихъ свою добычу золота. Гдѣ тропа подходитъ къ ручью, тамъ она вьется среди заброшенныхъ разрѣзовъ, наполненныхъ застоявшеюся грязною водою; они сплошь и рядомъ перерѣзываютъ поперекъ ранѣе проторенную или даже искусственно проложенную тропу; наполненныя водою ямы приходится объѣзжать, то перебираясь черезъ оползающія подъ ногами лошадей кучи торфовъ или отваловъ, то увязая въ искусственно образовавшихся, благодаря засыпкѣ живого теченія ручья, болотахъ, то проваливаясь въ какія то ямы, предательски закрытыя прогнившими жердями, присыпанными сверху тонкимъ слоемъ бѣлаго песка. Картина, повторяю, довольно безотрадная и совершенно не вызывающая въ умѣ представленія о планомѣрной, систематической разработкѣ разсыпаннаго почти по поверхности земли золотого богатства. Напротивъ, видно, что все дѣлалось безпорядочно, кое-какъ, лишь бы поскорѣе вырвать самые лучшіе куски, а общая картина заброшеннаго пріиска такая, точно не люди вели здѣсь свою разумную работу, а какія-то гигантскія свиньи взрыли поверхность земли, въ поискахъ за золотыми желудями...

Такую-же картину представляетъ собою и третій пріискъ—Фроловскій: тѣ-же безконечные черные пни, посрединѣ тѣ-же сѣрыя кучи торфовъ и бѣлыя груды отваловъ, тѣ-же предательскія западни и ямы, наполненныя загнивающею водою. Но на Ириновскомъ и Любавинскомъ пріискахъ не осталось уже построекъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни, кромѣ красныхъ лоскутковъ на заброшенныхъ китайскихъ кумирняхъ; а подъѣзжая къ Фроловскому, мы еще издали видимъ какую-то избу и не безъ удовольствія,—вѣдь скучно цѣлый день плестись по безлюдной тайгѣ!—замѣчаемъ вьющійся надъ избою дымокъ и какія-то шевелящіяся около нея человѣческія фигуры. Однако, дымокъ какъ-

то сразу исчезаетъ, куда-то скрываются человѣческія фигуры, и когда мы, наконецъ, поравнялись съ этою избою, она не подавала уже никакихъ признаковъ человѣческой жизни...

Опять перевалъ съ лиственничною тайгою... Пройдя пару верстъ, выходимъ къ новому ручью, и передъ нами открывается Казанскій пріискъ, принадлежащій къ серіи уже не Любавинскихъ, а Рубиновскихъ пріисковъ. Снова тѣ-же пни и тѣ-же кучи отваловъ. Но жизнь на Казанскомъ пріискѣ еще не угасла: на видномъ мѣстѣ красуется крохотная церковка или часовня; по одну сторону ручья, на пригоркѣ, нѣсколько домовъ и амбаровъ пріисковой администраціи, по другую—нѣсколько лачугъ, около которыхъ виднѣются синія рубахи и косы китайскихъ рабочихъ.

Особой „посѣтительской", какія бываютъ на крупныхъ пріискахъ, на Казанскомъ пріискѣ нѣтъ. Насъ приглашаютъ остановиться у „матеріальнаго"—вмѣстѣ съ нарядчикомъ единственнаго, кажется, начальства на этомъ пріискѣ.

Отъ матеріальнаго мы узнаемъ, что и Казанскій пріискъ почти заброшенъ.

— Одни только китайцы еще у меня остались—сорокъ семь человѣкъ, старательскими работами работаютъ; да и то только семеро на этомъ пріискѣ, а остальные по сосѣдству, на Григорьевскомъ.

— А русскихъ вовсе нѣтъ?

— Нѣтъ, мало уже золота осталось, только китайцы и могутъ работать.

— Почему такъ?

— Да хозяйскими работами ужъ нѣтъ разсчета работать, „стараться" русскому рабочему не изъ-чего, а китайцы—народъ безотвѣтный: тридцать рублей за лѣто очистится, онъ говоритъ—шибко много заработалъ; а ужъ сто рублей—про это онъ и думать не смѣетъ!.. Да

и то сказать, рѣдко кому и тридцать рублей очищается: все больше въ долгу остаются, такъ изъ года въ годъ и работаютъ...

Разспрашиваемъ матеріальнаго о дѣйствующихъ пріискахъ Рубиновской компаніи; оказывается, главную добычу даетъ расположенный въ двѣнадцати верстахъ отъ Казанскаго Ернишный пріискъ, на которомъ работаетъ до пятисотъ китайцевъ.

— Теперь вотъ,—добавляетъ матеріальный,—купили у Любавинскихъ Фроловскій пріискъ—вы вотъ сейчасъ проѣзжали; только еще не работаютъ.

— Какъ не работаютъ?—удивляемся мы.—А мы тамъ, какъ будто, людей видѣли.

— Людей?—съ нѣкоторой тревогой переспрашиваетъ матеріальный. — Нѣтъ, нашихъ рабочихъ тамъ нѣтъ, видно хищники забрались работать...

Переночевавъ, отправляемся въ дальнѣйшій путь. Почти въ теченіе цѣлаго дня плетемся все по тому же возвышенному плоскогорью, при пересѣченіи рѣчекъ и ручьевъ спускаясь въ заболоченныя „пади“, затѣмъ опять поднимаясь на поросшіе то лиственничною тайгою, то лиственнымъ разнолѣсьемъ, междурѣчные перевалы. Лѣсъ вездѣ некрупный, по бо́льшей части корявый, а нерѣдко попадаются и площади съ совершенно вымокшимъ, мертвымъ лѣсомъ.

Начиная отъ самого Казанскаго пріиска, нашъ путь идетъ торною тропою, которая проложена золотопромышленниками отъ Рубиновскихъ пріисковъ къ ихъ „резиденціи“ на Амурѣ—станицѣ Радде, гдѣ мы надѣемся опять попасть на пароходъ. На значительной части своего протяженія тропа эта превращена уже въ искусственную верховую, а кое-гдѣ даже доступную для ѣзды на колесахъ, дорожку. Мѣстами, на многія версты кряду, тянутся проложенныя черезъ болота и мочежины крѣпкія гати изъ жердей и даже изъ некруп-

ныхъ бревенъ; въ другихъ мѣстахъ хотя тоже есть гати, но онѣ въ такомъ видѣ, что остается только объѣзжать ихъ какъ можно дальше стороною или, спѣшившись, осторожно проводить лошадь въ поводу—иначе переломаешь ноги и себѣ, и лошади; мѣстами не видно и вовсе никакихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было, хотя бы простѣйшихъ, искусственныхъ сооруженій. Мѣстами доходитъ до смѣшного: протянувшаяся на сотни саженъ крѣпкая гать вдругъ прерывается среди самаго топкаго болота, на какія нибудь нѣсколько саженъ, какъ будто нарочито для того, чтобъ показать путнику, какъ скверно ему было бы, если бы не попечительная администрація пріисковъ, позаботившаяся устроить гати...

На пути нашемъ по Сутарскому плоскогорью мы минуемъ, оставляя ихъ нѣсколько въ сторонѣ, пріиски Григорьевскій, Ернишный, Иннокентьевскій; проѣзжаемъ по высокой плотинѣ, которая отводитъ воду изъ пади, очевидно предназначенной подъ новую разработку. Наконецъ, у сгорѣвшаго стараго Рубиновскаго зимовья спускаемся въ долину небольшой рѣчки Дичуна. Опять узенькая лощинка, въ сотню саженъ шириной; по обѣимъ сторонамъ крутые горные склоны, густо поросшіе густою лиственничною тайгою. Характерною тайгою изъ ели, пихты, кедра, лиственницы покрыта и сама долина; почва здѣсь, такъ сказать, каменное болото: сплошная осыпь изъ каменныхъ обломковъ, покрытая глубокимъ слоемъ болотнаго перегноя, по тропѣ размѣшаннаго въ жидкую грязь, изъ которой повсюду торчатъ каменные обломки, а по нетронутымъ мѣстамъ заросшаго густою, рослою травою. Самъ Дичунъ—удивительно бойкая, весело журчащая, извилистая горная рѣчка съ кристальною водою, которую намъ до пятнадцати разъ приходится перейти въ бродъ на протяженіи какого-нибудь десятка верстъ.

Ночуемъ въ амбарѣ, на новомъ Рубиновскомъ зи-

мовьѣ, совершенно утопающемъ въ дыму разведенныхъ со всѣхъ сторонъ, въ защиту отъ „гнуса“, дымокуровъ. Зимовщикъ—пожилой человѣкъ съ красивымъ и пріятно-добродушнымъ лицомъ, съ не-русскимъ акцентомъ; это — черкесъ, сосланный за убійство, изъ мести, за убитаго брата. Съ нами раздѣляетъ ночлегъ какой-то мѣщанинъ, который ведетъ на пріиски гуртъ убойнаго скота; по дорогѣ, оказывается, онъ растерялъ нѣсколько быковъ, сбѣжавшихъ отъ одолѣвшаго ихъ „гнуса“; на зимовьѣ ночуетъ еще артель корейцевъ, идущихъ на пріиски, „стараться“. Отъ нихъ мы узнаемъ, что въ Радде установленъ карантинъ для лошадей, такъ какъ въ нѣсколькихъ ближайшихъ казачьихъ поселкахъ появилась сибирская язва.

На другое утро, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зимовья, переваливаемъ опять черезъ одно изъ многочисленныхъ развѣтвленій Малаго Хингана. Отлогій подъемъ и отлогій спускъ покрыты густою, дѣвственною тайгою: чудный, огромныхъ размѣровъ, прямой лѣсъ изъ хвойныхъ—кедра, пихты, лиственницы, и лиственныхъ породъ—липы, вяза, клена, черной березы, грецкаго орѣха; между деревьями густо занялся кустарникъ, и все это перевито дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями. Въ общемъ, своеобразнѣйшая смѣсь типичной сѣверной, сибирской тайги съ соотвѣтствующею уже гораздо болѣе теплому климату средне-амурскою или уссурійскою флорой.

По отлогому спуску, любуясь яркою зеленью другихъ, покрытыхъ такою же пестрою тайгою хребтовъ, спускаемся въ долину маленькой рѣчки, впадающей въ Амуръ у Раддевской станицы. Вотъ уже показалась станица. Сейчасъ, значитъ, карантинъ—придется оставить лошадей и затѣмъ уже изъ станицы прислать кого-нибудь за нашими вьюками. Вотъ мы и вплотную подъѣхали къ станицѣ; длинными-длинными двумя ули-

цами она вытянулась вдоль берега Амура, по неширокой прибрежной полосѣ, къ которой со всѣхъ сторонъ подступаютъ лѣсистые склоны Хингана. Однако, карантина все-таки не видно.

— Какъ же намъ быть,—спрашиваемъ мы нашихъ проводниковъ?

— Да чего быть-то,—отвѣчаютъ проводники не безъ нѣкотораго недоумѣнія въ голосѣ,—просто до земской квартиры ѣхать, да и все.

Однако, у насъ не хватаетъ смѣлости на столь простое рѣшеніе вопроса. Подъѣхавъ къ первымъ изгородямъ, я слѣзаю съ лошади и пѣшкомъ иду до первой избы, гдѣ оказывается на лицо какой-то мѣстный обыватель.

— У васъ что же, нѣтъ развѣ карантина?

— Пошто нѣтъ,—есть карантинъ.

— Да гдѣ жъ онъ?

— А по дорогамъ стоитъ отъ Башуровой да отъ Помпеевки.

Башурова и Помпеевка — казачьи поселки, расположенные по Амуру, выше и ниже Радде; значитъ, карантины поставлены по совершенно непроѣзжей лѣтомъ почтовой тропѣ, проложенной вдоль Амура, и не поставлены на бойкой дорогѣ, по которой лѣтомъ идетъ оживленнное движеніе между Амуромъ и хинганскими пріисками.

— Такъ какъ же намъ быть-то,—продолжаю я недоумѣвать,—можно ѣхать на станицу или нельзя?

— Пошто нельзя,—можно; ѣзжайте до атамана, онъ вамъ ужъ скажетъ.

Посовѣтовавшись и поколебавшись, — немного неловко нарушить карантинъ!—рѣшаемъ ѣхать до атамана. Ѣдемъ, однако, съ опаскою, ѣдемъ и оглядываемся— не бѣжитъ ли кто-нибудь, остановить насъ. Однако, никто насъ не останавливаетъ. Въѣзжаемъ въ самый центръ

станицы. На открытой площадкѣ, недалеко отъ церкви, кружкомъ сидятъ казаки,—совѣщаются, вѣроятно, о какихъ-нибудь общественныхъ дѣлахъ. Мы замедляемъ ходъ нашихъ лошадей—можетъ быть въ кругу есть какое-нибудь начальство, которое найдетъ нужнымъ насъ остановить. Однако, и здѣсь никто насъ не задерживаетъ, и мы безпрепятственно добираемся до земской квартиры.

Только что успѣли развьючить лошадей—является станичный атаманъ, важный господинъ съ фельдфебельскими нашивками, и довольно рѣзко начинаетъ выговаривать намъ за самовольный въѣздъ съ лошадьми въ станицу. Мы объясняемъ ему, что ѣдемъ изъ совершенно безопаснаго мѣста, и что если со стороны пріисковъ не полагается въѣзжать на лошадяхъ, то слѣдовало съ этой стороны, а не по непроѣзжимъ тропамъ, поставить карантинъ. На этомъ дѣло благополучно кончается...

Наша земская квартира на самомъ берегу Амура. Насупротивъ, на китайскомъ берегу, двѣ сопки рядомъ: одна пологая, въ видѣ усѣченнаго конуса, безлѣсная; другая очень неправильной формы, съ остроконечными вершинками и крутыми склонами, покрыта негустымъ лѣсомъ; между двумя сопками—неширокая лощинка, которая загибается влѣво и уходитъ куда-то вглубь маньчжурскаго материка; изъ лощины, по склону лѣсистой сопки, вьется зигзагообразная тропинка, которая оканчивается небольшою высѣченною въ скалѣ площадкою,—мѣстоположеніе разрушенной китайской кумирни.

Мѣсто очень красивое и въ нѣкоторомъ родѣ историческое: это—Сансинъ, мѣсто одного изъ прошлогднихъ пораженій китайцевъ.

— Вы только посмотрите, разсказывалъ намъ одинъ изъ мѣстныхъ чиновныхъ обывателей:—вѣдь эта падь—

настоящая ловушка: никакого выхода иначе, какъ въ Амуръ. А китайцы съ большого ума тутъ постъ устроили—человѣкъ восемьсотъ было. Ну посадили нашихъ на пароходъ—роту солдатъ, да казаковъ здѣшнихъ, изъ Радде; плыветъ пароходъ мимо китайцевъ—они насторожились, готовы къ бою. Прошелъ пароходъ—китайцы успокоились, спать залегли, даже часового не поставили,—ничего. А наши высадились немножко ниже, обошли кругомъ, на сонныхъ напали, — и рѣзать; человѣкъ триста перерѣзали, а остальные, — кто куда; нашихъ всего три человѣка пострадало — солдатъ да два казака... А знаете ли,— добавилъ разсказчикъ, — хорошо вѣдь китайцы съ нашими казаками жили, дружно; наканунѣ еще нѣкоторые сюда въ гости приходили—„не знаемъ, говорятъ, какъ мы ваша воевай буди“. Можно было съ китайцами жить по-сосѣдски, только обижать ихъ не очень. Вотъ наши раддевскіе всегда и косили у нихъ, и скотъ пасли за Амуромъ,—изъ нашихъ никого и не тронули, даже когда начались безпорядки въ Манчжуріи. Екатерино-никольскимъ, тѣмъ спуску китайцы не давали, потому тѣ сами только и норовили, какъ бы китайца пристрѣлить да ограбить...

Послѣ двухдневнаго ожиданія попадаемъ на „частный“ (т.-е. не почтовый) пароходъ—большой заднеколесникъ „Амуръ“; рядомъ съ пароходомъ привязана баржа. На пароходѣ классныхъ пассажировъ не очень много, но все же пассажиры не только заняли всѣ каюты, но кочуютъ и по всѣмъ диванамъ, въ общей каютъ-компаніи. Затѣмъ, и на пароходѣ, и на баржѣ, масса простого народа: здѣсь размѣстились остатки все той-же третьей партіи казаковъ-переселенцевъ, которую я засталъ, больше мѣсяца тому назадъ, въ Стрѣтенскѣ; не мало семействъ „неорганизованныхъ“,

вѣроятно самовольныхъ, переселенцевъ-крестьянъ, да партія человѣкъ въ двѣсти новобранцевъ. Какъ оказывается, пароходъ шелъ отъ Стрѣтенска до Благовѣщенска тринадцать сутокъ, неоднократно сидѣлъ на перекатахъ, разгружался, перегружался. Въ третьемъ классѣ и на баржѣ, по мѣстнымъ понятіямъ, довольно просторно: ночью, при нѣкоторой осторожности, возможно пройти, не наступая на спящія тѣла; однако, занято тѣлами все рѣшительно, что только можно было занять.

— Бойко, видно, работаете,—спрашиваемъ кого-то изъ пароходныхъ служащихъ.

— Да ничего; не позволяютъ только ноньче много народу набирать. А прежде на этомъ пароходѣ, безъ баржи, до семисотъ человѣкъ возили, а китайцевъ такъ и всю тысячу...

И на баржѣ, и въ третьемъ классѣ, публика за продолжительное плаваніе устроилась какъ дома: стираютъ бѣлье, шьютъ, стряпаютъ; къ пароходному тенту подвѣшено съ десятокъ зыбокъ. Чтобы скоротать время, развлекаются всѣми возможными способами: больше всего въ ходу карты; разыгрываютъ „царя Максимиліана“ и разныя другія мистеріи; устраиваютъ плясъ—танцуютъ и трепака, и польку; многіе занимаются исканіемъ у себя и другихъ одолѣвающихъ всѣхъ паразитовъ. Когда пароходъ останавливается для набора дровъ или для ночлега, вся эта масса высыпаетъ на берегъ, зажигаетъ костры, купается, удитъ рыбу, просто гуляетъ, и только съ немалымъ трудомъ, когда наступаетъ время отхода, удается водворить всю публику обратно на пароходъ.

Былъ разъ и такой случай: просвистали уже всѣ три свистка, вся „публика“ и весь „народъ“ водворились обратно съ берега на пароходъ и на баржу, — а какой то хохолъ-переселенецъ невозмутимо сидитъ себѣ на берегу и удитъ рыбу. Кричатъ ему матросы, кри-

читъ наконецъ самъ командиръ—тотъ все сидитъ и удитъ, точно до него и не касается. Потерявъ терпѣнье, командиръ приказываетъ снимать трапъ и поднимать якорь. Хохолъ медленно поднимается со своего мѣста, собираетъ удочку и наловленную рыбу и подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ трапъ. Подошелъ и смотритъ.

— Бреди къ пароходу,—кричитъ ему кто-то изъ пароходнаго начальства — неглубоко. Тотъ видитъ—дѣло плохо; снимаетъ сапоги и потихоньку начинаетъ входить въ воду.

— Не бреди, чоловиче,—кричитъ ему въ эту минуту его баба съ баржи,—шлюпальцу подадутъ.

Хохолъ поворачиваетъ назадъ, ждать „шлюпальцы". Командиръ произноситъ нѣсколько средняго калибра ругательствъ и кричитъ въ машину: ходъ впередъ. Хохолъ изумленно смотритъ на отходящій пароходъ... Такъ онъ и остался ждать „шлюпальцы",—впослѣдствіи я слыхалъ, что онъ прождалъ дней пять, а то и цѣлую недѣлю.

Въ первомъ классѣ развлекаются то картами, то граммофономъ (граммофонами торгуетъ помощникъ капитана, который, для рекламы, угощаетъ пассажировъ граммофонными концертами), то сномъ или ѣдою, то, конечно, разговорами. Разговоры все больше вертятся вокругъ золота, спиртоносовъ и иныхъ ютящихся около золота хищниковъ крупнаго, средняго и мелкаго калибра, съ разными варіаціями на тему—„воръ у вора дубинку укралъ": такой-то хотѣлъ надуть такого-то, и самъ влетѣлъ...; нѣтъ-нѣтъ, то въ одномъ кружкѣ, то въ другомъ, разговоръ сойдетъ на прошлогоднія „китайскія событія", въ частности—на благовѣщенское потопленіе китайцевъ и разграбленіе китайскаго имущества; разсказываютъ про разные случаи, напримѣръ, объ одномъ благовѣщенскомъ коммерсантѣ, которому бога-

тый китаецъ, на время „событій“ довѣрилъ нѣсколько десятковъ тысячъ денегъ, и который... сыгралъ не послѣднюю роль въ томъ, что этого китайца разыскали и убили; денегъ, конечно, потомъ не оказалось никакихъ. Медленный ходъ и частыя остановки нашего парохода наводятъ разговоръ вообще на пароходныя дѣла и пароходчиковъ, на необходимость урегулированія Амура, или лучше—замѣны воднаго пути желѣзною дорогою.

— Пароходчикамъ — тѣмъ отъ мелководья нѣтъ убытка,—разъясняетъ по этому поводу разговорчивый помощникъ капитана, главный запѣвала въ каютъ-компаніи перваго класса.—Ну, положимъ, сядетъ пароходъ на мель,—ну, такъ что же?! Сгрузятъ кладь, назадъ погрузятъ, а то и вовсе оставятъ на берегу; все это—на шею кладчику, а пароходчикъ всегда свое возьметъ. Вы читали наши печатныя условія,—обращается „помощникъ“ къ публикѣ—вы почитайте хорошенько,—поучительно! Какъ подписалъ кладчикъ квитанцію съ этими условіями,—ужъ онъ у насъ въ рукахъ, ничего не можетъ подѣлать. Вотъ эти года что-то кладчики умнѣе становятся—свои условія стали писать,—ну, тутъ ужъ намъ не такая лафа...

До станицы Екатерино-Никольской Амуръ все время вьется въ тѣснинахъ Хингана; невысокія горы, иногда остроконечныя, чаще куполообразныя, спускаются прямо къ рѣкѣ, по большей части—болѣе или менѣе крутыми склонами; горы эти то сплошь заросли негустымъ лѣсомъ, съ пятнами свѣтлой зелени клена, вяза, грецкаго орѣха, рѣзко выдѣляющимися на болѣе темномъ основномъ фонѣ дуба и черной березы; то, напротивъ, онѣ покрыты только травою и зарослями мелкаго кустарника, а лѣсъ вытягивается лишь узкими полосами или даже рядами единичныхъ деревьевъ, по выдающимся ребрамъ или по гребнямъ хребтовъ.

За Екатерино-Никольскою Амуръ опять течетъ среди безконечныхъ, уныло-однообразныхъ заливныхъ луговъ, окаймленныхъ столь-же безконечною полосою ивоваго кустарника. Только изрѣдка, иногда на русскомъ, чаще на китайскомъ берегу, къ Амуру подходятъ то отдѣльныя сопки, то небольшіе и невысокіе хребты, съ вершинами болѣе или менѣе причудливой формы—какъ бы аванпосты, отдѣлившіеся отъ обширныхъ массивовъ Хингана...

Вотъ и сліяніе Амура съ Уссури, и на самомъ сліяніи — Хабаровскъ, административная столица Приамурья. Огромная масса воды—цѣлое море, невысокій трехглавый мысъ, на которомъ пестрѣютъ то деревянныя, то сѣрыя съ краснымъ кирпичныя городскія постройки; масса зелени, и на самомъ видномъ мѣстѣ, надъ обрывомъ, среди густой зелени городского сада, эффектный памятникъ Муравьева, со спокойною гордостью взирающаго на присоединенный имъ Амуръ.

Пароходъ медленно подходитъ къ полоскѣ отлогаго берега, спускаетъ привилегированную „публику“ непосредственно въ городъ, а самъ съ переселенцами и вообще „народомъ“ отходитъ къ переселенческимъ баракамъ, гдѣ „народу“ предстоитъ еще медицинскій осмотръ.

Прощай пока, Амуръ...

II.

Въ Уссурійскомъ краѣ.

(1901).

I.

Хабаровскъ.

Хабаровскъ, эта оффиціальная столица Приамурья, эти „амурскія Аѳины“, какъ его называютъ мѣстные патріоты, городъ, гдѣ, по удостовѣренію тѣхъ-же патріотовъ, имѣется четырнадцать (четырнадцать!...) однихъ только военныхъ генераловъ,—очень красиво расположился на трехъ холмахъ, которые издали кажутся какъ бы зеленымъ островомъ среди широкаго моря, образуемаго сліяніемъ двухъ огромныхъ рѣкъ—Амура и Уссури. Масса зелени, среди которой разбросаны небольшіе, по большей части деревянные дома; но сравнительно много и кирпичныхъ построекъ—почти всѣ, по оригинальному хабаровскому обычаю, изъ кирпича двухъ цвѣтовъ, сѣраго и краснаго, уложеннаго по фасадамъ въ хорошенькіе узоры; довольно красивы зданія генералъ-губернаторскаго „дворца“, военнаго собранія, музея, библіотеки; по всѣмъ концамъ города разбросаны кирпичные массивы казармъ, и впереди всего этого, среди хорошенькаго городского сада, величественный памятникъ Муравьева; все это ласкаетъ глазъ и дѣлаетъ Хабаровскъ, по общему виду, однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Сибири.

Но попробуйте заикнуться объ этомъ въ разговорѣ

съ хабаровскиммъ обывателемъ, — за исключеніеъ конечно, немногочисленныхъ хабаровскихъ патріотовъ,— и обыватель въ вашихъ словахъ усмотритъ чуть не личную для себя обиду.

— Да, вамъ хорошо,—скажетъ обыватель,—попали вы къ намъ въ тихіе дни, да въ ясную погоду, да еще дня три тому назадъ дождикъ прошелъ... А вѣдь въ другое время у насъ то отъ пыли продохнуть нельзя, то въ грязи тонемъ. Вы не повѣрите—вѣдь послѣ двухъ-трехъ дней дождя у насъ такая грязь, что извозчики ни за какія деньги не везутъ на вокзалъ—приходится идти пѣшкомъ, а вещи посылать на ломовыхъ. А ужъ жить въ нашей столицѣ—и недругу не пожелаю: ни для души здѣсь, ни для тѣла...

„Для души", на первый взглядъ, въ Хабаровскѣ обстоитъ сравнительно благополучно: хабаровскій патріотъ съ гордостью поведетъ васъ въ прекрасное зданіе устроенной при мѣстномъ отдѣлѣ географическаго общества городской библіотеки, или въ довольно обширный и дѣйствительно любопытный музей, гдѣ по воскресеньямъ кишмя-кишитъ народъ, начиная съ интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ и кончая солдатами, китайцами и самыми доподлинными гольдами и орочонами, которые съ особеннымъ любопытствомъ разсматриваютъ самые доподлинные костюмы гольдовъ и орочонъ, надѣтые на чучела, стоящія по разнымъ угламъ музея. Но музей, библіотека и географическое общество—сами по себѣ, а духовная и общественная жизнь хабаровскихъ обывателей сама по себѣ, и о характерѣ этой жизни не трудно догадаться, хоть одинъ разъ пройдя по хабаровскимъ улицамъ. Вы непремѣнно встрѣтите при этомъ одного или двухъ изъ тѣхъ четырнадцати генераловъ, которыми гордится хабаровскій патріотъ; встрѣтите съ десятокъ штабъ-и оберъ-офицеровъ разныхъ родовъ оружія, съ десятокъ штатскихъ съ чинов-

нигчьими кокардами, рѣдко-рѣдко—простого, средняго, нечиновнаго обывателя, совершенно теряющагося среди этой массы всякаго рода кокардъ; множество солдатъ и массу всякаго рода китайцевъ, начиная отъ упитаннаго, самодовольнаго „купецза“, съ краснымъ шарикомъ на черной шапочкѣ, и кончая рослымъ, бронзово-коричневымъ китайцемъ-чернорабочимъ, руками котораго выстроены всѣ эти сѣро-красные дома, такъ украшающіе улицы Хабаровска. Изрѣдка, среди этой солдатско-китайской массы, попадается мужикъ—но мужикъ особенный, въ сапогахъ бутылками и въ пестрой фланелевой рубахѣ „пріискательскаго“ вида.

Въ Хабаровскѣ, да пожалуй и вездѣ на Дальнемъ востокѣ, мужикъ—это не тотъ „мужикъ“, который кормилъ двухъ генераловъ въ извѣстной Щедринской сказкѣ. Обязанности этого мужика на Дальнемъ Востокѣ всецѣло перешли къ китайцу, который кормитъ здѣсь не только генераловъ, но пожалуй что и того русскаго мужика-переселенца, который такимъ франтомъ разгуливаетъ по улицамъ Хабаровска или Владивостока. „Китайскій вопросъ“—это больной вопросъ у насъ на Дальнемъ Востокѣ: безправный, презираемый, отовсюду изгоняемый, китаецъ однако побиваетъ всякую конкурренцію на почвѣ упорнаго, методическаго труда, ограниченности своихъ потребностей и вѣкового приспособленія къ условіямъ мѣстной природы и хозяйства. И вотъ, одни придумываютъ всяческіе способы, чтобы оградить Уссурійскій край отъ мирнаго, но неудержимаго нашествія „желтой расы“; другіе хотятъ, напротивъ взять съ нея все, что она можетъ дать, и воспользоваться ея руками для упроченія въ краѣ русской культуры и русскаго благосостоянія. Третьи—и очень многіе—разсуждаютъ приблизительно такъ, какъ разсуждалъ печатно одинъ очень извѣстный и даже весьма культурный мѣстный коммерсантъ: онъ горячо доказывалъ

необходимость допущенія въ край китайцевъ, какъ земледѣльцевъ и чернорабочихъ, но не съ меньшею горячностью требовалъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ китайскихъ „купецза“, осмѣливающихся—не страшноли, въ самомъ дѣлѣ, подумать!—продавать товары значительно дешевле, нежели это благоугодно владивостокскимъ и благовѣщенскимъ монополистамъ.

Я извиняюсь однако за это маленькое отступленіе и возвращаюсь къ Хабаровску.

Хабаровскъ—столица Приамурья; но столица, расположенная среди почти безлюдной тайги, и не играющая поэтому, пока, никакой роли, кромѣ роли административнаго центра. Вся жизнь этого города тяготѣетъ къ дюжинѣ каменныхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются разныя военныя и гражданскія канцеляріи, къ казармамъ и военнымъ учрежденіямъ, разбросаннымъ по всѣмъ окраинамъ города, а главное—къ сѣро-красному зданію съ развѣвающимся надъ нимъ георгіевскимъ флагомъ,—къ дому генералъ-губернатора, который какъ бы доминируетъ надъ городомъ, бросаясь вамъ въ глаза, когда вы еще только подъѣзжаете на пароходѣ, одновременно съ небольшимъ соборомъ и съ памятникомъ Муравьева. Хабаровское общество—это общество офицеровъ и чиновниковъ, и всѣ явленія, какъ бы свидѣтельствующія о сравнительно развитой общественной жизни: библіотека, музей, географическое общество, газета—все это тепличные плоды, выращенные лучами того самаго административнаго солнца, къ которому тяготѣетъ вся хабаровская планетная система. Хабаровское общество—это совокупность людей, отслуживающихъ тѣ или другіе обязательные сроки или ожидающихъ какого-нибудь перемѣщенія, и составъ этого общества мѣняется почти съ калейдоскопической быстротой; немудрено, что здѣсь не можетъ зародиться никакой общественной жизни въ сколько-нибудь серьезномъ смыслѣ этого слова.

Да и не только въ серьезномъ смыслѣ: очень тяжело жить въ Хабаровскѣ даже съ точки зрѣнія условій самаго простого общежитія.

— Я знаете ли, теперь рѣшительно ни съ кѣмъ домами не знакомъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ хабаровскихъ носителей гражданскихъ кокардъ, старый холостякъ, извѣстный въ городѣ за одного изъ самыхъ пріятныхъ и „общественныхъ“ людей: пріѣхалъ сюда лѣтъ восемь тому назадъ, со всѣми перезнакомился, съ многими сдружился. Были у меня и добрые друзья,—прибавилъ онъ со вздохомъ: прошло три года—никого не осталось: кто въ Россію уѣхалъ, кто во Владивостокъ, кто въ Благовѣщенскъ, кто въ Манчжурію, понаѣхали все новые. Перезнакомился и съ новыми, тоже кое-съ кѣмъ завязались добрыя отношенія; черезъ три года и изъ этихъ новыхъ никого не осталось, опять все новый народъ наѣхалъ. Ну, я теперь ни съ кѣмъ и не знакомлюсь: хожу себѣ только въ клубъ, а въ домѣ ни у кого не бываю; не хочу ни съ кѣмъ сближаться,—все равно черезъ три года никого не останется...

Тяжело въ Хабаровскѣ и „для тѣла“: дороговизна на все страшная, куда хуже даже извѣстнаго своею дороговизною Владивостока. Квартиръ порядочныхъ въ Хабаровскѣ почти что нѣтъ; въ гостинницахъ цѣны невѣроятныя—за самую жалкую конурку приходится платить не менѣе двухъ-трехъ рублей, за сколько-нибудь приличную комнату—отъ четырехъ до шести рублей въ день; сажень дровъ не дешевле шести рублей, за фунтъ мяса берутъ по тридцати копѣекъ, за сотню яицъ, смотря по времени года,—отъ двухъ до пяти рублей; во Владивостокѣ сотня яицъ стоитъ рубль, а то и восемьдесятъ коп. Чистая бѣда тоже съ молокомъ и молочными продуктами: чтобы обезпечить семью молокомъ, надо держать собственную корову; за корову же, самую по-

средственную, надо отдать не менѣе ста—ста двадцати рублей да прокормить ее тоже нелегко: пудъ сѣна стоитъ отъ 20 до 40 копѣекъ!.. И дороговизна эта совершенно естественна: вблизи Хабаровска имѣется пока всего четыре или пять крестьянскихъ селеній, да и тѣ почти не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, такъ какъ находятъ гораздо болѣе выгоднымъ поставлять въ городъ сѣно и дрова. Если въ Хабаровскѣ все-таки можно достать, напримѣръ, овощи, то это—исключительно благодаря нѣсколькимъ существующимъ по близости корейскимъ селеніямъ съ очень развитою, напротивъ, полевою и особенно огородною культурой. Крестьяне разныхъ Гаровокъ и Матвѣевокъ проявляли, пока, свою хозяйственную дѣятельность исключительно въ формѣ усиленнаго истребленія лѣса на своихъ надѣлахъ, и такъ усиленно твердятъ о негодности своихъ земель для земледѣлія („помилуйте, ваше благородіе, нешто это земля, — горы да глина“), что эта негодность сдѣлалась почти что общимъ мѣстомъ среди мѣстной администраціи; а корейцы разработали обширныя площади земли по приамурскимъ уваламъ, и пашни ихъ залѣзли на такія кручи, которыя, дѣйствительно, можно было бы считать совершенно неудобными для культуры.

Хабаровскій переселенческій пунктъ, какъ и большинство переселенческихъ пунктовъ, устроенъ совершенно за городомъ и располагаетъ самостоятельною пароходною пристанью и вѣткою, связывающею пунктъ съ городскою станціею Уссурійской желѣзной дороги. Пунктъ расположенъ очень красиво, на такомъ же невысокомъ, лѣсистомъ холмѣ, на какихъ разбросался и самый городъ; сидя въ устроенной при домѣ переселенческаго чиновника бесѣдкѣ, вы можете любоваться прекраснымъ общимъ видомъ и на Хабаровскъ, и на

безбрежные разливы Амура и Уссури, съ плывущими по нимъ сѣнными лодками и китайскими шаландами.

Въ отличіе отъ основательно, но просто, безъ лишнихъ украшеній построенныхъ стрѣтенскихъ бараковъ, и отъ скромнаго до нищенства благовѣщенскаго пункта, хабаровскіе бараки выстроены не только аккуратно, но и нарядно, съ претензіями не только на удобство и чистоту, но даже и на изящество, включительно до рѣзныхъ наличниковъ надъ окнами и по карнизамъ крышъ. Два очень большихъ лѣтнихъ бревенчатыхъ барака, съ массой воздуха и свѣта, два—поменьше, досчатые, окрашенные масляной краской, со сравнительно удобными нарами и съ вѣшалками для переселенческой одежды. Противъ каждаго большого барака—кухня съ хлѣбопекарною печью, плитою и кубомъ для кипятка; въ противоположность стрѣтенскому, хабаровскій пунктъ не ведетъ собственнаго хозяйства: переселенцы въ кухняхъ сами варятъ себѣ пищу и пекутъ хлѣбъ, причемъ хлѣбами запасаются и впрокъ, когда покидаютъ пунктъ и идутъ водворяться на участкахъ: тамъ хлѣба не скоро достанешь! Затѣмъ, большой, свѣтлый, очень теплый зимній баракъ; спеціальный изоляціонный баракъ для семей съ подозрительными больными; обширная каменная баня съ дезинфекціонной камерой; строится солидное зданіе для сельской лѣчебницы, имѣющей обслуживать возникающій въ окрестностяхъ Хабаровска переселенческій районъ; собираются строить баракъ для склада земледѣльческихъ орудій и машинъ, который располагается пока въ одномъ изъ бараковъ, предназначенныхъ для жилья. Въ противоположность благовѣщенскимъ частнымъ складамъ, торгующимъ почти исключительно иностраннымъ товаромъ, на хабаровскомъ пунктѣ я вижу исключительно орудія русскихъ заводовъ, главнымъ образомъ, небольшіе, выкрашенные въ синюю краску плужки Гена, къ которымъ еще на ро-

динѣ привыкли переселенцы-малороссы. Есть въ складѣ окучники, бороны-зигзагъ, зубья для обыкновенныхъ боронъ, но всего этого почти не покупаютъ, и только геновскіе плужки имѣютъ среди переселенцевъ нѣкоторый успѣхъ. Вообще, уссурійскіе переселенцы совершенно не проявляютъ той склонности къ улучшеннымъ орудіямъ и машинамъ, которая такъ обуяла новоселовъ Амурской области, и причина очень проста: развитіе въ краѣ китайско-корейской аренды и испольщины позволяетъ переселенцамъ безъ всякихъ хлопотъ получать такую ренту со своихъ надѣловъ, какой не могли бы имъ доставить самыя усовершенствованныя орудія и машины.

Хабаровскій пунктъ въ настоящее время служитъ, главнымъ образомъ, проходнымъ пунктомъ для переселенцевъ, проѣхавшихъ черезъ всю Сибирь и плывшихъ водою по Амуру; они садятся здѣсь въ вагоны, чтобы слѣдовать въ Уссурійскій край. Съ открытіемъ сквознаго движенія по Манджурской желѣзной дорогѣ, по этой дорогѣ пойдутъ и переселенцы, слѣдующіе въ Уссурійскій край, и хабаровскій пунктъ утратитъ свое транзитное значеніе; взамѣнъ того, ему предстоитъ стать центромъ водворенія переселенцевъ на тѣхъ обширныхъ, удобныхъ для колонизаціи, земельныхъ площадяхъ, которыя обнаружены въ самое послѣднее время выше и ниже по теченію Амура и по такимъ его притокамъ, какъ Тунгузка и т. п. Пока что, однако, но теперь главная забота хабаровскаго пункта—это правильная и безостановочная посадка прибывающихъ водою переселенцевъ въ поѣзда, которые должны везти ихъ на нарѣзанные участки южно-и средне-Уссурійскаго края. И забота эта не легкая: Уссурійская дорога крайне бѣдна подвижнымъ составомъ; въ частности—она вовсе не имѣетъ „приспособленныхъ“ вагоновъ, въ которыхъ перевозятъ переселенцевъ по Сибирской дорогѣ. Въ

простой товарный вагонъ приходится сажать, поэтому, по тридцати пяти человѣкъ, иногда и до сорока пяти, а сплошь и рядомъ на требованіе вагоновъ переселенческій чиновникъ получаетъ лишь увѣдомленіе, что вагоновъ нѣтъ... Приходится пускать въ ходъ и личныя добрыя отношенія съ желѣзнодорожною администраціею, и вліяніе высшаго начальства, чтобы въ предѣлахъ возможности сократить для переселенцевъ время ожиданія вагоновъ.

Случается, что хабаровскій пунктъ занимаютъ для цѣлей, имѣющихъ мало общаго съ его прямымъ назначеніемъ. Такъ, зимою 1900—1901 года на пунктѣ были расположены войска; лѣтомъ передъ тѣмъ, во время „китайскихъ событій“ въ баракахъ были размѣщены „харбинцы“—сбродная публика всѣхъ племенъ, нарѣчій и состояній, бѣжавшая изъ Харбина въ ожиданіи китайскаго нашествія и наполнившая Хабаровскъ шумомъ своихъ легко нажитыхъ и легко тратившихся денегъ. „На насъ въ то время извощики и смотрѣть не хотѣли, — разсказываютъ хабаровскіе обыватели, — все только высматривали, какъ-бы харбинца прокатить“... Не мало путаницы харбинцы внесли и въ жизнь переселенческаго пункта: организованную партію въ 1.200 человѣкъ переселенцевъ пришлось съ парохода и съ баржей пересадить прямо въ вагоны, не давъ имъ остановиться въ городѣ: пунктъ безъ остатка былъ заполненъ харбинцами, и переселенцевъ было негдѣ пріютить.

Въ данную минуту переселенческій пунктъ почти пустъ. Со мной на пароходѣ, правда, прибыла довольно большая партія переселенцевъ, но въ ожиданіи медицинскаго осмотра ихъ еще не спустили съ парохода. Въ баракахъ—всего нѣсколько семействъ какихъ-то малороссовъ, и то—однѣ женщины съ дѣтьми: всѣ мужики ушли смотрѣть участки,—да нѣсколько могилев-

цевъ, ожидающихъ парохода, что бы двигаться обратно въ Россію.

— Откуда вы это?—спрашиваю.

— Изъ-подъ Шмаковки, ваше почтеніе,—отвѣчаютъ могилевцы.—Отвели намъ землю; по началу погляну-лась,—да потомъ видимъ: земля худая, воды нѣтъ, не стоитъ жить здѣсь. Мужики вотъ проживутъ здѣсь лѣто, мало-мало денегъ заработать, а женщины въ Россію ѣдутъ.

— Ноньче порядочно обратныхъ,—объясняетъ мнѣ по этому поводу переселенческій чиновникъ, хозяинъ пункта;—въ прежніе годы обратныхъ почти не бывало, какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ семей въ годъ. А ноньче ушло уже пять процентовъ всего прошлогодняго движенія, да еще идутъ: кто лѣсныхъ земель испугался—прежде вѣдь чистыя мѣста отводили, а теперь чистыя мѣста заселились, приходится направлять въ лѣса; кто бѣжалъ отъ наводненія, а кто—вообразите—испугался военно-конской переписи: въ прошедшемъ году вѣдь конская перепись случилась передъ самою войной,—вотъ и теперь рѣшили, что за переписью послѣдуетъ война, да и давай въ Россію, — слушать ничего не хотятъ!

Обойдя всѣ бараки, идемъ пить чай къ любезному хозяину пункта. У входа въ его домъ насъ встрѣчаетъ баба-могилевка и начинаетъ излагать какую-то чрезвычайно запутанную просьбу, причемъ падаетъ въ ноги, многократно бросается ловить руку чиновника и вообще всякими способами проявляетъ самое преувеличенное почтеніе. Чиновникъ внимательно выслушиваетъ ее и обстоятельно разъясняетъ, что просьба ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уважена. Баба еще нѣсколько разъ повторяетъ свое, наконецъ уходитъ—уже безъ поклоновъ.

— Навѣрно къ генералъ-губернатору пойдетъ на меня

жаловаться, говоритъ переселенческій чиновникъ.—Вы не повѣрите, какіе мастера по этой части эти могилевцы. И всѣ-то здѣшніе переселенцы порядочно избалованы, но никто такъ не отличается по части всякихъ жалобъ и претензій. Особенно они ловки выхаживать „способіе“: плачутъ, въ ногахъ валяются, самые состоятельные такого лазаря разыграютъ, что вы никакимъ способомъ не выясните ихъ дѣйствительнаго матеріальнаго положенія. А отказали вы имъ окончательно, сейчасъ всѣ поклоны и слезы въ сторону: „тожнѣ, я до генералъ-губернатора пойду“.

— Да вѣдь трудно имъ,—возражаю я,—обзаводиться въ такой глуши, какъ ваши палестины.

— Напротивъ, въ окрестностяхъ Хабаровска легче пробиться, чѣмъ гдѣ бы то ни было: здѣсь на однихъ лѣсныхъ заработкахъ всякій переселенецъ легко и семью прокормитъ цѣлую зиму, да еще денегъ заработаетъ на пару или тройку лошадей. Только народъ-то сюда неважный приходитъ; да и избаловываются очень на ссудахъ. А по настоящему—ссуды эти вовсе ни къ чему: онѣ такъ ничтожны, что на нихъ не завестись хозяйствомъ; поэтому онѣ просто проѣдаются, а не идутъ на обзаведеніе; а между тѣмъ привычка къ ссудамъ—бѣдовая вещь: чего особенно изъ кожи лѣзть, когда „способіе“ все равно выручитъ!...

— А что,—спрашиваю я,—могилевцы и здѣсь такой же слабый элементъ, какъ въ Амурской области?

— Нѣтъ, этого я не скажу,—отвѣчаетъ мой собесѣдникъ.—Насчетъ способій они, положимъ, очень люты,—какъ никто; но все же куда энергичнѣе хохловъ... какъ-то лучше приспособляются къ суровой лѣсной природѣ: какъ придутъ—сейчасъ построятъ хорошіе дома, уберутъ пни со дворовъ и съ улицы и непремѣнно, хоть мотыкой, да расчистятъ десятину земли. Впрочемъ, и между ними есть разные: такая публика, какъ въ Га-

ровкѣ или Матвѣевкѣ—тоже вѣдь могилевцы,—это ужъ самый непутевый народъ; только и норовятъ, какъ полегче деньгу добыть; посвозили ужъ почти весь лѣсъ съ надѣловъ, а пашни пахать и не думаютъ. А вотъ въ Георгіевкѣ, въ Павленковой—хорошій народъ: Георгіевцы, тѣ только въ 1898 году пришли осенью, а теперь уже на шестьдесятъ дворовъ до пятисотъ десятинъ распахали... Крѣпкій народъ, трудолюбивый, за деньгами не гонится,—была бы пашня да былъ бы хлѣбъ...

Пора ѣхать домой. Переселенческій чиновникъ любезно предлагаетъ отвезти меня на своемъ шарабанчикѣ. Ѣдемъ. По дорогѣ, около паровой мельницы китайца Тифонтая—онъ же мѣстный банкиръ—насъ останавливаютъ какихъ-то два господина въ пиджакахъ, фетровыхъ шляпахъ и при часахъ. Это—ходоки, нѣмцы, изъ Екатеринославской губерніи, — осматривали участки за Амуромъ.

— Ну, что, какъ земля? — спрашиваетъ ихъ переселенный.

— Да ничего земля, ваше бл—діе,—отвѣчаютъ нѣмцы;—а сколько дадутъ?

— По пятнадцати десятинъ на душу.

— Ну, это что же такое, по пятнадцати десятинъ,—негодуютъ нѣмцы, — тогда намъ ничего не надо, пойдемъ домой: мы читали, по сту десятинъ на дворъ, а на пятнадцати десятинахъ и хозяйства какъ слѣдуетъ не завести...

II.

По Уссурійской дорогѣ.

Преобладаніе военнаго элемента, которое такъ бросается въ глаза въ Хабаровскѣ, продолжается и на Уссурійской дорогѣ: масса военныхъ среди пассажировъ,

множество военныхъ среди желѣзнодорожной администраціи. Уссурійская дорога состоитъ въ путейскомъ вѣдомствѣ, но ея мѣстное управленіе какъ-то сливается съ управленіемъ Уссурійскаго желѣзнодорожнаго баталіона. Въ нашемъ поѣздѣ оберъ-кондукторъ—путейскій, остальные кондуктора, проводники при служебныхъ вагонахъ, машинистъ—солдатики-саперы въ бѣлыхъ рубахахъ съ красными погонами; на стрѣлкахъ и у сторожевыхъ будокъ стоятъ то обыкновенные стрѣлочники или даже просто бабы, то такіе-же солдатики желѣзнодорожнаго баталіона; начальники станцій и ихъ помощники—то путейскіе служащіе въ красныхъ фуражкахъ, то желѣзнодорожные унтеръ-офицеры, или даже рядовые солдаты; разсказываютъ, имъ приходится переживать немало непріятныхъ минутъ, когда ихъ права, въ качествѣ станціоннаго начальства, вступаютъ въ конфликтъ съ ихъ обязанностями, какъ солдатъ; говоря проще—когда солдату-начальнику станціи приходится проявлять свою власть по отношенію къ офицерамъ, которымъ онъ, какъ солдатъ, обязанъ строжайшимъ чинопочитаніемъ.

Набитый биткомъ поѣздъ со своимъ вагономъ-столовою (спасительное учрежденіе при пустынности Уссурійскаго края!) медленно всползаетъ на Хехцырскій хребетъ, котораго красивыя, блѣдно-сѣрыя, часто подернутыя облаками очертанія такъ украшаютъ общій видъ окрестностей Хабаровска,—затѣмъ ускореннымъ ходомъ спускается съ Хехцыра въ долину Уссури. Видъ изъ окна вагона до крайности унылый: передъ глазами разстилается почти сплошная, по большей части обгорѣлая вырубка; просто недоумѣваешь, куда могъ дѣваться весь этотъ истребленный лѣсъ, въ почти пустынномъ краѣ... Но вотъ, поѣздъ спустился въ долину Уссури. Она настолько широка, что во все время проѣзда вы ни разу не видите самой рѣки, и въ то-же время, по боль-

шей части, не видите и предгорій той сѣверно-уссурійской горной страны, среди которой Уссури прорыла свою долину. Мѣстами только желѣзная дорога проходитъ у подножія невысокихъ, лѣсистыхъ горъ, иногда съ очень причудливыми очертаніями,—послѣднихъ отвѣтвленій Сихота-Алина, или огибаетъ отдѣльно стоящія „сопки“, какимъ-то чудомъ оставшіяся стоять среди размытой водами Уссури долины. Сама долина — это, по мѣткому выраженію одного знатока уссурійской природы, „болотистыя равнины на разныхъ ступеняхъ обсыханія“. Передъ вами разстилаются то обширныя пространства самаго несомнѣннаго болота, поросшія осокою и кислыми злаками и густо усѣянныя крупными кочками; то площади, слегка обсохшія, которыя вы сразу узнаете по разсѣяннымъ среди осоки бѣлымъ султанамъ чемерицы и фіолетовымъ шапкамъ черной вики, а также по начинающему пробиваться чахлому березняку; то роскошные, уже совсѣмъ обсохшіе луга, покрытые пестрымъ ковромъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, — они такъ и просятся подъ плугъ. Это обсыханіе Уссурійской долины идетъ съ поразительною быстротой; я лично видѣлъ засѣянныя хлѣбами пашни на такихъ полянахъ, которыя пять или десять лѣтъ тому назадъ были едва проходимымъ болотомъ; видѣлъ обширные луга, вполнѣ годные подъ распашку, гдѣ на снятыхъ всего десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ планахъ показаны сплошныя „чистыя“ болота. Впрочемъ, и сейчасъ оцѣнка земель Уссурійской долины далеко не установилась. Казаки, владѣющіе всѣмъ пространствомъ долины къ западу отъ линіи желѣзной дороги, чуть не цѣликомъ считаютъ свои земли „средне-удобными“ или даже вовсе неудобными, и такой же, приблизительно, оцѣнки придерживается казачье начальство. Напротивъ, къ востоку отъ линіи, гдѣ допущено поселеніе крестьянъ, мнимыя „средне-удобныя“, а по большей части и „не-

удобныя", по казачьей оцѣнкѣ, земли преспокойно показываются на планахъ за удобныя; изъ такихъ обсыхающихъ земель образуются участки для водворенія крестьянъ-переселенцевъ; эти участки быстро заселяются, и „неудобныя", съ казачьей точки зрѣнія, земли чуть не съ перваго же года водворенія переселенцевъ обращаются въ пашню и покосъ.

До самаго послѣдняго времени Сѣверно-Уссурійскій край былъ почти совершенною пустыней: только гдѣ-то въ глубинѣ той горной тайги, которая заполняетъ всю страну, отъ края Уссурійской долины до самыхъ береговъ Японскаго моря, существовало какое-то, болѣе или менѣе миѳическое инородческое населеніе, да по самому берегу Уссури, вдоль государственной границы, тянулась негустая цѣпь болѣе или менѣе мелкихъ казачьихъ поселеній. Въ центральной части страны обитали частью аборигены края—орочоны и гольды, частью пришлые китайцы, образовавшіе по берегамъ Имана, Вака, Бикина и ихъ притоковъ десятки—гдѣ отдѣльныхъ фанзъ, гдѣ болѣе или менѣе крупныхъ поселеній. Казаки жили разными промыслами, связанными съ положеніемъ ихъ поселковъ у большой рѣки: ловили рыбу, готовили дрова для пароходовъ, сплавляли лѣсъ, зимою ходили въ извозъ, земледѣліемъ же почти не занимались, а по большей части не занимаются и теперь; въ немногихъ лишь поселкахъ хлѣбопашество достигаетъ сколько-нибудь серьезныхъ размѣровъ и играетъ болѣе или менѣе важную роль въ благосостояніи казачьяго населенія.

Только съ 1900 года двинулась въ Сѣверно-Уссурійскій край крестьянская колонизація, до тѣхъ поръ осѣдавшая исключительно въ предѣлахъ Южно-Уссурійскаго края, на такъ называемой Ханкайской равнинѣ и по ея горно-лѣсистымъ окраинамъ, а также по долинамъ нѣсколькихъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Японское море, до рѣки Сучана включительно. Уссурійская

долина, какъ и долины такихъ ея притоковъ, какъ Бикинъ или Иманъ, пользовались репутаціей мѣстностей, безусловно негодныхъ для земледѣльческой колонизаціи; почему-то были совершенно забыты результаты произведенныхъ тотчасъ-же вслѣдъ за присоединеніемъ края къ Россіи рекогносцировокъ, выяснившихъ первостепенно-важный фактъ существованія по рѣчнымъ долинамъ Сѣверно-Уссурійскаго края многочисленныхъ китайскихъ поселеній съ цвѣтущимъ земледѣліемъ. Но за послѣдніе два года вдоль желѣзной дороги образовался уже почти сплошной рядъ новыхъ крестьянскихъ поселеній; при сліяніи Уссурійской долины съ долинами Бикина, Имана, Вака, Кобурги и Шитухе возникаетъ уже второй рядъ селеній, и произведенныя изысканія выяснили возможность вести колонизацію далеко вверхъ по Иману, по Ваку, можетъ быть, по Бикину и по другимъ притокамъ Уссури.

Однако, цѣль моихъ очерковъ вовсе не разсужденія о будущности колонизаціи Уссурійскаго края... Возвращаюсь поэтому къ своимъ дорожнымъ впечатлѣніямъ.

На одной изъ первыхъ отъ Хабаровска маленькихъ станцій къ намъ подсаживается чиновникъ, въ высочайшихъ болотныхъ сапогахъ и въ тужуркѣ съ малиновыми кантами; это — землемѣръ, работающій по отводу земель для переселенцевъ; онъ квартируетъ поблизости въ казачьемъ поселкѣ и теперь ѣдетъ на ближайшую большую станцію, закупать провизію.

— Вы не повѣрите,—разсказываетъ онъ,—что здѣсь за житье!... у казачишекъ этихъ ничего достать нельзя—ни-ни; ни хлѣба, ни мяса, ни яицъ,—живешь какъ будто и въ деревнѣ, а питаешься чуть-что не одними консервами. Еще слава Богу—нонче хоть избенку удалось найти сносную!.. А въ прошломъ году у меня была квартира—такая комнатушка, что не повернуться; грязная, чуть не разваливается,—а не угодно ли отдать десять

рублей въ мѣсяцъ; дрова—шесть рублей сажень; за воду платили три рубля въ мѣсяцъ—ведро въ день; а какъ начались военныя событія, водовозъ за то-же самое ведро потребовалъ пять рублей въ мѣсяцъ.

Землемѣръ, только-что вернулся изъ тайги, съ рекогносцировки — проходилъ развѣдочную линію на Подхоренокъ и на Хоръ.

— Чуть не пропали, разсказываетъ онъ;—пока шли болотами—ничего было, хоть и тяжело; а потомъ вышли къ Хору, да запутались въ разливахъ, насилу выбрались: плотъ съ провіантомъ у насъ унесло, лошади потонули,—пришлось выбираться пѣшкомъ, да еще багажъ на себѣ нести. Шли-шли,—совсѣмъ выбились изъ силъ; инструментъ ужъ я оставилъ въ тайгѣ,—только мѣсто замѣтилъ; оголодали совсѣмъ—слава Богу, попался подъ выстрѣлъ изюбрь (олень), а то бы, пожалуй, съ голоду подохли; подъ конецъ и я, и мои солдаты прямо-таки ползкомъ ползли—всѣ ноги были въ ранахъ; солдаты и сейчасъ чуть-живые ходятъ...

— Что, небось въ полкъ обратно просятся?—спрашиваю я.

— Что вы,—помилуйте,—слышать не хотятъ!.. Я, какъ вышли изъ тайги, предлагалъ тѣмъ, кто ужъ очень ноги натрудилъ, не хотятъ ли возвратиться въ полкъ,—такъ чуть не въ ногахъ валяются; у насъ вѣдь это крайняя угроза—отослать въ полкъ, если кто плохо работаетъ или дурно себя ведетъ. Тяжело въ тайгѣ, и голодно, и трудно,—да за-то свободнѣе, чѣмъ въ полку, кой-какой заработокъ есть; это ихъ и тянетъ...

Черезъ полчаса разстаемся съ нашимъ землемѣромъ.

Вотъ станція Бикинъ, у моста черезъ рѣку того-же названія. На станціи застаемъ участковаго пристава, а поодаль видимъ группу китайцевъ, человѣкъ пятьдесятъ, повидимому подъ карауломъ. Оказывается, приставъ возвращается съ экспедиціи на Бикинъ, вызванной

жалобами мѣстнаго орочонскаго населенія на китайцевъ.

— Совсѣмъ ихъ въ руки забрали,—разсказывалъ намъ приставъ: ужъ не могу вамъ сказать, когда по Бикину поселились китайцы, а только теперь тамъ нѣсколько китайскихъ деревень; гдѣ отдѣльно китайцы поселились, гдѣ живутъ вмѣстѣ съ орочонами; да порядочно орочонскихъ селеній. Орочоны у китайцевъ въ долгу, какъ въ шелку; китайцы, положимъ, и хлѣбопашествомъ занимаются, а больше промышляютъ орочонами: торгуютъ съ ними, снабжаютъ ихъ въ долгъ хлѣбомъ, порохомъ,—всѣмъ, что имъ нужно, а отъ нихъ берутъ за это соболей, жень-шень; ну, а съ неисправными должниками не церемонятся—судятъ своимъ судомъ подвѣшиваютъ, за связанныя руки или внизъ головой, бьютъ особенною палкою, съ оглоблю толщиной. У нихъ и судъ тамъ свой былъ китайскій, и начальство свое; орочоны только это начальство и знали, а про русское начальство многіе и не слыхали даже. Такъ тянулось у нихъ лѣтъ двадцать пять, а, можетъ быть, и больше, и никто объ этомъ не зналъ. Только теперь орочонамъ не въ терпежъ стало, а главное гольды ихъ научили—жаловаться русскому начальству. Вотъ, и послали меня съ тремя казаками; я верстъ на триста поднимался на лодкѣ по Бикину, забралъ всѣхъ китайскихъ начальниковъ и судей и везу вотъ въ городъ; палку тоже везу, которою они орочонъ наказывали,—не хотите ли посмотрѣть?

И приставъ показалъ намъ основательную дубину, съ сажень длины, съ загнутымъ въ видѣ весла плоскимъ концомъ и съ какими-то китайскими письменами.

Поѣздъ трогается, и мы разстаемся съ побѣдоноснымъ приставомъ, не успѣвъ даже ближе взглянуть на заарестованное имъ китайское „правительство“ Въ вагонѣ начинаются разговоры о той жестокой эксплоатаціи, которой китайцы подвергаютъ несчастныхъ гольдовъ и орочонъ.

— Просто житья имъ нѣтъ отъ китайцевъ,—разсказываетъ одинъ изъ пассажировъ, причастный къ мѣстной администраціи,—всю кровь изъ нихъ высасываютъ: бываетъ, орочонъ за долгъ въ четыре соболя въ пять-шесть лѣтъ переплатитъ китайцу 12—15 соболей, а долгъ остается все тотъ же! Залѣзаютъ въ гольдяцкія и орочонскія деревни, и въ концѣ-концовъ обращаютъ бѣдныхъ гольдовъ чуть чуть-что не въ своихъ рабовъ, и все у нихъ отнимаютъ. Вообразите — китайцы до сихъ поръ увѣрены, что на Бикинѣ—китайская территорія, и совершенно не признаютъ русской власти. Вотъ только прошлогодняя война немного ослабила авторитетъ китайцевъ среди нашихъ инородцевъ; ко мнѣ сколько ихъ приходило—все спрашиваютъ: можно ли китайцевъ рѣзать?.. Ну рѣзать, положимъ, не рѣзать, а прогнать китайцевъ надо отсюда,—только тогда наши инородцы и свѣтъ взвидятъ.

— Ну, однако,—возражаетъ другой пассажиръ,—едва ли ужъ въ этомъ все дѣло: вѣдь и нашъ братъ, русскій, тоже ихъ грабитъ не хуже китайцевъ! Вотъ у С-на (крупный лѣсопромышленникъ изъ мѣстныхъ казаковъ) работаютъ корейцы,—цѣлый годъ бѣдняга-кореецъ работаетъ, и только все дальше въ долгъ лѣзетъ; на работѣ ихъ обсчитываютъ, а вмѣсто денегъ всучиваютъ продукты: кулекъ муки стоитъ два восемь гривенъ, а С-нъ засчитываетъ по четыре рубля; а корейцу приходится перепродавать муку за рубль, потому что ему мука ни къ чему, а нужны деньги. А ужъ въ прошломъ году здѣсь что̀ дѣлалось, просто стыдно вспомнить!.. вмѣсто разсчета пустятъ рабочему китайцу пулю въ догонку,—да и все тутъ...

Вотъ станція Бочарова. Мы отцѣпляемся отъ поѣзда, чтобы посѣтить расположенный немного въ сторонѣ отъ станціи переселенческій поселокъ Ѳеодосіевскій. У самой станціи—небольшой костеръ, и нѣсколько типич-

ныхъ хохловъ варятъ себѣ пищу. Это кіевляне; нѣсколько дней назадъ они приплыли на добровольцѣ „Казань“ и теперь „смотрятъ мѣста“; у Бочаровой имъ не нравится,—„низко“, и они рѣшили остановить свой выборъ на участкѣ около станціи Розенгартовки, ближе къ Хабаровску, гдѣ они побывали передъ тѣмъ дня за два и нашли себѣ землю по вкусу.

Въ Ѳеодосіевкѣ моимъ спутникамъ предстоитъ разобрать поступившія отъ новоселовъ жалобы на недостатокъ удобныхъ земель въ отведенномъ имъ участкѣ. Пѣшкомъ—другого способа сообщенія нѣтъ — мы направляемся въ поселокъ, и по дорогѣ то одинъ изъ насъ, то другой увязаетъ по поясъ въ кочковатомъ болотѣ, длинною лентой протянувшемся параллельно линіи желѣзной дороги; гати черезъ болото Ѳеодосіевцы не дѣлаютъ—ожидаютъ казеннаго „способія“. Въ поселкѣ находимъ нѣсколько порядочныхъ домовъ; остальные—маленькія, по большей части недостроенныя избушки. Собираются крестьяне, и сопутствуемые старостой и еще дюжиной мужиковъ, мы отправляемся осматривать участокъ. Идемъ сначала, въ самомъ дѣлѣ, мокроватымъ лугомъ; староста и еще два-три мужика, очевидно вліятельныхъ, не отстаютъ отъ насъ ни на шагъ и, не переставая, разсказываютъ намъ о недостаткахъ отведеннаго участка: низменныя мѣста болотисты и затопляются, высокія каменисты,—словомъ, удобныхъ земель безъ мала что нѣтъ вовсе. Скоро, однако, мы попадаемъ на прекрасный увалъ. Минуемъ нѣсколько распаханныхъ полосъ, отъ которыхъ тянутся вдаль какія-то длинныя, пропаханныя плугомъ борозды. Случайно я остаюсь въ сторонѣ отъ тѣхъ мужиковъ, которые раньше вели весь разговоръ,—мною, очевидно, они менѣе интересовались, нежели моими спутниками, отъ которыхъ зависѣли прирѣзки и „способія“; по близости отъ меня оказываются какіе-то другіе, раньше все время молчавшіе.

— Ну чѣмъ же эта земля худа? — обращаюсь я къ одному изъ нихъ.

— Да чѣмъ худа, ваше б-діе,—отвѣчаетъ мнѣ одинъ изъ нихъ,[1]) —ничѣмъ не худа, добрый грунтъ. Да намъ-то ничего не достается.

— Какъ это вамъ не достается?

— Да такъ, не достается... Вонъ поглядите, куда борозды ушли!.. Все доброе мѣсто они этими бороздами поопахали, да насъ и не пускаютъ.

— Это кто же не пускаетъ?

— Да вонъ, они,—и мой собесѣдникъ показалъ глазами на тѣхъ мужиковъ, которые такъ изливались и теперь, очевидно, продолжали изливаться предъ моими спутниками въ жалобахъ на негодность участка:—они сюда первые пришли, да все захватили, а мы пришли позднѣе, намъ ничего и не достается.

— А много у нихъ позахвачено?

— Да вотъ у Ивана, вотъ здѣсь, десятинъ шестьдесятъ, у Охрима—того поболѣе...

Въ это время мы сблизились съ остальною компаніей, и мои собесѣдники рѣшительно умолкли.

— Это что же за борозды?—спрашиваю я другихъ.

— Да такъ, борозды, пахать будутъ.

— А чье это поле,—спрашиваю я отвѣчающаго—не то Ивана, не то Охрима?

— Да мое.

— А много у тебя земли?

— Какое много, только всего и есть, что̀ видите,—десятинъ пятокъ; а то не будетъ пяти...

Мало-по-малу, однако, намъ удается выяснить, въ чемъ дѣло. Нашъ осмотръ, съ планомъ въ рукахъ, выясняетъ намъ, что въ участкѣ имѣется, въ среднемъ

---

[1]) Я не пытаюсь передавать здѣсь малорусскаго говора моихъ собесѣдниковъ.

на каждую семью, не менѣе двадцати пяти десятинъ прекрасныхъ степныхъ земель—хоть сейчасъ пахать—но что, дѣйствительно, эти земли цѣликомъ захвачены первыми переселенцами. Все дѣло, значитъ, въ неравномѣрномъ распредѣленіи удобныхъ земель; чтобы хватило всѣмъ земли, надо только передѣлить или раздѣлить ее между всѣми водворенными переселенцами,—да „первые жители“, позахвативъ всю землю, не допускаютъ ни раздѣла, ни передѣла. Узнаемъ затѣмъ, что ѳеодосьевцы, Черниговскіе хохлы, пришли съ большими для переселенцевъ деньгами, а потому крайне требовательны и придирчивы къ качеству земли; что притомъ самые богатые уже ушли, какъ только зашли разговоры о передѣлѣ земли поровну между всѣми домохозяевами; что, уходя, они не остались въ убыткѣ, такъ какъ даже съ барышомъ продали свои дома новымъ переселенцамъ.

Напившись въ деревнѣ чаю, идемъ обратно къ своему вагону; по дорогѣ опять основательно проваливаемся въ болото, такъ что, добравшись до вагона, должны съ ногъ до головы переодѣться и просушивать одежду и обувь. Времени у насъ осталось полдня, и мы отлично могли бы посѣтить еще и сосѣдній Ольгинскій поселокъ; но увы, между двумя сосѣдними—межа объ межу—поселками нѣтъ никакого сообщенія иначе, какъ по желѣзной дорогѣ; даже желѣзнодорожная „времянка“, и та пришла въ такое состояніе, что по ней нѣтъ возможности проѣхать; пройти пѣшкомъ тоже нельзя, изъ-за какихъ-то непроходимыхъ болотъ. Пришлось ждать до поздняго вечера, когда намъ удалось прицѣпиться къ какому-то товарному поѣзду и переѣхать съ нимъ до ближайшаго разъѣзда Чернаго.

Переночевавъ въ вагонѣ, рано утромъ выхожу на полотно, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего вагона вижу удручающую сцену: большая куча переселенческаго скарба, прикрытая брезентомъ; около нея—потухающій

костеръ, около костра—что-то покрытое не то одѣяломъ, не то небольшимъ кускомъ брезента; кругомъ группа мужиковъ и бабъ малорусскаго типа; всѣ стоятъ и смотрятъ на „что-то“,—мужики съ угрюмо сосредоточенными лицами, бабы всѣ въ слезахъ. Мнѣ вспоминается чья-то картина „Смерть переселенца на дорогѣ“, и я, не сводя глазъ съ этой группы, не рѣшаюсь подойти къ ней, чтобы не разбередить поразившаго, очевидно, бѣдныхъ переселенцевъ горя. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, одинъ изъ мужиковъ отдѣляется отъ группы и приближается ко мнѣ.

— Покойникъ?—спрашиваю я его.

Мужикъ съ недоумѣньемъ смотритъ на меня. Я показываю ему глазами на „что-то“, покрытое одѣяломъ или брезентомъ.

Оказывается, подъ одѣяломъ просто спятъ маленькія дѣти. Комаръ и мошка мѣшали имъ спать почти всю ночь, и вотъ, теперь взрослые стоятъ вокругъ нихъ и горюютъ.

— Вовсе пропадамъ,—разсказываютъ они: комаръ заѣлъ до полусмерти; добро подъ дождемъ гніетъ; дѣти сидятъ три дня не ѣвши,—хлѣба негдѣ купить; купили было хлѣба—теперь три дня блюемъ.

— Въ Спасскомъ хлѣбъ купили?—спрашиваетъ одинъ изъ моихъ товарищей по поѣздкѣ, переселенческій чиновникъ.

— Въ Спасскомъ.

— Ну, эти ужъ извѣстны,—замѣчаетъ „переселенный“: только и норовятъ пьянаго хлѣба подсунуть или какъ-нибудь надуть новоселовъ.

— Кто, казаки?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, переселенцы,—хуже всякихъ казаковъ!.. только и заботы—со своего брата содрать или обмануть; и не подумаютъ войти въ ихъ положеніе, а вѣдь сами два-три года тому назадъ вынесли все то же самое...

По желѣзнодорожной „времянкѣ“ идемъ пѣшкомъ въ поселокъ Ольгинскій. Поселокъ, стоитъ натрое: пять домовъ у самой линіи желѣзной дороги — частью готовыя мазанки хохлацкаго типа, частью еще не обмазанные бревенчатые срубы; оградъ и хозяйственныхъ построекъ еще нѣтъ, но уже разработаны небольшіе огороды, на которыхъ поспѣваютъ разныя овощи. Два другихъ отселка раскинулись въ верстѣ отъ линіи— здѣсь еще почти не видно ни бревенчатыхъ срубовъ, ни мазанокъ—новоселы помѣщаются въ балаганахъ, крытыхъ сѣномъ, и только еще начинаютъ строить себѣ избы. Оказывается, плановое мѣсто для поселка было разбито у линіи желѣзной дороги, гдѣ и водворились первые насельники участка, прибывшіе въ 1900 году. Переселенцы, пришедшіе на слѣдующій годъ, предпочли строиться подальше отъ линіи—„для скотины спокойнѣе“; затѣмъ туда-же стали понемногу переходить и первые поселенцы; переносятся и тѣ пять домовъ, которые мы еще и застали у линіи. Отсюда—жестокія распри: въ противуположность большинству переселенческихъ поселковъ, гдѣ позднѣйшимъ водворенцамъ нѣтъ житья отъ „первыхъ жителей“, здѣсь въ привилегированномъ положеніи оказались болѣе поздніе, такъ какъ успѣли позахватить на новомъ мѣстѣ всѣ болѣе удобныя усадьбы. Только мы дошли до деревни, какъ вокругъ насъ собралась толпа съ взаимными обвиненіями и жалобами, въ которыхъ такъ и не удалось разобрать, кто правъ, кто виноватъ; но судя по озлобленнымъ лицамъ, недоразумѣнія изъ-за усадебъ уже достаточно успѣли возстановить другъ противъ друга различныя группы переселенцевъ.

— Что же, хорошо здѣсь, на новомъ мѣстѣ? — спрашиваемъ нѣсколькихъ переселенцевъ, прибывшихъ всего двѣ недѣли тому назадъ, на „Казани“.

— Какое хорошо, когда нѣтъ ничего, — отвѣчаютъ

намъ;—и укрыться-то отъ дождя еще негдѣ, да и достать ничего нельзя.

— А земля-то,—настаиваю я, глянется?

— Да мы земли-то еще и не видали—все съ избами возимся; пахать и сѣять не начинали еще.

„Первые жители“, успѣвшіе кое-что пораспахать, одобряютъ землю; жалуются только на отсутствіе церкви. По воскресеньямъ, правда, собираются, читаютъ акаѳисты,—но все-таки „безъ церкви тяжело“.

Погостивъ въ поселкѣ, объѣхавъ верхомъ участокъ—тоже „заболоченныя мѣста на разныхъ стадіяхъ обсыханія“, съ прошедшимъ по срединѣ невысокимъ лѣсистымъ хребтомъ,—направляемся назадъ на станцію. По дорогѣ встрѣчаемъ тѣхъ самыхъ хохловъ, которые утромъ убивались изъ-за изъѣденныхъ комарами дѣтей; на четырехъ быкахъ, нанятыхъ у обитателей поселка, они везутъ свое имущество, причемъ быки еле выволакиваютъ легко-нагруженныя телѣги изъ липкой грязи...

— Можно селитьбу занять,—спрашиваютъ они идущаго съ нами старосту?

— Можно,—если желательно, идите.

Ѣдемъ дальше до Имана—одной изъ крупнѣйшихъ станцій Уссурійской линіи. Довольно большой каменный вокзалъ, желѣзнодорожная церковь, каменная казарма желѣзнодорожнаго баталіона. За вокзаломъ разстилается обширный желѣзнодорожный поселокъ; вдали, версты за три, на пригоркѣ, виднѣется обширная красная казарма—это казачій поселокъ Графскій, гдѣ квартируетъ какой-то полкъ или пѣхотный баталіонъ. На станціи застаемъ два поѣзда—одинъ воинскій, другой переселенческій, — все больше малороссы, большею частью только-что прибывшіе сухимъ путемъ, черезъ всю Сибирь, и направляющіеся „къ своимъ“ — кто на Сучанъ, кто въ Черниговку; нѣсколько вагоновъ обратныхъ, ѣдущихъ во Владивостокъ. Солдаты и пересе-

ленцы перепутались въ пеструю, веселую картину. Прямо противъ нашего вагона пара солдатиковъ забралась въ переселенческій вагонъ и болтаетъ съ дѣвушками,—у всѣхъ веселыя, довольныя лица.

— Чего это ты къ новоселамъ въ вагонъ забрался—спрашиваемъ солдата.

— Да вотъ, земляковъ нашелъ.

— А ты что, изъ Курской губерніи?

— Изъ Курской.

— Пожалуй изъ одной деревни?

— Изъ одной.

— А ты холостой?

— Холостой.

— А это не невѣста твоя?

Молчаливый кивокъ,—но всѣ, очевидно, чрезвычайно довольны моею догадливостью. Солдатикъ же, оказывается, и выписалъ сюда семью своей невѣсты.

Выходимъ на вокзалъ, знакомимся съ мѣстными офицерами; начинаются разговоры о томъ-о-семъ. Заходитъ рѣчь о тиграхъ.

— Вѣдь вообразите,—разсказываетъ одинъ изъ офицеровъ: у насъ тутъ около самаго семафора казакъ двухъ тигровъ убилъ. Ѣхалъ верхомъ пьяный, сталъ переѣзжать черезъ полотно, лошадь сбросила — онъ и уснулъ на самомъ полотнѣ. На утро просыпается, видитъ—тигръ. Онъ выстрѣлилъ — тигръ свалился подъ насыпь; казакъ посмотрѣлъ подъ насыпь—видитъ, тигръ живъ, опять подбирается; еще выстрѣлилъ, потомъ слѣзъ съ насыпи — видитъ два тигра убитые лежатъ. Такъ пятьсотъ рублей и заработалъ: по полтораста рублей за шкуру, да за мясо и кости китайцы по сто рублей дали. Они вѣдь мясо ѣдятъ, — думаютъ, отъ этого станутъ храбры, какъ тигры, а изъ тигровыхъ костей амулеты дѣлаютъ. Что за дурацкій народъ,—прибавилъ

разсказчикъ!.. — А вѣдь, пожалуй, выучатъ ихъ еще быть храбрыми,—смерти они совсѣмъ не боятся!..

Идемъ въ поселокъ. Въ немъ нѣсколько улицъ; по главной—японскія, китайскія и русскія лавки, въ томъ числѣ, конечно, неизбѣжный магазинъ Кунстъ-Альберса, китайскія харчевни, японскіе публичные дома; на боковыхъ улицахъ—жалкія мазанки, по окраинамъ поселка корейскія фанзы съ характерными высокими трубами, торчащими прямо изъ земли. По берегу Имана полуразмытая желѣзнодорожная вѣтка, заброшенные, по большей части, пакгаузы, огромныя гонки лѣса; грузятся два парохода-заднеколесника. По улицамъ кишмя-кишитъ всякій народъ: китайцы, корейцы, японцы, орочоны въ короткихъ синихъ неподпоясанныхъ косоворотках, обшитыхъ пестрою тесьмою; среди нихъ снуетъ разный темный народъ — необходимая принадлежность подобныхъ желѣзнодорожныхъ поселковъ; множество характерныхъ переселенческихъ фигуръ—большинство очевидно, сошло со стоящаго на станціи переселенческаго поѣзда или пріѣхало за покупками изъ ближайшихъ, только-что зарождающихся поселковъ; но не мало и такихъ, которые предпочли быть молотомъ, нежели наковальней; приписавшись къ какому-либо поселку, они поселились на Иманѣ и либо уже занялись, либо собираются заняться какою-нибудь торговлишкой.

Выѣзжаемъ верхами въ небольшую экскурсію, въ окрестности Иманской станціи. Переходимъ, ведя лошадей въ поводу, черезъ желѣзнодорожный мостъ и затѣмъ поднимаемся вверхъ по теченію Имана. Громадные, частью слегка заболоченные, частью сухіе луга съ чудесною травою; дальше отъ русла рѣки—обширныя вышуклыя „рёлки“ съ прекрасною наносною почвой, густо поросшія крупною полынью и характерною для лучшихъ

почвъ края „держи-травою“ [1]), и усѣянныя рыжеватыми пятнами низкорослаго лугового орѣшника. По лугамъ и закрайкамъ рѣлокъ—слѣды недавняго наводненія.

— Много хлѣбовъ водой попортило?—спрашиваемъ проводника, казака изъ Графской.

— Нѣтъ, вовсе мало: на которыхъ пашняхъ вода по недѣлѣ стояла, а хлѣба нисколько не попортила.

Верстахъ въ пяти отъ станціи казачій поселокъ Сальскій—небольшой поселочекъ, всего нѣсколько дворовъ, образованный лѣтъ шесть тому назадъ переселенцами изъ Донского войска; надѣлъ поселку еще не обмежеванъ, но предположено въ надѣлъ необозримое пространство—что-то вродѣ двухсотъ десятинъ на каждый наличный и на каждый предназначенный къ приселенію дворъ—больше, нежели имѣютъ, во многихъ мѣстахъ, кочевники-буряты или киргизы.

Поселокъ прекрасный по застройкѣ: все большіе, бревенчатые дома, по большей части съ тесовыми крышами; дворы и особенно скотные пригоны въ довольно жалкомъ видѣ; неподалеку отъ поселка ходитъ громадное стадо рогатаго скота.

— А гдѣ жъ у нихъ пашни?—спрашиваемъ проводника.

— Да пашни они, ваше б-діе, вовсе не пашутъ; одинъ только распахалъ десятину или двѣ земли.

— А это вотъ, что за хлѣба видны?

Впереди насъ, на нѣкоторомъ разстояніи, дѣйствительно, виднѣлись большія пятна засѣянныхъ полей.

— Это, ваше б-діе, Сальскіе корейцевъ пустили!

Оказывается, вдоль всего намѣченнаго Сальскаго надѣла, по берегу Имана расположились фанзы испольщиковъ-корейцевъ и китайцевъ, которыми распахано до

[1]) Бобовое растеніе Lespedeza bicolor.

трехсотъ десятинъ; корейцы платятъ съ каждой расхапанной десятины либо по двѣнадцати пудовъ пшеницы или овса, либо по двѣнадцати рублей денегъ, да сверхъ того не мало платятъ за усадьбы,—въ общемъ недурной доходъ для десятка дворовъ казаковъ...

— Нынче, — поясняетъ проводникъ-казакъ, — здѣсь ладно стало жить: вотъ до чугунки я въ работникахъ жилъ, по четыре рубля въ мѣсяцъ, а отецъ съ матерью такъ за чашку чумизы [1]) цѣлый день работали... А сейчасъ благодать: заработки около желѣзной дороги да на лѣсномъ сплавѣ такіе, что лучше не надо; новоселовъ этихъ набралось—есть и рыбку кому продать, и хлѣбъ; корейцы да китайцы за землю вонъ какія деньги платятъ,—просто умирать не надо.

Вообще, рядовое казачество, повидимому, довольно приливомъ въ край переселендевъ-крестьянъ, отъ которыхъ казачье начальство такъ ревниво, хотя и безуспѣшно, охраняло необъятную войсковую территорію—что-то вродѣ девяти милліоновъ десятинъ на десятокъ тысячъ казачьяго населенія; земли, которыя отошли переселенцамъ, лежали безъ всякой пользы для казаковъ, а между тѣмъ переселенцы создали и выгодный сбытъ для разныхъ продуктовъ казачьяго хозяйства, и предложеніе сравнительно дешеваго труда.

На слѣдующій день ѣдемъ дальше. Выѣзжаемъ поздно вечеромъ, а утромъ просыпаемся уже въ Южно-Уссурійскомъ краѣ,—линія проходитъ здѣсь по восточной окраинѣ густо-занятаго крестьянскими и казачьими поселками Ханкайскаго района. Слабо-волнистая степь, пологими перевалами спускающаяся къ узенькимъ долинкамъ небольшихъ рѣчекъ или ручьевъ; въ противоположность сѣверному краю, гдѣ небольшія пятна культурныхъ угодій тонутъ въ необозримомъ морѣ еще ожидающихъ

[1]) Китайское мелкое просо.

плуга земель,—разработанныя земли болѣе или менѣе сплошными лентами тянутся здѣсь вдоль всѣхъ пологихъ склоновъ, и красноватыя пятна излюбленной малороссами гречихи перемежаются со слегка уже начинающими желтѣть, зелеными квадратами пшеницы и овса.

Вотъ станція Спасская, и около нея громадное село—то самое, которое такъ успѣшно снабжаетъ новоселовъ „пьянымъ хлѣбомъ"; красиво разбросаны на отлогомъ пригоркѣ его бѣлыя мазанки, то съ аккуратными хохлацкими соломенными крышами, то крытыя цинкованнымъ волнистымъ желѣзомъ,—а въ промежуткахъ между ними—небольшіе садики или рощи, придающія такой симпатичный видъ малорусскимъ поселкамъ. Вотъ и другіе, совершенно похожіе по внѣшнему виду, тоже малорусскіе поселки; напомню читателю, что среди переселенцевъ, заселившихъ ханкайскій районъ, малороссы составляютъ болѣе девяноста пяти процентовъ. Чѣмъ ближе къ Никольску и Владивостоку, тѣмъ чаще крыши изъ цинкованнаго американскаго желѣза.

— Больше не будетъ ужъ цинкованныхъ крышъ,—говорятъ сосѣди по вагону, намекая на недавно введенныя таможенныя пошлины, слишкомъ повысившія цѣны большинства американскихъ продуктовъ, въ томъ числѣ и цинкованнаго желѣза...

Кое-гдѣ большіе квадраты хохлацкихъ пашенъ смѣняются небольшими квадратиками, разбитыми на множество мелкихъ полосокъ; яркая, уже желтѣющая, зелень пшеницы и овса чередуется здѣсь съ темною зеленью китайскихъ бобовъ или съ бѣлыми пятнами цвѣтущаго мака, и даже издали ясно обозначаются столь характерныя для корейско-китайской культуры грядки или гребни; около каждаго такого квадратика—низенькая фанза корейца или китайца-арендатора, съ высокою дымовою трубою.

Вотъ и Никольскъ, гдѣ мы должны разстаться съ

желѣзною дорогой, чтобы верхами сдѣлать экскурсію въ самыя глухія таёжныя дебри Южно-Уссурійскаго края.

Опять большой каменный вокзалъ, казармы желѣзнодорожнаго баталіона, красивая каменная церковь, и приблизительно въ полуверстѣ—городъ Никольскъ, еще такъ недавно—село Никольское, который изъ окна вагона представляетъ собою море сѣроватыхъ цинкованныхъ крышъ.

Отъ вокзала къ городу—довольно хорошо вымощенная, очевидно, насчетъ желѣзной дороги, улица, проложенная по плотинѣ, высоко приподнятой надъ уровнемъ заливной долины Суйфуна. По этой улицѣ кишмя-кишитъ народъ, и въ обоихъ направленіяхъ снуютъ извозчики; мимо насъ, какъ разъ, проѣзжаетъ извозчикъ съ номеромъ двѣсти восемьдесятъ седьмымъ; всѣ въ безрукавкахъ и красныхъ рубахахъ, съ крытыми пролетками, запряженными парою на выносъ,—по мѣстнымъ условіямъ такая запряжка стоитъ не менѣе 1.200 — 1.500 рублей.

Въ городѣ преобладаютъ небольшіе одноэтажные дома, почти всѣ бѣленые; не мало, однако, и болѣе значительныхъ построекъ; обширные, хорошо обставленные магазины тѣхъ же Кунста-Альберса, Чурина, Лангелитье и другихъ, частью владивостокскихъ, частью мѣстныхъ фирмъ; нѣсколько гостинницъ съ приличными ресторанами и невѣроятными цѣнами; обширный корейскій кварталъ и цѣлая улица японскихъ публичныхъ домовъ—всѣ съ особою нумераціею и своеобразною архитектурою построекъ; вдоль улицъ посажены деревья, принимающіяся, впрочемъ, довольно плохо. На отлетѣ, за городомъ, такъ называемая „крѣпость“—остатки стараго китайскаго укрѣпленія, въ настоящее же время—цѣлый военный городокъ, занятый исключительно казармами пятнадцати-тысячнаго никольскаго гарнизона.

Этотъ гарнизонъ доминируетъ и на никольскихъ

улицахъ. Въ Никольскъ мы попали въ воскресный день, и по всѣмъ улицамъ, на базарной площади, въ харчевняхъ и въ кабакахъ кишмя-кишѣли солдаты всѣхъ родовъ оружія; затѣмъ—масса китайцевъ, корейцевъ въ характерныхъ бѣлыхъ одеждахъ съ завязанною на головѣ „шишкой“, или въ высокихъ прозрачныхъ шляпахъ, спеціально устроенныхъ, чтобы гарантировать неприкосновенность „шишки“, нѣкоторые полуголые, всѣ безъ исключенія—съ длинными трубками въ зубахъ, въ рукахъ или за воротникомъ рубахи; много кореекъ въ низенькихъ бѣлыхъ лифчикахъ и коротенькихъ кофтахъ, оставляющихъ среднюю часть груди совершенно обнаженною; и въ этой пестрой солдатско-китайско-корейской толпѣ совершенно теряются коренные обыватели бывшаго села Никольскаго—нынѣ частью мѣщане города Никольска, частью крестьяне Никольской волости. Разница между мѣщанами и крестьянами, впрочемъ, больше номинальная: никольскіе крестьяне, какъ и мѣщане, почти не обрабатываютъ земли. Въ окрестностяхъ Никольска вы видите, правда, обширныя распашки,—но это почти исключительно пашни корейцевъ-испольщиковъ или просто арендаторовъ, которые здѣсь платятъ уже не по двѣнадцати, какъ на Иманѣ, а по двадцати пудовъ пшеницы съ десятины. Изъ Никольска мнѣ пришлось проѣхать около десяти верстъ на югъ, чтобы посѣтить извѣстное частновладѣльческое хозяйство Г. А. Фика; вдоль дороги все время тянулись, съ небольшими перерывами, корейскія, разработанныя грядками, пашни, засѣянныя то пшеницей, то бобами, то чумизою и гаоляномъ, и посреди нихъ глинобитныя фанзы съ бумажными окнами и высокими дымовыми трубами—все поля и фанзы никольскихъ арендаторовъ; и даже самое хозяйство Фика, многократно описанное въ литературѣ, по заслугамъ премированное за разные интересные опыты и нововведенія,—и то всецѣло ведется

трудомъ испольщиковъ-китайцевъ, съ обработкою полей китайскими орудіями и принятыми у китайцевъ пріемами.

III.

Въ дебряхъ Уссурійскаго края.

По недурной почтовой дорогѣ мы пересѣкаемъ надѣлы нѣсколькихъ крестьянскихъ селеній. Сначала идетъ такая же слабоволнистая степь, какъ вдоль желѣзной дороги, между Спасскою и Никольскомъ, потомъ мѣстность съ яснѣе выраженнымъ холмистымъ, или даже почти гористымъ, характеромъ. Минуемъ пару частновладѣльческихъ „заимокъ", насаждающихъ культуру (вѣдь всѣ частные владѣльцы края мнятъ себя насадителями культуры!) руками китайскихъ испольщиковъ; ѣдемъ нѣсколько станцій глухою гористою тайгою, безъ всякихъ слѣдовъ населенія и культуры, и спускаемся въ неширокую, сначала, долину верхняго теченія Даубихе, которая верстъ на сто ниже, слившись съ Улахе, образуетъ главную водную артерію края—Уссури.

Проѣзжаемъ нѣсколько селеній, расположившихся въ долинѣ Даубихе, среди прекрасныхъ на видъ, наносныхъ „рѣлокъ", съ черноземною почвой, густо поросшихъ полынью и низкорослымъ орѣшникомъ, этими несомнѣнными признаками хорошаго качества земли,— и достигаемъ одного изъ административныхъ центровъ Южно-Уссурійскаго края—„урочища" Анучина. Здѣсь квартируетъ участковый приставъ—„полудержавный властелинъ" тысячнаго, ютящагося въ окрестныхъ дебряхъ, китайскаго населенія; имѣется почтовая контора, но главное—здѣсь квартира казачьей сотни и, кажется, еще

какихъ-то воинскихъ частей, около которыхъ пріютился разный торговый и промышленный людъ. Войска ушли изъ Анучиной въ самомъ началѣ „китайскихъ событій“ 1900 года,—казармы ихъ пустуютъ и уже начинаютъ проявлять признаки разрушенія,—а штатскіе обыватели Анучиной не перестаютъ волноваться надъ вопросомъ: вернутся войска или нѣтъ,—потому что не вернутся войска, такъ и гражданскому населенію нечего будетъ дѣлать въ Анучиной.

Въ Анучиной кончается колесная дорога и дальше намъ предстоитъ идти уже вьюками. Пока формируется нашъ караванъ, пока подряжаютъ и ловятъ въ полѣ лошадей, пока ищутъ проводниковъ, мы знакомимся съ приставомъ—господиномъ съ великолѣпными бакенбардами и ясно выраженнымъ сознаніемъ собственнаго значенія и даже нѣкотораго величія, и съ начальникомъ почтовой конторы. До назначенія въ Анучину, онъ больше десяти лѣтъ служилъ на упраздненной нынѣ телеграфной станціи Лазаревой, на шестьдесятъ верстъ ниже по теченію Даубихе, въ совершенно ненаселенной тайгѣ. Такъ какъ верстъ на пятьдесятъ кругомъ онъ былъ единственнымъ носителемъ кокарды, то даубихинскіе и улахинскіе китайцы считали его за очень большое начальство, ходили къ нему судиться и посейчасъ очень его почитаютъ.

— Конецъ скоро придетъ бѣднымъ китайцамъ,—соболѣзновалъ почтенный начальникъ конторы;—послѣдніе годы доживаютъ, видно, въ своихъ фанзахъ и импаняхъ. Зато переселенцамъ благодать: придутъ, у китайцевъ поселятся въ фанзахъ, что̀ нужно,—у нихъ покупать будутъ, а то и даромъ возьмутъ,—а потомъ начнутъ имъ же сдавать разработанную ихъ руками землю, станутъ помѣщиками, а китайцы, которые не уйдутъ, будутъ ихъ крѣпостными.

Потративъ съ полъ-дня времени и не мало терпѣнья,

мы, наконецъ, выбираемся изъ Анучиной. Караванъ большой и довольно торжественный: насъ трое, лѣсной объѣзчикъ, взятый нами, какъ знатокъ Даубихинскаго раіона, человѣкъ при лошадяхъ—не то крестьянинъ, не то мѣщанинъ, постоянно живущій въ Анучиной, да переводчикъ-кореецъ, котораго далъ намъ съ собою величественный приставъ,—маленькій человѣчекъ въ соломенной шляпѣ и пиджакѣ и съ какимъ-то портфелемъ подъ мышкой; какъ впослѣдствіи оказалось, въ портфелѣ помѣщалась... постель переводчика.

Долина Даубихе сначала не широка—не шире полуторыхъ или двухъ верстъ—и усѣяна, какъ и выше Анучиной, множествомъ прекрасныхъ, слегка выпуклыхъ „рёлокъ“, среди которыхъ лишь сравнительно рѣдко виднѣются болѣе или менѣе влажныя низины; мало по малу долина расширяется, достигая, мѣстами, шести и семи верстъ въ ширину, рёлки становятся и рѣже, и менѣе замѣтны по рельефу, такъ что отличить ихъ можно только по характеру травы и изобилію кустарнаго орѣшника,—а обширныя „межрёлочныя“ низины все болѣе и болѣе принимаютъ видъ болотъ. Съ обѣихъ сторонъ долина замыкается склонами горъ, среди которыхъ рѣка промыла свое русло, то совершенно безлѣсныхъ, то покрытыхъ негустою зарослью некрупнаго дуба.

Проѣзжаемъ, не останавливаясь, старовѣрскую деревню Гордѣевку, удобно расположившуюся у самого берега рѣки. Какъ и вездѣ въ старовѣрскихъ селеніяхъ, крѣпкая, солидная застройка,—видна сразу зажиточность и хозяйственная основательность. Мѣстами, однако, среди застроенныхъ дворовыхъ мѣстъ попадаются пустые прямоугольники заброшенныхъ усадебъ; по свѣжимъ ямамъ и остаткамъ снесенныхъ построекъ видно, что усадьбы заброшены совсѣмъ недавно. Оказывается, разливы Даубихе слишкомъ часто затопляли не

только пашни, но и самую деревню, а потому Гордѣевцы переносятъ усадьбы подальше отъ рѣки, на склонъ правобережнаго увала.

Сейчасъ же за Гордѣевкой начинается почти сплошная полоса распаханныхъ по рѣлкамъ земель, которая тянется безъ перерыва до слѣдующаго, тоже старовѣрскаго селенія, Петропавловки. Пашни по преимуществу обычнаго крестьянскаго типа; мѣстами однако поля разработаны по-китайски, правильными грядками или гребешками, съ посѣвами кукурузы, бобовъ, чумизы и съ обязательною полоскою мака; въ сторонѣ виднѣется нѣсколько большихъ китайскихъ фанзъ, или импаней,—мы насчитываемъ ихъ четыре, да нѣсколько, повидимому, осталось въ сторонѣ.

— Сколько тутъ китайцевъ живетъ, въ этихъ импаняхъ?—спрашиваемъ мы нашихъ проводниковъ.

— Да кто ихъ знаетъ,—отвѣчаютъ намъ,—а только много: которые только промысломъ занимаются,—корень [1]), собираютъ, соболей промышляютъ,—эти всѣ въ тайгѣ сейчасъ; другіе пашню пашутъ.

Каждая фанза или импань, оказывается, представляетъ нѣчто въ родѣ капиталистической организаціи: такъ называемый „джангуй“ — иногда хозяинъ, иногда—прикащикъ какого-нибудь китайскаго туза, снимаетъ землю у крестьянъ, которымъ платитъ, въ данной мѣстности, 18 или 20 пудовъ пшеницы съ десятины. Всѣ остальные обитатели фанзы—испольщики „джангуя“: получаютъ отъ него инвентарь, сѣмена и полное содержаніе, а продуктъ, за вычетомъ стоимости арендной платы, дѣлится пополамъ между джангуемъ и артелью рабочихъ. Отсюда—весьма сложные разсчеты у рабочей артели съ джангуемъ и у членовъ артели между собой; веденіе ихъ въ каждой большой фанзѣ

[1]) Подъ этимъ названіемъ здѣсь разумѣютъ знаменитый женьшень.

или импани лежитъ на особомъ писарѣ или бухгалтерѣ—„сіенсинъ“ или „сіенса“, который вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и счеты обитателей фанзы, занимающихся женьшеневымъ или соболинымъ промыслами.

А вотъ и Петропавловка. Превосходная застройка—обширные дома, крытые тесомъ, прочныя изгороди, солидные амбары; старовѣры—рослый, широкоплечій народъ, въ рубахахъ яркихъ цвѣтовъ.

Мы останавливаемся на ночлегъ у сельскаго старосты; народъ весь дома—дѣло было подъ воскресенье—и собирается къ старостѣ во дворъ, посмотрѣть на рѣдкихъ гостей.

Начинаются разные разговоры, въ которыхъ чувствуется, со стороны петропавловцевъ, бодрость и увѣренность въ себѣ, какъ-то хорошо гармонирующая съ внѣшнимъ видомъ и самой деревни, и ея обитателей.

— Можно здѣсь жить, ничего,—говорятъ петропавловцы: и хлѣбъ родится, и для пчелы хорошо.

— А наводненія, — спрашиваю, — не очень вредятъ?

— Это ужъ, баринъ, какъ кому: вотъ до насъ тутъ хохлы жили,—тѣ испужались воды, не стали жить; а мы—ничего: селидьбу у насъ водой не хватаетъ; а хлѣба ежели когда и затопитъ да повредитъ,—такъ въ другіе года на хорошемъ урожаѣ нагонимъ; вода-то сдабриваетъ землю, на другой годъ хлѣбъ еще лучше родится!...

— А хохлы отчего же уходятъ? спрашиваемъ мы.

— Да слабый народъ, не съ привычки имъ въ тайгѣ, такъ и уходятъ; а коли обжиться, житье здѣсь не худое...

Заходитъ рѣчь о китайцахъ-арендаторахъ и объ ихъ культурѣ. Крестьяне ее очень одобряютъ.

— Шибко хорошо для земли, говорятъ они: не выпахивается, пятьдесятъ лѣтъ пашню пахать можно; у

нихъ вѣдь, гдѣ ноньче борозда, тамъ на будущій годъ грядка съ хлѣбомъ,—вродѣ, значитъ, пара выходитъ,—земля силу и держитъ. Для дождей тоже хорошо; по здѣшнему мѣсту хлѣба все больше дождями портитъ: какъ польютъ дожди—хлѣбъ поляжетъ да подопрѣетъ; а у нихъ сколько дождя ни выпадетъ,—все по бороздамъ стечетъ, да вѣтромъ обдуетъ; хлѣбъ и не ложится; а ежели который и полегъ, тоже такой вреды нѣтъ, какъ на нашихъ поляхъ.

Какъ ни хороша китайская культура, однако сами петропавловцы ея не перенимаютъ: „Намъ,—объясняютъ они, — ихніе порядки не годятся: китаецъ — онъ весь на пашнѣ, и умираетъ на пашнѣ;—то онъ ее полетъ, то пропахиваетъ, то мотыжитъ; а намъ этого нельзя, особливо ежели который одинокій: и безъ того не поспѣваемъ съ сѣномъ убраться, такъ гдѣ ужъ тутъ по ихнему землю работать!..“

Переночевавъ, двигаемся дальше; минуемъ небольшую деревню Сысоевку,—тоже одну изъ тѣхъ, которыя изъ-за рѣчныхъ разливовъ переносятся на склоны береговыхъ уваловъ. Проходимъ еще верстъ двадцать полузаболоченными лугами, переваливаемъ черезъ нѣсколько невысокихъ лѣсистыхъ хребтовъ, и подъ вечеръ достигаемъ упраздненной телеграфной станціи Лазаревой—той самой, гдѣ когда-то жилъ почитаемый китайцами анучинскій почтмейстеръ. Отъ станціи осталось нѣсколько построекъ; изъ нихъ въ одной живетъ, теперь казенный лѣсной объѣзчикъ, у котораго мы и останавливаемся на ночлегъ. Въ сотнѣ шаговъ отъ дома объѣзчика — большая китайская импань, за нею другая и, кажется, третья, и вокругъ нихъ—довольно обширное пространство съ идеальною аккуратностью разработанныхъ пашенъ.

Совсѣмъ по близости—довольно большое поле мака, среди котораго что-то дѣлаютъ нѣсколько китайцевъ;

отъ каждаго китайца—какъ будто прямо изъ головы—вьется небольшой голубоватый дымокъ.

— Опій собираютъ,—говоритъ кто-то изъ моихъ спутниковъ.

Пока варится нашъ ужинъ—великолѣпная китайская картошка и солдатскіе консервированные щи,—я отправляюсь посмотрѣть на эту любопытную операцію. Какъ оказывается, на созрѣвшихъ маковыхъ головкахъ еще за нѣсколько дней были сдѣланы спиральные надрѣзы, черезъ которые понемногу выступаетъ черноватый, густой сокъ; сборщикъ опія большимъ пальцемъ снимаетъ этотъ сокъ и собираетъ его въ небольшую коробочку, висящую у него на поясѣ. Чтобы оберечь работающихъ отъ невыносимаго „гнуса“, вокругъ маковаго поля разведено нѣсколько дымокуровъ; кромѣ того, у каждаго изъ работающихъ къ бѣлому колпаку, своимъ назатыльникомъ плотно закрывающему затылокъ и уши—самыя излюбленныя „гнусомъ“ мѣста!—прикрѣплено что-то въ родѣ фитиля; это что-то тлѣетъ и обдаетъ лицо негустымъ и довольно пріятнымъ дымомъ, отъ котораго „гнусъ“ старается держаться на почтительномъ отдаленіи.

Утромъ, чуть свѣтъ, выступаемъ въ дальнѣйшій путь; съ нами новый проводникъ, старикъ-китаецъ, котораго нашъ переводчикъ-кореецъ розыскалъ и сговорилъ, пока мы ужинали и собирались на ночлегъ.

Тропа проходитъ мимо китайскихъ импаней. На минутку захожу въ одну изъ нихъ,—вижу обширный квадратный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ глинобитными постройками, съ окнами, затянутыми проклеенною бумагой. Вхожу въ одну изъ этихъ построекъ. Въ первой комнатѣ, вѣрнѣе кухнѣ, „ташефу“—поваръ, непремѣнный членъ каждой китайской рабочей артели, уже стряпаетъ похлебку и бѣлые хлѣбцы, которые должны поспѣть ко времени пробужденія остального насе-

ленія импани. Дальше—обширная спальня или казарма. Посреди, на большомъ металлическомъ тазѣ, тлѣетъ дымокуръ, своимъ голубоватымъ дымомъ заполняющій все помѣщеніе; кругомъ, съ трехъ сторонъ, „каны“,—глинобитныя нары съ дымоходами внутри, которые проводятъ тепло отъ затапливаемыхъ снаружи печей; по этимъ канамъ, покрытымъ аккуратными цыновками, спитъ человѣкъ двадцать китайцевъ—всѣ подъ наглухо подоткнутыми, отъ „гнуса“, пологами изъ полупрозрачной ткани. Нѣсколько человѣкъ проснулось—рослыя, сухощавыя, загорѣлыя фигуры въ бѣлыхъ рубахахъ, синихъ штанахъ и въ холстинныхъ колпакахъ, съ наушниками и назатыльниками.

Проходимъ, не останавливаясь, мимо другой импани и довольно большой кумирни, съ двумя стоящими по бокамъ высокими столбами, и, отойдя всего саженъ двѣсти отъ нашего ночлега.... застряваемъ на два часа у переправы черезъ Даубихе. Въ рѣкѣ за ночь прибыло столько воды, что перейти ее въ бродъ нельзя: приходится развьючивать и плавить лошадей, перевозить вьюки на лодкѣ, потомъ опять сѣдлать и вьючить...

Наконецъ, мы на другомъ берегу рѣки. Пересѣкаемъ поперекъ болѣе или менѣе заболоченный заливной лугъ, проходимъ нѣсколько верстъ вдоль прирѣчныхъ уваловъ, поросшихъ все тѣмъ же рѣдкимъ, корявымъ дубнякомъ; на самомъ перевалѣ невысокаго хребта, окаймляющаго долину, минуемъ небольшую, сложенную изъ дикаго камня китайскую кумиреньку или божницу съ навѣшанными на нее тряпочками яркихъ цвѣтовъ, и попадаемъ, наконецъ, въ самую глухую тайгу. Тропа, на которой лошади ежеминутно спотыкаются о перепутавшіеся корни деревьевъ, вьется по узенькой лощинѣ, съ протекающимъ по ней небольшимъ, веселымъ горнымъ ручейкомъ; по

обѣ стороны круто поднимаются высокія горы,—и какъ лощина, такъ и склоны горъ густо заросли чуднымъ, рослымъ лѣсомъ: то чисто-хвойною тайгою съ преобладаніемъ пихты и подмѣсью уссурійскаго кедра, то мѣшанымъ лѣсомъ, гдѣ тѣ же хвойныя породы перемежаются съ ильмомъ, кленомъ и громадными липами.

Небольшая прогалина. Первобытный лѣсъ на ней вырубленъ начисто и смѣнился мелкою порослью грецкаго орѣха, опутаннаго дикимъ виноградомъ; посреди прогалины—небольшая промысловая фанза, при ней маленькій огородикъ.

Фанза—небольшой рѣшетчатый сарай, съ берестяною крышей; рядомъ, подъ небольшимъ навѣсомъ, аккуратно уставлена всякая утварь, въ томъ числѣ собачьи нарты, и повѣшено для просушки нѣсколько звѣриныхъ шкуръ. Внутри фанзы—земляныя нары, покрытыя чистыми циновками, съ навѣшанными пологами.

Изъ довольно, многочисленнаго, повидимому, временнаго населенія фанзы налицо только „ташефу“, занятый въ данную минуту процѣживаніемъ отварной чумизы. Черезъ переводчика мы спрашиваемъ, нѣтъ ли у него жень-шеня. Оказывается—есть, и послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ поваръ показываетъ намъ экземпляръ цѣннаго растенія; мы видимъ однако только стебелекъ съ нѣсколькими листочками—самый корень тщательно обмотанъ въ мохъ и чѣмъ то перевязанъ. Какъ оказывается, это мелкій и малоцѣнный экземпляръ,—его еще высадятъ въ особенную грядку, устроенную позади фанзы, и дадутъ дорости до необходимыхъ размѣровъ.

Черезъ переводчика узнаемъ затѣмъ, что все населеніе фанзы—батраки, работаютъ на владѣльца большой импани на Улахе; плату они рѣдко когда получаютъ деньгами, а все больше забираютъ продуктами.

— Шкуру съ нихъ деруть хозяева-то,—замѣчаютъ наши проводники:—хлѣбъ закупитъ по два рубля, сюда привезетъ на своихъ коняхъ,—ну, много если полтинникъ съ пуда за провозъ положить; а считаетъ по пяти да по шести рублей...

Опять глухая черная тайга; мы уже еле различаемъ тропинку, хотя нашъ китаецъ-проводникъ, очевидно, видитъ ее совершенно ясно и не сбивается съ пути. По дорогѣ встрѣчаемъ нѣсколько искателей жень-шеня; всѣ въ кожаныхъ фартукахъ и съ длинными палками, которыми искатель жень-шеня раздвигаетъ густую траву, чтобъ отыскать подъ нею драгоцѣнное растеніе.

— Точно звѣрь,—говоритъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ:—идетъ въ тайгу безъ всякаго ружья, съ одною палкой,—не боится; а долго ли на кабана наскочить!...

— А много ихъ и пропадаетъ,—замѣчаетъ другой: кто на тигра натакается, или на медвѣдя; а бываетъ, отъ своего же брата китайца пропадаютъ: не насберутъ въ одной фанзѣ корня, услышатъ, что въ другой набрали много,—ну, подкрадутся, да всѣхъ и прикончатъ...

Идемъ дальше. Тайга все глуше и глуше—мѣстами приходится прорубаться черезъ буреломъ; кое-гдѣ стоятъ заброшенныя фанзы, мѣстами видны соболиныя просѣки, а по нимъ—десятки звѣроловныхъ „плашекъ“, разставленныхъ въ направленіи собольихъ тропъ.

Уже послѣ заката солнца останавливаемся на ночлегъ въ промысловой фанзѣ. Сама фанза — довольно своеобразнаго устройства: небольшой шалашъ изъ древесной коры, съ двумя входами, одинъ противъ другого, и съ земляными нарами по обѣ стороны образующагося такимъ образомъ сквознаго прохода; надъ на-

рами, съ каждой стороны, подвѣшено по три или по четыре полога.

И въ этой фанзѣ не застаемъ никого, кромѣ повара, который методически и очень чисто готовитъ излюбленную китайцами лапшу и чумизовую кашу. Скоро начинаютъ однако подходить съ разныхъ сторонъ, одинъ за другимъ, остальные обитатели фанзы, всѣ съ пустыми руками, и садятся ѣсть поспѣвшій какъ разъ ко времени ихъ прихода ужинъ; ѣдятъ съ аппетитомъ—ничего не ѣли съ самаго ранняго утра.

Мы также изрядно голодны и тоже начинаемъ заботиться о своемъ ужинѣ и о разстановкѣ палатокъ—въ самой фанзѣ негдѣ ночевать. Наши люди требуютъ отъ китайцевъ разной утвари, причемъ въ формулировкѣ и тонѣ ихъ требованій ясно чувствуются представители командующей расы:

— Будьте вы прокляты, орда окаянная; изъ винтовки застрѣлю, проклятыхъ,—такіе эпитеты и такія угрозы слышатся каждую минуту.

Наконецъ, поспѣлъ и нашъ ужинъ; мы садимся ѣсть,—еще доѣдаютъ свой ужинъ и обитатели фанзы, и только старикъ-китаецъ, нашъ проводникъ, не беретъ ничего въ ротъ.

— Вовсе не ѣстъ старикъ-то тономъ искренняго соболѣзнованія говорятъ наши люди, только что передъ тѣмъ ругавшіе „проклятую тварь“: — пожалуй вовсе ослабѣетъ. Выпей чаю-то, ходя [1]),—ласково обращаются они къ старику;—небось замаялся...

Почти половину слѣдующаго дня теряемъ въ поискахъ дороги. Почти на самомъ перевалѣ отъ системы Даубихе къ Улахинской долинѣ, наша тропа раздвоилась. Старикъ-китаецъ повелъ насъ — было вправо, но нашъ лѣсникъ, тоже не разъ ходившій по

[1]) Обычное обращеніе къ китайцамъ.

этой дорогѣ, сталъ доказывать, что надо итти влѣво; китаецъ что-то съ жаромъ объяснялъ намъ, но нашъ кореецъ-переводчикъ либо не понималъ его, либо не могъ передать его словъ по-русски. Въ концѣ концовъ мы повѣрили настойчивымъ увѣреніямъ лѣсника и пошли влѣво. Однако, правымъ оказался китаецъ: пройдя часа два, мы окончательно потеряли тропу и еле нашли ее, чтобы вернуться на прежній перекрестокъ; а пока мы плутали, нашъ проводникъ-китаецъ куда-то скрылся и, мы какъ его потомъ ни окликали, такъ и не вернулся къ намъ.

— Боится видно, что завелъ въ тайгу!—такъ объясняли наши люди его исчезновеніе.

Провожать „господъ“ по тайгѣ—небезопасное, должно быть, занятіе для китайца...

На наше счастье, однако, навстрѣчу намъ попался другой, молодой китаецъ, шедшій съ Улахе, который и помогъ намъ выбраться на вѣрную дорогу.

Еще полдня путешествія по тайгѣ, мимо новыхъ фанзъ, новыхъ соболиныхъ просѣкъ и новыхъ плашекъ,— и подъ вечеръ мы спустились въ лучшую изъ долинъ Южно-Уссурійскаго края—долину Улахе. Прежде, нежели спуститься въ долину, намъ пришлось, однако, пройти довольно большой кусокъ по узенькому карнизу, высѣченному въ скалѣ, десятка два саженъ надъ уровнемъ рѣки, которая прорыла себѣ здѣсь русло у самой подошвы почти отвѣснаго обрыва.

Вотъ однако и переправа черезъ весело-шумящую, кристально-чистую Улахе; еще нѣсколько верстъ по ровной, какъ столъ, открытой долинѣ, усѣянной лишь рѣдкими экземплярами ильма, грецкаго орѣха или клена, но зато густо поросшей двухъаршинною полынью и кустарнымъ луговымъ орѣшникомъ,—и мы достигаемъ одного изъ крупнѣйшихъ китайскихъ поселеній края,

показаннаго даже на 40-верстныхъ картахъ военныхъ топографовъ,—импани Соенсо или Соанисао.

Такой же четырехъугольный дворъ, какъ и въ Лазаревой, только пообширнѣе, застроенный съ трехъ сторонъ: слѣва отъ воротъ жилыя помѣщенія—чистая комната для джангуя, общая спальня или казарма для рабочихъ и еще обширное помѣщеніе,—отчасти тоже казарма, отчасти заводъ для выдѣлки китайской водки, ханшина или сули; справа—скотскіе хлѣва и конная мельница-круподерка; прямо—разные амбары, всѣ безъ входныхъ дверей, съ доступомъ исключительно черезъ высоко-продѣланныя окна; всѣ постройки глинобитныя, очень крѣпкія и аккуратныя на видъ, съ торчащими изъ земли высокими глинобитными трубами. Посреди двора—огромная колода для лошадей. Неподалеку отъ импани—довольно большая кумирня, съ двумя стоящими по сторонамъ высокими столбами, да нѣсколько круглыхъ ометовъ мелко-наколотыхъ, аккуратно сложенныхъ сухихъ дровъ. Кругомъ—обширная площадь пахатныхъ земель, просто поражающихъ тщательностью и аккуратностью отдѣлки; подальше—довольно обширный поясъ заброшенныхъ пашенъ, легко узнаваемыхъ по явственно виднымъ грядкамъ или гребнямъ и по засѣвшей на нихъ нарочито-рослой и густой полыни.

Навстрѣчу къ намъ выходитъ молодой китаецъ, довольно сносно говорящій по русски,—вѣроятно писарь, сіенсинъ,—и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ идетъ, очевидно, докладывать джангую. Затѣмъ выходитъ и самъ джангуй—благообразный, достаточно упитанный китаецъ, и вѣжливо, но съ сознаніемъ собственнаго достоинства, приглашаетъ насъ войти въ чистую комнату. Чистая комната оказывается дѣйствительно очень чистою: окна съ красивыми фигурными переплетами, по стѣнамъ—китайскія картинки довольно

хорошей работы; по бокамъ подъ окнами — неизбѣжныя каны, устланныя чистыми циновками; посрединѣ, на треножникѣ, большой мѣдный тазъ, наполненный горящими угольями, на которыхъ грѣется чайникъ и варится въ котелкѣ какая-то пища, и тутъ-же курится тоже неизбѣжный дымокуръ.

Послѣ новыхъ переговоровъ намъ удается получить яицъ и огурцовъ, являющихся пріятнымъ дополненіемъ къ имѣющимся у насъ въ багажѣ консервамъ, а для лошадей—чумизы и свѣженарѣзанной травы. Пока готовится наша пища, „ташефу“, по приказанію джангуя, угощаетъ насъ въ высокой степени невкуснымъ чаемъ и еще болѣе невкусными пельменями, кажется, съ зеленымъ лукомъ; послѣ настоятельныхъ просьбъ моихъ товарищей, появляется на сцену фляжка душистаго подогрѣтаго ханшина, который они отвѣдываютъ съ большимъ, повидимому, смакомъ.

Все время нашей трапезы въ комнатѣ толпится съ десятокъ китайцевъ, съ любопытствомъ осматривающихъ насъ и нашъ багажъ; всѣ они совершенно не понимаютъ по-русски; не говоритъ по-русски и джангуй, и всѣ наши переговоры ведутся черезъ того самого молодого китайца, повидимому писаря, который встрѣтилъ насъ при въѣздѣ во дворъ импани. Отъ него мы узнаемъ, между прочимъ, что джангуй въ этой фанзѣ— не хозяинъ, а приказчикъ или довѣренный владивостокскаго купца, по имени, кажется, Чанъ-чжи-туна; что на импани, въ данный моментъ, живетъ съ полсотни человѣкъ, занятыхъ земледѣльческими работами, да съ полсотни разошлось по промысловымъ фанзамъ, часть которыхъ мы видѣли на нашемъ пути; что эта импань, вмѣстѣ съ другою, расположенною при впаденіи въ Улахе ея главнаго притока, Ното, — самыя крупныя китайскія хозяйства цѣлаго района, но что въ послѣдніе годы хозяйство сильно сократилось, благодаря

упадку дѣлъ танъ-чжй-Чуна, который въ данное время сидѣлъ даже, кажется, въ тюрьмѣ за какія-то нечистыя денежныя дѣла.

Я вынимаю записную книжку и начинаю записывать свои впечатлѣнія за день. Китайцы смотрятъ на меня съ видимою тревогой.

— Твоя мало-мало пиши,—говоритъ наконецъ „сіенсинъ“,—а потомъ китайза гони-гони...

И ихъ тревога не напрасна: въ прошломъ году тоже пріѣзжали какіе-то русскіе люди съ кокардами, тоже что-то писали,—и вотъ, теперь вся долина Улахе уже сплошь разбита на переселенческіе участки; черезъ годъ-два придутъ переселенцы, и китайцамъ придется либо изъ полновластныхъ хозяевъ, не знающихъ надъ собой никого... кромѣ анучинскаго пристава, обратиться въ крестьянскихъ арендаторовъ-испольщиковъ, либо ликвидировать свое хозяйство и окончательно покинуть насиженныя мѣста, на культуру которыхъ они затратили столько пота и труда...

Мы начинаемъ позѣвывать.

— „Ваша мало-мало спи?“ спрашиваетъ насъ сіенсинъ и разъясняетъ, что намъ будетъ очень удобно ночевать въ этой чистой комнатѣ. Мы, однако, другого мнѣнія: каны жарко натоплены, въ комнату изъ смежной рабочей казармы проникаетъ специфическій китайскій запахъ, и мы предпочитаемъ поэтому лечь спать подъ своими дорожными пологами, въ одномъ изъ амбаровъ, на свѣжемъ и хорошемъ воздухѣ.

Пока на слѣдующе утро поятъ, сѣдлаютъ и вьючатъ лошадей, мы отправляемся подробнѣе осматривать различныя помѣщенія импани, причемъ натыкаемся на пару женщинъ-гольдячекъ, одна изъ нихъ съ дѣтьми; это—временныя жены джангуя и еще кого-то изъ китайцевъ, обитателей импани: всѣ безъ исключенія китайцы, живущіе по фанзамъ и импанямъ, либо холосты, либо

оставили семьи дома у себя, въ Китаѣ—по китайскимъ законамъ, кажется, семей не полагается брать съ собой,—и болѣе состоятельные сплошь и рядомъ покупаютъ себѣ временныхъ женъ, гольдячекъ или другихъ мѣстныхъ инородокъ.

Изъ хозяйственныхъ помѣщеній въ особенный восторгъ насъ приводитъ скотный дворъ: обширное, высокое глинобитное помѣщеніе, съ досчатымъ поломъ, съ колодами и яслями для корма. Скотъ у китайцевъ почти не знаетъ подножнаго корма, и если выпускается въ поле, то только на короткое время, на веревкѣ,—выпускается не столько для пастьбы, сколько для воздуха, кормится же цѣлый годъ въ стойлѣ: лѣтомъ—снопами свѣжей травы, зимой—бобовыми жмыхами, чумизною соломой и какою-то похлебкой изъ чумизы. Во всемъ вообще, въ частности—въ устройствѣ хлѣва, видна самая внимательная заботливость о скотѣ; чтобъ уберечь, напримѣръ, скотину отъ „гнуса“, не рискуя въ тоже время пожаромъ, китайцы устраиваютъ на дворѣ, возлѣ скотнаго двора, особые очаги и въ нихъ всю ночь поддерживаютъ курево, котораго дымъ по особой трубѣ проходитъ во внутренность хлѣва. Зато и рослый, упитанный, чистый скотъ китайцевъ совершенно не похожъ на содержимый кой-какъ и питаемый кой-чѣмъ скотъ русскихъ обитателей края.

Наконецъ, все готово въ путь. Мы вручаемъ сіенсину пару рублей—приблизительную стоимость взятыхъ нами продуктовъ, но тотъ съ вѣжливымъ поклономъ отклоняетъ уплату:

— Хозяинъ деньга бери вели нѣту—объясняетъ онъ намъ, и несмотря на всѣ наши настоянія намъ приходится замѣнить платежъ усиленными изъявленіями благодарности.

Верстъ сорокъ тянемся по улахинской тропѣ, которую недаромъ признаютъ жемчужиною уссурійскаго

края. Почти сплошь—прекрасныя, возвышенныя „рёлки“ съ супесчанымъ черноземомъ—такъ и просятся подъ плугъ; гдѣ пониже — превосходный покосъ, и лишь изрѣдка встрѣчаются небольшіе клочки заболоченныхъ земель, которыхъ такъ много въ долинахъ Даубихе или Уссури.

Верстахъ въ десяти отъ Соанисо минуемъ возникшую всего годъ тому назадъ старовѣрскую деревню Каменку, единственное пока русское поселеніе по всему побережью Улахе—образецъ присущей старовѣрамъ исключительной колонизаторской энергіи. Чудная по своимъ сельско-хозяйственнымъ условіямъ, долина Улахе почти совершенно отрѣзана отъ внѣшняго міра, съ которымъ связана только трудно-проходимыми вьючными манзовскими тропами; до того отрѣзана, что даже переселенческіе ходоки,—не говоря уже о семьяхъ, а тѣмъ болѣе объ имуществѣ пересенцевъ,—совершенно не проникаютъ въ нее, и заселеніе долины Улахе переселенцами признается возможнымъ лишь тогда, когда будетъ проложена, на средства казны, колесная дорога. А старовѣры-каменцы зимою, на вьюкахъ, перевезли имущество и семьи, протащили скотъ, съ небольшимъ въ годъ обстроились и распахали достаточно земли, чтобы вполнѣ обезпечить свое продовольствіе.

Еще около двадцати пяти верстъ внизъ по долинѣ Улахе,—и мы достигаемъ устья Фудзина, одного изъ крупныхъ ея правыхъ притоковъ, вдоль котораго мы должны подниматься до перевала черезъ главный массивъ Сихота-Алина—горнаго хребта или горной системы, отроги которой заполняютъ весь Уссурійскій край. Почти у самаго устья Фудзина—опять большая китайская фанза или импань, съ кумирнею, мельницею, ханшиннымъ заводомъ и прочими принадлежностями солиднаго китайскаго хозяйства. Для насъ эта импань—какъ бы узловая станція нашего не-

большого путешествія по дебрямъ Южно-Уссурійскаго края: за этою импанью не бывали ни нашъ лѣсникъ, ни состоящій при лошадяхъ анучинскій обыватель, а потому намъ нужно взять отсюда новаго проводника-китайца; а потомъ—мы должны разстаться здѣсь съ нашимъ переводчикамъ-корейцемъ, и намъ предстоитъ на нѣсколько дней остаться „безъ языка“ въ этой дикой, совершенно китайской, пока-что, странѣ.

Почему-то въ этой импани,—ея китайское названіе, тоже имѣющееся на картахъ, Сангиноу,—насъ встрѣчаютъ радушнѣе, нежели въ Соанисо: джангуй, на этотъ разъ дѣйствительный хозяинъ, торжественно, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ, ведетъ насъ въ чистую комнату и угощаетъ пельменями; другіе китайцы—кто суетится вокругъ нашихъ лошадей, помогая людямъ развьючивать и ставить ихъ къ корму, кто забирается въ „чистую“ комнату, обмѣниваясь на нашъ счетъ какими то замѣчаніями на своемъ непонятномъ для насъ языкѣ. Мы принимаемся угощать публику единственнымъ лакомствомъ, имѣющимся въ нашихъ вьюкахъ, — подмокшими на переправахъ леденцами, чѣмъ вызываемъ настоящій фуроръ среди нашихъ амфитріоновъ; тонъ ихъ замѣчаній становится веселымъ и одобрительнымъ; они присосѣживаются къ намъ ближе, съ изумленіемъ разсматривая кто—ту или другую принадлежность нашего дорожнаго багажа, кто нашу одежду, причемъ особое вниманіе привлекаетъ болтающаяся у меня на поясѣ цѣпочка отъ часовъ; но въ особый восторгъ приводятъ публику нѣсколько словъ въ родѣ „шангò“ (хорошо) или „мію“ (нѣтъ), сказанныхъ нами не то по китайски, не то на томъ своеобразномъ жаргонѣ, который употребляется при сношеніяхъ уссурійскихъ китайцевъ съ русскими жителями края.

Самая импань мало отличается отъ импани Соанисо: тотъ же квадратный дворъ, то же—очевидно традиціон-

ное, расположеніе построекъ по тремъ сторонамъ квадрата и красивыя рѣзныя ворота на четвертой сторонѣ, такого же устройства жилыя помѣщенія, амбары, скотскіе хлѣва, мельница, ханшинный заводъ; такія же, точно по линейкѣ и транспортиру разработанныя поля; единственная особенность—поставленный на дворѣ импани, у самого выхода, навѣсъ на высокихъ столбахъ, съ плетенымъ изъ ивовыхъ вѣтвей поломъ; подъ навѣсомъ навалены звѣриныя шкуры, а въ углу виситъ только что убитая бѣлая цапля. Подъ этимъ навѣсомъ мы и располагаемся на ночлегъ.

IV.

Сихота-Алинъ и Приморскій трактъ.

Отъ импани Сангиноу намъ предстоитъ подниматься по Фудзину и по его притоку Лифудзину до перевала черезъ главный хребетъ Сихота-Алина, а затѣмъ спускаться по долинѣ впадающей уже въ Японское море рѣки Аввакумовки до русской деревни Пермской, на такъ называемомъ приморскомъ трактѣ. Какъ далеко до этой Пермской, сколько времени до нея идти, обо всемъ этомъ мы имѣемъ довольно смутное представленіе: мѣстность, которую мы должны пересѣчь, не входитъ въ районъ выполненныхъ въ краѣ инструментальныхъ съемокъ, и на картахъ изображена лишь грубоприблизительно; мои товарищи по путешествію почему-то думаютъ, что путь до Пермской продолжится всего дня три; нашъ новый проводникъ-китаецъ, пожилой человѣкъ, важно помахивающій искусно сдѣланнымъ, чтобъ обмахиваться отъ гнуса, волосянымъ опахаломъ, говоритъ что-то о десяти дняхъ и показываетъ на пальцахъ сотни верстъ, гдѣ по нашимъ соображеніямъ дол-

жны быть только десятки. Ну, поживемъ, увидимъ: провизіи у насъ дней на шесть, а тамъ—что̀ Богъ дастъ!..

Рано утромъ выступаемъ въ путь; обитатели импани, кромѣ тѣхъ, кто имѣетъ какое-нибудь непосредственное отношеніе къ нашему отъѣзду, мирно спятъ; полусонныя собаки выскакиваютъ изъ своихъ норъ, но не лаютъ на насъ а потихоньку, поджавши хвосты, прячутся обратно.

— „Не могúтъ манзовская собака брехать на русскихъ,—говоритъ одинъ изъ нашихъ людей.

Сначала двигаемся по проторенной манзовскими арбами колеѣ, потомъ—по сильно выбитой верховой тропѣ, вьющейся вверхъ по долинѣ Фудзина, которая сначала ничѣмъ не отличается отъ долины Улахе: ровныя, какъ столъ, поляны, съ полынью и кустарнымъ орѣшникомъ, усѣянныя отдѣльными экземплярами ильма, клена или черной березы. Нѣсколько земледѣльческихъ ф̀анзъ или импаней, совершенно такого же общаго вида и устройства, какъ Соанисо или Сангиноу, только меньше и, кажется, безъ ханшинныхъ заводовъ. Верстъ черезъ двадцать пять, долина рѣзко измѣняетъ свой характеръ: мы вступаемъ опять въ типичную уссурійскую, по преимуществу лиственную, тайгу; тропа то вьется по долинѣ, нѣсколько разъ пересѣкая Фудзинъ, то всползаетъ въ гору, обходя топкія мѣста долины.

Задолго до заката солнца — часа, вѣроятно, въ четыре, подходимъ къ какой-то звѣроловной ф̀анзѣ; ф̀анза, очевидно, не заброшенная, но въ данную минуту въ ней не видно ни души, — на промыселъ видно разошлись, объясняютъ наши люди. Проводники-китайцы начинаютъ что-то оживленно говорить намъ, указывая то на ф̀анзу, то куда-то вверхъ, и сопровождая свою рѣчь оживленными жестами. При помощи понимающаго нѣсколько китайскихъ словъ анучинскаго лѣсника мы кое-какъ добираемся до смысла длинной рѣчи провод-

никовъ: они, оказываются, предлагаютъ остановиться на ночлегъ.

— Лапшу, видно, варить захотѣлось,—поясняетъ нашъ импровизированный толмачъ.

Мы, однако, не соглашаемся останавливаться: до захода солнца осталось еще больше трехъ часовъ, и мы можемъ пройти еще по крайней мѣрѣ съ десятокъ верстъ.

Послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мнѣній, главнымъ образомъ при посредствѣ мимики, двигаемся дальше. Новые спуски, новые подъемы. Скоро, однако, оказывается, что наши китайцы были не совсѣмъ неправы, такъ настаивая на привалѣ. На совершенно ясномъ, голубомъ небѣ появилось небольшое облачко; рѣдкія сначала капли крупнаго дождя скоро перешли въ жесточайшій ливень. Промокшіе до костей, мы уже только послѣ захода солнца наткнулись, на наше счастье, на другую, очень убогую фанзу, на этотъ разъ, очевидно, временно оставленную обитателями.

Я немного отсталъ отъ остального каравана. Подъѣзжая къ фанзѣ, слышу крики, вижу какую-то бѣготню.

У самой фанзы, оказывается, лежала змѣя; наши люди бросились ее бить, но змѣя черезъ отверстіе въ стѣнѣ успѣла уползти во-внутрь фанзы. Ночевать въ обществѣ змѣи не могло показаться особенно заманчивымъ; но дождь такъ лилъ, разставлять подъ дождемъ палатку было такъ неудобно, что мы, скрѣпя сердце, рѣшили все-таки расположиться въ фанзѣ. Сосѣдство змѣи не помѣшало намъ спать, какъ убитымъ.

Однако, залечь спать удалось не скоро: около часу бились, пока развели огонь,—мокрый лѣсъ ни за что не хотѣлъ разгораться, и нашъ костеръ занялся только тогда, когда одинъ изъ моихъ товарищей по экскурсіи,

довольно видный мѣстный чиновникъ, подбросилъ въ костеръ, въ видѣ растопокъ, какую-то оставленную въ фанзѣ деревянную колотушку и разные другіе мелкіе деревянные предметы китайской утвари.

Мало знакомый съ мѣстными нравами, я былъ нѣсколько изумленъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ чужимъ, хотя бы и китайскимъ, добромъ, и позволилъ себѣ высказать это изумленіе; это не имѣло, однако, никакихъ послѣдствій, кромѣ обращенныхъ по моему адресу упрековъ въ неумѣстномъ либеральничаньѣ...

Какъ дома чувствовали себя въ чужой фанзѣ и наши проводники-китайцы: они сейчасъ же откуда-то достали котелокъ и другую кухонную утварь и методически, не торопясь, принялись варить свою чумизовую кашу. Но не въ примѣръ представителямъ господствующей расы, они потомъ все вымыли и поставили на свое мѣсто, считая себя, очевидно, въ правѣ только воспользоваться оставленнымъ въ фанзѣ имуществомъ, но не портить его и не дѣлать въ фанзѣ безпорядка.

Еще почти два дня мы поднимались по долинѣ Фудзина. Изъ довольно широкой рѣки Фудзинъ обратился въ небольшой ручей, съ водой едва по щиколку; долина съ двухъ или трехъ верстъ сузилась до пары сотъ саженъ и приняла видъ сплошной, мѣстами заболоченной, тайги, лишь изрѣдка перемежающейся открытыми полянами. Вотъ и Лифудзинъ, лѣвый притокъ, вѣрнѣе истокъ Фудзина—небольшой ручей или горная рѣчка, съ сильнымъ паденіемъ и быстро-бѣгущею, даже въ это сравнительно мало дождливое время, хрустально-чистою водой. Долина Лифудзина—уже не долина, а узенькая лощинка съ каменистымъ дномъ, окаймленная близко надвигающеюся, сплошною горною тайгою. Незадолго передъ выходомъ на Лифудзинъ мы распрощались съ послѣднею китайской фанзой; и слѣ-

дующіе три дня пришлось ночевать уже просто въ глухой тайгѣ, гдѣ находилась вода для насъ и трава для нашихъ лошадей: мы и наши люди—въ палаткахъ, китайцы-проводники—подъ пологами, съ которыми китаецъ никогда не растается, отправляясь въ таёжное путешествіе.

На основаніи имѣющихся литературныхъ данныхъ, а также по разсказамъ лицъ, которымъ случалось переваливать черезъ Сихота-Алинъ, мы не безъ нѣкотораго страха ожидали этого перевала: нашему воображенію рисовались голыя, крутыя скалы, на которыя придется карабкаться, втаскивая лошадей на поводу, и всякіе другіе аттрибуты восхожденія на дикій горный перевалъ. Дѣйствительность оказалась менѣе страшною: почти весь подъемъ мы взяли совершенно незамѣтно, идя вверхъ долиной Лифудзина, и были очень пріятно поражены, когда пришлось свернуть вправо отъ русла ручья, чтобы подняться на невысокій, отлогій хребетъ, поросшій рослою и густою пихтой, и когда наши китайцы объяснили намъ, что за этимъ хребтомъ будетъ уже не Лифудзинъ, а Вайфудзинъ—китайское названіе Аввакумовки.

Подъемъ на этотъ хребетъ продолжался всего какихъ-нибудь полчаса и былъ настолько отлогъ, что намъ не пришлось даже спѣшиваться; безъ малѣйшихъ трудностей мы добрались, и здѣсь, до небольшой китайской кумирни—груды камней, украшенной какими-то пестрыми тряпочками, какія манзы понаставили, кажется, рѣшительно на всѣхъ горныхъ перевалахъ Уссурійскаго края. Затѣмъ—очень крутой, но непродолжительный спускъ, во время котораго и намъ, и нашимъ лошадямъ, дѣйствительно, приходилось не столько сходить, сколько сползать по горному склону, и черезъ какихъ-нибудь два часа послѣ того, какъ мы разстались съ Лифудзиномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—съ бассей-

номъ Уссури, мы уже увидѣли истоки Вайфудзина и оказались въ бассейнѣ Японскаго моря.

По нашимъ свѣдѣніямъ, основаннымъ на данныхъ недавнихъ рекогносцировокъ, мы разсчитывали пройти въ верховьяхъ Аввакумовки пару десятковъ верстъ лѣсистою долиной, а затѣмъ—выйти на открытыя поляны, протянувшіяся верстъ на 25 или на 30, до самаго устья Аввакумовки; всего, значитъ не болѣе 45—50 верстъ, или полтора дня пути.

Дѣйствительность, казалось, подтверждала наши предположенія.

Спустившись съ перевала, мы въ самомъ дѣлѣ попали въ густую дѣвственную тайгу, все больше лиственную, кое-гдѣ съ подмѣсью мелкой поросли уссурійскаго кедра. Все дно долины сложено изъ каменныхъ обломковъ, которые по водомоинамъ совершенно обнажены или прикрыты тонкимъ слоемъ дернового войлока, а на „мысахъ“ одѣты мощнымъ пластомъ прекрасной черноземно-глинистой почвы. И здѣсь, какъ и на Лифудзинѣ, мы совершенно не видимъ китайскихъ фанзъ; но гдѣ-то въ сторонѣ, несомнѣнно, есть фанзы—„ловушка-фанза“, какъ выражаются наши проводники-китайцы на ходячемъ русско-китайскомъ жаргонѣ; и тамъ, гдѣ намъ приходится огибать кое-гдѣ попадающіяся въ долинѣ мочежины или извилины рѣки, и для этого подниматься на склоны окаймляющихъ долину горъ, мы натыкаемся на группы разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ соболиныхъ „плашекъ“, — наивнѣйшихъ приспособленій, разсчитанныхъ исключительно на свойственное этому цѣнному, но глупому звѣрю любопытство.

Прошли, судя по времени хода, верстъ двадцать. Лѣсъ началъ рѣдѣть, затѣмъ и вовсе исчезъ, и мы, какъ и разсчитывали, вышли на открытую поляну, протянувшуюся, очевидно, далеко внизъ по теченію Вайфудзина

и развѣтвляющуюся по теченіямъ какихъ-то ни на какихъ картахъ не значущихся его притоковъ. Открывающаяся передъ нами картина приковала къ себѣ вниманіе даже нашихъ не особенно воспріимчивыхъ къ красотамъ природы провожатыхъ.

— Ишь вѣдь напутано хребтовъ-то!—восклицаетъ одинъ изъ нихъ.

И дѣйствительно: какъ изъ рога изобилія, по обѣ стороны широкой долины въ безпорядкѣ нагромождены, въ нѣсколько рядовъ, невысокія лѣсистыя сопки, то правильно-коническія, то въ видѣ длинныхъ остроребрыхъ гребней, то правильными цѣпями, съ острыми, причудливыми зубьями. Склоны ихъ, обращенные на сѣверъ, покрыты хоть и негустымъ, но сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ: все тотъ же корявый дубъ, рѣже—черная береза. Южные склоны, большею частью, оголены отъ лѣса и покрыты только невысокою травою или кустарникомъ; древесная растительность на этихъ южныхъ склонахъ ютится исключительно по впадинамъ, то широкими пятнами, то узкими лентами или рядами единичныхъ деревьевъ, протянувшимися по всѣмъ изгибамъ и складкамъ хребтовъ. По всѣмъ впадинамъ стелется густой, бѣлый туманъ, мѣстами уже поднимающійся и сливающійся съ только что образовавшимися изъ того же тумана, почти бѣлыми облаками, которыя чрезъ пару часовъ обдадутъ насъ проливнымъ дождемъ... Красивая, своеобразная картина.

Въ данную минуту, однако, насъ интересуетъ не красивая картина, а нѣчто болѣе существенное: мы выбрались на обширную открытую поляну, — значитъ, наши разсчеты были вѣрны, и, пройдя еще верстъ тридцать, мы выберемся на приморскій трактъ.—А это будетъ очень невредно: провизіи у насъ осталось, много, на два дня, а главное—наши сухари уже начали сырѣть, крошиться, и кое-гдѣ покрываться плѣсенью.

Наши проводники-китайцы, однако, упорно продолжаютъ говорить что-то такое о какихъ-то сотняхъ верстъ. Положимъ, манзовская верста—это полверсты; но все-таки, откуда могутъ взяться здѣсь сотни хотя бы и коротенькихъ, манзовскихъ верстъ?... Мы утѣшаемъ себя мыслью, что либо наши манзы путаютъ, либо мы ихъ, просто, не понимаемъ, и остаемся въ сладкой увѣренности, что идти до тракта не больше тридцати верстъ, и что ужъ скоро начнутъ попадаться многочисленныя, разбросанныя по низовьямъ Аввакумовки, арендаторскія фанзы.

Однако, наши китайцы сварили и съѣли свою лапшу, мы просушили, не знаю ужъ въ который разъ, наши промоченная дождями и подмокшія на бродахъ вещи, и пускаемся въ дальнѣйшій путь.

Опять ровная, прекрасная долина, шириною версты полторы или двѣ, такого же типа, какъ долина Улахе или Фудзина, наполненная запахомъ густой полыни и грецкаго орѣха. Трава до того густа, что проводники-китайцы поминутно теряютъ тропу; иногда они скоро находятъ ее, приподнимая своими посохами нависшую траву; но сплошь и рядомъ тропа исчезаетъ совершенно, и мы простаиваемъ на мѣстѣ по полтора и по два часа, пока наши китайцы бѣгаютъ во всѣ стороны кругомъ, разыскивая потерянный слѣдъ. Лѣсная растительность то разбросана отдѣльными деревьями по открытымъ полянамъ, то вытянулась узенькою лентою густой уремы вдоль русла Аввакумовки, которая уже превратилась въ довольно широкую, весело бѣгущую рѣчку, съ удивительно прозрачною, свѣтлою водою, принимающею на омутахъ темно-зеленый цвѣтъ озера Четырехъ Кантоновъ; мѣстами по заливной долинѣ рѣчки тянутся полоски ничѣмъ не прикрытыхъ каменныхъ наносовъ.

Идемъ такими открытыми полянами полдня, идемъ

и цѣлый день, проходимъ, значитъ, около тридцати верстъ, и все нѣтъ столь желанныхъ земледѣльческихъ фанзъ; въ одномъ только мѣстѣ чудовищный ростъ—сажени въ полторы—и густота полыни являются единственными слѣдами давно исчезнувшаго китайскаго поселенія... Проводники-китайцы начинаютъ что-то оживленно разсказывать, но увы—изъ ихъ разсказа мы можемъ понять только одно: что до нашей цѣли все еще остались сотни верстъ.

И дѣйствительно: вмѣсто того, чтобъ выйти, какъ слѣдовало по нашимъ разсчетамъ, на приморскій трактъ, тропа зигзагами поднимается на лѣвобережный хребетъ и тянется вдоль него съ десятокъ верстъ, то извиваясь надъ каменистыми обрывами, то пролегая по отлогимъ, мѣстами заболоченнымъ склонамъ, густо заросшимъ желтоватою травою; внизу виднѣется широкая лѣсистая долина, во всѣхъ направленіяхъ изрѣзанная мудреными петлями теченія Аввакумовки.

Спускаемся въ долину—опять прекрасная, открытая, безлѣсная поляна; надежда, кроткая посланница небесъ, опять начинаетъ пѣть намъ свои сладкія пѣсни; но увы—прекрасныя поляны скоро опять смѣняются густою дубовою зарослью, чередующеюся съ хотя и открытыми, но сильно каменистыми полянами. Отъ нашихъ сухарей остались уже однѣ заплесневѣлыя крошки, лошади еле передвигаютъ ноги, — дѣло, просто, выходитъ дрянь. И что̀ особенно скверно—мы окончательно не знаемъ, сколько намъ осталось идти до ближайшаго жилья... Наконецъ, послѣ полуторыхъ сутокъ томительнаго ожиданія мы добираемся до первой китайской фанзы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—дѣйствительно выходимъ на ту открытую поляну, которая отсюда уже непрерывно тянется до самаго впаденія Аввакумовки въ Японское море.

Опять, одна за другою, небольшія имяни съ типич-

ными четырехъугольными дворами, опять небольшія поля, съ тщательно раздѣланными грядками, съ посѣвами бобовъ, чумизы и неизбѣжнаго мака; на протяженіи приблизительно десятка верстъ—не менѣе десяти подобныхъ небольшихъ импаней; всѣ онѣ вошли въ границы образованнаго въ 1900 году переселенческаго участка и слѣдовательно обречены либо на сносъ, либо на положеніе арендаторовъ-испольщиковъ у будущихъ обитателей участка.

Вечеретъ. Мы рѣшаемъ остановиться на ночлегъ въ ближайшей фанзѣ, которой и достигаемъ довольно поздно послѣ захода солнца. Навстрѣчу намъ выходятъ нѣсколько китайцевъ. Мы объясняемъ имъ, что будемъ „мало-мало сыпи́“ въ ихъ фанзѣ; китайцы съ низкими поклонами объясняютъ намъ, что у нихъ „сыпи шибко худо есть“,—другими словами, что ночевать у нихъ очень неудобно, а что недалеко есть другая фанза, которая „шибко шангò“, — гдѣ ночевать будетъ гораздо удобнѣе, и вызываются проводить насъ кратчайшимъ путемъ до этой фанзы. Мы соглашаемся. Китаецъ бросается впередъ насъ бѣгомъ, и намъ приходится пустить нашихъ лошадей доброю рысью, чтобъ не отстать отъ нашего импровизированнаго проводника. Дѣйствительно, проѣхавъ съ версту, достигаемъ новой фанзы. Однако, къ немалому нашему изумленію, она оказывается очень тѣсною и грязною, не только не лучше, но наоборотъ—гораздо хуже, тѣснѣе и грязнѣе предыдущей. Дѣлать, однако, нечего: ужъ совершенно стемнѣло, и ѣхать дальше, не зная навѣрняка, что̀ окажется впереди, мы не могли отважиться. Рѣшаемся поэтому ночевать, и отпускаемъ нашего временнаго проводника, давъ ему средней величины серебряную монету.

Эффектъ получился неожиданный: получивъ монету, китаецъ, который раньше увѣрялъ насъ, что въ его фанзѣ „шибко худо есть“, начинаетъ что-то очень бы-

стро говорить намъ, усиленно показывая въ направленіи назадъ; какъ намъ не безъ труда удается понять, онъ объясняетъ намъ, что у нихъ въ фанзѣ ночевать гораздо лучше, что у нихъ найдется и трава, и чумизная солома для нашихъ лошадей, и при помощи словъ и жестовъ приглашаетъ насъ обратно, на ночлегъ къ себѣ. Мы соглашаемся; нашъ проводникъ бѣжитъ впереди насъ, еще быстрѣе прежняго, и черезъ десятокъ минутъ мы возвращаемся въ ту самую фанзу, изъ которой насъ такъ тонко выпроводили полчаса тому назадъ. Опять высыпаютъ китайцы; нашъ провожатый что то объясняетъ имъ, и китайцы, полчаса тому назадъ съ недовѣріемъ и опаскою смотрѣвшіе на наши фуражки съ кокардами, начинаютъ оживленно хлопотать объ устройствѣ намъ ночлега.

На другое утро пара болѣе крупныхъ серебряныхъ монетъ окончательно убѣдила нашихъ амфитріоновъ въ чистотѣ нашихъ намѣреній, и мы разстались самымъ дружественнымъ образомъ.

Еще нѣсколько фанзъ, затѣмъ нѣсколько верстъ совершенно пустующихъ земель—дальнія земли деревни Пермской, и наконецъ вдали показывается эта желанная деревня, расположенная всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ залива и поста св. Ольги—крайняго на сѣверѣ русскаго поселенія Южно-Уссурійскаго края. Минуемъ деревенское стадо; у самой дороги сидитъ китаецъ-пастухъ и варитъ себѣ неизбѣжную чумизовую кашу; около него стоитъ бутылка съ молокомъ. Минуемъ сплошной поясъ пахатныхъ земель—все также распахано по китайскому способу, грядками; но поля, въ отличіе отъ китайскихъ, гораздо обширнѣе, и заняты не бобами или чумизой, а ярицей, овсомъ, вообще колосовыми хлѣбами. Вотъ, наконецъ, и Пермская—всего полтора или два десятка дворовъ, на склонѣ горы, съ роскошнымъ видомъ на долину Аввакумовки; дома обширные, основательно по-

строенные изъ крупнаго, хорошаго лѣса, всѣ крытые тесомъ.

Деревня Пермская—одно изъ самыхъ первыхъ русскихъ поселеній Уссурійскаго края; она возникла въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, чрезъ немного лѣтъ по занятіи нами края, и заселилась частью пермяками, частью выходцами изъ Вятской, Тамбовской и другихъ губерній, которыхъ въ то время вызывали и переселяли на казенный счетъ, для устройства первыхъ въ краѣ русскихъ крестьянскихъ поселеній. Сначала Пермская была значительнымъ селеніемъ, но большая часть ея жителей разбѣжалась послѣ большого наводненія 1877 года.

— Отъ горы до горы заливало долину,—разсказывали намъ крестьяне, пока мы, сидя въ избѣ у сельскаго старосты, ожидали заказанныхъ на постѣ св. Ольги почтовыхъ лошадей,—ровно море у насъ было!... Хлѣба всѣ затопило, сѣна, которыя были наставлены, посносило, скота много потонуло, много пашни размыло да каменьемъ занесло; ну, не захотѣли жить: ушли кто на Сучанъ, кто куда...

— Что же, спрашиваю, больше такихъ наводненій не бывало?.

— Какъ не бывало!... лѣтъ пять назадъ этакая же вода была, да передъ тѣмъ лѣтъ за пять то же самое; въ тѣ поры много же скота потопило, хлѣбъ изъ казны выдавали...

Разговоръ заходитъ о хлѣбопашествѣ.

— Манзовскія пашни, видно, вдоль дороги,—спрашиваю я своихъ собесѣдниковъ?

— Нѣтъ, наши. Манзовская у насъ только одна фанза на надѣлѣ сидитъ: восемь десятинъ держатъ, по пяти рублевъ за десятину. А остальное—наше.

— Значитъ, китайцевъ въ работникахъ держите?

— У которыхъ живутъ манзы, а больше все сами

пашемъ; выучились по ихнему землю работать,—по здѣшнему мѣсту много лучше: мыши не ѣдятъ, туманы да дожди не берутъ, къ засухѣ хлѣбъ лучше терпитъ; старыя земли сейчасъ всѣ на манзовскій манеръ разработали. По крестьянски только залоги пашемъ; хлѣба два, аль три сымемъ, а тамъ и распахиваемъ въ грядки. Только плохо здѣсь, ваше бл-діе, для хлѣбопашества: то дождемъ въ наливѣ хлѣба портитъ, то туманъ съ моря падетъ; а то такъ инеями хлѣбъ вредитъ... Тѣ года хоть пьянаго хлѣба у насъ не бывало, а въ прошедшемъ годѣ и пьяный хлѣбъ заявился... У насъ, баринъ, пашней не прожившь, только тѣмъ и живемъ, что рыбу промышляемъ, да звѣря...

Отъ Пермской намъ предстояло ѣхать болѣе четырехсотъ верстъ на почтовыхъ, по приморскому колесному тракту. Приблизительно на половину пути, отъ Владивостока до Владимиро-Александровскаго селенія, на Сучанѣ, трактъ проложенъ ужъ довольно давно, отъ Владимиро-Александровской до залива св. Ольги — немного лѣтъ тому назадъ. Говорятъ, на постройку этой новой части тракта, больше двухсотъ верстъ, было отпущено всего пятнадцать тысячъ рублей—до смѣшного ничтожная сумма при страшной дороговизнѣ рабочихъ рукъ и при гористомъ характерѣ мѣстности, требовавшемъ значительныхъ земляныхъ, а кое-гдѣ и каменныхъ работъ. Справиться, при такихъ условіяхъ, съ проложеніемъ дороги было довольно трудною задачею. Но разрѣшилась эта задача очень просто: завѣдывавшій постройкой мѣстный приставъ привлекъ къ работѣ, въ видѣ натуральной повинности, все китайское населеніе, проживающее по пересѣкаемымъ дорогою рѣчнымъ долинамъ. Однако, дорогу хоть и удалось устроить, но весьма плохую: подъемы и спуски съ горъ мѣстами такъ круты, что съ нагруженнымъ возомъ не подняться; гдѣ дорога проходитъ по скалистымъ мѣстамъ, тамъ

ѣзда—настоящая пытка: экипажъ такъ и скачетъ по остроребрымъ каменнымъ глыбамъ; мосты и пробѣги, кое-гдѣ устроенные, за два или три года службы почти вездѣ пообвалились. А главная бѣда—что трактъ пересѣкаетъ десятки рѣчекъ и ручьевъ, сбѣгающихъ со склоновъ Сихота-Алина въ Японское море; всѣ эти рѣчки и ручьи приходится переѣзжать въ бродъ,—есть одинъ такой перегонъ, гдѣ на двадцати пяти верстахъ приходится переѣзжать сорокъ два (42!) брода, изъ нихъ двадцать-девять бродовъ черезъ одну и ту же, прихотливо извивающуюся по горной долинѣ рѣчку. Я проѣзжалъ по тракту въ сухое время; броды, поэтому, не причиняли никакихъ особыхъ затрудненій, если не считать поистинѣ ужасной тряски на застилающихъ рѣчное дно каменныхъ обломкахъ. Но стоитъ пройти сильному дождю,—и всѣ эти рѣчки превращаются въ бурные потоки, черезъ которые нѣтъ никакого способа переправляться, такъ что проѣздъ по тракту прекращается на нѣсколько дней, а то и на цѣлыя недѣли. Не удивительно что побережье Японскаго моря, выше Сучана, плохо заселяется русскими переселенцами: фактически, не смотря на приморскій трактъ, эта часть побережья по прежнему отрѣзана отъ Владивостока и отъ населенныхъ районовъ, и единственнымъ болѣе удобнымъ средствомъ сообщенія остается не особенно улыбающійся нашимъ переселенцамъ морской переѣздъ на китайскихъ шаландахъ.

Только въ двухъ мѣстахъ намъ пришлось видѣть зарождающіяся русскія селенія: на Пхусунѣ, при самой станціи Пхусунской, да на Ванчинѣ, тоже около почтовой станціи.

На Пхусунѣ переселенцы только-что пришли и не имѣютъ ничего, кромѣ жалкихъ шалашей; возникающій поселокъ окруженъ сплошною полосою китайскихъ пашенъ—долина Пхусуна, какъ и всѣ болѣе широкія

долины рѣчекъ приморскаго бассейна, усѣяна многочисленными китайскими фанзами; китайскія поля занимаютъ въ приморскомъ районѣ, въ общей сложности, нѣсколько тысячъ десятинъ.

Пока намъ перепрягаютъ лошадей, подходитъ нѣсколько человѣкъ переселенцевъ, жаловаться и просить совѣта:

— Жили мы въ Промысловкѣ, — разсказываютъ они,—около Шкотовой. Ну, жили себѣ мало-мало. А въ эти вотъ года кругомъ участковъ понарѣзали да помѣщикамъ попродавали—вовсе житья не стало: какъ скотину опустишь,—сейчасъ штрафъ, десять да пятнадцать рублей. Опять же и хлѣбъ не сталъ родиться: трава задолила, туманы съ моря вредятъ, а эти года пьяный хлѣбъ и вовсе одолѣлъ. Стали губернатору жаловаться, а онъ: „не нравится, говоритъ,— такъ ищите другого мѣста“. Ну, мы попродавали имущество да пришли сюда; а здѣсь приставъ не даетъ строиться: вы, говоритъ, въ другой деревнѣ приписаны, такъ вамъ правовъ нѣтъ здѣсь селиться.

— Небось, отъ китайцевъ поживиться пришли, иронически замѣчаетъ мой товарищъ по поѣздкѣ; тамъ манзовскія пашни попакостили, теперь сюда пришли, съ китайцевъ аренду брать! Вѣдь знаете, отчего у нихъ хлѣба не стали родиться?—продолжалъ мой спутникъ, обращаясь ко мнѣ. Сѣли они, какъ и всѣ переселенцы въ приморскомъ районѣ, на китайскія пашни; у китайцевъ хлѣба родились прекрасно, и пьянаго хлѣба не водилось; а наши хохлы какъ пришли, прежде всего взяли, да всѣ поля перепахали „по россійски“,— значитъ безъ грядокъ; а ужъ о томъ, чтобы полоть да мотыжить, у нихъ, конечно, и въ поминѣ нѣтъ. Года два-три прошло,—и явились всякія напасти: сорныя травы хлѣбъ заглушаютъ,—потому что какая вѣдь мужицкая обработка!.. Пьяный хлѣбъ завелся, потому что при рус-

ской обработкѣ вода на поляхъ застаивается. Ну, теперь и ищутъ, гдѣ китайскія пашни еще не попакощены! Да теперь-то они ужъ умнѣе будутъ: сами-то, пожалуй, и сейчасъ не станутъ по-манзовски землю обрабатывать: больно дорого обойдется,—а просто сдадутъ землю манзамъ и будутъ съ нихъ получать ренту...

Ѣдемъ дальше. Вотъ деревня Милоградовка, среди широкой долины Ванчина. Ей уже три года отъ роду; прекрасныя постройки, много амбаровъ, при многихъ домахъ высокія голубятни. Вокругъ деревни вся долина носитъ слѣды культуры; но на глаза попадаются не столько засѣянныя поля, сколько залежи, съ ясно видными слѣдами китайскихъ грядокъ: оказывается, новоселы не сошлись почему-то съ китайцами, прогнали ихъ, забросили больше двухъ третей китайскихъ пашенъ, а остальную треть тоже перепахали на „россійскій манеръ“, обрекши свои посѣвы на жертву сорнымъ травамъ и грибкамъ „пьянаго хлѣба“...

— Вся долина у манзовъ распахана. была,—разсказывали намъ крестьяне,—болѣ семидесяти фанзъ стояло; ну, мы какъ пришли, полиція ихъ всѣхъ и повыгоняла. А жалко: надо бы ихъ оставить на рендѣ, а то зря лежитъ у насъ земля то...

Опять горы—то каменистыя, съ жалкою древесною растительностью, то одѣтыя болѣе или менѣе мощнымъ почвеннымъ слоемъ и покрытыя роскошнымъ травянымъ ковромъ. Опять долины, то широкія, то узенькія, иногда—всего въ нѣсколько десятковъ саженъ; одна долины съ прекраснымъ черноземомъ, густо заросшія полынью, другія каменистыя, усѣянныя корявымъ дубнякомъ, нѣкоторыя сплошь заросли прекраснымъ, веселымъ лиственнымъ лѣсомъ. Китайскихъ пашенъ видно мало,—почему то трактъ прошелъ здѣсь въ сторонѣ отъ занятыхъ китайцами земель. Мѣстами только трактъ пересѣкаетъ манзовскія пашни или проходитъ мимо китайскихъ

фанзъ, и въ такомъ случаѣ вы можете быть увѣрены, что неподалеку окажутся граничные столбы нарѣзаннаго для переселенцевъ участка: китайскія пашни — вотъ указатель, которымъ руководствовались землемѣры, выбирая мѣста подъ водвореніе переселенцевъ. Только теперь, когда китайскія пашни пообобрались, стали рѣзать участки и безъ этого безспорнаго признака пригодности земли для культуры... Да и не одни переселенцы интересуются китайскими пашнями: манзовскія поля захватываются въ земельные надѣлы для лѣсничихъ и лѣсной стражи, намѣчаются къ отводу для церквей и для архіерейскихъ домовъ, наконецъ на китайскія пашни съ особой нѣжностью обращены взоры тѣхъ многочисленныхъ чиновныхъ и нечиновныхъ мѣстныхъ обывателей, которые мечтаютъ о насажденіи въ краѣ — конечно, въ своемъ собственномъ лицѣ — благодѣяній частнаго землевладѣнія. Какъ ни презираютъ русскіе обитатели края „некрещеную тварь“,—но крупныя аренды, какія могутъ выжимать изъ себя только китайцы, съ ихъ невѣроятнымъ трудолюбіемъ и ихъ ограниченными потребностями, представляютъ для всѣхъ и каждаго презаманчивую перспективу...

Ночью переправляемся на паромѣ черезъ Сучанъ и минуемъ Владимиро-Александровское—средоточіе довольно значительнаго сучанскаго населеннаго района, а рано утромъ я впервые вижу воды Тихаго океана, образовавшія здѣсь небольшой заливъ „Востокъ“; чудныя, синія воды его въ ясный солнечный день—совершенно того же оттѣнка, какъ воды Чернаго моря на южномъ берегу Крыма.

Отсюда трактъ почти сплошь идетъ крестьянскими надѣлами. Вотъ деревня Душкина,—та самая, которую покойный Буссе нѣсколько лѣтъ тому назадъ приводилъ въ примѣръ плодородія лѣсныхъ земель Уссурійскаго края: „крестьяне,—писалъ онъ, — не нахвалятся

плодородіемъ земли, урожаи у нихъ за всѣ эти года лучше, чѣмъ у ихъ сосѣдей". Теперь—это жалкая деревня, съ запущенными, мѣстами и заколоченными постройками, съ разваливающимися заборами, уже при самомъ бѣгломъ, поверхностномъ взглядѣ представляющая всѣ видимые признаки полнаго разложенія и упадка: эта деревня — одна изъ тѣхъ деревень приморскаго района, которыя разбредаются отъ „пьянаго хлѣба"... Въ сторонѣ отъ тракта, сейчасъ же за Душкиной, остается участокъ Морской, гдѣ водворены выписанные насчетъ казны, чтобы конкурировать съ китайско-японскимъ судоходствомъ, поморы.

— Что же они, занимаются судоходствомъ и рыбнымъ промысломъ? — спрашиваю я своего товарища по поѣздкѣ.

— Какой чортъ занимаются!.. ничѣмъ они не занимаются, а только землю исполу сдаютъ китайцамъ... Ихъ ужъ собираются выдворять...

Вотъ, влѣво отъ тракта, который здѣсь идетъ въ разстояніи какихъ-нибудь полуторыхъ верстъ отъ морского берега, сплошная полоса китайскихъ пашенъ — это, оказывается, частно-владѣльческій хуторъ Котовщикова, гдѣ вся земля сдана китайцамъ въ испольную аренду.

— Не бываетъ у нихъ пьянаго хлѣба то,—говоритъ намъ душкинскій ямщикъ...

А тутъ же рядомъ, межа съ межой, Домашлинскій участокъ, съ котораго „пьяный хлѣбъ" также уже „выживаетъ" переселенцевъ...

Вотъ тоже разбѣгающаяся Промысловка, сѣвшая почему то среди густого лѣса и распахавшая лишь узенькую полоску земли вдоль самаго теченія рѣчки Кагатуна. Вотъ Петровка, Рѣчица, Романовка, — все зажиточнаго вида малороссійскія деревни, расположившіяся въ ши-

рокихъ долинахъ Шитухе, Кангаузы и ихъ болѣе мелкихъ притоковъ. Всѣ эти долины—того же типа, какъ долины Улахе, Фудзина или Аввакумовки; но вы уже не видите здѣсь характерныхъ полянъ, покрытыхъ полынью и низкорослымъ орѣшникомъ,—всѣ такія поляны сплошь разработаны подъ пашню; натуральный растительный покровъ можно наблюдать только на каменистыхъ „мысках̀ъ“, главнымъ же образомъ по влажнымъ низинамъ, которыя служатъ крестьянамъ сѣнокосомъ; кое-гдѣ захвачены подъ пашню и склоны прилегающихъ къ долинамъ холмовъ,—но только тамъ, гдѣ склоны эти совершенно безлѣсны: въ краѣ такъ еще много не разработанныхъ чистыхъ земель, что крестьянамъ, очевидно, нѣтъ надобности и разсчета приступать къ расчисткѣ лѣса.

Вотъ, наконецъ, и Шкотова—послѣднее русское селеніе предъ Владивостокомъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ по своему значенію центровъ приморскаго района, своеобразный представитель той этнографической помѣси, которая господствуетъ, вообще, на нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Очень красиво расположенное, почти при самомъ впаденіи Цемухе въ Уссурійскій заливъ, небольшое по числу дворовъ село вытянулось частью по долинѣ рѣки, частью по окаймляющимъ ее холмамъ; по склонамъ холмовъ расположились усадьбы русскаго населенія, внизу, въ долинѣ,— жилища корейцевъ и китайцевъ, сѣющихъ хлѣбъ, арендуя землю у шкотовскихъ крестьянъ, и промышляющихъ судоходствомъ на тѣхъ многочисленныхъ шаландахъ, которыя стоятъ на привязи у самаго селенія; дома владѣльцевъ шаландъ можно узнать издали по мачтамъ съ развѣвающимися на нихъ маленькими, по большей части красными флажками; выше по рѣкѣ тоже разбросаны китайскія арендаторскія фанзы.

На почтовой станціи располагаемся пить чай съ

почтосодержателемъ — онъ же шкотовскій волостной старшина, зажиточный представитель того типа, который въ послѣднее время стали звать „сельскою буржуазіею“.

— У насъ здѣсь, ваше бл-діе, хорошо жить,—разсказываетъ старшина за стаканомъ чаю. — Мы вѣдь ужъ безъ мала сорокъ лѣтъ въ краѣ живемъ; раньше около Ольги жили, — Пермскую деревню изволите знать?... Тоже мѣсто хорошее было, да изъ-за наводненія ушли, въ семьдесятъ седьмомъ году. Ну, а здѣсь и вовсе хорошо: земля—первый сортъ, отъ города близко, заработки всякіе есть, по торговой части тоже хорошо.

— У васъ,—спрашиваю,—землею-то народъ, пожалуй, мало и занимается? Пашни, небось, все испольныя?

— Нѣтъ, не все, тоже и сами пашемъ, сколько кому по силѣ. Вотъ, скажемъ, я самъ. У меня всей пашни семьдесятъ десятинъ; ну, двадцать самъ съ работниками управляю, а полсотни отдаю корейцамъ исполу.

— А свои пашни какъ пашете: по ихнему, или по-россійски?

— Нѣтъ, по-россійски.

— Что же, лучше по-россійски?

— Какъ можно, по-ихнему куда лучше, а только руки не доходятъ, дорого обойдется: вѣдь они все лѣто съ пашни не сходятъ, — вы только разочтите, сколько это выйдетъ! Прежде вотъ начальство не дозволяло имъ землю сдавать, а теперь ничего, не воспрещаютъ—поняли, видно, что такъ лучше; которые изъ господъ землю покупили—отставные чиновники, купцы, тоже этакъ же стали дѣлать, потому что отъ китайца всегда больше доходу получишь, нежели отъ своего хозяйства.

Поздно ночью добрались до Хилковой, послѣдней передъ Владивостокомъ станціи желѣзной дороги, из-

любленнаго у Владивостокцевъ дачнаго мѣста, а въ девять часовъ слѣдующаго утра, вмѣстѣ съ кучею дачниковъ, спѣшившихъ на службу въ свои банки, канцеляріи и конторы, пріѣхали во Владивостокъ.

III.

Въ Арало-Каспійской степи.

(1903).

I.

Въ царствѣ пшеницы.

Семь часовъ утра, и уже нестерпимо жарко... Перевозный пароходъ—монопольное достояніе какого-то покровительствуемаго судьбой подрядчика, поддерживающій сообщеніе между Саратовомъ и Покровскою слободой, въ теченіе двадцати минутъ дѣлаетъ тщетныя попытки отвалить отъ пристани: Волга за ночь еще обмелѣла, и пароходъ почти вплотную сидитъ на песчаной мели. Съ десятокъ рабочихъ изо всѣхъ силъ отталкиваются шестами; слышны крики: „стойтъ“, „нейдетъ...“; капитанъ парохода командуетъ то „самый малый впередъ“, то „самый малый назадъ“... Наконецъ, пароходъ медленно сползаетъ съ мѣста, медленно огибаетъ огромную песчаную отмель, обѣщающую въ близкомъ будущемъ окончательно отрѣзать Саратовъ отъ Волги, и, волоча за собою двѣ огромныя баржи съ подводами и „чернымъ народомъ“, направляется къ Покровской слободѣ.

На пароходѣ — только и разговоровъ, что о прелестяхъ переправы: какъ городская управа, заботясь лишь о городскомъ доходѣ, сдала переправу въ безконтрольное распоряженіе „чумазому“ предпринимателю; какъ гурты скота, по цѣлымъ днямъ, стоятъ некормленные на покровской сторонѣ, ожидая своей очереди; какъ цѣлыми же днями стоятъ воза съ пшеницей и другою кладью,—и это въ то время, когда Покровская слобода живетъ, въ сущности, одною жизнью съ Саратовомъ, когда торговые и всякіе другіе интересы требуютъ постояннаго сообщенія между Саратовомъ и слободой.

Цѣлый городокъ многоэтажныхъ хлѣбныхъ амба-

ровъ *)—ихъ до двухсотъ, въ восьми отдѣльныхъ кварталахъ, вмѣстимостью, каждый амбаръ, отъ 60,000 до 200,000 пудовъ. По мѣрѣ приближенія парохода, передъ глазами открывается и слобода—большой городъ съ 30,000 жителей, почему-то продолжающій именоваться „слободой“, съ волостнымъ правленіемъ и таковымъ же старшиною. По слободѣ разбросано шесть или семь церквей, на площади и на центральныхъ улицахъ—каменные дома городского типа, вывѣски отдѣленій всѣхъ петербургкихъ и московскихъ банковъ, имѣющихъ дѣла въ Поволжьѣ, фотографіи, парикмахерскія; на одной изъ дальнихъ улицъ, гдѣ-то на огородахъ, большой деревянный циркъ, на площади—день былъ базарный—безконечные ряды телѣгъ и фуръ, то настоящихъ колонистскихъ, то упрощеннаго полу-колонистскаго типа; на многихъ уже погружены то плугъ, то жнейка, и такіе же плуги и жнейки выставлены передъ добрымъ десяткомъ магазиновъ.

— Не повѣрите, какъ бойко пошли машины,—говоритъ мой спутникъ-агрономъ, имѣющій какое-то отношеніе не то къ земству, не то къ завѣдыванію казенными землями Новоузенскаго уѣзда. — Пять лѣтъ только, какъ уѣздное земство открыло первый складъ,—а теперь одинъ Петровъ—вотъ посмотрите, какой складъ вывелъ; продаетъ въ годъ на полмилліона, да земство на двѣсти тысячъ, да другіе торговцы... не меньше чѣмъ на милліонъ въ годъ раскупается по уѣзду.

Извозчикъ завозитъ насъ къ знакомцу—пулуинтеллигентному мѣстному обывателю, къ которому должны привести намъ лошадей. Хозяинъ уходитъ къ ямщику, хозяйка хлопочетъ около самовара.

— Бойкое у васъ мѣсто,—говорю я ей.

---

*) Эти амбары сгорѣли черезъ три дня послѣ моего проѣзда черезъ слободу.

— Не говорите... И народъ же здѣсь живетъ! По началу я днемъ на улицу не выходила, боялась; только теперь попривыкла. На Пасхѣ сколько народу съ пьяныхъ глазъ перерѣзали! Около пристаней ютятся, да около лѣсопилокъ; лѣтомъ, опять же, косцы находятъ,— не дай Богъ!..

— А много народу на полевыя работы приходитъ?— спрашиваю я подошедшаго между тѣмъ хозяина.

— Сейчасъ третья часть противъ прежняго. Кому прежде триста человѣкъ требовалось, теперь сотней обходится,—все машины пошли.

— А сотню всетаки нужно? Куда столько при машинахъ?

— Да какъ же—пшеницу возить, жать тоже при машинахъ, на косилкахъ работать. Вѣдь онъ всю работу норовитъ разомъ кончить... а потомъ еще и то: жнетъ онъ машиной, а на углахъ перемѣнные люди стоятъ—снопы сбрасывать: одинъ кругъ сдѣлаетъ, на его мѣсто другой на машину становится,—одному не подъ силу.

— А откуда рабочіе?

— Нонѣшній годъ, кажись, все больше пензенскіе.

— И на амбарахъ они же работаютъ?

— Нѣтъ, на амбарахъ работа круглый годъ, зимой еще тяжелѣе противъ лѣта: зимой подвозятъ пшеницу— съ возовъ въ амбары ссыпаютъ, а лѣтомъ—изъ амбаровъ на баржи грузятъ. Ну, сюда ужъ со всей округи собираются, лѣто и зиму работаютъ; всѣ, у кого ни кола, ни двора,—кто только водку пьетъ.—Нельзя безъ водки то на этой работѣ, больно тяжело; видали амбары? извольте девятипудовый куль на третій этажъ тащить... Вотъ я въ Астрахани бывалъ, тамъ все больше персюки на этой работѣ стоятъ; здоровый народъ, да и безотвѣтный; всякій его бьетъ, всякій наровитъ обчесть, а ему куда дѣваться? Языка не знаетъ, паспорта у него нѣтъ, онъ и до начальства дойти не можетъ. Очень

ужь только жить здѣсь дорого,—внезапно перемѣнилъ разговоръ мой собесѣдникъ: вотъ я — какое мое жалованьишко, а домъ себѣ построилъ; нанимать квартиру не по средствамъ.

— А рабочій народъ какъ же помѣщается?

— Да по землянкамъ ютятся. Которые на лѣсопилкахъ работаютъ, тѣмъ каждый день полагается по два горбыля на отопленіе; они изъ нихъ и складываютъ себѣ хибарки; на зиму привалятъ земли да снѣга,— вотъ и тепло.

— А лѣсопилокъ здѣсь много?

— Много; на весь Новоузенскій уѣздъ лѣсъ поставляютъ.

Однако подали лошадей, ѣдемъ.

Гладкая, черноземная, совершенно безлѣсная степь, изрѣдка изрѣзанная неглубокими балками. Сначала обширный, до-чиста выбитый Покровскій выгонъ, потомъ— море еще зеленой, едва начинающей бѣлѣть усатой пшеницы, среди котораго, кое-гдѣ, ярко желтѣютъ небольшія пятнышки ржи.

— Выгонъ покровскіе распахали, говоритъ ямщикъ: разбили на участки да посдавали съ торговъ; по 40 да по 50-ти рублей брали за два хлѣба, а землѣ вся цѣна сто рублей, да и то только въ эти года такая цѣна стала. Раньше десятину свободно за 50 рублей можно было купить.

Ѣдемъ нѣсколько верстъ этимъ сплошнымъ моремъ пшеницы; дѣлянки обширныя, посѣвы чистые, безъ сора, хлѣбъ густой, высокій; арендаторы, видно, состоятельные, крѣпкіе хозяева—да иначе и быть не можетъ: слабому откуда взять пятьдесятъ рублей за десятину, да, главное, чѣмъ ее вспахать?..

Пересѣкаемъ линію хуторовъ, расположившихся вдоль границы бывшаго выгона. Поодаль—вторая такая же линія, кое-гдѣ—отдѣльные, разбросанные хутора.

Одни изъ нихъ—жалкія землянки, едва возвышающіяся надъ уровнемъ земли; при нихъ ни хлѣва, ни амбара; другіе—саманныя или глинобитныя избы съ кой-какими навѣсами для скота, третьи—бревенчатые дома, съ обширными хлѣвами и амбарами; около нѣкоторыхъ—пруды, при нихъ—небольшія групы деревьевъ, радующія глазъ въ этой уныло-безлѣсной степи.

Между первою и второю линіей хуторовъ—душевыя пашни покровскихъ слобожанъ. Вмѣсто однообразнаго моря пшеницы—пестрая смѣна то крупныхъ квадратовъ и прямоугольниковъ, то болѣе мелкихъ полосъ; пшеница-бѣлотурка, главное богатство и гордость Новоузенскаго края, чередуется то съ мягкою пшеницей—„русакомъ“ или полтавкой, то съ овсомъ, ячменемъ, картофелемъ, подсолнухомъ; чистые отъ сора, сильные и рослые посѣвы богатыхъ мужиковъ теряются среди массы полосъ, густо заросшихъ сорною травой, съ рѣдкимъ, низкорослымъ хлѣбомъ, сильно прихваченнымъ засухой. Нигдѣ ни залежи, ни пара. Здѣсь—царство пестрополья, высасывающаго изъ земли все, что̀ земля можетъ дать, и доводящаго ее если не до полнаго истощенія,—о *настоящемъ* истощеніи здѣсь еще далеко думать!—то во всякомъ случаѣ до такого состоянія, когда она перестаетъ кормить страдающаго и страдующаго надъ нею пахаря.

— Вы посмотрите, во что они обратили землю!—восклицаетъ мой товарищъ по экскурсіи, котораго агрономическое сердце не можетъ вынести вида такого, дѣйствительно не агрономическаго, хозяйства.

Скоро однако картина вновь мѣняется, и мы опять въѣзжаемъ въ море пшеницы. Обширныя поля, гдѣ по нѣскольку десятковъ, гдѣ и по нѣскольку сотенъ десятинъ подъ одну межу, засѣянныя сплошь то бѣлотуркою, то „русакомъ“, чередуются съ еще гораздо болѣе обширными сплошными залежами, то поросшими

высокимъ бурьяномъ, то усѣянными небольшими копешками сѣроватаго бурьянистаго сѣна, то лишенными всякой растительности, кромѣ сѣроватой, мелкой, сильно пахучей полыни. Поодаль отъ дороги то одиночные хутора, то группы хуторовъ, съ двухъэтажными хлѣбными амбарами и вѣтряными мельницами, съ обширными хлѣвами для скота, съ конными приводами, чтобы вытаскивать воду изъ глубокихъ колодцевъ. Пустынность степи нарушается то парою работающихъ жнеекъ или сѣнокосилокъ, то длинными процессіями плуговъ — четыре, шесть, десять плуговъ подъ-рядъ, борозда въ борозду, вздираютъ уже отдохнувшую залежь. Гдѣ пашутъ или жнутъ—тамъ, гдѣ нибудь въ сторонкѣ, стоятъ какіе-то домики на колесахъ; это перевозные балаганы, гдѣ рабочіе укрываются отъ дождя, складываютъ одежду и провизію, и гдѣ имѣется запасъ необходимыхъ инструментовъ для починки жнеекъ и плуговъ.

Это, оказывается, мы въѣхали въ районъ оброчныхъ статей—казенныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ населеніе гуще и гдѣ уже рѣзко ощущается „утѣсненіе“, казна сдаетъ оброчныя статьи, по преимуществу, болѣе или менѣе малоземельнымъ крестьянскимъ обществамъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ малоземелья еще нѣтъ, и казенныя земли, которыхъ здѣсь болѣе полумилліона десятинъ, сдаются главнымъ образомъ крупнымъ посѣвщикамъ, снимающимъ, нѣкоторые, по много тысячъ десятинъ. На статьяхъ обязательное по контрактамъ залежное хозяйство: засѣвается два или три поля, а шесть или семь полей отдыхаютъ, служа лишь сѣнокосомъ или выгономъ скоту.

— Посмотрите,—говоритъ мой спутникъ,—земля та же, а какой хлѣбъ! Говорятъ вотъ, будто казенныя земли надо отдать переселенцамъ. А какой резонъ? Вѣдь эти арендаторы—они-то и производятъ ту твер-

дую высокую пшеницу, которою славится Самарская губернія; у нихъ и урожаи чуть не вдвое выше, чѣмъ на надѣльныхъ земляхъ! И не думайте, что дѣло только въ ихъ богатствѣ; нѣтъ, у нихъ такой огромный опытъ, они такъ тонко изучили условія производства пшеницы, что намъ, агрономамъ, у нихъ учиться приходится. А отдайте землю переселенцамъ, и черезъ пять лѣтъ будетъ то-же, что на надѣльныхъ земляхъ. Отдать землю переселенцамъ—это значитъ не увеличить, а уменьшить производительность края.

Я, конечно, возражаю, и между нами завязывается длинный споръ — все тотъ же старый споръ: къ чему стремиться—къ максимуму-ли производства, или къ равномѣрности распредѣленія?.. Какъ водится, каждый изъ насъ и послѣ спора остается при своемъ мнѣніи. Но мнѣ кажется, что хозяйство крупныхъ посѣвщиковъ не можетъ слишкомъ радовать и съ чисто производственной точки зрѣнія: ихъ процвѣтаніе основано на искусственномъ поддержаніи залежнаго хозяйства, которое и въ Новоузенскихъ степяхъ уже отжило свой вѣкъ и должно уступить мѣсто болѣе интенсивному, можетъ быть трехпольному, а скорѣе—травопольному хозяйству.

Вотъ, однако, на одномъ изъ такихъ арендаторскихъ хуторовъ, и земская станція. Арендаторъ, онъ-же содержатель станціи, — нѣмецъ-колонистъ. Однако обстановка и обитатели дома не производятъ „нѣмецкаго“ впечатлѣнія. Правда, на стѣнахъ чистой комнаты висятъ, кромѣ русской иконы, подписанное пасторомъ конфирмаціонное благословеніе и нѣсколько нѣмецкихъ благочестивыхъ надписей. Нѣсколько своеобразна и постройка,—отъ общей большой комнаты отгорожено нѣсколько маленькихъ каморокъ-спаленъ. Но меблировка—совсѣмъ русская, крестьянская; почти русская и одежда; традиціонной нѣмецкой чистоты нѣтъ и въ

поминѣ—комната грязна, невыметена, къ чаю подаются грязные стаканы, и въ довершеніе всего посмотрѣть на пріѣзжающихъ является нѣмецкій мальчикъ... безъ штановъ.

Ѣдемъ дальше. Еще нѣсколько верстъ—сплошное море пшеницы на оброчныхъ статьяхъ, потомъ—нѣсколько верстъ надѣльныхъ земель все той же Покровской слободы,—широко она, матушка, раскинулась; потомъ—надѣльныя земли нѣсколькихъ приволжскихъ нѣмецкихъ колоній. И нѣмецкія поля тоже сплошь засѣяны пшеницей, но, увы, по обработкѣ и по виду посѣвовъ они мало чѣмъ отличаются отъ крестьянскихъ надѣльныхъ пашенъ: тѣ же низкорослые, рѣдкіе хлѣба, среди нихъ во множествѣ—выгорѣвшія плѣшины; то же изобиліе сорныхъ травъ всѣхъ видовъ и наименованій. Я и раньше зналъ, что заволжскія колоніи—не чета южно-русскимъ: но все-же я никакъ не ожидалъ увидѣть такой печальной картины на колонистскихъ надѣлахъ. Для моего товарища-агронома это—привычная картина, и онъ даже изумился, когда я напомнилъ ему о высокой культурности нѣмецкихъ колоній Новороссіи.

— Здѣсь — ничего похожаго... Нѣмцы здѣшніе ничѣмъ не отличаются отъ хохловъ: они и не богаче, и хозяйство ведутъ такъ-же плохо, и въ умственномъ отношеніи ничуть не выше; да и репутація у нихъ плоховата: черезъ нѣкоторыя колоніи, говорятъ, ночью небезопасно проѣзжать.

Вотъ однако и ближайшая цѣль нашей сегодняшней поѣздки—менонитскіе „колѳнки“, этотъ уголокъ Европы среди Новоузенскихъ степей.

Такихъ колонковъ всего десять—въ каждомъ, среднимъ числомъ, по двадцати пяти дворовъ. Но менонитскія колоніи по виду не имѣютъ ничего общаго ни съ русскими деревнями, ни даже съ нѣмецкими dorf-ами.

Это длинная—много верстъ, широкая дорога или улица, вдоль которой стоятъ отдѣльные менонитскіе дворы, каждый впереди своего земельнаго участка, утопая въ зелени небольшихъ садиковъ и рощъ. Какъ и вездѣ, въ менонитскихъ колонкахъ есть и богатые, и бѣдные; на-ряду съ богачами, имѣющими на своей землѣ и на арендованныхъ участкахъ сотни десятинъ посѣва и могущими затрачивать тысячныя суммы, напримѣръ, на устройство артезіанскаго колодца и водопровода, — здѣсь есть и бѣдняки, имѣющіе всего по нѣсколько головъ скота и по благосостоянію стоящіе немногимъ выше среднесостоятельнаго русскаго крестьянина. Богачи живутъ въ обширныхъ каменныхъ хоромахъ, крытыхъ черепицей, съ балконами и верандами; бѣдняки—въ небольшихъ домахъ, бревенчатыхъ или саманныхъ, съ характерными крутыми соломенными крышами. Но у каждаго менонита есть садъ, и въ каждомъ саду, кромѣ вязовой рощи, есть хоть нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ („Въ чернымъ пару вѣдь у нихъ земля подъ фруктовыми деревьями“!—съ восторгомъ восклицаетъ мой товарищъ-агрономъ) и нѣсколько грядъ огорода; непремѣнно есть и нѣсколько куртинъ съ цвѣтами, за которыми менониты ухаживаютъ съ величайшею любовью и вниманіемъ. И въ каждомъ домѣ, какъ бы онъ ни былъ малъ и простъ,—даже въ крохотной избушкѣ, гдѣ живетъ на общественномъ иждивеніи обѣднѣвшій дряхлый старичекъ,—самая строгая чистота и порядокъ. И какъ бы ни была проста или, наоборотъ, роскошна обстановка менонита, вы непремѣнно найдете у него пару ларей или комодовъ стараго голландскаго фасона, изъ свѣтлаго лакированнаго дерева, съ рядами большихъ мѣдныхъ гвоздей и съ желѣзными наличниками у замка, способными привести въ восторгъ любителя „стильной“ мебели.

Но гордость каждаго менонита, это—его конюшни и хлѣва, подъ такими-же крутыми соломенными крышами, всегда соединенные съ жилымъ домомъ посредствомъ крытаго перехода; устроены эти хлѣва по всѣмъ правиламъ зоотехніи, съ покатыми деревянными полами, съ яслями и отдѣльными стойлами для каждой лошади и для каждой коровы. Гордость менонита — его блещущая чистотой молочная, его сараи для орудій и машинъ, гдѣ у богатаго стоятъ десятки плуговъ, сотни боронъ, катки, косилки, жнейки, рядовыя сѣялки, фургоны; все это частью купленное у „фирмъ", частью—сдѣланное своими же мастерами-менонитами. Гордость менонита—его поля, огромныя сплошныя „карты", каждая въ нѣсколько десятковъ десятинъ, удѣланныя обработанныя такъ, какъ будто карта сейчасъ и идетъ на конкурсъ или на выставку сельскаго хозяйства. И у нихъ, какъ и у арендаторовъ казенныхъ земель, урожаи процентовъ на 40 выше, чѣмъ на надѣльныхъ земляхъ крестьянъ. Но у нихъ—это результатъ не залежнаго хозяйства, связаннаго съ пустованіемъ чуть не трехъ четвертей культурной площади, а примѣненія сравнительно интенсивной культуры — пятиполья съ чернымъ паромъ, а у многихъ—съ навознымъ удобреніемъ земли. Хозяйство менонитовъ, такимъ образомъ не представляетъ собою анахронизма, какъ хозяйство арендаторовъ; оно является, наоборотъ, высоко-прогрессивнымъ и какъ бы намѣчаетъ путь, по которому, можетъ быть, пойдетъ сельскохозяйственная культура даннаго района.

Самарскіе менониты — потомки голландскихъ эмигрантовъ, которые оставили родину въ одно время съ предками нынѣшнихъ капскихъ и трансваальскихъ буровъ и около трехсотъ лѣтъ жили въ Восточной Пруссіи, въ Маріенбургскомъ округѣ. Между собой они до сихъ поръ говорятъ, кажется, по-голландски; всѣ хорошо гово-

рятъ и по-нѣмецки, мужчины свободно, хоть и не слишкомъ правильно, объясняются по-русски. Костюмъ—не-то нѣмецкій, не-то голландскій: мужчины въ будни—въ кожаныхъ туфляхъ на босу ногу и въ жилеткѣ поверхъ свѣтло-синей рубашки, съ отложнымъ воротникомъ; женщины—въ темно-синихъ ситцевыхъ платьяхъ. Въ праздникъ, ѣхать въ церковь, мужчины одѣваютъ пальто и пиджаки, женщины—шляпки и накидки, и огромная менонитская улица съ ѣдущими другъ за другомъ менонитскими фургонами и пролетками заставляетъ васъ совершенно забыть, что вы находитесь гдѣ то въ глубинѣ Новоузенскихъ степей... Со своей дальней родины меноиты принесли, очевидно, чистоту и аккуратность, принесли и свою любовь къ цвѣтамъ; и поневолѣ вспоминаешь о бурахъ, когда видишь ихъ свободное, полное достоинства обращеніе.

Получивъ землю на какихъ то необыкновенно льготныхъ условіяхъ, менониты разбили ее на 65-ти десятинныя „карты“, каждая въ видѣ продолговатаго прямоугольника. Никакихъ правилъ о недѣлимости участковъ у нихъ нѣтъ, но фактически участки почти не дѣлятся.

— У насъ между дѣтьми нѣтъ разницы—разсказывалъ мнѣ пожилой менонитъ, носитель одного изъ столь излюбленныхъ менонитами библейскихъ именъ: и сынъ, и дочь, всѣ получаютъ поровну; все наслѣдство оцѣнивается, и каждый получаетъ по оцѣнкѣ, что̀ захочетъ. А земля остается у одного изъ сыновей: кому охота, тотъ ее беретъ и разсчитывается съ другими.

— А никогда не дѣлятъ землю?

— Нѣтъ,—у кого по многу картъ, тѣ, случается, и дѣлятъ — на брата по цѣлой картѣ. А у кого одна карта, какъ же ее раздѣлить? Вѣдь меньше 60-ти десятинъ—какое же это будетъ хозяйство! Жить нельзя

будетъ. Во всѣхъ колонкахъ только два раза случилось, что карту подѣлили.

— А кто земли не получилъ отъ отца,—тѣ что?

— А кто какъ захочетъ. Кто купитъ землю, кто заарендуетъ, кто другимъ дѣломъ займется... Я вотъ для старшаго сына казенную землю снялъ, — теперь строю ему хуторъ. А вотъ, глядите,—мы ѣхали въ это время, въ полугородскомъ рессорномъ экипажѣ, по границѣ менонитскихъ земель съ надѣломъ села Воскресенскаго: эти хутора—это все наша молодежь устроилась; кому неохота далеко отъ своихъ, тѣ вотъ по сосѣдству заарендовали у воскресенскихъ землю, и живутъ.

Нѣтъ у менонитовъ и правилъ противъ скупки земель и перехода ихъ въ постороннія руки. У моего собесѣдника—цѣлыхъ шесть „картъ“; одна у него—выгонъ, остальныя — полевыя смѣны, въ 65 десятинъ каждая, менонитскаго пятипольнаго сѣвооборота.

— А вотъ въ Гансау,—названіе одного изъ „колонковъ“,—тамъ Миллеръ всѣ 25 картъ скупилъ, а потомъ всѣ разомъ продалъ, екатеринославскимъ хохламъ. Ну, это ужъ Богъ знаетъ что̀ за люди: никакихъ порядковъ знать не хотятъ, со всѣми судятся,—и сказать нельзя, какіе люди!

— Трудно вамъ,—спрашиваю, — съ русскими жить? Съ нѣмцами, вѣрно, лучше?

— Зачѣмъ! Какой русскій,—какой нѣмецъ... Вотъ на Волгѣ лютеране живутъ, про нихъ хорошаго не скажешь! Черезъ иныя колоніи ночью и не проѣдешь, въ работники беремъ съ опаской. А съ воскресенскими живемъ какъ братья: ни споровъ, ни судовъ. Вотъ, у меня въ колóнкѣ шаберъ изъ Воскресенки, Иванъ Макарычъ. Раньше онъ у своего общества землю снималъ, полтинникъ десятина, а ноньче ужь эту землю наши меноніты по 5-ти рублей держатъ. А Иванъ Макарычъ у нашего менонита карту купилъ, да все обзаведеніе Хо-

рошо мы съ нимъ живемъ, — человѣкъ хорошій, настоящій.

— А которые землю продали,—спрашиваю я,— тѣ что?

— Въ Туркестанъ ушли, въ Аульеатинскій уѣздъ; можетъ будете тамъ, пожалуйста, заѣзжайте въ колóнки, кланяйтесь отъ насъ,—они вамъ рады будутъ. Только и тамъ не всѣмъ понравилось; все думали — лучше будетъ да лучше, а теперь ужъ нѣкоторые оттуда въ Америку поѣхали.

Славятся менониты по всей округѣ не только хозяйственностью, но и общественностью и широко развитою взаимопомощью: у нихъ есть и довольно богатая Armenkasse, и общественные производители—быки и жеребцы, и собственное, менонитское, взаимное страхованіе.

Однако, пора и ѣхать. На прощанье мы обѣдаемъ съ радушными хозяевами, которые передъ обѣдомъ чинно склоняютъ головы и произносятъ тихую молитву. Меню обѣда—жареная ветчина отъ собственныхъ беркшировъ, съ картофелемъ, манная каша съ вишневымъ сокомъ и удивительное молоко; саратовское пиво, а для курящихъ—варшавскія сигары.

Затѣмъ ѣдемъ. Сначала—опять дивно обработанными менонитскими полями съ ихъ вытянувшимися на версты сплошными посѣвами пшеницы, которые,—увы, — въ этомъ году и у менонитовъ сильно попорчены засухой. Еще сильнѣе выжжены, конечно, посѣвы нѣмцевъ-колонистовъ, а тѣмъ болѣе—посѣвы на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Много выжжено, мѣстами, и у арендаторовъ,—не мало такихъ полосъ, гдѣ „колосъ отъ колоса—не слышно человѣчьяго голоса“, гдѣ не разберешь, посѣяна-ли пшеница или „падалица“ рожь, или гдѣ хлѣба почти не видно изъ подъ густого покрова сорныхъ травъ.

— Плохо,—говоритъ мой спутникъ-агрономъ, — и у арендаторовъ, выходитъ, кругомъ по 45-ти пудовъ не наберется. А на надѣльныхъ земляхъ—одно горе. Опять ссудъ запросятъ... вѣдь каждый годъ кормить приходится; только 1902 годъ какъ-то прошелъ благополучно!..

Вотъ вамъ и пшеничное царство!..

Нѣсколько часовъ ожиданія на маленькой станціи желѣзной дороги. Вездѣ кругомъ—посѣвы пшеницы. Всѣ разговоры—о будущемъ урожаѣ пшеницы, объ арендахъ, арендаторахъ, цѣнѣ рабочихъ рукъ. Однимъ ухомъ слышу любопытный разсказъ о какомъ-то Петрѣ Ѳедоровичѣ, бывшемъ арендаторѣ какого-то казеннаго участка.

— Ноньче-то,—разсказываетъ одна чуйка другой,—не сталъ онъ участковъ снимать. Прежде шибко охочъ былъ пшеницу сѣять, да на послѣднемъ участкѣ нажегся—еле выпутался. Подогнали его на торгахъ на такую цѣну, что никакъ не оправдаться. Думалъ-думалъ, какъ изъ воды сухимъ выйти,—ничего не придумаетъ... На счастье, встрѣться ему какіе то не то нѣмцы, не то чухны—новыя мѣста пришли смотрѣть. Онъ имъ и давай расписывать про землю: и урожаи-то хороши, и засуха-то не беретъ, и травы-то вдосталь,—это про свой, значитъ, рендовой участокъ. Разсказывалъ, разсказывалъ,—тѣ всѣмъ таборомъ снялись, да и сѣли на участокъ, землянки повыкопали и живутъ. Приходитъ время аренду платить, а Петръ Ѳедоровичъ: за что молъ, я буду аренду платить,—на участкѣ нѣмцы живутъ, а я не пользуюсь. Начальство туда-сюда, сживать нѣмцевъ,—а тѣ нейдутъ: мы, молъ, бѣдный народъ, куда мы пойдемъ! Бились съ ними, бились, а тамъ и вышло

дозволеніе: отвести имъ землю подъ поселокъ. А Петръ то Ѳедоровичъ и вызволился!..

— А сейчасъ онъ чѣмъ заимствуется?

— Скотиной сталъ торговать, не сѣетъ больше хлѣба. Да и вправду, разсчетовъ нѣтъ. Ты посуди, вѣдь пшеница, она кругомъ много 45 пудовъ дастъ, а вѣдь обойдется-то десятина рублей на 30... Какой же тутъ барышъ возьмешь! Только тѣмъ и оправдывался, что весной, когда пахать, быковъ наберетъ, а осенью, какъ отпашется да нагуляются быки, перепродастъ; еще торговую скотину по залежамъ откармливалъ. Ну а сейчасъ и вовсе не сталъ сѣять...

За ночь поѣздъ доставляетъ меня на крайній юго-востокъ огромнаго Новоузенскаго уѣзда — въ Новоузенскъ, а затѣмъ въ большое село, тоже почти городъ, Александровъ-гай. И здѣсь, и тутъ — я только проѣздомъ, и у меня остается въ памяти лишь общій желто-сѣрый тонъ, окрашивающій и улицы, и постройки, — тотъ самый желто-сѣрый тонъ, который такъ типиченъ для лёссовыхъ городовъ и селеній Уральской области и Туркестана. Впрочемъ нѣтъ,—еще бросаются въ глаза цѣлыя улицы не слишкомъ большихъ пшеничныхъ амбаровъ, принадлежащихъ то крупнымъ посѣвщикамъ, то мелкимъ скупщикамъ хлѣба. Въ Гаю амбары вытянулись у самой станціи, вдоль полотна желѣзной дороги; въ Новоузенскѣ — почему то въ трехъ верстахъ отъ линіи. Ссыпанный въ амбары хлѣбъ приходится, поэтому, грузить на подводы, везти три версты гужомъ и затѣмъ перегружать въ вагоны—одна возка, не считая лишней перегрузки, обходится около 8-ми рублей съ съ вагона. А восемь рублей на вагонъ хлѣба—это вѣдь не шутка при міровой конкурренціи!

Во всѣ стороны отъ Новоузенска и Александрова-гая—безграничная, ровная, сжигаемая палящимъ солнцемъ

степь, по которой то тутъ, то тамъ,—день былъ довольно вѣтреный, —проходятъ пыльные смерчи. Степь уже не черноземная, какъ на сѣверѣ уѣзда, а сѣро-желтая суглинистая, то съ едва замѣтною, то съ рѣзко выраженною солонцеватостью, покрытая не пушистымъ ковылемъ цѣлинныхъ черноземныхъ степей, а либо небольшими кисточками пожелтѣвшаго отъ зноя типца, либо мелкою, зеленовато-сѣрою полынью. Это — окраина широкой полосы примыкающихъ къ Аральскому морю и Каспію „степей-пустынь“,—какъ ихъ называютъ нѣкоторые изслѣдователи,—дна того обширнаго моря, и которое когда то покрывало южныя киргизскія степи равнинныя и пространства Туркестана. Общая картина мѣстности—совершенно та же, что въ киргизской степи, на тѣхъ же широтахъ, и съ этою картиной гармонируютъ стоящія то тутъ, то тамъ киргизскія юрты, обладатели которыхъ пасутъ крестьянскія и арендаторскія стада. Гармонируютъ съ нею и „корабли пустыни“—верблюды, составляющіе здѣсь едва ли не главную рабочую и движущую силу; и какъ-то странно видѣть верблюда, везущаго высокую и длинную, полунѣмецкую, полухохлацкую телѣгу, или запряженнаго въ жнею или сѣнокосилку. Крестьяне, между прочимъ, управляютъ верблюдами, не протыкая имъ ноздрей мурундукомъ, какъ это дѣлаютъ киргизы.

— Грѣхъ это,—объяснилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,— да и не къ чему: онъ и такъ слушается.

Трудно представить себѣ на видъ что-либо болѣе безотрадное, что-либо болѣе безнадежное съ точки зрѣнія земледѣльческой культуры, чѣмъ эти сѣро-желтыя, поросшія мелкою полынью степи; трудно повѣрить, чтобы онѣ были годны на что-нибудь другое, какъ на выпасъ барановъ и верблюдовъ. А между тѣмъ, почва этихъ степей — очень богатыя и плодородныя лёссовидныя глины. Степи эти пашутся. Мало того,—онѣ то и даютъ

лучшія въ губерніи твердыя пшеницы, которыя уже переводятся на выпаханныхъ черноземныхъ степяхъ сѣверной и даже средней полосы губерніи. А кормами эта мѣстность, пока, чрезвычайно богата: вся степь усѣяна огромными зародами чуднаго, зеленаго, „вострецнаго“ сѣна, накошеннаго либо на залежахъ, либо по обширнымъ „лиманамъ“, увлажняемымъ весеннею водой. Картина, совершенно не похожая на мелкія, буроватыя копешки залежнаго бурьяна, составляющаго главный кормъ скота на сѣверѣ уѣзда.

На огромномъ — нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ — пространствѣ имѣется кромѣ города Новоузенска всего около десятка поселеній, правда очень крупныхъ; каждое—съ огромнымъ земельнымъ надѣломъ.

Мы ѣдемъ по надѣльной землѣ села Александровагая; сѣрая степь сплошь пахана, но лишь небольшіе клочки кое-гдѣ засѣяны хлѣбами; остальное—сплошныя залежи, то служащія покосомъ, то покрытыя одною мелкою полынью.

— Мало ужь стали пахать на надѣлѣ, — объясняетъ мнѣ ямщикъ: повыпахали, да и неудобія много. Безъ мала всѣ, у кого сила, арендуютъ землю,—кто въ казнѣ (казенныя земли занимаютъ въ этомъ углу, до 300 тысячъ десятинъ, огромными сплошными отрубами), кто у киргизъ, въ Астраханской губерніи.

Чтобы отдохнуть отъ трудно-выносимой жары и тонкой лёссовой пыли, которою обволакиваетъ насъ попутный вѣтеръ, мы останавливаемся сначала на одномъ, маленькомъ и бѣдномъ, потомъ на другомъ арендаторскомъ хуторѣ. Второй хуторъ—небольшой поселокъ въ восемь дворовъ, по общему виду очень мало похожій на удивительные хутора менонитовъ, а также и болѣе состоятельныхъ русскихъ жителей сѣверной части уѣзда. Онъ напоминаетъ скорѣе киргизскую зимовку, гдѣ-ни-

*

будь въ Иргизскомъ или Тургайскомъ уѣздѣ. наполовину врытыя въ землю, сѣро-желтыя глинобитныя мазанки; для скота „базы“ или загоны—простыя загородки изъ жердей и хвороста.

— Бѣдный, видно, народъ живетъ? — спрашиваю я своего ямщика.

— Какое тебѣ бѣдный, все справные жители: у одного полсотни рогатыхъ, у другого десятковъ семь, у этого вотъ поболѣ сотни. Да здѣсь и у самыхъ богатыхъ хутора не лучше.

По ближайшемъ разсмотрѣніи жилыя помѣщенія оказываются гораздо лучше, нежели можно было думать по наружному виду: просторныя, очень чистыя горницы, а главное — совсѣмъ прохладно, не смотря на пекущее во всю полуденное солнце.

— Вотъ скотину только, какъ вы въ такихъ базахъ держите?—спрашиваю я обитателя одного изъ такихъ жилищъ,—какъ она у васъ не поколѣетъ зимой?

— Когда и колѣетъ! а только не вовсе ужъ ей холодно зимой: къ зимѣ то мы подвалимъ соломы да назьму, — оно вѣтромъ то и не пробираетъ. А главное дѣло — кормимъ скотину до-сыта, ей и тепло; корма-то здѣсь вольные! Вотъ подъ Покровкой, тамъ кормовъ нѣту, такъ базы потеплѣе строятъ.

Экономія достойная кочевниковъ: тратить зря огромныя массы корма, чтобы только не строить болѣе теплыхъ хлѣвовъ!

— А хлѣба у васъ нонѣ какъ?—спрашиваю.

— Изъ всѣхъ годовъ хлѣба! Мѣшковъ [1]) по пятнадцати съ сороковой десятины оберемъ, коли Господь дозволитъ.

— Это пшеницы? а ржи?

— Ржи не сѣемъ. На душевой то землѣ которые сѣютъ,

[1]) Четвертей.

тѣмъ безъ ржи нельзя, потому земля выпахана. Ну, а на участкахъ одна пшеница-матушка отвѣчаетъ... Больно ужъ она ноньче хороша! Я вотъ сорокъ лѣтъ сѣю, такой не видалъ.

— Съ чего это такъ? Дождей много?

— Нѣ-ѣ, съ Троицы дождя не было. А ужъ въ Троицу дождь прошелъ,—недай Господи! На степѣ точно море стояло! Въ землянки такъ вода и заливалась. Народъ на печки влѣзалъ, на телѣги съ бочками; на томъ вонъ хуторѣ,—мой собесѣдникъ куда то указалъ рукой,—полтораста овецъ забились въ лиманъ, да всѣ, родимыя, и потонули. Зато ужь хлѣба! Съ одного дождя земля вонъ сколько времени силу держитъ! Отдохнемъ, Богъ дастъ, за всѣ годы, а то вѣдь шесть лѣтъ безъ мала-что ничего не родилось... измаялись совсѣмъ!

— Какъ же вы шесть то лѣтъ вытерпѣли?

— А которые и вовсе позорились, недоимки накопили. Ну, да вѣдь, и то сказать, по здѣшнему мѣсту пашня-пашней, а больше скотиной живемъ, она за все отвѣчаетъ.

Какъ оказалось, на хуторѣ живутъ восемь семей изъ Александрова-гая, снимающіе артелью казенный участокъ, около 4,000 десятинъ.

— Спервоначалу-то насъ девять было, а сейчасъ одинъ не сталъ арендовать.

— А дѣлите какъ землю?

— А по деньгамъ, кто сколько залогу внесъ: я вотъ внесъ полтораста, семеро по сту, одинъ полсотни рублей, такъ и дѣлили; а сейчасъ товарищъ ушелъ, другой его пай взялъ: стали дѣлить двоимъ на полтораста, а прочимъ—на сто рублей.

— А общество ваше снимаетъ участки?

— Снимаемъ пять участковъ. Нельзя безъ этого—неудобія больно много, опять же и земля выпахивается.

— А тѣ участки, что же, по душамъ дѣлятъ?

— Нѣтъ по деньгамъ же. Кто сколько пожелаетъ внести, столько и земли получитъ; у кого сила — побольше, а бѣдные—тѣ и ничего не берутъ.

Весь этотъ огромный запасъ казенныхъ земель,—какъ я сказалъ, въ окрестностяхъ Новоузенска и Александрова-гая ихъ до 300 тыс. десятинъ,—попадаетъ такимъ образомъ, цѣликомъ, въ руки самой сильной части крестьянства, и только способствуетъ его быстрой дифференціаціи.

II.

Уральскъ.

Подъ нестерпимо-палящимъ солнцемъ поѣздъ узкоколейной дороги медленно взбирается на пологія, почти сливающіяся со степью, высоты Общаго Сырта. Поражавшій уже на югѣ Самарской губерніи, необъятный просторъ становится еще болѣе широкимъ; чувствуется огромное многоземелье, при которомъ человѣкъ лишь кое-какъ используетъ, а то и вовсе не используетъ, находящіяся въ его распоряженіи земельныя богатства. Изъ окна вагона, на десятки верстъ, видны одни только необъятныя степныя пастбища, на которыхъ кое-гдѣ нагуливаются табуны лошадей или стада рогатаго скота; изрѣдка лишь, среди пожелтѣвшей отъ зноя степи, виднѣются блѣдно-зеленыя пятна пшеничныхъ полей или темные квадраты заросшихъ бурьяномъ залежей. Мѣстами прихотливо извиваются какія то длинныя, вытянувшіяся иногда на нѣсколько верстъ, но узенькія, нерѣдко не больше десятка саженъ, ярко-желтыя ленты; это — уже созрѣвшая озимь, какъ бы спрятавшаяся въ едва замѣтныя для глаза „падушки“, чтобы найти хоть сколько-нибудь весенней влаги.

Изрѣдка виднѣется и человѣческое жилье. Вотъ большая казачья станица, правильно распланированная, съ просторными, крѣпкими домами, съ тесовыми, а то и желѣзными крашеными крышами; то тутъ, то тамъ—мелкіе, вросшіе въ землю, саманные или глинобитные хутора рядового казачества, изрѣдка—огромныя усадьбы представителей казачьяго капитализма, съ десятками хозяйственныхъ построекъ. А по станціямъ—вездѣ малиновые околыши уральскихъ казаковъ; добродушно-энергичныя физіономіи, съ окладистыми русыми бородами и съ характернымъ пришепетываніемъ, которое не оставляетъ уральца, даже прошедшаго черезъ горнило университетскаго образованія или чрезъ военную муштровку. И вездѣ — на станціяхъ, на деревенскихъ улицахъ, на хуторахъ, въ открытомъ полѣ, вездѣ — жнеи, косилки, конныя и паровыя молотилки; вездѣ двухъ и трехъ-этажные хлѣбные амбары — характерный аттрибутъ того пшеничнаго царства, которое протянулось, сплошь, отъ Волги до Урала.

Вотъ однако, какъ бы въ маревѣ, показывается Уральскъ: линія блѣдно-розовыхъ и блѣдно-желтыхъ домовъ, купола и колокольни церквей, а кругомъ—обширныя рощи, ласкающія глазъ среди безлѣснаго степного простора. Поѣздъ, видно, пришелъ на добрый часъ раньше времени... Пассажиры начинаютъ поспѣшно собирать и увязывать разбросанныя дорожныя вещи,—но скоро оказывается, что это было и въ самомъ дѣлѣ только марево—одна изъ тѣхъ шутокъ, которыя такъ любитъ шутить, въ степи, горячее южное солнце.

А вотъ и дѣйствительно Уральскъ. Вдоль полотна дороги—съ десятокъ паровыхъ мельницъ, по дорогѣ отъ вокзала къ городу—цѣлая улица лѣсныхъ дворовъ и складовъ,—и вы въ самомъ центрѣ города, на сносно вымощенной, просторной улицѣ, обстроенной почти под-

рядъ казенными домами. Однако, такая улица—единственная въ своемъ родѣ. Весь остальной Уральскъ, несмотря на его милліонную торговлю хлѣбомъ, скотомъ и рыбой,—не болѣе, какъ большая казачья станица, да и станица то не изъ важныхъ, гораздо хуже тѣхъ, которыя виднѣлись, по пути, изъ окна вагона: съ немощеными пыльными улицами, отъ которыхъ, подъ вечеръ, въ воздухѣ стоитъ сплошная мгла, съ какими то необыкновенно-жалкими, покосившимися фонарными столбами, съ маленькими, обмазанными глиною, домами и домишками. Въ полдень, когда почти вертикально-палящее солнце даетъ до 50° по Реомюру, жизнь на этихъ улицахъ почти замираетъ: всякій, кому не до зарѣзу нужно, спѣшитъ укрыться въ „холодкѣ“; во многихъ домахъ, для защиты отъ солнца, окна вымазаны изнутри синею краской, а многіе, чтобы спастись отъ жары и пыли, цѣлое лѣто не выставляютъ наглухо замазанныхъ двойныхъ рамъ.

Малиновые околыши въ Уральскѣ не даютъ прохода. На углахъ стоятъ малиновые полицейскіе, у „части“ малиновые пожарные возятся съ трубой и бочками, малиновые ребятишки играютъ въ бабки или чехарду; даже гимназисты, и тѣ носятъ тотъ же малиновый околышъ и малиновый лампасъ на шароварахъ. И въ отличіе отъ сибирскихъ, амурскихъ, даже оренбургскихъ казаковъ, которые кажутся какими то мужиками въ форменныхъ фуражкахъ, уральскіе казаки и внѣ службы сохраняютъ какой-то особенный видъ, по которому вы сразу узнаете военнаго человѣка. Преобладаніе въ Уральскѣ казачьяго элемента выражается, конечно, не въ однихъ малиновыхъ околышахъ: реальное училище въ Уральскѣ—„войсковое“; войсковое хозяйственное правленіе занимаетъ огромное, высокое, казеннаго вида зданіе на главной улицѣ, тогда какъ высшее гражданское управленіе областью ютится

гдѣ-то въ переулкѣ, въ небольшомъ наемномъ домѣ. Извозчикъ, если вы его спросите, гдѣ живетъ губернаторъ, придетъ въ нѣкоторое недоумѣніе, а когда сообразитъ, въ чемъ дѣло, объяснитъ вамъ, что „у насъ больше атаманскимъ домомъ зовутъ".

На окраинѣ города, за татарскою слободкой, довольно обширное мѣсто обнесено глухимъ заборомъ, и надъ воротами его красуется не особенно вразумительная для непосвященнаго надпись: „войсковой складъ строительныхъ матеріаловъ для учуга"; а немного дальше вы можете видѣть и самый учугъ. Издали вы видите лишь узенькій, перекинутый черезъ Уралъ, пѣшеходный мостикъ на столбахъ, съ косыми бревнами, въ видѣ ледорѣзовъ, почему то подставленными, однако, *не сверху* по теченію, какъ приличествуетъ ледорѣзамъ, а *снизу*. Но поднявшись по нѣсколькимъ ступенькамъ, вы видите, что суть дѣла вовсе не въ мостикѣ: и мостикъ, и косыя бревна только поддерживаютъ противъ сильнаго теченія сплошную желѣзную рѣшетку, перегораживающую Уралъ отъ одного берега до другого. Эта рѣшетка, составленная изъ часто вбитыхъ въ дно рѣки дюймовыхъ прутьевъ, выкрашенныхъ масляною краской, ежегодно снимается осенью и ежегодно-же ставится вновь, послѣ окончанія весенняго ледохода. Ея цѣль—задерживать поднимающуюся вверхъ по теченію рыбу и не пропускать ея въ верхнюю часть рѣки, уже не состоящую въ обладаніи войсковой Уральской общины.

Рыболовство или, какъ здѣсь выражаются, „рыболовства" въ Уралѣ,—монополія Уральскаго войска, и казачество строго и ревниво блюдетъ эту монополію. Чтобы не распугать рыбу, на Уралѣ не допускаютъ устройства пароходства; по всему Уралу, ниже учуга, въ неназначенное для лова время запрещено даже плыть

на лодкѣ или ловить рыбу удочкой; на мѣстѣ такъ называемаго „презентнаго багренія“, откуда икра и осетры идутъ въ „презентъ“, къ царскому столу, стоитъ особый постъ, оберегающій спокойствіе нагуливающейся рыбы. Вся рыба въ Уралѣ—собственность войсковой общины, къ которой принадлежитъ все войско, кромѣ четырехъ сѣверныхъ, илецкихъ станицъ. Внутри этой огромной общины нѣтъ никакихъ дѣленій; каждый казакъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, участвуетъ въ зимнемъ „бáгреньѣ“ рыбы подъ Уральскомъ, участвуетъ въ осенней „плáвнѣ“ въ низовьяхъ рѣки, участвуетъ, гдѣ ему угодно, и въ другихъ, второстепенныхъ „рыболовствахъ“. Еще не такъ давно рыбный промыселъ былъ первенствующимъ источникомъ благосостоянія уральскихъ казаковъ. Теперь первенство, постепенно, переходитъ къ скотоводству и земледѣлію. Тѣмъ неменѣе, уралецъ въ „рыболовства“ и сейчасъ всего болѣе вкладываетъ свою душу. Земледѣліе, скотоводство — это заработокъ или источникъ барыша; бáгренье или плáвня—вѣками укоренившаяся „охота“. Если вы хотите знать, что́ значатъ „рыболовства“ въ жизни города Уральска, прочтите только печатныя правила пользованія городскою (вѣрнѣе—тоже войсковою) телефонною сѣтью: даже телефонъ бездѣйствуетъ въ первые два дня бáгренья, и начинаетъ работать только послѣ 4-хъ часовъ, когда наступившая темнота заставляетъ прекратить ловлю.

Мнѣ лично не довелось видѣть ни одного изъ уральскихъ „рыболовствъ“. Но говорятъ, что бáгренье—увлекательная картина. Разбитые на небольшія артели, ловцы по пушечному выстрѣлу, „удару“, бросаются на замѣченныя еще съ лѣта мѣста, гдѣ рыба залегла на зимнюю спячку; съ необыкновенною быстротой каждый продалбливаетъ, въ одиночку, небольшую прорубь, сквозь нее небольшимъ багромъ нащупываетъ бѣлугу или осетра и крикомъ „скоро!“ созываетъ артельщиковъ,

которые помогаютъ ему вытащить на ледъ огромную рыбу. Словно муравьи, копошатся на льду тысячи людей, и въ немного часовъ ледъ покрывается массивными осетровыми или бѣлужьими тушами. Не менѣе эффектна, говорятъ, и „плавня“, когда тысячи промышленниковъ, тоже по „удару“, въ одинъ моментъ сбрасываютъ въ воду свои утлыя ладьи и спѣшатъ съ сѣтями, каждый на заранѣе намѣченное для лова мѣсто.

Рыболовство—та область хозяйственной жизни казачества, гдѣ въ наибольшей чистотѣ сохранились старые общинные порядки, хотя—надо замѣтить—и въ этой области общинное самоопредѣленіе въ значительной мѣрѣ вытѣснено распоряженіемъ казачьяго начальства. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ процессѣ производства, другими словами въ моментъ самого лова, въ наибольшей чистотѣ сохранился принципъ первобытной, до-передѣльной общины:—„каждому по его трудамъ“, осложненный, конечно, и другимъ принципомъ: „каждому по его удачѣ“. Каждый казакъ, будь онъ рядовой или полковникъ, только лично можетъ принимать участіе въ багреньѣ или плавнѣ. Наемные работники на ловлю рыбы не допускаются вовсе, и нанимать дозволяется только при раздѣлкѣ и посолкѣ пойманной рыбы. Капиталъ проникъ, пока, только въ область сбыта продуктовъ рыболовства, и напримѣръ вся рыба съ низовыхъ промысловъ скупается десятью или двѣнадцатью рыботорговцами.

Гораздо сильнѣе выражаются дифференціація и вліяніе капитала въ другихъ отрасляхъ казачьяго землевладѣнія и хозяйства—въ земледѣліи и особенно въ скотоводствѣ. Такъ, каждый казакъ имѣетъ право распахать не болѣе опредѣленнаго числа десятинъ, офицеръ или чиновникъ — вдвое, втрое или впятеро, смотря по чину, а запахивающій сверхъ этой пропорціи обязывается вносить „акцизъ“ въ войсковую кассу. Но

акцизъ вносится весьма неисправно; богачи, засѣвающіе сотни, а то и тысячи десятинъ, предпочитаютъ пользоваться разными обходными путями, стоющими во много разъ дешевле, нежели стоилъ бы акцизъ. Весьма строго регулированы и порядки пользованія покосами: въ первые три дня „валового“ покоса каждый казакъ можетъ косить только самъ, безъ наемныхъ рабочихъ, и однимъ лишь офицерамъ дозволяется ставить за себя наемныхъ замѣстителей. Въ слѣдующіе три дня дозволяется нанимать по одному работнику, позже—по два и больше. Такимъ образомъ обычай, не установляя безусловнаго равенства въ пользованіи покосомъ (да въ этомъ не было бы и необходимости, потому что покоса пока хватаетъ на всѣхъ съ избыткомъ), однако обезпечиваетъ и бѣдняку возможность накосить, сколько ему нужно, сѣна. Но богачи скупаютъ паи у бѣдняковъ, и такимъ образомъ накашиваютъ тысячи копенъ. Наконецъ, и право выпаса на войсковыхъ степяхъ ограничено, на каждаго казака, опредѣленнымъ числомъ головъ скота, и за каждую лишнюю скотину тоже полагается „акцизъ“; но мнѣ называли казака-скотопромышленника, властвующаго въ районѣ одной изъ уральскихъ станицъ, который ежегодно скупаетъ и нагуливаетъ на войсковыхъ степяхъ до полусотни тысячъ головъ скота, оплачивая „акцизомъ“ какую нибудь десятую долю.

Вообще, едва ли гдѣ либо такъ сильна дифференціація, такъ велика власть богачей и такъ безгранично ихъ вліяніе на общественныя дѣла, какъ въ казачьихъ общинахъ и въ частности—въ уральской. И, пожалуй, правы тѣ мѣстные люди, которые приводятъ это явленіе въ прямую связь съ полувоенною казачьею общественною организаціей. Станичный или поселковый атаманъ—это офицеръ, въ худшемъ случаѣ—урядникъ, воздѣйствующій на рядового казака не только своею

выборною властью, но и авторитетомъ своего военнаго чина; а между тѣхъ станичная казачья власть, какъ и сельская власть у крестьянъ, всегда имѣетъ болѣе тяготѣнія къ сильнымъ, богатымъ элементамъ, чѣмъ къ заурядной массѣ казачества.

III.

Зауральская степь.

Въ воздухѣ не менѣе 50 градусовъ. По горячему песку больно ступать въ тонкой обуви, а желѣзные поручни тарантаса, если къ нимъ нечаянно прикоснуться, обжигаютъ пальцы. Раскаленный воздухъ дрожитъ и колеблется, и на горизонтѣ то тамъ, то сямъ, появляется марево: передъ глазами путника разстилаются фантастическія озера; среди нихъ плаваютъ какія-то неясныя очертанія, какъ потомъ оказывается—юрты, или верблюды, или стога сѣна, а надъ мнимыми озерами, повыше горизонта, мерещится сплошная полоса высокаго лѣса. Впрочемъ, иллюзія лѣса иногда является и безъ марева. „На степи,—говоритъ киргизская поговорка,—сурокъ съ сурчатами—что̀ верблюдъ съ верблюжатами“: всѣ предметы, выдающіеся надъ ровною поверхностью степи, издали кажутся несоразмѣрно-огромными, и сплошь и рядомъ насыпанные сусликами курганы можно издали принять за киргизскія юрты, а поросшій по залежи бурьянъ—за высокую лѣсную заросль.

Начало іюля. А жгучее солнце и горячій вѣтеръ, безъ устали дующій изъ средне-азіатской пустыни, съ начала мая высушиваютъ степь, вытягивая изъ почвы послѣдніе слѣды весенней влаги. Лишь кое-гдѣ, узкою

полосою, прошелъ случайный ливень,—и такую полосу можно сразу узнать по густой, высокой, ярко-зеленой травѣ или по роскошно наливающемуся хлѣбу. Гдѣ не случилось ливня, тамъ выжженная степь переливаетъ всевозможными оттѣнками блѣдныхъ и тусклыхъ, желтоватыхъ и буроватыхъ тоновъ, рѣзко контрастирующихъ съ ярко-голубымъ, безоблачнымъ небомъ. Палево-желтый ковыль, съ его серебрящимися на косомъ вечернемъ солнцѣ метелками, смѣняется то ярко-желтыми кисточками или султанчиками типца, то сѣро-сизою, некрупною полынью-джусанъ, то приземистою, буроватою майкара [1]), изъ-подъ которой выступаетъ бѣлесоватая, не то известковатая, не то солонцеватая почва. Кое-гдѣ на этомъ тускломъ фонѣ, то узкими, извилистыми ложбинками, „саями“, то широкими „лиманами“, выдѣляются блѣдно-зеленыя пятна сѣнокосовъ или темно-зеленые квадраты излюбленнаго киргизами проса. Отъ посѣвовъ, большею частью, остались лишь жалкіе слѣды, сиротливо выдѣляющіеся на сѣромъ или буромъ фонѣ начисто выжженныхъ полей; но гдѣ земля была вспахана съ осени, а посѣвъ произведенъ самою раннею весной, тамъ хлѣбъ, несмотря на засуху, стоитъ сплошной стѣною и обѣщаетъ обильный урожай.

На первыхъ перегонахъ отъ Уральска (я ѣду на Темиръ и Мугоджары, пересѣкая Уральскую степь съ сѣверо-запада на юго-востокъ) поминутно встрѣчаются длинныя вереницы нагруженныхъ возовъ, запряженныхъ быками или верблюдами, и караваны вьючныхъ верблюдовъ, съ ихъ вытянутыми, безобразными шеями и большими умными глазами. Изъ степи эти обозы и караваны везутъ огромныя кипы шерсти, рѣже—кошмы или ковры; въ степь—чугунные котлы, полосовое желѣзо, тюки съ мануфактурою, ящики съ бакалейнымъ

[1]) Киргизское названіе нѣкоторыхъ видовъ полыни.

товаромъ, зеркала, рѣшетчатые остовы для киргизскихъ юртъ. Попадаются на встрѣчу и большія отары барановъ, съ полуголыми, темно-бронзовыми погонщиками-киргизами.

Подальше отъ Уральска обозы исчезаютъ; почти не попадается гуртовъ, и на широкой караванной дорогѣ, „кара-джолъ“, съ ея десятками параллельно-проторенныхъ верблюжьихъ тропъ и колесныхъ слѣдовъ, лишь изрѣдка попадается верховой киргизъ, трусящій своею излюбленною „ходою“.

Гдѣ дорога пересѣкаетъ лѣтовки, тамъ степь десятками верстъ пустынна, и ея мертвое однообразіе нарушается только хищными птицами, да сусликами. Рыжевато-бурые звѣрьки, этотъ будущій бичъ развивающагося въ степи земледѣлія, съ любопытствомъ высовываются изъ своихъ норокъ, слѣдятъ за приближающимся экипажемъ, а затѣмъ, быстро и граціозно, ныряютъ обратно въ свои подземныя жилища.

Гдѣ дорога пересѣкаетъ долину рѣчки или большого „сая“, или тянется вдоль такой долины,—тамъ мѣстность принимаетъ болѣе оживленный видъ. Вдоль рѣчекъ и ручьевъ рѣдкою цѣпью разбросаны, то по одной, то небольшими группами, киргизскія зимовки: жилые дома изъ саманнаго кирпича или дерна, съ плоскими земляными крышами, съ вынутыми на лѣто оконными рамами и дверьми, и такіе же, тоже саманные или дерновые, только безъ крышъ, загоны для скота; возлѣ многихъ зимовокъ большіе стога сѣна и коническія кучки кизяка: у сѣверныхъ киргизъ кизякъ — единственное топливо, и только дальше къ югу онъ замѣняется одервенѣлыми корнями кокпека и разныхъ видовъ полыни.

Тутъ же, около зимовокъ или немного поодаль, стоятъ киргизскіе аулы, прикочевавшіе къ зимовкамъ на время сѣнокоса. Это—группы круглыхъ войлочныхъ

юртъ, или, какъ ихъ называютъ киргизы,—кошей, съ куполообразнымъ кровомъ, однѣ закрытыя наглухо, другія съ приподнятыми, для провѣтриванія, боковыми полами и пріоткрытымъ сверху „тюндюкомъ“. Юрты—то большія, бѣлыя, изъ свѣжихъ, чистыхъ войлоковъ или кошемъ; то потемнѣе и посѣрѣе, обыкновенно, при этомъ, и поменьше; то совсѣмъ маленькія, покрытыя изодранными, заплатанными, почти черными, лоснящимися отъ жира и просвѣчивающими отъ ветхости тряпицами, утратившими, можно сказать, всякое подобіе кошмы. Около юртъ играютъ до-нельзя грязныя, полуголыя ребятишки и копошатся киргизскія женщины, однѣ въ бѣлыхъ платкахъ, другія въ бѣлыхъ же — обязательно бѣлыхъ—тюрбанообразныхъ головныхъ уборахъ, одѣтыя то въ длинные, неуклюжіе капоты, то въ какія-то безобразныя шаровары или брюки. Одна моетъ чугунный котелъ—универсальную посуду, которая служитъ и для варки пищи, и для стирки бѣлья, и для формовки кизяка; другая мѣшаетъ или взбиваетъ въ кожаной „сабѣ“ кумысъ, этотъ національный киргизскій напитокъ; третья что-то чинитъ или штопаетъ; четвертая подтыкаетъ и подтягиваетъ расшатанную вѣтромъ юрту. Ихъ супруговъ и повелителей не видно: кто вынужденъ работать, тотъ коситъ сѣно или пасетъ скотъ гдѣ-нибудь на недалекой лѣтовкѣ; кто можетъ себя избавить отъ этой непріятности—кейфуетъ въ юртѣ, а то уѣхалъ въ гости, попить кумыса и подѣлиться свѣжими новостями.

Нестерпимо хочется пить. Мы подъѣзжаемъ къ группѣ особенно бѣлыхъ и чистыхъ кошей.

— Кмызъ баръ (кумысъ есть)?—спрашиваю я стоящую у одной изъ юртъ молодую женщину, въ ослѣпительно-бѣломъ головномъ уборѣ и рѣдкостно-чистой, почти европейскаго покроя одеждѣ.

— Пожалуйста, зайдите,—отвѣчаетъ она на чистомъ

русскомъ языкѣ, съ едва замѣтнымъ киргизскимъ акцентомъ:—отдохнете съ дороги, покушаете кумысу.

Я, удивленный, всматриваюсь—лицо какое-то необычное для киргизки, и въ темныхъ глазахъ глубокая грусть.

И обстановка въ юртѣ не совсѣмъ обыкновенная: къ одѣвающимъ юрту изнутри коврамъ приколото нѣсколько картинокъ, въ томъ числѣ портреты Пушкина и еще кого-то изъ писателей; а изъ пріоткрытаго сундука выглядываетъ нѣсколько книжекъ и брошюръ.

— Откуда вы такъ хорошо по-русски говорите?— спрашиваю я, жадно выпивъ первую чашку кумыса.

— Училась въ прогимназіи.

— А потомъ?

— Потомъ, видите, замужъ вышла, въ степи живу.

Еще пара чашекъ кумыса, и въ путь.

— Не знаешь, чья жена?—спрашиваю ямщика, обѣднѣвшаго уральскаго казака.

— Какъ не знать... Баймухамета Иманбаева [1]), вторая жена. Не впрокъ ей наука-то пошла,—сталъ разсказывать ямщикъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ.— Въ городу-то, въ пансіонѣ какъ жила, другую жисть увидала, хлѣбъ выучилась ѣсть. Кончила ученье—ужъ въ грязи, да во вшахъ, не глянется. Да это бы еще ничего... А то, пока она въ книжкахъ училась, отецъ ее продалъ въ жены Дюсенбаю—это у Баймухамета братъ былъ. А Дюсенбай года два пожилъ, да и померъ, а она, по ихнему закону, къ Баймухамету перешла. Она, сказываютъ, и въ рѣкѣ топилась, и бѣгала отъ мужа. Губернаторъ тутъ проѣзжалъ—я и везъ его,—вставилъ ямщикъ не безъ гордости,—она къ нему, такъ при всемъ народѣ, съ прошеніемъ: вы, говоритъ, меня въ школѣ

[1]) Имена и названія мѣстностей здѣсь и въ дальнѣйшемъ вымышлены.

учили, такъ я, молъ, не могу по старому заведенію жить. А онъ что̀ можетъ?! Я, говоритъ, противъ вашего закона не могу идти,—пошто̀ тебя отецъ въ емназію отдавалъ!..

— А этотъ Баймухаметъ богатый?

— Какъ не богатый! Ужъ коли двѣ жены, значитъ богатый. Лошадей у него, должно, ста три, да рогатыхъ сотъ пять будетъ; деньги въ банкѣ лежатъ; хлѣба тоже сталъ помногу сѣять.

— А это весь аулъ его?—спрашиваю я, указывая на исчезающую на горизонтѣ группу изъ четырехъ или пяти кошей, стоявшихъ полукругомъ около обширной и аккуратно построенной, крытой тесомъ зимовки съ обширными хлѣвами и огромными ометами сѣна.

— Его. Вонъ, въ трехъ кошахъ самъ живетъ—у нихъ вѣдь, у кого двѣ аль три жены, у каждой своя юрта. А тамъ двѣ кибитки, — онъ указалъ при этомъ на двѣ маленькихъ, черныхъ, ободранныхъ юрты,— байгуши.

— Что̀ это за байгуши?—спрашиваетъ мой спутникъ, которому въ первый разъ довелось быть въ киргизской степи.

— А которые вовсе бѣдные, скота не имѣютъ; вотъ, они около богатыхъ и живутъ. У киргизъ на этотъ счетъ лучше нашего: который бѣдный—за него богатый и подати платитъ; дастъ ему богатый коровенку или двѣ,—съ того онъ и питается; барана богатый зарѣжетъ—байгушъ костями пользуется. А ужъ они у него—что̀ твои, сказываютъ въ Расеѣ были, крѣпостные. Самъ вотъ откочуетъ на лѣтовку, кумысъ лакаетъ да барановъ рѣжетъ, а байгуши ему и зимовку укараулятъ, и сѣно накосятъ, и хлѣбъ сожнутъ.

Нигдѣ, можетъ быть, разница въ богатствѣ не ведетъ за собою такого рѣзкаго соціальнаго разслоенія, какъ среди кочевниковъ. Безскотные киргизы—байгуши или джатаки—это въ полномъ смыслѣ слова паріи, илоты,

которые живутъ милостями богатаго „бая“ и которыми онъ, дѣйствительно, распоряжается, какъ рабами. Богачи-баи, богатство которыхъ исчисляется тысячами головъ скота и десятками, а то и сотнями тысячъ денегъ, это—„бѣлая кость“, маленькіе князьки, и ихъ власть надъ рядовою киргизскою массой усугубляется сохранившимися еще традиціями родового быта и памятью о тѣхъ временахъ, когда они, или отцы ихъ, были султанами-правителями или дистанціонными начальниками, съ довольно большою административной властью.

Припоминается мнѣ мой визитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ нѣкоему Нурали Асанову, благодушествующему гдѣ-то невдалекѣ, кажется, отъ Петропавловска. Раньше прошедшій цѣлый рядъ должностей по киргизскому выборному, а потомъ и по уѣздному управленію, потомокъ султановъ, Нурали въ то время не занималъ никакого оффиціальнаго положенія, хотя и числился какимъ то чиновникомъ особыхъ порученій. И тѣмъ не менѣе, когда мнѣ понадобилось ѣхать въ степь, объ этомъ, кромѣ казенныхъ предписаній и открытыхъ листовъ, было написано частное письмо Нурали Асанову, и мнѣ было настоятельно рекомендовано посѣтить его зимовку.

Я не преминулъ исполнить этотъ совѣтъ. „Зимовка“ оказалась обширнымъ каменнымъ домомъ въ 12 комнатъ, и на крыльцѣ этого дома меня встрѣтилъ типичный, полуграмотный киргизъ, но въ очкахъ, въ какой-то полуполицейской формѣ, съ вереницею медалей и орденовъ на короткой шеѣ. Не помню уже, чѣмъ онъ угостилъ меня къ обѣду—на столѣ стояла цѣлая батарея разнообразныхъ бутылокъ и вереница не менѣе разнообразныхъ закусокъ; знаю только, что пріемъ для меня былъ второго, а то и третьяго разряда,—кого нужно, Нурали встрѣчаетъ съ оркестромъ музыки, и шампанское льется рѣкою. Послѣ обѣда Нурали ушелъ

въ свою юрту (Нурали тоже „лѣтуетъ“!), разбитую въ полусотнѣ шаговъ отъ дома, а черезъ полчаса я пошелъ туда же, отдавать ему визитъ. Огромная бѣлая юрта, увѣшанная внутри дорогими текинскими коврами и уставленная горами сундуковъ, въ красиво расшитыхъ войлочныхъ чехлахъ; немного сбоку—широкая желѣзная позолоченная кровать, съ пружиннымъ матрацомъ, а надъ кроватью, на длинной лентѣ, виситъ старшій орденъ хозяина кибитки. На почетнымъ мѣстѣ, на грудѣ подушекъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ Нурали, уже не въ полицейской формѣ, а въ тонкомъ шелковомъ бешметѣ, и творилъ судъ среди своихъ вѣрнопреданныхъ киргизъ; попарно, съ низкими поклонами, подходили къ нему тяжущіеся,—нѣкоторые пріѣхали для этого за сотню верстъ; длинно и многословно они излагали сущность своей тяжбы, и Нурали, задавъ два-три вопроса, изрекалъ свои рѣшенія—рѣшенія болѣе крѣпкія, чѣмъ приговоры оффиціальнаго киргизскаго „народнаго суда“.

О самомнѣніи и чванствѣ Нурали—а знаетъ его всякій, кто бывалъ въ Петропавловскомъ уѣздѣ и имѣлъ дѣло съ киргизами, разсказываютъ не мало анекдотовъ.

„Пріѣзжаетъ какъ-то Нурали въ городъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ мѣстный обыватель,—узнаетъ, что въ городѣ предсѣдатель суда. Сейчасъ мундиръ, ордена—айда съ визитомъ къ предсѣдателю. Тотъ съ нимъ поговорилъ о томъ, о семъ, а на прощаніе спросилъ, гдѣ онъ остановился. Значитъ, визитъ будетъ отдавать... Нурали сейчасъ домой, облекся въ халатъ, ждетъ визита. Сидитъ часъ, два, три—нѣтъ предсѣдателя. Наскучило ему сидѣть, посылаетъ чавара [1])—спросить его -ство, можетъ ли онъ, Нурали, отлучиться изъ дому,

[1]) Родъ конныхъ разсыльныхъ, которыхъ держатъ при себѣ киргизскія должностныя лица и просто богатые киргизы.

или надо дожидаться визита; тотъ ему въ отвѣтъ—сейчасъ, молъ, буду. А Нурали какъ услыхалъ, что предсѣдатель будетъ, сейчасъ чаваровъ на базаръ — сгонять къ нему на дворъ киргизовъ; сотни двѣ согнали,— кто только подъ руку попался: „смотрите-молъ, какъ начальство меня почитаетъ“...

Вліяніе Нурали даетъ однако пищу не одному только его тщеславію и властолюбію. Нечего уже говорить о томъ, что его огромныя стада вытравляютъ десятки тысячъ десятинъ пастбищъ, которыхъ хватило бы для сотенъ кибитокъ рядовыхъ киргизъ,—это, при киргизскихъ порядкахъ, совершенно нормально. Но вѣдь всѣ тѣ тяжущіеся, которыхъ разбираетъ Нурали, не являются къ судьѣ съ пустыми руками —а правый и виноватый несетъ ему „бійлыкъ“... Изрядную часть своего скота Нурали раздаетъ на зиму „кунакамъ“ которые кормятъ этотъ скотъ, а къ веснѣ возвращаютъ его своему высокому покровителю. И last not least—разсказываютъ о чемъ-то въ родѣ настоящаго сбора даней, которыя Нурали взимаетъ—неизвѣстно за что — съ такихъ киргизъ, которымъ,казалось бы, до Нурали нѣтъ никакого дѣла.

„Посылаетъ Нурали чавара съ письмомъ въ Аккелинскую, скажемъ, волость: „милые мои аккелинцы, я о васъ соскучился и собираюсь къ вамъ въ гости“; цѣлый мѣсяцъ ѣздитъ изъ аула въ аулъ, и глядишь—ѣдетъ домой, а за нимъ большой табунъ скота гонятъ: это все ему понадавали подарковъ“...

Да не посѣтуетъ на меня читатель, что я столько времени занималъ его личностью Нурали. Нурали— это не только личность,—это собирательный типъ. Такіе Нурали, то болѣе крупные, то помельче, одни въ халатахъ и съ какою-нибудь маленькою медалькой, другіе, пожалуй, въ сюртукахъ, съ хорошими орденами и даже съ дипломами, раскинули

сѣть своего не основаннаго ни на какомъ писанномъ правѣ, но крѣпкаго господства, по всей необъятной киргизской степи. Это они скрываются за тою „борьбою партій“, которая такъ разлагаетъ общественную жизнь киргизъ, проводя на выборныя, якобы, должности управителей, старшинъ и судей своихъ сыновей, племянниковъ или просто зависящихъ отъ нихъ людей. Это они, время отъ времени, появляются въ Петербургѣ въ богатыхъ, съ золотыми галунами, халатахъ и въ тысячныхъ поясахъ, именуя себя „представителями киргизскаго народа“, собирая съ рядовыхъ киргизъ десятки тысячъ рублей „на ходатайство“ и отстаивая, подъ фирмою „народныхъ“, интересы малочисленнаго, но вліятельнаго богатаго класса. Это они первые пустили въ киргизскую степь русскихъ поселенцевъ, сдавая имъ въ аренду огромныя пространства самовольно присвоенной ими общественной земли, и они же теперь— главные противники русской колонизаціи: теперь земля отводится переселенцамъ правительствомъ, и богачамъ уже не достается отъ этого никакихъ выгодъ; а подъ заселеніе отдаются тѣ земельные излишки, которые вовсе не нужны рядовому киргизу, съ его парою десятковъ головъ скота, но необходимы богатому „баю“, для его огромныхъ табуновъ.

Вечеряетъ. Жаръ начинаетъ спадать, и только на нѣсколько минутъ по степи проносится горячій, какъ изъ печки, вѣтеръ, отъ котораго захватываетъ дыханіе и кровь приливаетъ къ головѣ. Неподалеку, въ вечерней дымкѣ, виднѣется вытянувшаяся вдоль какой-то рѣчки густая цѣпь зимовокъ; кое-гдѣ около самихъ зимовокъ— кучки куполообразныхъ юртъ и какихъ-то палатокъ, а по степи, то тамъ, то сямъ, пасутся огромныя стада.

Отъ одной изъ зимовокъ отдѣляется фигура верхомъ и несется вскачь, на перерѣзъ намъ. Оказывается—

взъерошенный, до крайности оборванный киргизъ, съ двумя длинными, только-что начавшими подживать, ранами или царапинами на лицѣ и шеѣ. Быстро и взволнованно онъ что-то разсказываетъ по-киргизски, все время показывая то въ сторону зимовокъ, то на пасущіеся табуны.

— Что такое?—спрашиваемъ ямщика.

— Адаевцы,—отвѣчаетъ тотъ:—стали на лугахъ, все вытравили—вонъ скота какая сила!.. Стали ихъ сживать, а они драться; ишь какъ его ножами исполосовали...

Черезъ посредство ямщика мы объясняемъ израненному киргизу, что не можемъ ничѣмъ помочь его бѣдѣ. Киргизъ потихоньку плетется назадъ, а мы ѣдемъ своею дорогою.

— Сладу нѣтъ съ этими адаевцами,—продолжаетъ ямщикъ:—придутъ съ табунами и станутъ, хоть тебѣ тутъ покосъ, хоть что. Учнутъ имъ чего говорить, а они: не троньте молъ насъ, драться будемъ. И ничего съ ними подѣлать не могутъ: свой управитель у нихъ —ищи его! здѣшніе волостные ихъ не знаютъ, а кого и знаютъ — боятся. А пока до уѣзднаго дойдетъ, они и откочуютъ—не сыщешь. Такъ имъ все и сходитъ!..

Вотъ и Уилъ—бывшее Уильское укрѣпленіе. Въ центрѣ небольшая, совсѣмъ новая каменная церковка; справа—большой крестьянскій поселокъ, съ правильно расположенными домами, крытыми то тесомъ или желѣзомъ, то соломою; еще правѣе—обнесенная валикомъ старая крѣпостъ, гдѣ и сейчасъ стоитъ небольшая казачья команда. Слѣва—обширная ярмарочная площадь, а посреди нея—большое каменное зданіе съ помѣщеніями для управленія ярмарки и для многочисленнаго, съѣзжающагося ня ярмарку, начальства.

Мы заѣзжаемъ въ это зданіе, и какой-то не то сторожъ, не то писарь начинаетъ хлопотать о самоварѣ.

— Удачно прошла ярмарка?—спрашиваемъ.

— Ничего... Народу больше всѣхъ годовъ съѣхалось — киргизъ тысячъ за пятьдесятъ было, торговцевъ тоже много. Хохлы въ поселкѣ большія деньги нажили.

— На чемъ это?

— Какъ на чемъ! Они на ярмаркѣ и хлѣбомъ торгуютъ, и яйцами. Народу-то сколько съѣзжается, а кромѣ нихъ и взять не у кого... Ну, и брали: за хлѣбъ по восемь да по десять копѣекъ фунтъ, за десятокъ яицъ по сорока да по пятидесяти копѣекъ. Хорошее имъ житье!.. Имъ бы и хлѣба сѣять не надо: одними ярмарками да базарами будутъ сыты...

— А все-таки сѣютъ?..

— Сѣютъ. Только плохо здѣсь для пашни: кругомъ то все подъ ярмарку отведено, а крестьянскій надѣлъ въ одну сторону въ семи верстахъ, въ другую—всѣ десять. И земля тоже: тамъ вотъ—собесѣдникъ нашъ показалъ рукою въ одну сторону—песокъ гольный, а тамъ—горы да глина. Не выпалъ во время дождь — и безъ хлѣба. И отъ адаевцевъ плохо: того и гляди все вытравятъ. Много хлопотъ тутъ съ этими адаевцами,—продолжалъ нашъ собесѣдникъ: то у нихъ съ торговцами-татарами джанджалъ [1]) выйдетъ,— ноньче вотъ изъ-за возжи такое вышло... еле татаръ отбили!—то съ здѣшними киргизами, то съ крестьянами изъ-за потравы. Ну, а хохлы, тѣ тоже спуску не даютъ: изловятъ у адаевцевъ скотъ на потравѣ—вдесятеро сдерутъ: и за себя молъ, и за другихъ. Много начальству возни съ адаевцами — ни одна ярмарка не пройдетъ, чтобы казаковъ не вывели. Въ прошедшемъ годѣ такая вышла драка съ хохлами... мы располагали, намъ всѣмъ конецъ пришелъ; вѣдь казаковъ то пол-

[1]) Скандалъ, драка по-киргизски.

сотни, да еще кони у нихъ на травѣ ходили,—а ихъ вонъ какая сила!..

— Ну, и что же?

— Да ничего,—пронесъ Господь.

Адаевцы—это больной вопросъ и для киргизъ средней полосы Уральской области, и для русскихъ поселенцевъ, гдѣ такіе есть, и для мѣстнаго начальства. И корень этого больного вопроса—въ столкновеніи двухъ культуръ: первобытной кочевой, въ лицѣ ея типичныхъ представителей—адаевцевъ, и осѣдло-земледѣльческой, сдѣлавшей большіе успѣхи на сѣверѣ и въ средней части Уральской области.

Еще не такъ давно вся милліонная масса киргизъ свободно кочевала по необъятному пространству степей, отъ рѣки Чу и озера Зайсана до границъ Тобольской губерніи, и отъ Оренбурга и Троицка до Сырь-Дарьи и хивинскихъ владѣній. Киргизы не имѣли осѣдлости, и даже зиму проводили въ юртахъ, обкладывая ихъ, на холодное время, снѣгомъ и навозомъ. Земледѣлія вовсе не было. Скотоводство (все больше бараны и верблюды; лошадей держали немного, а рогатаго и вовсе не было) было совершенно первобытное: киргизы не косили сѣна, и скотъ всю зиму оставался на подножномъ корму. На зиму кочевникъ-киргизъ уходилъ на югъ—на Чу, на Сыръ-Дарью, въ хивинскія владѣнія, гдѣ легче было перетерпѣть сравнительно мягкую зиму, а главное—гдѣ скотъ зимой могъ добывать изъподъ неглубокаго снѣга отросшую послѣ осеннихъ дождей траву. При первыхъ признакахъ весны, въ мартѣ или въ февралѣ, киргизъ снимался съ зимового стойбища, навьючивалъ свой скарбъ на верблюдовъ и со своимъ скотомъ спѣшилъ на сѣверъ, чтобы перекочевать по свѣжей весенней травѣ черезъ безводныя и безплодныя, въ теченіи всего лѣта, степи и пустыни, отдѣляющія лежащіе на югѣ зимовочные районы отъ тучныхъ

ковыльныхъ пастбищъ сѣверной степи, и захватить при этомъ высыхающую позже снѣговую воду. На сѣверныхъ лѣтовкахъ киргизы проводили два, три или четыре лѣтнихъ мѣсяца, а съ приближеніемъ осени откочевывали на югъ, чтобы во время осеннихъ дождей перейти обратно чрезъ „голодныя“ степи и пустыни и во-время добраться до песковъ, гдѣ киргизы охотнѣе всего становились на зимовку.

Въ тѣ времена вся степь была какъ-бы одинъ, для всѣхъ открытый, кочевой путь, необъятный и безпредѣльный; каждый киргизъ могъ кочевать, какъ вздумается, и пасти свой скотъ, гдѣ ему угодно и удобно, хотя привычка и соображенія практическаго удобства заставляли каждаго держаться какого-нибудь одного пути и становиться на лѣтовку на однихъ и тѣхъ-же урочищахъ: на своемъ обычномъ пути киргизъ доподлинно зналъ, гдѣ можно найти воду и удобное мѣсто для ночлега, гдѣ искать корма для своихъ стадъ; главное же—на этомъ пути онъ могъ всегда найти своихъ родовичей, а потому не чувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ среди необъятнаго степного простора.

Теперь совсѣмъ не то. Отчасти благодаря примѣру русскихъ, съ которыми киргизы приходили все въ болѣе близкое соприкосновеніе, главнымъ же образомъ подъ вліяніемъ прироста населенія и сокращенія прежняго безграничнаго земельнаго простора, киргизы понемногу стали заниматься земледѣліемъ и параллельно съ этимъ—переходить къ осѣдлому быту. У громаднаго большинства киргизъ сѣверныхъ областей — формы быта у сыръ-дарьинскихъ киргизъ пока совершенно иныя — теперь уже есть постоянныя зимнія жилища, зимовки, и при нихъ крытыя помѣщенія для скота; громадное большинство киргизъ коситъ сѣно на зиму, и все больше и больше распространяется среди нихъ зе-

младѣліе. У большинства киргизъ это все пока—на зачаточной ступени: зимовки — жалкія землянки, напоминающія жилища троглодитовъ; скотъ проводитъ зиму въ легкихъ шалашахъ, на зиму обкладываемыхъ дерномъ и снѣгомъ; сѣно косится только для дойныхъ кобылицъ и рогатаго скота; остальной скотъ круглый годъ ходитъ на подножномъ корму, и только больныя и слабыя животныя кое-какъ подкармливаются сѣномъ; земледѣліе—ничтожные посѣвы проса на кое-какъ поцарапанной допотопнымъ омачемъ землѣ. Но во многихъ мѣстностяхъ эволюція киргизскаго хозяйства ушла уже значительно дальше. Поѣзжайте хотя бы въ Актюбинскій уѣздъ, Тургайской области. Вдоль Илека вы увидите сплошную цѣпь киргизскихъ селеній, съ аккуратно сложенными саманными домами, съ такими-же, теплыми хлѣвами, и каждая киргизская усадьба окружена огромными стогами сѣна и ометами обмолоченной соломы. Сѣна каждый киргизъ въ этой мѣстности накашиваетъ тысячи пудовъ, и сотни тысячъ пудовъ проса и другого зерна продаются киргизами на ближайшихъ базарахъ. Параллельно измѣняется весь хозяйственный и домашній бытъ киргизъ: хлѣбъ, правда не печеный (киргизы еще не выучились печь хлѣба!) а въ видѣ похлебки или лепешекъ, становится предметомъ первой необходимости; кумысъ замѣняется айраномъ—кислымъ коровьимъ молокомъ, разбавленнымъ водою; въ обиходъ киргизъ все больше проникаютъ фабричныя матеріи, и гдѣ-нибудь по близости Уральска не рѣдкость увидѣть на киргизѣ русскую жилетку; среди киргизъ, особенно среди богатыхъ и вліятельныхъ, ужъ не мало такихъ, которые тяготятся верховою ѣздою, предпочитая ѣздить въ „ходкѣ“ или крытомъ тарантасѣ, а для перекочевокъ и для перевозки кладей, вмѣсто вьючныхъ верблюдовъ, употребляются арбы или телѣги, которыя запрягаютъ верблю-

дами или быками. И что особенно важно—совершенно измѣняется самый характеръ, такъ сказать размахъ перекочевокъ. Киргизъ, который коситъ сѣно и сѣетъ хлѣбъ, уже не можетъ откочевывать, какъ прежде, за сотни верстъ отъ своихъ зимовокъ, покосовъ и полей: въ апрѣлѣ онъ долженъ пахать и сѣять, въ концѣ іюня начинается покосъ, который затягивается до поздней осени, чередуясь съ уборкою хлѣба. Свободны отъ полевыхъ работъ какіе-нибудь два мѣсяца, которые киргизъ и проводитъ на ближайшихъ лѣтовкахъ, въ тридцати, много въ пятидесяти верстахъ отъ своей зимовки. Къ началу сѣнокоса киргизъ уже прикочевываетъ къ зимовкамъ и покосамъ,—и только у богатыхъ пастухи съ частью скота остаются на лѣтовкѣ, какъ прежде, до глубокой осени.

Попутно съ этимъ осѣданіемъ киргизъ идетъ постепенное освоеніе отдѣльныхъ участковъ степи, раньше составлявшей общее киргизское владѣніе. Исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ ауловъ, этихъ мельчайшихъ ячеекъ киргизскаго общежитія, а то и просто отдѣльныхъ семей, становятся прежде всего мѣста подъ зимовками и прилегающее къ нимъ пастбище—овечій тебень; затѣмъ—сѣнокосы, которыхъ сравнительно мало и которыми, поэтому, дорожатъ несравненно больше, нежели степными пастбищами и даже больше, чѣмъ землею, годною для распашки. Необъятная степь мало-по-малу испещряется множествомъ обособленныхъ усадебныхъ, пахатныхъ, покосныхъ владѣній,—и кочевать становится неудобно даже и по тѣмъ, все еще необъятнымъ пространствамъ, которыя продолжаютъ, пока, числиться общимъ достояніемъ. Чуть распустить табунъ—онъ забредетъ на чужую пашню или сѣнокосъ, а потому, вмѣсто прежней вольной пастьбы, поневолѣ приходится держать скотъ подъ постояннымъ надзоромъ пастуховъ.

Адаевцы—одно изъ самыхъ многочисленныхъ киргизскихъ племенъ—послѣдніе могикане стараго, чисто кочевого быта и хозяйства. Безъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ, они круглый годъ живутъ въ юртахъ или даже джуламейкахъ—небольшихъ двускатныхъ, войлочныхъ палаткахъ. Превосходные овцеводы и коневоды—адаевскія лошади на славѣ и въ Оренбургѣ, и въ Уральскѣ!—они еще не сѣютъ хлѣба и не косятъ сѣна, а потому, въ поискахъ подножнаго корма и воды, до сихъ поръ продолжаютъ совершать тысячеверстныя перекочевки: къ зимѣ — они уходятъ въ пески и камыши Аральскаго побережья и Закаспійской области, къ началу лѣта прикочевываютъ на ковыльныя и полынныя степи въ окрестности Уила и Темира. Здѣсь, на ярмаркахъ, они промѣниваютъ лишній скотъ и шерсть своихъ барановъ на тѣ немногіе покупные продукты, которые уже вошли въ кругъ ихъ несложнаго потребленія. Но съ каждымъ годомъ имъ все больше приходится сталкиваться съ новыми формами хозяйства и владѣнія землею: гдѣ еще недавно было общее пастбище,—тамъ, оказывается, выросла чья-нибудь зимовка, распахана пашня, поставлены стоги. Увѣренные въ своемъ исконномъ кочевомъ правѣ, адаевцы все-же разбиваютъ свои джуламейки, гдѣ лѣтовали ихъ дѣды и отцы; скотъ ихъ, не привыкшій къ стѣсненіямъ, разбредается во всѣ стороны, не разбирая ни пашенъ, ни покосовъ. Отсюда безконечныя потравы и непрерывныя распри, въ которыхъ всегда вооруженные, смѣлые, какъ истые кочевники, адаевцы не останавливаются и передъ насиліемъ, а ихъ полуосѣвшіе сородичи охотнѣе, нежели къ оружію, обращаются къ защитѣ „подлежащаго начальства“. И не трудно предвидѣть, чѣмъ кончится эта борьба. И адаевцы осядутъ, какъ осѣли сѣверные киргизы; уже теперь они ходатайствуютъ объ отводѣ мѣстъ подъ зимовки,—и можетъ быть, черезъ немного

лѣтъ и они сдѣлаются такими-же полуосѣдлыми полуземледѣльцами, какими стали уже киргизы средней полосы Уральской и Тургайской области.

Изъ Темира—жалкаго степного поселенія съ десяткомъ чиновниковъ и нѣсколькими сотнями прочихъ жителей—я ѣду къ Мугоджарскимъ горамъ. Благодаря любезности путейскаго начальства, я попадаю въ рабочій поѣздъ строющейся Ташкентской желѣзной дороги, который и везетъ меня до станціи „Мугоджары“.

Если вы читатель, хотите выучиться терпѣнію, я совѣтую вамъ почаще ѣздить въ рабочихъ поѣздахъ строющихся желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь господинъ положенія—это балластный или матеріальный поѣздъ, подвозящій, куда нужно, шпалы или рельсы, водопроводныя трубы или мостовыя фермы. Вы неукоснительно пропускаете всѣ балластные и матеріальные поѣзда и ждете на станціяхъ, пока они выгружаются гдѣ-нибудь на серединѣ перегона; вашъ поѣздъ стоитъ на станціяхъ по шести, двѣнадцати, восемнадцати часовъ, и что̀ самое скверное—вы никогда не знаете заранѣе, пойдетъ ли поѣздъ черезъ часъ или черезъ полсутокъ, а потому не можете даже развлечься болѣе продолжительною прогулкой.

Мы ѣдемъ въ единственномъ классномъ вагонѣ рабочаго поѣзда—прекрасномъ, особенно послѣ 600 верстъ на лошадяхъ—вагонѣ III класса, въ отдѣленіи, предназначенномъ, какъ гласитъ надпись, для построечной аристократіи: „для старшихъ агентовъ и подрядчиковъ“ строющейся дороги. Кромѣ насъ въ отдѣленіи помѣщаются и другія лица, не принадлежащія къ этому почтенному роду людей: офицеръ въ полицейской формѣ и два или три господина въ фуражкахъ съ гражданскими кокардами. Поѣздъ довольно быстро

мчится, энергично потряхивая по небалластированному пути. Изъ оконъ, по обѣимъ сторонамъ, видна все та же сѣро-желтая, слегка увалистая степь; какъ будто только больше сѣро-сизаго джусана и сѣро-бурой майкара, съ проглядывающею изъ-подъ нея бѣлесоватою почвой. Навстрѣчу поѣзда, по „времянкѣ“, иногда попадаются верховые киргизы, по одиночкѣ или небольшими группами, но киргизы уже не въ жилеткахъ и низкихъ татарскихъ шапкахъ, какъ въ окрестностяхъ Уральска, а въ четыреугольныхъ остроконечныхъ шапочкахъ или ушастыхъ малахаяхъ, и въ пестрыхъ, яркихъ цвѣтовъ, бухарскихъ халатахъ. Поравнявшись съ поѣздомъ, киргизъ останавливается и провожаетъ глазами „шайтанъ-арбу“, а то заворачиваетъ лошадь и скачетъ нѣкоторое время въ перегонку съ „чортовою таратайкой“.

— Ишь, мерзавцы, бездѣльники—негодуетъ господинъ въ полицейской формѣ: нажрались кумысу въ гостяхъ и скачутъ, сволочь эдакая...

— Чѣмъ это они, Петръ Васильичъ, такъ васъ прогнѣвили?—недоумѣваетъ одинъ изъ господъ съ кокардами, какъ потомъ оказалось—врачъ: вѣдь это довольно невинное удовольствіе, немножко проскакать въ перегонку съ поѣздомъ; а вы кипятитесь, точно ни вѣсть что...

— Какъ чѣмъ-съ! — вспыхнулъ Петръ Васильевичъ.—Вы вотъ здѣсь вновѣ, не знаете, что̀ за народъ: лѣнтяи, лодыри! Только у нихъ и дѣла, что кумысъ тянуть да въ гости ѣздить! Вы посмотрите только, какъ онъ, мерзавецъ, работаетъ: взмахнетъ раза два косой—и отдыхать! трава и достаивается до осени, а что̀ въ ней тогда толку? все равно, что солома... Или пашни ихнія—вѣдь срамъ смотрѣть, какъ они землю ковыряютъ. Воры всѣ—поголовные: ни одного нѣтъ, кто бы

лошадь не укралъ, если подвернется а кто не воруетъ, все равно—переводитъ краденыхъ лошадей...

— Ну, знаете ли, насчетъ воровства, пожалуй, что вы немного и того!.. Первое дѣло—вѣдь не всѣ же киргизы, въ самомъ дѣлѣ, конокрады или укрыватели; а потомъ, конокрадство — это вѣдь особь-статья. Киргизъ и сейчасъ душою кочевникъ; для него лошади— не только „живой инвентарь", а спортъ, охота; увести лошадь—не постыдная кража, а проявленіе удали, память о вооруженной барантѣ; это—его излюбленная месть за всякую обиду и несправедливость. Возьмите у насъ голубиную охоту: какой завзятый голубятникъ постѣснится переманить чужого голубя? такъ и у киргиза насчетъ лошадей... Знаете ли,—продолжалъ господинъ съ кокардой,—я какъ-то разъ попалъ въ лечебницу для душевно-больныхъ въ Казани и видѣлъ тамъ одного киргиза—настоящая „бѣлая кость"; такъ знаете, какъ онъ всѣмъ рекомендуется? „я,—говоритъ,— внукъ султана Аблайхана и извѣстный конокрадъ"... Ну, а въ другомъ, пожалуй, не найдете народа честнѣе киргизъ. Вѣдь у нихъ въ юртахъ ничего не запирается: отлучается куда-нибудь семья—перевяжутъ поперекъ двери арканъ, и все тутъ: ни одинъ киргизъ не войдетъ въ юрту. У бѣднѣйшаго киргиза можете оставить тысячную сумму—ни копѣйки не пропадетъ. Вотъ, конечно, каравай хлѣба или конецъ веревки—это ужъ не оставляйте: больше не увидите!.. Или вотъ вы все твердите: лѣнтяи да лѣнтяи. А здѣшнему кочевнику-киргизу откуда было взять привычку пахать и косить? Вѣдь онъ и сейчасъ только балуется пашней, а давно ли еще и не косили? А возьмите на казачьей линіи: кто на казака работаетъ? все киргизъ; казакъ знай себѣ киргиза поругиваетъ: лѣнтяй, да лодырь, да орда нехрешпоная,—а то и „тварью" обзоветъ; а киргизъ ему и пашетъ, и коситъ, и молотитъ, и за скотомъ

ходитъ. Напротивъ, знаете ли, поражаться надо, какъ быстро они пріучаются къ земледѣлію!..

— И очень жаль, что пріучаются,—подхватилъ господинъ въ полицейской формѣ:—для киргиза земледѣліе—не благо, а зло-съ; не способствовать надо развитію земледѣлія, а всемѣрно препятствовать! Пока киргизы были скотоводами, ни недоимокъ не было, ни этихъ кормежекъ имъ не устраивали, какъ вотъ нашимъ мужичкамъ,—жили себѣ безбѣдно, а то и богато. А теперь вотъ, извольте-ли видѣть, новыя вѣянія пошли —земледѣліе насаждать, русскую культуру... Вѣдь съ развитіемъ земледѣлія скотоводство упадетъ, а сохраненіе киргизскаго скотоводства—дѣло общегосударственной важности-съ! Откуда теперь лошадей берутъ для оголодавшихъ мужиковъ? Откуда брать ремонтъ для кавалеріи? Все изъ киргизской степи-съ! А разведемъ земледѣліе—лошади киргизскія переведутся, въ урожай еще больше завалимъ рынки хлѣбомъ, а въ неурожай—пожалуйте продовольственныя ссуды-съ!..

— Ну, и это все тоже подъ большимъ сомнѣніемъ. Вы вотъ, Петръ Васильичъ, все съ волостными упракителями возитесь да съ богатыми баями, такъ съ ихъ голоса—простите меня—и поете. Кто благоденствуетъ при кочевомъ быту? Вѣдь только богачъ со своими тысячными табунами; а бѣдняки—сами знаете, какъ они живутъ, чѣмъ питаются... хуже собаки! Знаете и то, что значитъ киргизская безнедоимочность: внесетъ богачъ впередъ за весь аулъ, а потомъ и выбираетъ съ бѣдноты, вдвойнѣ да втройнѣ. А главное—про куянжилы [1])

[1]) „Куянжилъ“—годъ зайца,—каждый 12-ый годъ по киргизскому лѣтосчисленію: приблизительно въ 12-лѣтніе промежутки времени повторяются страшныя безкормицы, особенно обостряемыя „джутомъ“—гололедицею и буранами; скотоводство въ такіе годы сокращается, въ общихъ итогахъ, на половину и болѣе, а затѣмъ постепенно возстановляется до слѣдующаго „куянжила“.

забыли?... Хороша устойчивость хозяйства! придетъ куянъ, настанетъ гололедица—и бывшій богачъ, если не поспѣлъ отогнать скотъ куда-нибудь за тридевять земель, становится чуть не байгушомъ—у цѣлыхъ ауловъ скотъ до-чиста вываливается... Вы вотъ, кажется, не служили въ уѣздахъ, гдѣ киргизы больше осѣли; а тамъ вамъ даже богачи не посмѣютъ сказать, что земледѣліе—зло для киргизъ. Каждый прямо скажетъ, что жить стало много лучше: прежде на одной ногѣ хозяйство стояло, а теперь на двухъ—скотъ и запашка; и „куяна“ не боятся—на зиму сѣно есть, да солома. Вы вотъ говорите—гдѣ земледѣліе, тамъ киргизъ бѣднѣетъ; какъ разъ навыворотъ—гдѣ киргизъ бѣднѣе, тамъ онъ охотнѣе берется за земледѣліе. И понятно: богачу-то и раньше хорошо жилось! А у кого пара лошадей да двѣ или три рогатыхъ—тотъ какъ жилъ? только милостями богатыхъ; а милости эти ахъ какъ дорого доставались! А теперь—съ парой лошадей или быковъ онъ съ кѣмъ-нибудь спряжется, а старую землю и одинъ вспашетъ; запасся хлѣбомъ—и самъ себѣ хозяинъ.

Я не знаю, чѣмъ кончился споръ у моихъ случайныхъ попутчиковъ. На станціи Мугоджары я долженъ былъ сходить, чтобы верхомъ проѣхать немного въ горы, а потомъ посмотрѣть прилегающую степь. Горы по величинѣ игрушечныя—въ теченіе двухъ часовъ, верхами, мы взобрались на три вершины и перебрались черезъ четыре или пять переваловъ. Тѣмъ не менѣе, это настоящія горы: голыя скалы, поросшія лишаями самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; лишь кое-гдѣ горная порода немного вывѣтрилась, и въ такихъ мѣстахъ до самаго верху всползаетъ тотъ самый ковыль и тѣ самыя полыни, которыя такъ наскучили намъ на ровной степи. Среди скалъ — множество глубоко врѣзавшихся извилистыхъ долинокъ, гдѣ какъ-то успѣлъ образоваться толстый слой наноснаго чернозема, съ прекраснымъ

травянымъ покровомъ, а кое-гдѣ и съ мелкою лѣсною порослью.

По одной изъ такихъ долинокъ выбираемся на слегка волнистую степь и скачемъ къ виднѣющимся вдали скаламъ, какъ бы оторвавшимся отъ Мугоджаровъ. Съ нами нѣсколько киргизъ, между ними полу-интеллигентный волостной управитель, окончившій не то учительскую, не то фельдшерскую школу.

Скакать приходится по неширокой долинѣ ручья Тасъ-Булакъ, т. е. „каменный ручей"—бо̀льшая часть киргизскихъ названій мѣстностей не что иное, какъ описаніе ихъ характерныхъ признаковъ: „Ушь-Томаръ"—три болота, „Акъ-Тюбе"—бѣлая сопка, „Кара-Молла"—черная могила. Долина—сплошь роскошный лугъ. По всему лугу разсыпаны косящіе или гребущіе сѣно киргизы, а по окраинѣ долины, на небольшихъ интервалахъ, стоятъ зимовки—у каждаго киргиза среди освоеннаго имъ сѣнокоснаго участка.

Поднимаемся по отлогому увалу на слабо всхолмленную степь. Степь то суглинистая, съ джусаномъ и май-кара̀, то супесчаная, поросшая типчакомъ или рѣдкимъ ковылемъ. Кое-гдѣ, исключительно по супесчаной почвѣ, мѣстами чуть не на сыпучемъ пескѣ, небольшія полоски, засѣянныя просомъ или брошенныя въ залежь, послѣ двухъ или трехъ посѣвовъ.

— Отчего это у васъ все по песку посѣвы? спрашиваетъ управителя мой товарищъ-агрономъ.—Вѣдь песокъ неплодородный, да и выгараетъ на немъ хлѣбъ сильнѣе, при здѣшнихъ жарахъ... Глинистая земля куда лучше!

— Глину вовсе пахать нельзя... У насъ считаютъ—гдѣ песокъ, тамъ пашня, а глину не годится пахать; да и какъ ее вспахать нашими омачами!.. Вотъ на глинѣ зато корма̀ хороши! больно хороши!

— Какіе же корма̀?—восклицаемъ мы.—Одна полынь!

*

— Помилуйте! какъ не кормà? Вотъ посмотрите, майкарà,—и нашъ управитель показалъ рукою на буроватую, рѣдкую полынь:—ее всякій скотъ хорошо ѣстъ, нагуливается.

— И лошади? — спрашиваемъ мы, привыкшіе къ тому, что лошадей можно кормить только самою лучшею травой.

— Лошади-то и ѣдятъ. А то вотъ кокъ-пекъ, чàгыръ—тоже всякій скотъ хорошо кушаетъ. Вотъ посмотрите—это эбелекъ, указалъ управитель на сѣроватозеленыя шапки какого-то колючаго бурьяна:—адаевскія лошади какъ имъ отъѣдаются—лучше овса!

Я слѣзаю съ лошади, срываю пару такихъ шапокъ, которыя колютъ руки, и подношу своей лошади; лошадь, дѣйствительно, ѣстъ съ величайшимъ аппетитомъ.

— Чортъ знаетъ что́ такое!—негодуетъ товарищъ-агрономъ.—Вотъ тебѣ и наше ученіе о кормовыхъ средствахъ, когда у нихъ скотъ всякую мерзость ѣстъ! Недалеко тутъ съ нашей агрономіей уѣдешь!

Вотъ „гнилыя скалы“—Котуръ-тасъ. Точно остатки какихъ-то доисторическихъ укрѣпленій, выдаются невысокія гряды скалъ, образуя что-то въ родѣ правильнаго прямоугольника, отъ котораго во всѣ стороны отбѣгаютъ каменныя ребра, едва выдающіяся надъ поверхностью земли.

На Котуръ-тасѣ кипитъ жизнь: заготовляютъ камень для желѣзной дороги, и нѣсколько артелей каменьщиковъ-туляковъ разбили свои землянки у ручья, протекающаго у подножія скалы.

Мы останавливаемся у землянокъ—отдохнуть и утолить томящую жажду. Одинъ изъ каменьщиковъ приноситъ изъ ручья холодной, кристально-чистой воды. Завязывается разговоръ—прежде всего, конечно, о ра-

ботѣ и заработкахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, каменьщики работаютъ задѣльно, на отрядъ.

— А почемъ на день зарабатываете?

— Да рубля по два выйдетъ на брата.

— Два рубля!—восклицаетъ киргизскій управитель.— Вѣдь это шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ! чиновники въ Темирѣ меньше получаютъ жалованья...

— А прожить то чего стоитъ! Вѣдь здѣсь ничего не достать: за хлѣбъ отдай по четыре да по пяти копеекъ фунтъ, за барана—сколько вашъ братъ киргизъ заломитъ, столько и отдай. Половину заработка проѣдаемъ! А работа то какая! киргизы вотъ возятъ камень, сколько зарабатываютъ,—а это дѣло легкое. А поломали бы себѣ горбы, камень тесать...

— А киргиза,—спрашиваю,—можно выучить камень тесать?

— Выучишь его! Лѣнивъ онъ—не станетъ, за двадцать верстъ убѣжитъ.

— А если бы захотѣлъ, можно бы его выучить?

— Какъ не можно! И медвѣдя учатъ! Вотъ, кабы заставляли его ренду платить, какъ нашего брата, по двадцати рублевъ за десятину, тутъ бы и камень тесать выучился. А сейчасъ чего ему—степь вольная, владай сколько хочешь...

Пока каменотесъ-тулякъ коротко и отчетливо объяснялъ, такимъ образомъ, формулу экономическаго прогресса, наши киргизы заинтересовались небольшимъ точильнымъ камнемъ, который между дѣломъ обдѣлалъ кто то изъ каменотесовъ. Одинъ изъ киргизъ нечаянно выплеснулъ на камень остатки воды, которую камень жадно впиталъ въ себя.

— Ой бо́-о-о-ой!—воскликнулъ изумленный киргизъ... И всѣ киргизы, въ томъ числѣ и почти интеллигентный, видавшій виды управитель, присѣли на корточки, вокругъ камня, и съ дѣтскимъ любопытствомъ, съ воз-

гласами „ой бо́-о-ой“, подливали воду на камень, покачивая головами и изумляясь диковинному явленію...

IV.

Бродячая Русь.

Ковыльная степь съ рыхло-супесчаною, темнобурою почвой; кое гдѣ небольшія пятна, въ родѣ солонца—бѣлесоватая почва, едва прикрытая рѣдкою полынью. Мѣстами неширокія, безпорядочно раскиданныя полосы киргизскихъ пашенъ, съ выжженными засухою посѣвами проса, въ перемѣшку съ десятками верстъ цѣлинной пастбищной степи, на которой въ это время не видно ни киргизъ, ни киргизскихъ стадъ. Затѣмъ, картина сразу измѣняется: по обѣ стороны дороги, на нѣсколько верстъ, тянутся сплошныя пашни, уже не узкими полосками, а широкими „холстами“ или „стеклами“; просо теряется въ сплошномъ морѣ пшеницы-кубанки, которая мало пострадала даже отъ одолѣвшей край засухи.

— Киргизскія пашни? — спрашиваемъ ѣдущаго съ нами волостного управителя.

— Нѣтъ, русскія; въ арендѣ земля у мужиковъ.

— Самую лучшую, видно, землю имъ сдали, что хлѣбъ такой хорошій?

— Земля, пожалуй, не лучше, а только они съ осени пахали подъ перегаръ, да рано весной сѣяли,—вотъ хлѣбъ у нихъ и взялъ силу до большихъ жаровъ. А наши киргизы поздно посѣяли,—хлѣбъ и посохъ.

Вотъ Джиренькупинскій базаръ: большой каменный волостной домъ, довольно обширная базарная площадь, а въ сторонѣ—русскій самовольный поселокъ,

возникшій лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ, съ непреклонною вѣрой въ конечный успѣхъ, добивающійся земельнаго надѣла. Сначала этихъ самовольцевъ было всего-то четырнадцать семей—все больше мелкіе торговцы, которые ютились около базара и скромно арендовали у мѣстнаго аульнаго общества нѣсколько десятковъ десятинъ пахатной степи. Къ 1895 году набралось уже до полусотни семей, опять-таки всякаго сброда, собравшагося со всѣхъ концовъ русской земли,—и они уже начинаютъ ходатайствовать объ отводѣ имъ, распоряженіемъ правительства, земельнаго надѣла. Имъ отказываютъ; киргизы, которымъ наскучили постоянныя распри и которые были бы рады избавиться отъ непрошенныхъ гостей, рѣшительно отказываются сдавать имъ землю въ аренду,—тѣмъ не менѣе поселенцы сидятъ и посейчасъ, и поселокъ разросся уже чуть не до трехсотъ домовъ. Мѣстное начальство не перестаетъ внушать крестьянамъ, что они не могутъ разсчитывать на отводъ земельнаго надѣла. Но поселенцы — живые, при томъ русскіе люди; имъ нельзя дать подохнуть съ голоду,—и то же начальство, поневолѣ, всякими мѣрами склоняетъ киргизъ сдавать переселенцамъ, хотя бы на одинъ посѣвъ, необходимую имъ землю. Это—исторія десятковъ, если не сотенъ русскихъ самовольныхъ поселеній, раскинувшихся то поодиночкѣ, то группами, по всей сѣверной полосѣ киргизскихъ степей. Въ Акмолинской и Тургайской области переселенцы, въ концѣ концовъ, добились своего: имъ отвели или отводятъ земельные надѣлы, вырѣзывая для этого „излишнія“ земли изъ владѣнія киргизъ, и русская колонизація вошла въ болѣе или менѣе правильное русло. Не подлежитъ сомнѣнію, что то же будетъ и въ Уральской области, и что Джиренькупà изъ киргизскаго базара, рано или поздно, сдѣлается большимъ русскимъ поселеніемъ.

Омывъ съ себя дорожную пыль и грязь, отправляемся

бродить по базарной площади. Вотъ рядъ то войлочныхъ, то досчатыхъ лавокъ, одна—съ лукомъ и огурцами, другая—съ паласами (ковры безъ ворса) и кошмою, третья—съ дегтемъ, четвертая—съ просомъ и мукою, а въ концѣ—небольшой щепной рядъ съ оглоблями, колесами, осями и всякою лѣсною мелочью. По широкой улицѣ, между лавокъ, бродятъ джиренькупинскіе поселенцы-крестьяне въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о сбродномъ характерѣ населенія, и казаки-оренбуржцы изъ ближайшихъ станицъ, въ фуражкахъ съ синими околышами; киргизы, верхами, то подъѣзжаютъ къ лавкамъ, купить какую нибудь мелочь, то стоятъ посреди улицы живописными группами и оживленно разговариваютъ, обмѣниваясь новостями. Нѣсколько въ сторонѣ скотскій базаръ — неогороженная площадь, гдѣ такіе же киргизы, крестьяне и казаки продаютъ или покупаютъ кто лошадь, кто корову, жестоко торгуясь и сопровождая торгъ безконечными рукобитьями. И надъ всѣмъ этимъ жесточайшая пыль, покрывающая все сѣроватымъ налетомъ.

— Какъ у васъ ноньче хлѣба?—спрашиваю я, подходя къ небольшой группѣ крестьянъ.

— Да разно, ваше почтеніе. Вотъ старожители, тѣ во-время посѣяли—у нихъ ничего хлѣба, можетъ видали по дорогѣ?..

— Какіе это старожители?

— А сорокъ семь семей. У нихъ вотъ ужъ седьмой годъ пятьсотъ десятинъ въ арендѣ; они, значитъ, во-время и спахали, и посѣяли. Ну, а насъ новенькихъ-то, семей до двухсотъ; намъ киргизцы вовсе не хотѣли земли сдавать. Спасибо уѣздному—самъ на ихній сходъ пріѣзжалъ, насилу уломалъ; да и то, только на годъ согласились сдать триста десятинъ — по полторы, значитъ десятины на брата. Всю осень этакъ мы съ ними

пробились,—пахать, значитъ, пришлось весной, посѣвъ запоздалъ, ну, хлѣбъ безъ-мала что̀ весь и пропалъ... Только которые частно землю укупили у киргизца, да во время спахали, у тѣхъ и хлѣбъ есть.

— Ну, а потомъ что́ будете дѣлать?

— Да что Господь дастъ, ваше почтеніе. Киргизцы уходить велятъ; опять же и начальство объясняетъ, чтобы уходили,—надѣла, молъ, не будетъ. Видно придется намъ на другое мѣсто идти, гдѣ правительство земли отводитъ.

А глаза моего собесѣдника такъ лукаво поблескиваютъ изъ-подъ густыхъ бровей...

— А можетъ и милость отъ начальства выйдетъ,— вмѣшивается въ разговоръ другой крестьянинъ, раньше молчавшій:—они, вѣдь, что́? нехристи, орда̀, а мы царскіе, въ солдатахъ служимъ, тяготы несемъ; не миновать того, что намъ землю отведутъ; храмъ тоже Божій построили, неужто киргизцамъ оставлять?!

— А много васъ здѣсь сидитъ?

— Да не сочтешь настояще; которые приходятъ, а которые и поуходили—позорились вовсе: когда засуха ударитъ—не родится хлѣбъ; когда сусликъ повредитъ, аль кобылка; а когда и такъ случится, что сдадутъ киргизцы землю—частно, значитъ, потому по приговорамъ они не стали сдавать,—а потомъ и назадъ отберутъ.

— А глянется вамъ,—спрашиваю,—здѣшнее мѣсто?

— Чего тутъ глянется—худое вовсе мѣсто:—глина да солонецъ! вотъ который годъ сидимъ, а хлѣба настоящаго не видали. Какое здѣсь житье! вотъ только тѣмъ и живешь, что около базара кой-чего промыслишь, а то кладь какую свезешь, кой-что заработаешь.

— Зачѣмъ же вы здѣсь сидите, хлопочете о надѣлѣ, когда мѣсто такое худое? Шли бы въ Кустанайскій уѣздъ, гдѣ землю отводятъ!

— Да и поразошлись которые! Сколько народу на чугункѣ живетъ—зарабатываютъ. А которымъ все-таки жалко: землянки поскладали, какія ни на есть, опять-же храмъ Божій...

Подхожу къ другой небольшой группѣ поселенцевъ. Опять тѣ-же вопросы: давно ли живутъ, какой хлѣбъ, какіе урожаи.

— Да не похвалишь больно здѣшнія мѣста! Слабый грунтъ: два раза кубанку посѣешь,—на третій годъ она ужъ и не поднимается: приходится русскую пшеницу сѣять, а на четвертый годъ развѣ ужъ только рожь родится [1]). Вотъ для проса—ужъ чего говорить!—хороша земля: по три года кряду падалица родится, по сту пудовъ даетъ, а то и больше.

— А пшеница?

— Да въ добрый годъ сотню пудовъ дастъ съ сороговой десятины, а то и сто двадцать.

— И чего ты зря говоришь! вмѣшиваются другіе крестьяне, прислушивавшіеся къ нашему разговору:—ты что-ль, Петруха, по сту пудовъ намолачивалъ? Вотъ люди по десятку лѣтъ живутъ, а все голодаютъ, по сороку десятинъ которые сѣютъ, а все хлѣба нѣтъ! Тридцать да сорокъ пудовъ—вотъ здѣшніе урожаи, да и то въ добрый годъ!..

— Оно конечно,—начинаетъ выпутываться сконфуженный Петруха, сообразившій, что попалъ не въ тотъ тонъ, котораго слѣдовало держаться съ наѣзжимъ, невѣдомо по какимъ дѣламъ, бариномъ: земля здѣсь, извѣстно, жидкая, слабая; вотъ у казаковъ—у тѣхъ земля! и урожаи у нихъ не нашинскіе!

— Ладно, разсказывай,—вмѣшивается стоящій тутъ-

---

[1]) Такіе четыре посѣва подрядъ, безъ унаваживанія и даже безъ пара, возможны, конечно, лишь при большемъ плодородіи почвы. *Авт.*

же синій околышъ: грунтъ одинъ, да еще здѣсь свѣжая земля, вѣковѣчная, а у насъ на линіи ужъ сколько ее, матушку, ковыряютъ!

Проходятъ мимо киргизъ и крестьянинъ, оживленно разговаривающіе по-киргизски.

— Всѣ у васъ по киргизски говорятъ?

— Всѣ-то не всѣ: изъ стариковъ мало которые выучились, а молодяжникъ, пожалуй, и всѣ говорятъ по ихнему. Нельзя—живемъ съ ними, какъ не говорить... Кунаки тоже у которыхъ есть—они на это охочи; придетъ—сейчасъ давай ему чаю, кренделей. Ну, вѣстимо, и самъ угоститъ, коли къ нему пріѣдешь,—просты они на этотъ счетъ: и барана зарѣжетъ! Можно съ ними жить-то! Конечно, сдастъ онъ тебѣ землю, ну, тутъ ужъ отъ него не отдѣлаешься: то тѣмъ угости, то того дай; а не угодишь—отниметъ землю, и нѣтъ на него управы, потому частно мы у нихъ арендуемъ, безъ бумаги. Ну, конечно, и мы тоже: заплотишь ему за пять десятинъ или за десять,—а кто ихъ мѣрилъ, десятины-то! Вотъ только сейчасъ опасаться стали: землю молъ подъ поселокъ отнимутъ; ну, и наровятъ—какъ бы насъ выжить...

Еще группа крестьянъ, какого-то неопредѣленнаго обличья—не то хохлы, не то великороссы: оказывается—нѣчто среднее: переселенцы-куряне, успѣвшіе пожить и „на донщинѣ“, и „на самарѣ“, и на „господскомъ“ участкѣ въ Оренбургскомъ войскѣ. Опять тѣ же разговоры: земля, урожаи, храмъ Божій, надежды на милость начальства. Одинъ изъ разговаривающихъ не перестаетъ въ меня внимательно всматриваться.

—Ровно, ваше благородіе, я васъ ужъ видалъ,—говоритъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ—вы въ Боровскомъ поселкѣ, подъ Кустанаемъ, бывали?

— Бывалъ,—отвѣчаю я: дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ я объѣзжалъ поселки Кустанайскаго уѣзда, изучая земельныя отношенія русскихъ поселенцевъ.

— Ну, вотъ, стариковъ вы звали, про землю разспрашивали,—и я тутъ былъ, разсказывалъ.

— Такъ ты и въ Боровскомъ поселкѣ тоже успѣлъ пожить,—изумляется мой товарищъ по поѣздкѣ, ранѣе уже выслушавшій длинное повѣствованіе о скитаніяхъ нашего собесѣдника.—Когда это ты поспѣлъ?!

— Да вѣдь мнѣ, ваше благородіе, шестой десятокъ доходитъ, а съ отцовщины-то меня еще дѣдъ увелъ, махонькій я былъ. Я еще и въ Кустанаѣ жилъ, въ вольномъ городѣ [1])—изъ первыхъ жителей былъ, какъ начальство накликъ дѣлало, Кустанай населять.

— Что же, хорошо было въ вольномъ городѣ?

— Больно хорошо!.. Народу первое время мало было, киргизы вовсе были просты, землю задаромъ отдавали: почествуешь его немножко, дашь ему тамъ зеркальце или что нибудь такое, — онъ земли безъ мѣры отведетъ: паши сколько хошь. Выгонъ тоже городской пахали—первые года онъ недѣленый былъ; у кого сколько силы было, столько и запахивалъ. Ну, опять же и воля была: начальства никакого не было; изъ писарей только какой-то былъ, Ивановымъ звали; мы его въ старосты выбрали, онъ у насъ всѣми дѣлами и правилъ. Потомъ ужъ стали начальство присылать: судья пріѣхалъ, изъ киргизцевъ, потомъ лѣсничій, уѣздный сталъ наѣзжать,—ну, тоже, и на нихъ по началу мало глядѣли. Какъ что съ киргизцами выйдетъ—сейчасъ въ дреколья, аль тамъ чего. Народъ тоже всякій былъ: съ каторги которые попали, бѣглые значитъ. Киргизцы то, какъ стали споры насчетъ земли выходить, къ лошадямъ нашимъ

---

[1]) Кустанай — нынѣ уѣздный городъ Тургайской области, въ 300 верстахъ южнѣе Челябинска. Городъ возникъ въ 1878 году, по иниціативѣ мѣстной администраціи, и сдѣлался центромъ самовольной русской колонизаціи сѣверной Тургайской степи. Исторію его см. въ моей книгѣ «Переселенцы-арендаторы Тургайской области», Спб., 1896.

стали подбираться: какъ на межѣ чего выйдетъ — глядишь, лошадей десятка аль полуторыхъ какъ не бывало. Ну, наши тоже спуску не давали: на кого подумаютъ—безъ суда вѣшали, да въ колодцахъ топили; которыхъ, ужъ правду сказать, пожалуй и занапрасно. Троихъ киргизцевъ у судьи въ оградѣ убили—самъ едва живой ушелъ: ты, молъ, самъ изъ орды, конокрадовъ укрываешь... Лѣсъ рубить въ Ары [1]), бывало, по сотнѣ подводъ заразъ выѣзжало—полѣщикъ и подступиться не смѣлъ; развѣ на какого одинокаго нападетъ, опишетъ. Лѣснічій пріѣхалъ, сталъ лѣсъ продавать,—а народъ на него: гдѣ, молъ, у тебя царская золотая грамота?! Хорошо—судья подъѣхалъ, улестилъ народъ, а то бы и лѣснічаго, пожалуй, порѣшили... а пока судъ да дѣло—лѣсъ то весь по дворамъ растащили; такъ лѣснічій ни съ чѣмъ остался. На уѣзднаго разъ насѣли—за попомъ послалъ, тотъ съ иконой вышелъ; насилу угомонился народъ!.. Ну потомъ ужъ того не стало: казаковъ въ Кустанаѣ поставили, уѣздный на жительство перешелъ. Ну, тоже не сразу смирились: только съ голоднаго году—вотъ тому десятокъ лѣтъ былъ, аль поболѣ—присмирѣли: поразбрелись тоже которые: кто на Ишимъ ушелъ—знаете небось, подъ Кочетовомъ [2]) городомъ—тамъ нашихъ мно-ого; кто въ Ташкентъ, кто въ поселки да на хутора—безъ мала что половина народу поразбѣжалась...

— И ты въ то время ушелъ изъ Кустаная?..

— Нѣтъ, я то пораньше, годовъ за пять: шесть лѣтъ я прожилъ въ Кустанаѣ. Утѣсненіе стало, городскую землю всю повыпахали, хлѣбъ не сталъ родиться; ну, которые у киргизцевъ покортомили землю,—а я такъ себѣ расположилъ, что лучше въ деревнѣ жить. Въ тѣ поры

[1]) Аракарагайскій боръ, недалеко отъ Кустаная.

[2]) Кокчетавъ, Акмолинской обл.—одно изъ переселенческихъ эльдорадо.

Игнатій Семеновъ—можетъ припомните, ваше благородіе, онъ тоже къ вамъ приходилъ, какъ вы народъ опрашивали,—сталъ народъ собирать на Боровое озеро. Ну, я домъ свой продалъ—хорошій барышъ взялъ, потому въ то время народу еще много приходило въ Кустанай,—да и перешелъ на Боровое.

— Ну, что же?

— Да ничего—годовъ десятокъ прожилъ. По началу общество то маленькое было. Я какъ пришелъ, домовъ десятка три засталъ, съ пяткомъ, пожалуй. Ладовъ тоже большихъ не было: по началу то, сказываютъ, тихо было, смирно: наши, пока въ умаленьѣ были, киргизцевъ не трогали, аренду платили, да и киргизцы нашимъ тоже уважали. Много народу не хотѣли киргизы пускать: себѣ, молъ, земля нужна. А потомъ изъ Кустаная Худяковы перешли—пять семей ихъ было разомъ, пятьдесятъ рублей за пріемъ заплатили; киргизцы то, какъ такія деньги увидѣли, ровно сбѣсились; кто придетъ—переночевать не даютъ—дéньга, молъ, надо; кто переночуетъ — утромъ ужъ приходятъ: давай деньги, не то ступай вонъ. Которые изъ нихъ поумнѣй, пытали унимать прочихъ, а они хоть бы что: „земля—говорятъ,—много, сдавай больше“. Опять же и Игнатій Семеновъ своею волею тоже принимать сталъ народъ; ни общества не спрашивалъ, ни киргизцевъ, а такъ, самовольно: могарыча возьметъ, тамъ пятерку или десятку, глядя по состоянію, да и пишетъ въ списокъ; въ два года эдакъ за сто семей напринимали. Ну, тутъ ужъ киргизцы видятъ—дѣло плохо, большое село стало, да и наши тоже имъ спуску давать не стали. Почали киргизцы насъ выживать: озеро купцу Поспѣлову сдали—тотъ насъ и водой сталъ тѣснить, и моху не сталъ давать, аль рыбки половить; спасибо уѣздному — Поспѣлова прогналъ и озеро намъ велѣлъ сдать. Пришелъ срокъ нашимъ усадьбамъ — у насъ подъ усадьбы мѣ-

сто на десять лѣтъ было окортомлено, отъ общества ихняго; киргизцы говорятъ: не станемъ больше вамъ сдавать, ступайте себѣ куда хотите. Ну, опять уѣздный выѣзжалъ: сходъ ихній собралъ, и такъ ихъ, и этакъ—и кричалъ на нихъ, и добромъ говорилъ — ну, сдали опять мѣсто подъ поселокъ да подъ выгонъ. А сейчасъ, сказываютъ, имъ ужъ и настоящая нарѣзка вышла —землемѣры пріѣзжали, года два ходили.

— Ну, а ты-то что же?

— Да я, баринъ, не сталъ жить: тоже, какъ земля повыпахалась, изъ Борового много народу поразошлось: кто на Ишимъ же ушелъ, кто по ауламъ сталъ жить у киргизъ, исполу пахать, кто подъ хуторъ окòртомилъ землю. Ну, я тоже пошелъ,—на Аульекулѣ озерѣ года два пожилъ.

— Это что за озеро?

— А за Ара́ми, по Тургайской дорогѣ. Школа тамъ волостная была, киргизцы подъ нее землю отвели. Ну, крестьяне про это спознали и стали проситься на жительство. Пошли къ инспектору, который насчетъ училищъ, — а тотъ говоритъ: „проситесь у губернатора“. Сождали губернатора, какъ онъ ѣхалъ,—стали прошеніе подавать. А тотъ имъ: „ладно, — говоритъ, мнѣ что, — селитесь, коли инспекторъ дозволитъ; а только, — говоритъ,—насчетъ земли сходитесь съ киргизцами по согласію; надѣла, молъ, вамъ не будетъ“. Ну, мы опять къ инспектору,—тотъ бумагу далъ къ учителю,—учитель и мѣста отвелъ подъ усадьбы, на самой межѣ участка. По началу туговато пришлось: хлопотали насчетъ выгону да полевой земли—къ уѣздному начальнику прошенія подавали; губернаторъ проѣзжалъ, — ему подавали,—ничего не выходитъ: „я,—говоритъ,—жить вамъ дозволилъ на участкѣ, ежели глянется, а насчетъ земли ничего не могу—земля киргизская“. А киргизцы земли не сдаютъ; мы ихъ и такъ и этакъ—не даютъ приговора

на землю, да и только: не хотимъ, молъ, а то у насъ землю подъ поселокъ возьмутъ. Такъ и жили — кто частно сниметъ, сколько ему надо, кто изъ третьей части съ киргизцами пашетъ. А дождались таки своего: въ третьемъ годѣ и туды землемѣръ пріѣхалъ, надѣлъ сталъ отводить. Только не ладно каково то отвелъ: пашня далеко, покоса нѣтъ, къ самому поселку казенный лѣсъ подошелъ, — я и не сталъ тамъ жить: прошелъ слухъ про Жиренькупу, продалъ я домашность, да и пошелъ сюда...

— А много здѣсь, въ Джирень-купѣ, кустанайцевъ?

— Есть которые—со всего свѣту здѣсь народъ сошелся. Вонъ мужичокъ стоитъ—тотъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ жилъ, на Новоуральскомъ хуторѣ.

— А родомъ ты откуда,—обратился я къ указанному мнѣ, довольно молодому, здоровенному мужику въ красной кумачной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ.

— Отецъ то Тульской губерніи былъ. А я—ужъ на хуторѣ родился, въ Уфимской губерніи: башкирскій участокъ наши отцы купили, да хутора построили. Только не пожилось имъ тамъ: пока земля была непаханая — хорошо родился хлѣбъ; а какъ повыпахалась — хоть сѣй, хоть нѣтъ. Продали землю и пошли по арендамъ жить: кто у башкиръ же покортомилъ землю, а кто — офицерскіе участки; мой вотъ родитель—онъ не больно справный былъ, такъ пошелъ на линію, у казаковъ землю снималъ, въ Орскомъ уѣздѣ. Пожилъ годовъ съ десятокъ — тоже житья не стало, станичники прижимать начали; и за усадьбу подай, и за скотину, и за водопой, и за то, и за другое, а подъ конецъ отъ ихняго начальства приказъ вышелъ: вовсе не сдавать земли иногороднимъ. Поглядѣлъ мой родитель, да и пошелъ жить въ Новоуральскій хуторъ.

— Какъ же онъ туда попалъ?

— А ходатель сговорилъ. Отецъ то, какъ выжили

его изъ станицы, съ мѣсяцъ въ Орскомъ городѣ прожилъ — мѣсто призыскивалъ. Ну, еще съ однимъ мужичкомъ они сговорились, да и высмотрѣли мѣсто на киргизской землѣ. Киргизцы—тѣ ничего: живите, молъ, земли у насъ достаточно. Восемь кибитокъ ихъ было. Сдѣлали наши условіе: поселку быть не больше пятнадцати домовъ, подъ жилье да огороды мѣсто на самомъ Уралѣ, подъ хлѣбопашество — сколько нужно; плата—двѣсти рублевъ въ годъ. Написали условіе—къ уѣздному пошли дозволенія просить. Да не тутъ то было: „ты, — говоритъ, — мнѣ приговоръ отъ аульнаго схода подай, а то я почемъ знаю, кто вамъ землю отдалъ—можетъ, и не его земля“. Собрали сходъ—денъ шесть поили и кормили выборныхъ, подарки имъ давали—безъ мала полтысячи рублей приговоръ сталъ.

— Что же, набрали пятнадцать дворовъ.

— Какое тебѣ пятнадцать!.. одинъ за однимъ — за полсотни набралось. Много изъ за этого спору было въ обществѣ: условіе-то съ киргизцами на шестерыхъ хозяевъ было писано — они и принимали новенькихъ; а прочимъ обидно — зачѣмъ молъ эти шестеро пріемными деньгами да магарычами пользуются, — ренду, молъ, всѣ собча платимъ. До уѣзднаго доходило—тотъ велѣлъ деньги промежъ всѣхъ дѣлить. Съ киргизцами тоже много было дѣловъ. Какъ отъ нашихъ они деньги получили за первый годъ — не подѣлили какъ то промежъ себя, пошли у нихъ споры да тяжбы, — до того дѣло дошло, что аулъ на двое раздѣлился. А въ поселкѣ какъ набралось много народу—земли то, которую спервоначатія окортомили, и не хватило. Стали киргизовъ улещать — чтобъ еще земли сдали; четверо киргизцевъ согласились, а четверо—нѣтъ. Бились-бились—нѣтъ промежъ ихъ согласія. Подѣлили киргизцы землю напополамъ—четверо свою землю намъ отдали, а Берестанъ Баймуратовъ да еще трое такъ и не сдали; а

земля то ихняя подъ самый поселокъ подошла; потравы тутъ всякія пошли, Берестанъ съ прошеніями до губернатора доходилъ: наши у нихъ скотъ загоняютъ, они у нашихъ посѣвы травятъ; ну, побились, побились, да и пошли прочь — отецъ мой, значитъ, да еще которые. Потомъ слыхать, у нихъ и суды были, и бои выходили— не дай Богъ..

— А вы что же, прямо сюда?

— Нѣтъ, еще на хуторѣ пожили годовъ пятокъ, за Актюбой; Каргала есть рѣчка — больно хороши мѣста!.. Впятеромъ сняли землю у киргизцевъ. Ну, тутъ спокойно жили, хорошо: товарищи собрались спокойные, хорошіе. Киргизцы тоже смирёные попались, земля— отдай все и мало.

— Что же вы не остались жить?

— Да отъ начальства запрещеніе вышло: мы то, какъ контрактъ отошелъ, ладили было оставаться; условіе написали, аульный сходъ угостили — все честь-честью. Пошли къ уѣздному начальнику,—анъ-нѣтъ: новые, говоритъ, порядки вышли: землю арендовать отъ волостного схода. Посудили мы—порядили, потолковали съ тѣмъ да съ другимъ — выходитъ несходное дѣло: волостному управителю дай, да писарю дай, всѣмъ выборнымъ по пятеркѣ, да угощать ихъ, а киргизы, чья земля, тоже несогласны: „наша,— говорятъ, — земля, не позволимъ волостному сходу нашу землю сдавать“. Побились-побились, да и ушли...

V.

По средне-азіатской дорогѣ.

У хорошенькаго, ослѣпительно бѣлѣющаго на яркомъ южномъ солнцѣ Красноводскаго вокзала, съ его вычурными восточными узорами и граціозными полуарками,

стоитъ готовый къ отправкѣ пассажирскій поѣздъ; вагоны выкрашены въ бѣлую или блѣдно-желтую краску, чтобы не такъ поглощать солнечные лучи. Съ высоко приподнятаго перрона чудный видъ на изумрудно-зеленую Красноводскую бухту, съ ея пристанями и съ нагружающимися и разгружающимися пароходами. По другую сторону вокзала городской садъ—довольно большая, чѣмъ то огороженная площадь, засаженная чахлыми, выжженными солнцемъ, едва достигающими человѣческаго роста, деревцами какихъ то неизвѣстныхъ мнѣ породъ, а кругомъ, въ видѣ амфитеатра, расположился городъ: одноэтажные, ярко-бѣлые или блѣдно-голубые домики съ плоскими азіатскими крышами, окруженный полукругомъ невысокихъ, лишенныхъ всякой растительности горъ.

— Скучно у насъ,—разсказывалъ мнѣ еще на пароходѣ одинъ красноводскій служащій обыватель, — да жить можно: все-таки у насъ тысячъ до двѣнадцати жителей; развлеченія кой-какія есть—въ клубъ можно пойти, въ картишки перекинуться; пароходы каждый день изъ Баку приходятъ—пойдешь на пароходъ, позавтракаешь, водки выпьешь, на людей посмотришь. Насчетъ провизіи тоже ничего: своей-то провизіи, положимъ нѣтъ, кромѣ баранины, да вотъ еще раки въ бухтѣ водятся, но все привозятъ на пароходахъ—голодомъ не сидимъ. Вотъ насчетъ воды, дѣйствительно, слабо: опрѣснитель только теперь достроили,—а то никакой воды не было, кромѣ кяризовъ. Вы посмотрите только, какъ у насъ голо—безъ воды ничего не разведете...

Первый звонокъ. Публика стремглавъ бросается въ вагоны; второклассные и первоклассные пассажиры осаждаютъ начальника станціи разными основательными и неосновательными претензіями: второклассный пассажиръ не желаетъ сидѣть въ купэ, куда „затесались“

*

сарты, и требуетъ на этомъ основаніи, чтобы его перевели въ первый классъ; первоклассные пассажиры прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы остаться подвое (а хорошо бы и одному!) въ четырехмѣстномъ купэ; начальникъ станціи мечется, чтобы поудобнѣе устроить въ первомъ классѣ многочисленную семью какого-то средней руки желѣзнодорожнаго служащаго, съ безконечными кульками, корзиночками и самоваромъ, и, не успѣвъ въ этомъ, приказываетъ прицѣпить лишній вагонъ.

Наконецъ, суматоха затихаетъ. Третій звонокъ, поѣздъ трогается. Публика начинаетъ облегчать свою одежду: дамы облекаются въ тончайшіе капоты, дѣти остаются въ рубашкахъ и передникахъ. Потъ со всѣхъ катится градомъ.

— Помилуйте, тридцать три градуса въ вагонѣ—это что-жъ такое!—жалуется пассажиръ, первый разъ попавшій въ Среднюю Азію.

— Это, батенька, что,—утѣшаетъ его другой, мѣстный: вѣдь ужъ августъ мѣсяцъ, какія теперь жары! Вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ вагонахъ чуть не до сорока доходило—это въ самомъ дѣлѣ плохо было! Въ то время вѣдь и ночью градусовъ тридцать стояло, а теперь ночью, вотъ увидите,—совсѣмъ прохладно.

— Двадцать два года живу въ краѣ,—слышу разговоръ въ другомъ концѣ поѣзднаго клуба, вагона столовой, а не могу къ этимъ проклятымъ жарамъ привыкнуть! Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе! Просто не живу все лѣто, а страдаю...

Поѣздъ, однако, отошелъ отъ Красноводска и идетъ сначала, нѣсколько станцій кряду, вдоль самого берега Каспійскаго моря. Голая, сѣровато-бурая пустыня, съ изрѣдка-сидящими, то бурыми, то сѣрыми, то яркозелеными шапками „колючки“—двухъ-трехъ видовъ не то бурьяна, не то кустарника, которые только одни и

могутъ выносить нестерпимый зной и лѣтнее безводье этой пустыни.

Станціи—маленькіе бѣленькіе домики; около нихъ—ни травинки, не говоря уже о традиціонныхъ станціонныхъ садикахъ и огородахъ. Во всѣ стороны, кряду отъ станціи, все та-же бурая, унылая пустыня. На станціяхъ ни души, кромѣ очередныхъ станціонныхъ служащихъ. На одной станціи пробую напиться чаю—нѣтъ возможности пить мутную, солоновато-горькую бурду...

На первой же станціи, потомъ на другихъ, нашъ поѣздъ скрещивается съ „водянкой"; это—поѣзда изъ однѣхъ платформъ съ громадными водяными баками, или изъ употребляемыхъ подъ перевозку воды нефтяныхъ цистернъ. И красноводская, и всѣ ближайшія къ ней станціи не имѣютъ своей воды, и получаютъ воду со станціи Джебелъ, въ 125 верстахъ отъ Красноводска...

Джебелъ проѣзжаемъ уже поздно вечеромъ. Я успѣваю однако замѣтить, что станція окружена довольно большимъ садомъ, что по платформѣ движутся какія-то высокія фигуры въ черныхъ, мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, что третьеклассная публика несетъ къ себѣ въ вагоны кто бутылку молока, кто каравай хлѣба, кто арбузъ или дыню.

Гдѣ вода, тамъ и жизнь!..

Мало воды, мало и жизни, до самаго Асхабада. Мѣстность до послѣдней степени однообразна: ровная, плоская степь или пустыня, только не бурая, какъ около Красноводска, а сѣровато-желтая, то усѣянная тоже рѣдкими шапками разнообразной „колючки", съ ея удивительными влагосберегающими и затѣняющими приспособленіями, то покрытая блѣдно-желтымъ ковромъ какой-то мелкой и тощей, совершенно высохшей травки. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется невысокая, также совершенно голая, покрытая безконечными складками, горная цѣпь Копетъ-дага.

На этой пустынѣ не видно никакихъ признаковъ жизни и культуры, и только изрѣдка въ окнѣ вагона мелькаетъ одинокій тощій верблюдъ, уныло подбирающій бурую колючку, или показывается всадникъ въ мохнатой бараньей шапкѣ, потихоньку пробирающійся, невѣдомо куда. Однако, кое-гдѣ начинаютъ попадаться какія то развалины, мѣстами еще сохранившія очертанія саклей или оградъ, мѣстами превратившіяся въ простыя кучи глины; вокругъ каждой такой развалины степь изрѣзана слѣдами дѣйствовавшихъ когда-то оросительныхъ канавокъ, и гдѣ нибудь по близости, непремѣнно, вьется высохшее ложе горнаго ручья. Что это? слѣды былыхъ войнъ и междоусобій, или просто высохла вода въ ручьѣ, а съ нею изсякла и жизнь?! .[1])

Вотъ, однако, начинаетъ попадаться и живая жизнь: здѣсь нѣсколько рослыхъ человѣческихъ фигуръ, точно вылитыхъ изъ темной бронзы, въ однихъ широкихъ штанахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ, углубляютъ и расчищаютъ сухое ложе оросительной канавки. Тамъ, около самаго полотна дороги, разбросано нѣсколько квадратиковъ темно-зеленой люцерны или рослой джугары[2]). Тутъ, подъ желѣзнодорожнымъ мостикомъ, протекаетъ небольшая канавка съ оросительною водой, и гдѣ нибудь поодаль виднѣется питаемый этою канавкой туркменскій кишлачекъ — свѣтло-сѣрыя глинобитныя стѣны, свѣтло-сѣрые глинобитные домики, съ плоскими или куполообразными крышами, окруженные темною зеленью садовъ и блѣдно-зелеными или желтыми, мелко-разбитыми квадратиками полей. На поляхъ копошатся рослыя фигуры туркменъ, всѣ въ тѣхъ-же

[1]) По мнѣнію покойнаго академика Коржинскаго, обиліе развалинъ въ этой мѣстности—слѣдствіе именно недостатка воды, заставившаго бросить многія ранѣе разрабатывавшіяся земли и перенести аулы на другія мѣста.

[2]) Мѣстное названіе сорго.

огромныхъ бараньихъ шапкахъ; кто полуголы, ктой въ короткой, темной, неподпоясанной рубахѣ съ пестрыми разводами; незанятые работой — въ буровато-красныхъ, съ черными полосками, халатахъ бухарскаго фасона.

Это начинается такъ недавно покоренный Ахалъ-Текинскій оазисъ. Сѣро-желтая почва той безплодной равнины, которую дорога прорѣзываетъ почти отъ самаго Красноводска,—это знаменитый среднеазіатскій лессъ, ожидающій только орошенія, чтобы изъ безотрадной пустыни превратиться въ хлопковое поле или роскошный фруктовый садъ. Когда нибудь человѣкъ добудетъ эту воду, и тогда закаспійскія пустыни, съ ихъ плодороднымъ лессомъ и горячимъ солнцемъ, будутъ кормить сотни тысячъ, если не милліоны, новаго населенія. Но пока въ распоряженіи туземцевъ—только немногіе мелкіе ручьи, стекающіе съ Копетъ-дага, и потому небольшіе аулы и незначительныя площади посѣвовъ, почти до самаго Асхабада, теряются среди необъятной пустыни.

А вотъ и памятникъ недавняго завоеванія: около станціи Геокъ-Тепе—развалины туркменской крѣпости, прославившейся мѣсячною геройскою защитой, съ ея высокими, чуть что не отвѣсными лёссовыми стѣнами. Внутри крѣпости—братская могила безвѣстныхъ героевъ-солдатъ, павшихъ при штурмѣ, а у входа въ крѣпость, въ полусотнѣ шаговъ отъ станціи, небольшое, хорошенькое зданіе „военно-историческаго музея“, съ разными реминисценціями текинскаго похода. Чуть не весь поѣздъ—офицеры, текинцы, дамы, персіяне, гимназисты — устремляется въ музей; я иду вслѣдъ за другими.

Музей—какъ всѣ военно-патріотическіе музеи; самый интересный экспонатъ—карты, принадлежавшія Скобелеву и, повидимому, бывшія съ нимъ во время текинскаго похода: нѣсколько картъ знаменитыхъ осадъ, съ пространными критическими примѣчаніями покойнаго

полководца, и небольшая, тоже съ его помѣтками, карта театра войны. Карта эта — не русскаго, а англійскаго изданія.

Отъ Геокъ-Тепе къ Асхабаду—уже сплошной оазисъ: непрерывая цѣпь кишлаковъ или ауловъ, потонувшихъ въ зелени пирамидальныхъ тополей или развѣсистыхъ карагачей; около глинобитныхъ саклей разбросаны камышевыя юрты, въ которыхъ проводятъ лѣто туркмены, хоть и осѣвшіе, но не забывшіе еще кочевыхъ традицій. Вокругъ—обширныя поля, изрѣзанныя арыками и, какъ и вездѣ, разбитыя на маленькія клѣтки; однѣ изъ этихъ клѣтокъ только что политы подъ какой то посѣвъ, на другихъ стоитъ лѣсомъ джугара или стелется арбузная ботва, на третьихъ разставлены высокія кучи уже обмолоченной и измельченной соломы — самана, а около этихъ кучъ текинцы, въ бараньихъ шапкахъ, молотятъ хлѣбъ, гоняя по нѣсколько запряженныхъ въ рядъ быковъ или лошадей.

— Славный народъ, — говоритъ попутчикъ, старый туркестанскій офицеръ, выглядывая изъ окна столоваго вагона:—посмотрите, какіе здоровенные, молодецъ къ молодцу; и настоящіе труженики, не то, что персюки или сартишки.

— Сартовъ то вы напрасно обижаете,—возражаетъ другой пассажиръ, статскій: вѣрно по городскимъ сартамъ судите... ну тѣ конечно, больше наровятъ надуть или смошенничать. А кишлачный сартъ, земледѣлецъ,— такой же труженикъ, какъ и туркменъ.

— А скажите, — вмѣшивается въ разговоръ третій пассажиръ, впервые ѣдущій въ край: война съ ними— развѣ она была серьезная? Вотъ въ музеѣ я видѣлъ ихъ самопалы да единственную пушку — развѣ это оружіе?!

— Оружіе то, конечно, неважное. А какъ они имъ владѣютъ! туркменъ ни одного выстрѣла даромъ не

пустить! Потомъ — у нихъ вѣдь и англійское оружіе было, почище нашего. А главное — сами то настоящіе герои, чудные всадники. Нѣтъ, это, знаете ли, противникъ былъ настоящій, не то, что, вотъ, въ 1900 году китайцы! За тѣхъ то и Георгія получать какъ то неловко было, а текинскій Георгій—это въ самомъ дѣлѣ Георгій... Да и сейчасъ то: вы не глядите, что они на видъ такіе смирные! или вотъ тоже сартишки: кулдукъ дѣлаетъ, руки къ брюху прижимаетъ, а выведите отсюда одинъ корпусъ—они вамъ покажутъ!..

И страна, дѣйствительно, на военномъ положеніи. На станціяхъ кишмя кишатъ солдаты всѣхъ родовъ оружія, въ бѣлыхъ рубахахъ и характерныхъ красныхъ шароварахъ изъ туземной замши, какія читатель, вѣроятно, помнитъ по туркестанскимъ картинамъ Верещагина. На каждой станціи въ нашъ поѣздной клубъ заходятъ пѣхотные, казачьи, желѣзнодорожные, пограничные офицеры, требуютъ водки или пива и разговариваютъ объ окладахъ, лагерныхъ сборахъ и производствахъ.

Скоро за Асхабадомъ оазисъ опять смѣняется безводною степью: тотъ же желтоватый лёссъ, покрытый, большею частью, блѣдно-желтою рѣденькою травкой. Раннею весною эта степь покрыта сплошь зеленою травою, густо усѣянною всевозможными цвѣтами; но въ какой нибудь мѣсяцъ это все выгараетъ до тла, и на степи не остается ничего, кромѣ приспособившейся къ засухѣ „колючки“ и пожелтѣвшихъ метелочекъ высохшей травы. Мѣстами лёссовая степь прерывается неширокими полосками песковъ. Эти песчаныя полоски не только не выдѣляются особеннымъ безплодіемъ—напротивъ, онѣ покрыты лучшею растительностью и болѣе цѣнны для населенія, нежели неорошенный лёссъ: на пескахъ растутъ высокіе, кудрявые кусты саксаула, который даетъ столь драгоцѣнное здѣсь топливо и матеріалъ

для обжига на уголь; на нихъ даже косятъ мелкую травку; наконецъ въ пескахъ всегда близко подпочвенная вода, и зимою пески—излюбленныя стойбища кочевниковъ... Но пески въ этомъ видѣ—это спящій звѣрь, который не опасенъ, пока его не раздразнили...

А отъ Мерва до Чарджуя, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, вы видите проснувшагося, разнузданнаго звѣря: дорога сплошь идетъ сыпучими песками, которые за ночь покрываютъ васъ, черезъ открытое окно вагона, густымъ слоемъ тончайшей пыли. И эти пески не вездѣ голы: и здѣсь попадаются то единичные экземпляры, то негустыя заросли саксаула или джиды. Но гдѣ человѣкъ уничтожилъ эти заросли, которыя когда то скрѣпляли песокъ своими вѣтвистыми корнями, тамъ на версты и на десятки верстъ тянутся зловѣщіе, темножелтые барханы: пустыня сплошь какъ бы покрыта длинными, темно-желтыми песчаными волнами, круто обрывающимися къ югу и отлого спускающимися къ сѣверу, откуда дуютъ господствующіе вѣтры. Поверхность каждой такой волны испещрена мелкою рябью, какую читатель, конечно, видѣлъ на песчаныхъ отмеляхъ на Волгѣ или на дюнахъ Балтійскаго побережья. И чуть легкій вѣтерокъ — все это море песку начинаетъ точно дымиться; песокъ потихоньку пересыпается по вѣтру, барханы медленно плывутъ одинъ за другимъ, въ направленіи господствующаго вѣтра, занося и полотно желѣзной дороги, и культурныя земли прилегающихъ къ барханамъ оазисовъ.

Человѣкъ много сдѣлалъ въ Туркестанѣ, чтобы оживить мертвую природу. Но онъ много сдѣлалъ и для того, чтобы разнуздать тѣ гибельныя силы, которыя ранѣе сдерживались ея мудрою распорядительностью. Онъ вырубилъ саксаулъ, чтобы пережечь его на уголь, и тѣмъ привелъ въ движеніе сыпучіе пески. Онъ уничто-

жилъ въ горахъ заросли фисташки и арчи [1]), скрѣплявшія своими корнями почвенный покровъ, вытравилъ травяной коверъ, задерживавшій атмосферную влагу и регулировавшій ея стокъ, и этимъ вызвалъ обвалы и бурные „силевые“ потоки, которые весною низвергаются съ горъ, не только тратя безъ пользы для культуры драгоцѣнную воду, но затопляя и занося камнемъ обработанныя земли и размывая оросительныя сооруженія. И десятки, а то и сотни лѣтъ пройдутъ, пока, съ громадными затратами, онъ вновь засадитъ лѣсомъ и зароститъ травою горы и пески и исправитъ послѣдствія своего былого легкомыслія.

Вотъ и Чарджуй, и около него—небольшой оазисъ, уже не съ туркменскимъ, а съ сартовскимъ или узбекскимъ населеніемъ. Въ общемъ видѣ селеній и полей вы не замѣчаете особой разницы — развѣ только немного больше стремленія къ изяществу въ постройкахъ и къ соблюденію нѣкотораго стиля: глухія стѣны, окружающія каждую усадьбу, прерываются небольшими башенками или пилястрами съ куполообразною верхушкой, вызывающими отдаленное представленіе о чудныхъ самаркандскихъ мечетяхъ и могилѣ Тамерлана. Какъ будто больше и стремленія къ комфорту: гдѣ линія проходитъ по окраинѣ кишлака или прорѣзываетъ его посединѣ, вы видите около усадьбъ небольшіе прудики съ напускною арычною водою; у каждаго такого прудика—небольшая, аккуратно разровненная площадка, окруженная густо насаженными тѣнистыми деревьями и уложенная камышевыми цыновками или дешевыми коврами; на нихъ въ жаркіе часы дня кейфуетъ сартъ, въ тѣни и сравнительной прохладѣ. Что то вродѣ стремленія къ изяществу мнѣ чудится и въ одеждѣ: болѣе яркіе цвѣта, и какъ

[1]) Арча—горный можжевельникъ

будто нѣкоторая гармонія между господствующимъ тономъ пестраго верхняго халата и цвѣтомъ всеобщаго здѣсь головного убора—чалмы; головного убора, который служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полотенцемъ, а при нуждѣ замѣняетъ веревку или ремень для увязки небольшого багажа.

За громаднымъ двухверстнымъ Чарджуйскимъ мостомъ—увы, Дарья мѣняетъ русло и собирается обойти это милліонное сооруженіе,—подъ которымъ протекаютъ свѣтло-шоколадныя, отъ массы увлекаемыхъ теченіемъ частицъ взвѣшеннаго лёсса, воды Аму-Дарьи, дорога идетъ бухарскими владѣніями.

— За-границу выѣхали!—остритъ кто-то изъ пассажировъ въ поѣздной столовой.

— Какъ не за-границу!—отзывается другой, только что покупавшій фрукты:—посмотрите, и деньги не наши.

Всѣ начинаютъ разсматривать грубо отчеканенныя серебряныя „теньги“, величиною приблизительно съ нашъ пятіалтынный.

— По курсу онѣ до сихъ поръ ходили, — говоритъ пассажиръ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ: когда по 16, а когда и по 18 коп., а сейчасъ наше начальство установило постоянный курсъ. Бывало, наѣдутъ наши купцы въ Бухару хлопокъ закупать — безъ тенегъ обойтись нельзя, бухарцы и поднимутъ курсъ на 18 коп. На каждомъ рублѣ мы этакъ копѣекъ десять переплачивали, а то и двѣнадцать.

— Бывалъ я на монетномъ дворѣ у нихъ,—разсказываетъ третій пассажиръ: курьезно! обнесенъ цѣпями, и кто туда попалъ въ рабочіе, тотъ ужъ до самой смерти за эту цѣпь не выйдетъ. По тридцати лѣтъ иные безвыходно сидятъ...

— Это ужъ во восточному!—восклицаетъ кто то изъ пассажировъ.

— Ну, у нихъ еще много по восточному!.. Вѣдь бу-

харецъ богатый ни за что денегъ въ Бухарѣ держать не станетъ,—все равно какъ въ Персіи; все у насъ въ банкахъ держатъ. Изъ-за этого у насъ и сторонниковъ такъ много въ ханствахъ, особенно среди состоятельнаго класса; хотя и гяуры мы, хоть и невѣсть какой у насъ „правовой порядокъ“, а все-таки за нами жить спокойнѣе, имущество обезпеченнѣе.

Отъ Бухары до самаго Самарканда дорога идетъ по окраинѣ прославившейся своимъ плодородіемъ Зеравшанской долины. Желѣзный путь то врѣзывается въ оазисъ, то идетъ по его окраинѣ, то выходитъ на голую, неорошаемую степь, и только издали виднѣются, сплошною темнозеленою полосой, высокіе пирамидальные тополя, кудрявыя ивы и карагачи разведенныхъ вокругъ усадебъ и по арыкамъ насажденій. Воды здѣсь много больше, чѣмъ въ асхабадскомъ районѣ. Кишлаки, поэтому, сидятъ вплотную одинъ къ другому, усадьбы съ ихъ глинобитными стѣнами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще, а культурныя земли, разбитыя на мелкіе правильные квадратики, тянутся сплошною широкою полосою. И вся эта жизнь, и въ бухарскихъ, и въ нашихъ предѣлахъ, питается водой одного большого арыка, который выведенъ изъ Зеравшана, неподалеку отъ Самарканда.

— И войскъ намъ не надо, чтобы Бухару держать въ покорности,—говоритъ кто-то изъ пассажировъ: запри мы воду—и Бухара хоть пропадай съ голоду...

На поляхъ Зеравшанскаго района уже почти не видно ни кучъ обмолоченнаго самана, ни пшеничныхъ жнивьевъ, которыхъ такъ много въ Асхабадскомъ оазисѣ. Чаще всего, въ перемежку съ рослою джугарой, мѣстами вдвое превышающею человѣческій ростъ, съ темною зеленью люцерны, усѣянною фіолетовыми

цвѣточками, и съ полузатопленными полями риса, попадаются поля, не слишкомъ густо засаженныя низенькими, раскидистыми кустиками хлопка, съ его желтовато-бѣлыми или розоватыми цвѣточками. Зеравшанская долина—одинъ изъ главныхъ хлопковыхъ и рисовыхъ районовъ края; подъ интенсивныя культуры занята почти вся площадь поливныхъ земель, а пшеница оттѣснена на неорошаемыя предгорья, гдѣ производятся, на рискъ случайно выпадающаго дождя, такъ называемые богарные посѣвы.

Присматриваясь къ аккуратно разбитымъ сартовскимъ полямъ, густо-обсаженнымъ разными южными деревьями, и къ сартамъ, копошащимся какъ муравьи, я переношусь мыслью въ другія, отдаленныя страны. Общая картина Зеравшанской долины удивительно напоминаетъ мнѣ сѣверную Италію, гдѣ, точно также, мелкія полоски полей чередуются съ аллеями и куртинками насаженнаго лѣса. А сарты и ихъ культура вызываютъ во мнѣ воспоминаніе о культурѣ китайцевъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Какъ и уссурійскіе китайцы, сарты работаютъ самыми примитивными орудіями; мѣстный плугъ, по туземному омачъ,—какая-то деревянная рогулька съ небольшимъ желѣзнымъ наконечникомъ, вызывающая снисходительное презрѣніе нашихъ агрономовъ, и кетмень—универсальное орудіе, состоящее изъ почти круглаго желѣзнаго диска, насаженнаго перпендикулярно, однимъ краемъ, на длинную деревянную ручку,—вотъ и весь мертвый инвентарь сартовскаго хозяйства. А между тѣмъ, благодаря неусыпному труду—сартъ, какъ и китаецъ, труда своего не жалѣетъ и не считаетъ,—благодаря тысячелѣтнему приспособленію къ требованіямъ климата и почвы, сартъ, какъ и уссурійскій китаецъ, поставилъ свое хозяйство на такую высоту, что мы пока только учимся у него, только перенимаемъ понемногу и его

технику орошенія, и его пріемы обработки орошаемой земли. И все это—при полномъ отсутствіи самыхъ азбучныхъ теоретическихъ представленій и при болѣе нежели элементарныхъ техническихъ пріемахъ. Взять хоть такую вещь, какъ ирригація—дѣло, которое требуетъ, по нашимъ понятіямъ, серьезныхъ спеціальныхъ знаній и сложныхъ техническихъ пріемовъ. Такъ вотъ вамъ, читатель, техническіе пріемы сарта: чтобы опредѣлить уклонъ проводимой канавы (для этого мы съ вами дѣлаемъ инструментальную нивеллировку!), сартъ... просто копаетъ канаву и смотритъ, какъ по ней бѣжитъ вода; а то поступаетъ такъ: ложится на землю, лицомъ вверхъ, и смотритъ, видны ли ему, при этомъ, собственные носки; видны—значитъ уклона нѣтъ, и чтобы найти уклонъ, онъ поворачивается вокругъ своей собственной головы, пока носки не уйдутъ ниже его поля зрѣнія. А вотъ образецъ его теоретическихъ представленій. Арыки сартовъ чрезвычайно извилисты; почему? А потому, что вода не любитъ идти въ арыкъ — она знаетъ, что ее зовутъ работать на человѣка; чтобы вода пошла, надо обмануть ее,—а для этого и дѣлаютъ арыкъ извилистымъ, какъ русло рѣки. Правда, ученые инженеры не безъ основанія указываютъ на множество дефектовъ туземной оросительной системы: частые прорывы водопріемныхъ сооруженій, вызывающіе огромныя затраты труда на ихъ возстановленіе, и, что еще хуже, оставляющіе поля, на мѣсяцы, безъ орошенія; неправильность уклоновъ, обусловливающую при чрезмѣрности уклона—зарываніе арыка и невозможность вывести воду на поля, при недостаточности его—заплываніе арыка и заболачиваніе полей; отсутствіе спусковъ для отработанной воды, являющееся, особенно при рисовыхъ посѣвахъ, одною изъ главныхъ причинъ развитія въ краѣ маляріи. Но... все-таки туземцы оросили милліоны десятинъ и пре-

вратили ихъ изъ голой пустыни въ цвѣтущіе сады; все-таки ихъ главные арыки стоятъ со временъ Тамерлана, а то и гораздо дольше. А мы все еще разрабатываемъ проекты многомилліонныхъ сооруженій...

Между тѣмъ, мы минуемъ все новыя хлопковыя плантаціи и рисовыя поля, все новые кишлаки, все съ тѣми же глинобитными оградами и кубической формы саклями. Вотъ поѣздъ проходитъ самою серединой кишлака—рядъ лавокъ съ дынями и чай-ханэ—харчевенъ или чайныхъ. Подъ легкими навѣсами, на крытыхъ цыновками деревянныхъ нарахъ или земляныхъ платформахъ сидятъ, поджавши ноги, сарты въ чалмахъ и попиваютъ чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ или деревянныхъ чашекъ: а ишаки ихъ—туркестанскаго осла даже русскіе не зовутъ осломъ,—съ ихъ добродушными мордами и длинными ушами, и тощія лошади, запряженныя въ тяжеловѣсныя, съ огромными колесами, арбы, подъѣдаютъ свѣжесрѣзанную люцерну.

— Много ли сарту нужно!—говоритъ попутчикъ, мѣстный обыватель: — лепешка, дыня, а главное побольше чаю. Чайникъ—три копѣйки; выпьетъ свой—къ другимъ подсядетъ, сказки разсказываетъ и чай пьетъ. Пока у него есть рубль ужъ онъ къ вамъ не пойдетъ работать,—и не зовите! Да и надоѣдливы! Наймется къ вамъ за полтинникъ въ день, заплатили ему—давай „силяу“; надо дать пятачокъ; потомъ—нѣтъ ли „сакаръ“, нѣтъ ли „клѣбъ“—не отдѣлаешься!.. Ну, надо сказать, все-таки порядочный народъ! Не любятъ, вѣдь, они насъ, въ краѣ насъ горсточка, а ѣдешь себѣ куда угодно одинъ, оставь у нихъ, что хочешь—ничего не пропадетъ. Ну, тоже и ихъ „цивилизація“ трогаетъ! Я вотъ двадцать пять лѣтъ въ краѣ; прежде бывало туземной женщины ни за какія деньги не достанешь, а теперь въ одномъ Самаркандѣ чуть не сто сартовскихъ

„домовъ“!.. Сплошь и рядомъ въ одномъ „домѣ“ мать живетъ съ дочерью. За четвертной билетъ каждый сартъ родную дочь продастъ...

Поѣздъ проносится мимо небольшого прудика — „кàуза“, съ мутною, свѣтло-сѣрою, арычною водою; у кауза сидитъ сартъ на корточкахъ и пьетъ изъ пригоршни мутную воду.

— Вотъ она, малярія то!—восклицаетъ попутчикъ.— И какъ они, подлецы, всѣ не передохнутъ!.. Вѣдь знаете, у нихъ какое повѣрье: протекла вода три сажени—значитъ чистая; въ арыкѣ грязное бѣлье стираютъ, или промываютъ бараньи кишки, а тутъ же, десять шаговъ ниже по арыку, сырую воду пьютъ!..

Вотъ, около самой станціи, маленькій караванъ-сарай. Передъ чайханою, на цыновкахъ, сидятъ на корточкахъ фигуры въ бѣлыхъ чалмахъ и необыкновенно яркихъ и пестрыхъ, видимо шелковыхъ, халатахъ. Возлѣ стоятъ вѣсы и въ безпорядкѣ валяется нѣсколько кипъ сырого хлопка.

Я вопросительно смотрю на попутчика.

— Скупщики, хлопокъ-сырецъ скупаютъ. Сарту гдѣ жъ его везти въ городъ! Ну, эти вотъ господа авансовъ отъ фирмъ возьмутъ—кто три, кто пять тысячъ, ѣздятъ по кишлакамъ и покупаютъ. Наживаютъ ловко: платятъ по рублю восьми гривенъ, а сдаютъ по два съ полтиной,— за какой-нибудь мѣсяцъ семь гривенъ на пудъ и нажилъ... Да это бы еще ничего. А худо вотъ что: деньги то они все больше впередъ даютъ подъ хлопокъ,—ну, тутъ ужъ сорокъ да шестьдесятъ процентовъ берутъ, кромѣ скидки на цѣнѣ. Запутаютъ бѣднаго сарта, а потомъ и землю у него отберутъ за безцѣнокъ...

— А много,—спрашиваю,—у нихъ земель уходитъ такимъ образомъ?

— Порядочно!

— А кто покупаетъ?

— Да коммерсанты все больше—русскіе, армяне, изъ сартовъ тоже есть. И за безцѣнокъ же скупаютъ! Вотъ у насъ, подъ Самаркандомъ: сарту не на что засадить землю,—онъ и продаетъ по 30—40, а то и по двадцать рублей за танапъ [1]), съ правомъ на поливную воду. А танапъ въ хорошій годъ дастъ восемьдесятъ батмановъ [2]) винограду; считайте батманъ по два съ полтиной—вотъ вамъ и 200 рублей валового дохода. Да теперь еще что̀! Вотъ погодите—пройдетъ дорога на Оренбургъ—тогда отсюда все въ ходъ пойдетъ, однихъ фруктовъ что̀ повалитъ! Тогда земля еще не такъ изъ рукъ туземцевъ поплыветъ!.. Они, вѣдь, на этотъ счетъ просты...

Вотъ, наконецъ, и Ташкентскій оазисъ. На первый взглядъ все то же, что и въ Зеравшанскомъ. Но присматриваясь внимательнѣе, замѣчаете и нѣкоторыя особенности: гораздо больше древесныхъ насажденій, то въ видѣ ивовыхъ или тополевыхъ аллей, вдоль арыковъ и дорогъ, то въ видѣ небольшихъ, невѣроятно густыхъ рощицъ на усадьбахъ. На поляхъ особенно много хлопка и риса. Множество полей, занятыхъ подъ огородную культуру, причемъ растенія, чтобы лучше использовать поливную воду, посажены у самыхъ краевъ и по откосамъ грядъ. Много полевыхъ квадратиковъ, сплошь заросшихъ густымъ, въ два человѣческихъ роста, камышомъ; попадаются и совершенно заболоченныя площади. Незначительныя у самой линіи желѣзной дороги, такія болота, образовавшіяся насчетъ излишковъ оросительной воды, анимаютъ сотни тысячъ десятинъ въ низовьяхъ Чирчика и Ахангарена, являясь главнымъ очагомъ маляріи для Ташкента и его окрестностей. Словомъ, вездѣ ясные признаки избытка оросительной воды: въ изобиліи за-

[1]) Туземная мѣра, немного болѣе $^1/_8$ десятины.

[2]) Батманъ—около 9—10 пудовъ.

ходя изъ Чирчика въ магистральные каналы, вода не используется сполна существующею культурой, а застаивается на низкихъ мѣстахъ, образуетъ болота, и такимъ образомъ, будучи источникомъ жизни въ краѣ, она дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ смерти; малярія обезлюдила уже не мало кишлаковъ, а въ одной сартовской волости за одинъ только годъ унесла 36% населенія!

Нѣсколько измѣняется подъ Ташкентомъ и типъ населенія: преобладаютъ, правда, здѣсь тоже сарты, почему-то, однако, не въ чалмахъ, а въ однѣхъ только красиво расшитыхъ тюбетейкахъ. Но чѣмъ ближе къ Ташкенту, тѣмъ больше виднѣется своеобразныхъ сѣрыхъ войлочныхъ треуховъ, какъ носили во Франціи въ эпоху Людовика XI... Это—киргизы, которые на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Ташкента составляютъ главную массу населенія. Въ окрестностяхъ Ташкента они уже совершенно осѣдлы и ведутъ поливное хозяйство, почти не отличающееся отъ хозяйства сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ края.

VI.

Новый и старый Ташкентъ.

Случалось ли кому-нибудь изъ васъ, читатель, бывать въ городахъ нашего европейскаго и азіатскаго востока, въ родѣ Оренбурга, Омска, Красноярска, Благовѣщенска? Если бывали, то вы, конечно, представляете себѣ, какую безотрадную картину должны являть собою русскіе города Туркестана, заброшенные среди выжженныхъ солнцемъ средне-азіатскихъ пустынь!.. Но представленіе

*

ваше, читатель, окажется, если вы попадете въ Среднюю Азію, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Та же вода, которая разноситъ жизнь по всему краю, которая превратила въ густонаселенные, цвѣтущіе оазисы голыя когда-то пустыни,—эта же вода, взятая изъ сооруженнаго туземцами, чуть ли не при Тамерланѣ, арыка, до неузнаваемости измѣнила физіономію русскаго города. Попавъ въ Ташкентъ, вы съ изумленіемъ видите себя среди сплошного, чисто итальянскаго сада, въ густой зелени котораго топутъ одноэтажные, по большей части аккуратно и не безъ вкуса выстроенные, свѣтло-окрашенные каменные домики. Вечеромъ даже старожилъ не легко оріентируется въ городѣ: при слабомъ, поглощаемомъ густою листвою, свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, едва мерцающихъ среди темной южной ночи, всѣ улицы похожи одна на другую: это все—широкія, прямыя, по большей части шоссированныя (впрочемъ, плохо шоссированныя!) аллеи, и по обѣимъ сторонамъ каждой изъ нихъ, питаясь водою изъ пробѣгающихъ тутъ же небольшихъ арычковъ, высятся густо посаженныя, въ два ряда, деревья. И что за деревья!.. Гигантскіе пирамидальные тополя, айланты, съ ихъ громадными перовидными листьями и кистями желтовато-бѣлыхъ или красныхъ сѣмянныхъ крылатокъ, абрикосъ, шелковица, развѣсистый чинаръ или платанъ, кое-гдѣ туйя, адамово дерево съ остроконечными большими листьями и длинными, узкими стручками, и удивительные карагачи, съ ихъ густою яйцевидною кроной, не оставляющею никакого просвѣта для палящихъ солнечныхъ лучей... И благодаря постоянному поливу, при горячемъ средне-азіатскомъ солнцѣ и благодатной лёссовой почвѣ, деревья достигаютъ прямотаки необыкновеннаго роста: тополь въ пять-шесть лѣтъ выростаетъ на полную высоту; деревья 25 или 30-лѣтняго возраста имѣютъ десять, двѣнадцать вершковъ, а

то и аршинъ въ поперечникѣ. При каждомъ домѣ—садъ, съ тою же чудною растительностью; нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ садовъ,—словомъ, читатель, нигдѣ въ Россіи вы не найдете, въ большомъ городѣ, такого изобилія зелени и такой массы тѣнистой — слишкомъ тѣнистой!—прохлады.

Но тѣ же самыя небольшія канавки, расположенныя по обѣ стороны каждой улицы и забѣгающія во всѣ дворы,—канавки, которыя всюду разносятъ жизнь со своею весело журчащею, слегка мутною водою,—эти канавки, вмѣстѣ съ жизнью, всюду разносятъ и малярію. Малярія—это властительница думъ русскихъ жителей Ташкента, и куда вы ни зайдете, начиная отъ просторныхъ, тонущихъ въ дивномъ саду, генералъ-губернаторскихъ палатъ и кончая скромною квартирой мелкаго чиновника или торговца,—вездѣ вы непремѣнно услышите разговоры о маляріи и почти вездѣ увидите больныхъ этою скверною болѣзнью. И малярія, дѣйствительно, носится здѣсь въ воздухѣ: благодаря массѣ воды и тѣни, жара во время дня — не такая жгучая, какъ на открытой неорошенной степи, но зато тяжелая и душная, а вечеромъ, среди самаго жаркаго лѣта, чувствуется пронизывающая сырость.

Ташкентъ—по преимуществу городъ военныхъ и чиновниковъ, административный центръ обширной окраины, до сихъ поръ еще состоящей на военномъ положеніи. На каждой улицѣ—вывѣски штабовъ, управленій и канцелярій: на каждомъ шагу кокарды офицеровъ и чиновниковъ и красныя шаровары солдатъ. Магазиновъ и лавокъ въ русскомъ городѣ очень мало, и всѣ они обслуживаютъ того же офицера или чиновника. Только въ самые послѣдніе годы среднеазіатская дорога соединила Ташкентъ съ Россіею, и то—очень длиннымъ и кружнымъ путемъ; строится Оренбургско-Ташкентская желѣзная дорога, обѣщающая открыть край настежь

для нашествія капитала, и уже теперь ташкентскій районъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ туркестантскаго хлопководства. Всѣ эти новыя явленія обѣщаютъ сдѣлать русскій Ташкентъ важнымъ промышленнымъ или, по крайней мѣрѣ, торговымъ пунктомъ. Но это—въ будущемъ, а пока постройка желѣзныхъ дорогъ и хлопковая горячка отразились только крайнею дороговизною жизни...

— Жить просто нельзя стало въ Ташкентѣ,—жалуется мѣстный служащій обыватель:—цѣны на квартиры—выше петербургскихъ; пять комнатъ, положимъ большихъ, но никакихъ удобствъ—пожалуйте 900, а то и 1.200 рублей; прежде, бывало, за три тысячи можно было домъ построить, мѣста отдавали по двадцати копеекъ за сажень, а теперь не угодно ли заплатить за сажень 25—30 рублей, а на бойкихъ мѣстахъ и того больше. За лучшія дрова платили рубля по три; а теперь за таловыя отдайте по семи, и горятъ какъ трутъ; а фруктовыя дрова [1])—по десяти да по двѣнадцати рублей сажень! Джугару покупали по семи гривенъ за пятипудовый мѣшокъ—теперь восемь гривенъ пудъ; давно ли каждый подпоручикъ держалъ по двѣ, по три лошади—прокормить лошадь стоило три рубля; а теперь тридцать рублей въ мѣсяцъ! Малайка [2]) простой—вотъ который дворъ подметаетъ—прежде жилъ изъ-за хлѣба, — много дашь ему три рубля, а теперь меньше двѣнадцати рублей не сыщете!..

Но жалуются, кажется, только служащіе, люди двадцатаго числа, которыхъ повышенные оклады, огромные при былой дешевизнѣ, оказываются очень скудными при теперешнихъ цѣнахъ. Неслужащій народъ не жа-

[1]) За отсутствіемъ естественнаго лѣса на топливо идутъ старыя деревья изъ фруктовыхъ садовъ.

[2]) Собирательное имя или кличка для прислуги и работниковъ изъ туземцевъ.

луется: какъ и на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, гдѣ-нибудь въ Владивостокѣ или Благовѣщенскѣ, здѣсь дороги всякіе продукты, но еще дороже—люди и ихъ трудъ.

Но и люди двадцатаго числа, несмотря на лихорадки, несмотря на дороговизну, тоже часто привязываются къ Туркестану. Нечего уже и говорить о такъ называемыхъ „старыхъ туркестанцахъ“ (ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать съ щедринскими ташкентцами!)—во многомъ симпатичный типъ, если не вымирающій, то во всякомъ случаѣ уже теряющійся среди массы наѣзжаго люда; для нихъ Туркестанъ—вторая родина. Но даже люди, сравнительно недавно пріѣхавшіе, сплошь и рядомъ укореняются въ краѣ и не мечтаютъ о возвращеніи „въ Россію“. Что ихъ привязываетъ къ краю,—они часто сами не могутъ сказать. Но не послѣднюю роль играютъ горячее южное солнце, длинное лѣто и яркая природа, послѣ которыхъ какъ-то странно возвращаться куда-нибудь въ Москву, съ ея полугодичною зимой, или въ Петербургъ, съ его туманами и слякотью.

Какъ я уже сказалъ, русскій Ташкентъ на видъ—довольно благоустроенный европейскій городъ, хотя въ немъ почему-то нѣтъ не только электрическаго освѣщенія, но и такой вещи, какъ телефонъ, вездѣ привившійся даже въ Сибири. Прекрасные тротуары изъ сырцоваго кирпича, тщательная и даже чрезмѣрная—съ точки зрѣнія маляріи!—поливка улицъ, библіотеки, музеи, хорошіе на видъ магазины (торгующіе, впрочемъ, почти исключительно второсортнымъ товаромъ), причемъ внѣшнее благоустройство русскаго Ташкента покоится, главнымъ образомъ, на нераздѣльности его приходнаго бюджета съ бюджетомъ туземнаго, сартовскаго города. Но на каждомъ шагу вы видите, что этотъ почти европейскій городъ заброшенъ въ самое сердце Средней Азіи. Вотъ, наперерѣзъ Константинов-

скаго сквера, гдѣ на мѣстѣ бывшей могилы „устроителя края“, Константина Петровича фонъ-Кауфмана (теперь прахъ его перенесенъ въ соборъ), устроенъ оригинальный памятникъ, тянется караванъ верблюдовъ, несущихъ низкосортную московскую мануфактуру, „пунцъ“, куда-нибудь въ глубь киргизскихъ кочевьевъ; а навстрѣчу этому каравану, среди густого клуба пыли, нѣсколько киргизъ, въ сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, отороченныхъ черною тесьмою, гонятъ отару вымѣненныхъ, вѣроятно, на такой-же „пунцъ“ барановъ, съ отвисшими жирными курдюками. По всѣмъ улицамъ, въ перемѣшку съ цивилизованными пролетками (извозчики, впрочемъ, почти исключительно сарты или киргизы), медленно двигаются скрипучія арбы, съ ихъ огромными, чуть не въ два человѣческихъ роста, широко разставленными колесами, такъ хорошо приспособленными для передвиженія безъ дорогъ, черезъ крупныя рытвины и небольшіе арыки; а на арбахъ—то снопы люцерны, въ круглыхъ плетеныхъ кузовахъ, то мусоръ съ какой-нибудь постройки, то горой наваленныя дыни, то группа женщинъ-сартянокъ съ наброшенными на голову, обязательно сѣрыми, халатами и со спущенными на лицо частыми сѣтками изъ чернаго волоса. Около присутственныхъ мѣстъ всегда масса верховыхъ лошадей на привязи, а по улицамъ то и дѣло снуютъ или стоятъ, небольшими группами, верховые киргизы, или, чуть не волоча ногами по землѣ, проѣзжаетъ сартъ верхомъ на маленькомъ, длинноухомъ ишакѣ, который несетъ не только своего хозяина, но еще батманъ пшеницы или хорошій вьюкъ люцерноваго сѣна.

На нашемъ Дальнемъ Востокѣ обязанности щедринскаго „мужика“ всецѣло предоставлены китайцу, манзѣ; въ Ташкентѣ эти обязанности, во всемъ ихъ безконечномъ многообразіи, лежатъ на смугломъ, черноборомъ, по большей части благообразномъ сартѣ. Онъ,

въ чистомъ чичунчевомъ халатѣ и въ расшитой тюбетейкѣ, встрѣчаетъ васъ на порогѣ самыхъ важныхъ домовъ русскаго Ташкента и замѣняетъ кухарку даже въ среднесостоятельныхъ русскихъ семьяхъ, которыя не нахвалятся его честностью и трудолюбіемъ. Онъ является въ гостинницу къ пріѣзжему „тюрэ“, въ видѣ комиссіонера и фактора, предлагая найти ковры, лошадей, квартиры, а то и такой товаръ, о которомъ говорятъ шопотомъ и полунамеками; онъ же, въ рубахѣ и широкихъ шароварахъ, ходитъ по улицамъ съ корзиной фруктовъ, заглядывая во всѣ окна и оглашая воздухъ причудливо варіированными выкриками: „крупной виногрядъ“, „французской пырсикъ“, „настоящій душэсъ“, и въ тотъ самый моментъ, когда я пишу эти строки, я слышу въ окно: „тàваръ не надо ли? шелковый платокъ? вышитой туфли“? Сартъ быстрыми и ровными взмахами ведра поливаетъ улицу, стоя по колѣни въ арыкѣ, подметаетъ колею трамвая, бьетъ щебень для шоссе. Онъ же, одѣтый въ лохмотья или полуголый, строитъ всѣ эти европейскаго вида дома, окруживъ постройку, вмѣсто забора, камышевыми плетенками — „чіями“ (совсѣмъ какъ въ Италіи!) и, проѣзжая по улицамъ русскаго Ташкента, вы вездѣ видите сарта, то штукатурящаго по-европейски домъ, то размѣшивающаго кетменемъ лессовую замазку для облицовки сложенной изъ комьевъ того же лесса изгороди сада, то ловко перебрасывающаго лессовые кирпичи на крышу, гдѣ другой такой же сартъ перекладываетъ дымовую трубу. А русскій обыватель Ташкента привыкъ и приспособился къ своему „мужику“ въ тюбетейкѣ и, какъ на Дальнемъ Востокѣ, выработалъ для разговора съ нимъ особый жаргонъ, уснащаемый безконечными „маломало“ и отличающійся отсутствіемъ склоненій и упрощенными формами спряженій.

Открытый вагонъ трамвая биткомъ набитъ публикой. Двѣ-три русскихъ физіономіи, остальное—сарты въ тюбетейкахъ, изрѣдка въ чалмахъ, нѣсколько сартянокъ, закрытыхъ частыми волосяными сѣтками, нѣсколько хорошенькихъ дѣтишекъ, съ черными, какъ изюминки, глазами. Хотя вагонъ открытый, но въ носъ такъ и бьетъ острый запахъ перепрѣлаго пота, неотступно сопровождающій не успѣвшаго понатереться около русскихъ сарта.

— Вотъ вѣдь когда строили трамвай,—говоритъ мнѣ мой спутникъ, ташкентскій старожилъ, любезно взявшійся немного познакомить меня со „старымъ городомъ“,—говорили, работы ему не будетъ: сартъ, дескать, инертенъ и какъ привыкъ ѣздить на арбѣ—у нихъ вѣдь раньше арбы ходили въ русскій городъ, въ родѣ дилижансовъ, по двѣ копейки съ физіономіи,—такъ и впередъ будетъ ѣздить. А теперь посмотрите-ка: всегда биткомъ набитые вагоны...

Вотъ и „старый городъ“: извилистая, вымощенная булыгой улица, съ узенькими, высокими, земляными валиками или троттуарами по бокамъ. По этой улицѣ проходитъ конка, на ней же и разные продукты цивилизаціи въ родѣ амбулаторіи (гдѣ только-что отняли ноги у попавшаго подъ конку сартенка!), русско-туземной школы, арестнаго дома; вправо и влѣво отъ нея, то въ гору, то подъ уклонъ, отвѣтвляются узкія боковыя улицы и переулки, уже не мощеные, или совсѣмъ узенькіе проходы, ведущіе то къ чьему-нибудь дому, то къ арыку, то къ кàузу—небольшому общественному пруду. По обѣимъ сторонамъ и этой улицы, и всѣхъ другихъ—безконечный рядъ невысокихъ, желто-сѣрыхъ, отъ лёссовой обмазки, по большей части двухъэтажныхъ построекъ: нижній этажъ—либо конюшни, съ узенькими, во всю длину, окнами или щелями, либо запертые на замокъ амбары, либо лавки, гдѣ торгуютъ дынями и

жевательнымъ табакомъ, цирюльни, чайханы, въ которыхъ на виду у всѣхъ брѣются, распиваютъ чай или просто, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, предаются сладкому отдохновенію. Въ одномъ мѣстѣ—рядъ мастерскихъ кузнечнаго цеха; также на виду у всѣхъ, кузнецъ работаетъ сидя, какъ на стулѣ, на краю ямы, въ которой поставлена его наковальня. Во второмъ этажѣ иногда жилыя помѣщенія—комнаты, террасы съ небольшими колонками, но чаще—тоже какіе-нибудь амбары или склады; жилище свое сартъ, какъ истый сынъ востока, старается запрятать подальше отъ любопытныхъ глазъ. Въ перемѣшку съ жилыми домами и лавками—нѣсколько мечетей или медрессе, всѣ того же желто-сѣраго цвѣта, изъ характернаго мѣстнаго плоскаго кирпича, проложеннаго толстыми пластами лессовой замазки, съ плоскими, тоже желто-сѣрыми, куполами и почему-то—съ очень низкими минаретами, которые заканчиваются полукруглымъ куполкомъ; на нѣкоторыхъ—полосы чудесныхъ изразцовъ, съ темно-синими и блѣдно-зелеными узорами. Зелени на улицѣ не видно: но по-надъ невысокими домами и „дувальными“ стѣнами видна масса зелени: какъ и все, что онъ имѣетъ, сынъ востока и свой садъ прячетъ въ глубинѣ своей усадьбы.

— Вотъ это ужъ Азія!—восклицаю я, подъ впечатлѣніемъ всей этой своеобразной картины, на фонѣ которой кишмя кишитъ пестрая, шумная, полжизни проводящая на улицѣ толпа.

— Да, но сильно подчищенная, — замѣчаетъ мой спутникъ: вотъ посмотрите — мостовая, немудрая, положимъ, а все-таки мостовая, да еще политая. А вѣдь нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы съ вами задыхались бы отъ лессовой пыли, а осенью тонули бы въ грязи; впрочемъ, на боковыхъ улицахъ и сейчасъ задыхаются и тонутъ... Ну, все-таки кое-какое освѣщеніе есть, что-то

въ родѣ ассенизаціоннаго обоза завели: теперь здѣсь воздухъ, какъ воздухъ, а вѣдь еще нѣсколько лѣтъ назадъ—хоть носъ заткни.

Однако, вагонъ добѣжалъ до конечнаго пункта Нѣсколько сотъ шаговъ пѣшкомъ—и мы на базарѣ, въ этомъ сердцѣ азіатскаго города. Безконечный лабиринтъ широкихъ улицъ и узкихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся досчатые балаганы-лавки. Всѣ улицы и переулки перекрыты навѣсомъ изъ нетолстыхъ жердей, поверхъ которыхъ кое-гдѣ набросана солома Еще недавно надъ всѣми улицами и переулками базара были устроены плоскія земляныя крыши; но послѣ андижанскаго землетрясенія начальство велѣло снять ихъ и замѣнить нынѣшними легкими навѣсами. Но и подъ этими навѣсами—достаточно прохладно, и на постоянно поливаемыхъ бурдюками улицахъ стоитъ, мѣстами, порядочная грязь.

Недалеко отъ входа въ базарный лабиринтъ мой спутникъ останавливается около сравнительно большой лавки, мало отличающейся, впрочемъ, на видъ отъ другихъ окружающихъ лавокъ: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только стоящіе горою около лавки цибики чая позволяютъ предположить, что это—не простая мелочная лавочка. Передъ лавкой стоитъ невысокаго роста, худощавый, пожилой сартъ, одѣтый немногимъ лучше и не чище, нежели всѣ вокругъ, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ. Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

— Это,—говоритъ онъ, обращаясь къ сарту и указывая на меня, — мой знакомый, господинъ такой-то, пріѣхалъ изъ Петербурга. А это Юсупъ-аксакалъ, бывшій базарный староста, хорошій человѣкъ. Не пройдете ли вы съ нами, Юсупъ?.. Мы, можетъ быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарѣ я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглашается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кулдукъ—слегка наклоняются, прижимая обѣ руки къ груди; болѣе цивилизованные—впрочемъ, очень немногіе—дѣлаютъ подъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто куритъ свой чилимъ [1]), съ поклономъ протягиваетъ его Юсупу, который дѣлаетъ глубокую затяжку.

На базарѣ самая строгая спеціализація. Каждый видъ торговли, каждый промыселъ имѣетъ свою улицу или свой переулокъ. Вотъ длинный и широкій мануфактурный рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгуютъ либо сарты, либо бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся отъ сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками, вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ, и непробритыми на вискахъ, хотя коротко подстриженными, прядками волосъ, выглядывающими изъ подъ шапочки; это — *туземные* евреи, пользующіеся въ Туркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время его присоединенія. Въ мануфактурныхъ лавкахъ—мѣстныя бумажныя матеріи, и тутъ же—„пунцъ“ россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа—нѣсколько фабричныхъ лавокъ,—Карла Шейблера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ—шелковыя и полушелковыя матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездѣ мужчины, и рѣдко-рѣдко на порогѣ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя сѣрыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ.

[1]) Мѣстное названіе кальяна.

— Такъ вотъ у нихъ и романы происходятъ,—говоритъ мой спутникъ;—вотъ сидитъ она подъ своимъ халатомъ—кто ее знаетъ, покупаетъ она что, или совсѣмъ о другомъ рѣчь. У нихъ все это очень просто дѣлается: выйдетъ сартянка на улицу, за водой или за чѣмъ другимъ; ѣдетъ незнакомый сартъ верхомъ на лошади или на ишакѣ,—зашли вмѣстѣ въ переулокъ, перекинулись двумя-тремя словами, и готово: сѣла на крупъ лошади—и поминай какъ звали; какъ ее найдешь! мужъ и встрѣтитъ—не узнаетъ подъ фатою. Ну, положимъ, и ножомъ въ бокъ такіе романы тоже часто кончаются.

Еще и еще торговые ряды: вотъ спеціально сундучный рядъ; вотъ рядъ лавокъ съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юртъ, грубыми коврами и другими аттрибутами кочевого киргизскаго обихода; здѣсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ дынями и арбузами; тамъ лавчонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, бакалейная улица, гдѣ располагаются въ перемѣшку, почти не отличаясь по наружному виду, маленькія торговлишки съ нѣсколькими десятками рублей оборотнаго капитала и большія оптово-розничныя дѣла съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

На другихъ улицахъ — ремесленники разныхъ спеціальностей, которые тутъ и работаютъ, тутъ и продаютъ свои издѣлія. Громкій стукъ молотковъ по металлу привлекаетъ насъ въ мѣдный рядъ: нѣсколько десятковъ лавокъ, гдѣ куютъ мѣдныя издѣлія, дѣлаютъ на нихъ высѣчки, лудятъ; на выставкахъ готовыя издѣлія—по большей части дешевые кумганы или мѣдныя ведра, но на вопросъ Юсупа выносятъ и показываютъ намъ и дорогія вещи, съ чудною, мелкою, художественною высѣчкой. Вотъ токарный рядъ, гдѣ на глазахъ у всѣхъ точатся и отдѣлываются ручки для бритвъ, дѣтскія люльки и всякія другія деревянныя издѣлія; первобыт-

наго устройства токарный станокъ приводится въ движеніе ремнемъ, который перекинутъ черезъ ось и за который тянетъ то въ одну, то въ другую сторону, полуголый сартъ, помощникъ токаря. По сосѣдству изготовляются деревянные частые гребни, которые выпиливаются ручною пилою на небольшомъ, остроумно приспособленномъ станочкѣ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у такого торговца матерію и указываетъ рисунокъ шитья по одному изъ готовыхъ, разложенныхъ на прилавкѣ штамповъ; торговецъ снимаетъ мѣрку, тутъ же, на глазахъ у заказчика, выкраиваетъ тюбетейку, отпечатываетъ на ней штампомъ рисунокъ и передаетъ другому работнику, который дѣлаетъ вышивку и сшиваетъ тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда—лавки „машиначей"—портныхъ, которые кроятъ и на машинѣ шьютъ столь распространенные у сартовъ и у киргизъ бухарскіе халаты.

— Вотъ вамъ и капиталистическій промыселъ,— говоритъ мой спутникъ:—эти машиначи всѣ на торговцевъ работаютъ, получаютъ отъ нихъ весь матеріалъ, прикладъ и шьютъ поштучно.

— А зарабатываютъ почемъ?

— Копеекъ по тридцати кругомъ. Это здѣсь вродѣ нормы; что ни работаютъ, а заработокъ вездѣ одинъ— тридцать копѣекъ въ сутки. Да это и не такъ мало: вѣдь у нихъ у всѣхъ, кромѣ промысла, и земля есть— хоть какой-нибудь клочокъ за городомъ,— а затѣмъ, вѣдь, и какія же у нихъ потребности!

Еще и еще разнообразные ремесленники. Вотъ, между прочимъ, пекаря, изготовляющіе излюбленныя сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работаютъ трое: одинъ раскатываетъ куски тѣста, другой на уже раскатанной лепешкѣ накалываетъ зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ жарко истопленную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она

печется „до готовности“. Рядъ серебренниковъ, дѣлающихъ разнообразныя, по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но красивыя по общему рисунку серебряныя украшенія. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичекъ-клейщикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотрѣть, какъ ловко и быстро онъ дѣлаетъ свою очень тонкую работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляетъ металлическія скобки—и починенная такимъ образомъ чашка служитъ, нерѣдко, еще много лѣтъ. Юсупъ тѣмъ временемъ перекидывается какими-то непонятными намъ фразами со старикомъ, а старикъ, между дѣломъ, изподлобья разсматриваетъ насъ. Къ намъ присоединяется еще какой-то зритель, тоже русскій, въ фуражкѣ съ кокардою и съ толстою тростью въ рукахъ—тоже, очевидно, знакомый Юсупа. Старикъ и на него посматриваетъ изподлобья, не задавая никакихъ вопросовъ и не проявляя особеннаго интереса. Случайно этотъ новый зритель, все время опиравшійся на палку, перехватываетъ ее за середину,—палка оказывается съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ въ формѣ фантастической птицы, не то орла, не то пеликана. Старикъ-клейщикъ сразу прерываетъ свою работу и закидываетъ Юсупа оживленными вопросами, все время посматривая на господина съ птицей. Я разбираю слова „улькунъ-тюрэ“: старикъ принялъ трость съ птицей за какой-то аттрибутъ власти и рѣшилъ, что владѣлецъ палки—какой-нибудь „большой начальникъ“...

Базаръ—сердце стараго Ташкента; сердце базара—широкая улица, сплошь занятая чай-ханами—чайными, и ашъ-ханами—харчевнями; въ перемѣшку съ ними то цирюльни, гдѣ сарты на виду у всѣхъ брѣютъ голову и лицо, то лавочки, гдѣ продаются дыни и жевательный

табакъ. Тутъ же, на улицѣ, стоятъ нѣсколько мороженниковъ—роль мороженаго играетъ глыба снѣга, который поливается патокой и въ такомъ видѣ подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ, съ множествомъ слуховыхъ трубокъ.

„Чайная“ улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогѣ одной изъ чайныхъ попиваетъ чай туземный полицейскій, въ длинномъ коломянковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, съ жгутами и шашкой, какъ у настоящаго городового, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ „тюрэ“, изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами, по обѣимъ сторонамъ улицы, сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тюбетейкахъ и сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длиннобородый старикъ, въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно разсказываетъ, усиленно жестикулируя и оборачиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порой онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толпы, иногда много человѣкъ заразъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это—„маддахъ“, профессіоналъ-разсказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ публику разсказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой разсказъ разными вопросами, а среди слушателей сидятъ его негласные помощники, которыхъ обязанность—отвѣчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представленію „маддаха“ видъ оживлен-

наго діалога. Окончивъ какой-то длинный разсказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ подаянія. Я тоже даю какую-то мелкую монету.

— Вотъ ему и тема для слѣдующаго разсказа,— говоритъ мой спутникъ:—какъ пришелъ на базаръ большой тюрэ, и какъ онъ, прослушавъ разсказъ маддаха, щедро одарилъ его.

Юсупъ утвердительно киваетъ головой.

Немного дальше, опять, сплошные ряды сидящихъ по обѣимъ сторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ, всѣ въ чалмахъ или тюбетейкахъ—киргизскихъ треуховъ не видно. Здѣсь уже нѣтъ никакой центральной фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ.

— Маслякáтъ держатъ?—спрашиваетъ мой спутникъ Юсупа.

— Такъ тошно, маслякатъ,—отвѣчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрались обсуждать какія-то свои общественныя дѣла.

Еще дальше—опять небольшая кучка халатовъ, на этотъ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикулируя, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ что то разсказываетъ точно сошедшій съ верещагинской картины дервишъ, въ остроконечной расшитой шапкѣ, обмотанной бѣлою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатѣ, съ посохомъ и съ висящею черезъ плечо дорожною флягой изъ тыквы-горлянки: разсказываетъ, очевидно, о святыхъ мѣстахъ, чудодѣйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы похаживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ, незатѣйливо связанныхъ букетовъ.

— Это для кого букеты?—спрашиваю я моего спутника.

— Какъ для кого! Сарты страшно любятъ цвѣты... вотъ посмотрите,—указалъ онъ мнѣ на нѣсколько человѣкъ изъ толпы: изъ-подъ тюбетеекъ выглядывали, падая на лобъ, небольшія вѣточки цвѣтущей люцерны.

Заглянули въ двѣ-три чай-ханы: всѣ онѣ болѣе или менѣе одного типа; чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешки, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу обязательный чилимъ, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдѣлать затяжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не потребовалъ никакой платной порціи, и тутъ же обязательная туземная гитара или домра; на ней играетъ каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихимъ и меланхолическимъ перебираніемъ струнъ; въ нѣкоторыхъ висятъ своеобразныя коническія клѣтки съ перепелами, которые воспитываются то для пѣнья, то для боя.

Однако, чистота во всѣхъ этихъ чайныхъ болѣе, нежели сомнительна, и потому мы направляемся пить чай въ болѣе культурную чай-хану, извѣстную и среди жителей русскаго города. Передняя часть ея предоставлена туземцамъ, которые попиваютъ чай, сидя на корточкахъ на достаточно грязномъ коврѣ; тутъ же въ переднемъ углу сидитъ на корточкахъ небольшой оркестръ—четыре человѣка, исполняющіе, между прочимъ, и русскія пѣсни; за переложеніе ихъ на туземные инструменты содержатель ханы получилъ даже, какъ гласитъ висящій на стѣнѣ дипломъ, какую-то награду на мѣстной выставкѣ. Задняя часть чай-ханы, съ окнами, выходящими на большой, обсаженный деревьями арыкъ, предназначается для привиллегированныхъ посѣтителей изъ русскаго города,—здѣсь стоитъ нѣсколько столовъ со стульями и не слишкомъ мягкими диванами. Мы располагаемся, вмѣстѣ съ Юсупомъ, за однимъ изъ нихъ; намъ подаютъ порцію чая, тѣ же сартовскія лепешки, еще какое-то печенье и тарелку съ фруктами, персиками и виноградомъ; мой спутникъ и Юсупъ дѣлаютъ по затяжкѣ изъ чилима, и лишь послѣ того приступаютъ къ чаепитію.

— Хорошо, небось, сегодня торгуете?—спрашиваю

владѣльца чай-ханы, довольно порядочно говорящаго по-русски.—Вотъ сколько народу!..

— Напротивъ,—вмѣшивается въ разговоръ мой спутникъ:—завтра пятница, большинство разъѣхалось по своимъ садамъ. Вы, пожалуй, Юсупъ,—обратился онъ къ нашему чичероне,—тоже уѣхали бы, если бы мы васъ не задержали?

— Нѣтъ, у меня дѣла есть въ городѣ,—отвѣчалъ тотъ;—ужо вечеромъ поѣду. А ужъ разъѣхалось-то, правда, много: лавки, пожалуй, на половину заперты, да и покупателей мало. Это Николай Семенычъ—такъ звали моего спутника—вѣрно говоритъ: здѣсь у каждаго, кто только не самый бѣдный, за городомъ садъ: самъ недѣлю въ городѣ сидитъ, на базарѣ торгуетъ или ремесломъ занимается; а женщины съ дѣтьми, а у кого есть—малайка, въ саду работаютъ. А на пятницу каждый въ свой садъ ѣдетъ; отдыхаютъ, по очереди другъ къ дружкѣ въ гости ѣздятъ—это у насъ „габъ“ называется; теперь вотъ только худо стало по садамъ жить...

— Что такъ?

— Да вотъ, дорогу строятъ: рабочіе отовсюду набрались—все больше персы; грабежи пошли, убійства...

На широкой базарной улицѣ слышится какое-то особенное движеніе: ѣдетъ офицеръ верхомъ, за нимъ два верховыхъ туземныхъ полицейскихъ; всѣ, кто сидѣлъ, встаютъ и дѣлаютъ кулдукъ.

— Полицмейстеръ туземнаго города, — говоритъ Юсупъ:—хорошій господинъ...

— Развѣ при ханахъ начальники не лучше были?

— Что вы, помилуйте,—чуть не испуганно восклицаетъ Юсупъ:—развѣ можно говорить!.. При ханѣ—просто бѣда было: тогда нельзя было такой халатъ надѣть, какъ этотъ!—и Юсупъ указалъ на свой хотя и довольно потрепанный, но все-таки чичунчевый халатъ:

—какъ только узналъ бы датха́, что у меня деньги есть, сейчасъ бы какое-нибудь дѣло завелъ, самого въ тюрьму, а деньги—часть хану, а часть себѣ... Не дай Богъ!.. Что̀ въ вахфъ отдано, только того и не трогали...

— Вѣдь вы знаете,—вмѣшался мой спутникъ, Николай Семеновичъ,—здѣсь вѣдь почти всѣ лавки и кругомъ караванъ-сараи—все это вахфы: къ мечетямъ приписаны, къ медрессамъ. Ну, мечетямъ и медрессе, конечно, немного достается, главный доходъ идетъ мутавалію—душеприказчику, изъ потомковъ завѣщателя, который завѣдуетъ вахфомъ. Въ сущности, изъ-за этого больше и вахфы учреждались: оставить имущество просто дѣтямъ—того и гляди на хана отберутъ; ну и завѣщали въ вахфъ, а потомковъ мутаваліями назначали; самое лучшее было обезпеченіе—ханъ не отберетъ!..

VII.

Въ предгорьяхъ Алатау.

Вечеря́етъ. Необыкновенно тряскій экипажъ прославленной въ краѣ „ивановской“ почты, запряженный тройкою умѣренно скверныхъ — въ видѣ особаго одолженія—лошадей, верстъ десять подпрыгиваетъ по мелкой булыгѣ, прикрытой сверху толстымъ слоемъ тончайшей лёссовой пыли; за городскою чертой булыга исчезаетъ, и пыль принимаетъ прямо гомерическіе размѣры, временами застилая отъ путника даже везущихъ его лошадей: кто не видалъ лёссовой пыли, тому даже трудно себѣ представить, что́ это за ужасъ!.. До самой станціи Черняевской — верстъ, значитъ, двадцать отъ

Ташкента — дорога тянется между двумя рядами непрерывныхъ, сѣро-желтыхъ „дувальныхъ“ стѣнъ, то высокихъ и крѣпко сложенныхъ, аккуратно покрытыхъ лѣссовою замазкой, то низенькихъ, вросшихъ отъ старости въ землю, а то и полуразвалившихся. Надъ этими стѣнами то высится сплошная, темная, но до послѣдней степени запыленная зелень рослыхъ древесныхъ насажденій, то обвивается, по высокимъ шпалерамъ, виноградникъ, то выглядываетъ, сквозь пріоткрытыя калитки или обвалившіяся стѣны, темно-зеленый бархатистый коверъ люцерны или правильно разсаженные невысокіе кустики американскаго хлопка. Жилья не видно вовсе — жилища попрятались въ самой глубинѣ садовъ или древесныхъ насажденій. Но чуть не на каждой верстѣ — то по одиночкѣ, то цѣлыми группами, располагаются чай-ханы и караванъ-сараи, служащіе пріютомъ для безконечно тянущихся по тракту верблюжьихъ каравановъ и телѣжныхъ или арбяныхъ обозовъ. Въ чайханахъ вездѣ народъ: сидятъ кружкàми, попивая чай изъ круглыхъ чашекъ или потягивая забористый дымъ чилимовъ; вездѣ слышенъ оживленный разговоръ, мѣстами—тихіе звуки туземнаго струннаго инструмента.

И въ городской чертѣ, и дальше, до Черняевой—сплошной оазисъ, орошаемый водами одного изъ крупнѣйшихъ оросительныхъ каналовъ края—Захъ-арыка. Его главныя вѣтви проходятъ по гребнямъ невысокихъ холмовъ, заполняющихъ мѣстность, а выведенные изъ нихъ третьестепенные каналы разносятъ воду, а съ нею и жизнь, по склонамъ этихъ холмовъ.

— Вотъ киргизы какихъ садовъ поразводили, говорю я, обращаясь къ своему товарищу по экскурсіи, мѣстному жителю, большому знатоку туземнаго хозяйства.

— Ну, здѣсь киргизскаго мало! Вокругъ Ташкента киргизы ужъ всѣ свои земли пораспродали; кто уже

давно при ханахъ, а больше въ послѣднее время: получили землю на осѣдлыхъ основаніяхъ, на полномъ правѣ собственности, — и бросились продавать: все больше сартамъ, а кто и русскимъ.

На оставшемся почему-то незагороженнымъ небольшомъ пространствѣ—не то лагерь, не то киргизскій аулъ: маленькіе шалаши изъ камышевыхъ „чій“, кое какъ разставленныя войлочныя палатки, между шалашей и палатокъ—верблюды, быки, нѣсколько барановъ.

— Кунградцы,—говоритъ мнѣ мой спутникъ.

— Это что́ такое?—спрашиваю я.

— А это за Дарьей—Кунградская волость и кунградскій родъ; сами еще не занимаются земледѣліемъ, но бѣднота каждый годъ прикочевываетъ къ Ташкенту, къ русскимъ поселкамъ и къ кишлакамъ осѣдлыхъ киргизъ,—жать хлѣбъ изъ доли. Прежде жали изъ восьмого да изъ десятаго снопа, а ноньче саранча у нихъ корма поѣла, такъ ихъ особенно много прикочевало; жали ужъ изъ шестнадцатаго, а то и изъ двадцать четвертаго снопа.

Темною ночью минуемъ Черняевскую станцію; сейчасъ же за нею Черняевскій крестьянскій поселокъ;—сплошная густая роща изъ пирамидальныхъ тополей и кудрявыхъ ивъ, изъ-за которыхъ едва виднѣются обмазанныя лёссомъ крестьянскіе дома; кое гдѣ мелькаютъ огоньки, но большею частью уже совсѣмъ темно,—деревня рано ложится спать.

За Черняевой дорога выходитъ на открытую холмистую степь. Воздухъ совершенно другой: въ предѣлахъ орошеннаго оазиса сырой, а ночью прямо таки пронизывающій, онъ становится сухимъ и теплымъ, какъ только вы выѣхали на неорошенную степь.

Нѣсколько верстъ—и опять густая роща изъ правильно посаженныхъ ивъ и пирамидальныхъ тополей. Это нѣмецкій поселокъ Константиновскій, гдѣ мы должны

заночевать. Насъ везутъ сначала къ старостѣ, котораго впрочемъ здѣсь зовутъ шульцомъ,—потомъ на Absteige-quartier. Черезъ сѣни, съ до-верху засыпаннымъ пшеницей глинобитнымъ закромомъ, мы проходимъ въ большую длинную комнату, съ глинобитнымъ же поломъ, чрезвычайно чистую и аккуратную. Обстановка—европейская: дѣтскія люльки, кровати съ пологами, столы, стулья, въ буфетѣ большой запасъ столовой посуды, на особомъ крючкѣ платяная щетка. Хозяинъ, начисто бритый, пожилой нѣмецъ въ жилеткѣ и кожаныхъ туфляхъ, встрѣчаетъ насъ привѣтствіемъ и нѣсколькими вопросами на ломаномъ русскомъ языкѣ; сынъ его, молодой парень, говоритъ по-русски совершенно свободно и съ едва только замѣтнымъ акцентомъ. Но женщины, съ которыми мы пытаемся вступить въ переговоры насчетъ самовара и ужина, по русски почти не понимаютъ — переговоры приходится вести на нѣмецкомъ языкѣ.

Пока грѣется самоваръ, я выхожу на дворъ, гдѣ вокругъ нашего тарантаса собралось съ полтора десятка нѣмцевъ разнаго возраста—старые въ жилеткахъ или пиджакахъ, молодые въ рубахахъ на выпускъ. Начинаются разговоры о томъ, о семъ, о быломъ и о настоящемъ житьѣ. Оказывается, въ поселкѣ за сто дворовъ, да нѣсколькихъ десятковъ не приписанныхъ,—изъ Самарской и Саратовской губерніи.

— Изъ двадцати трехъ колоній собрались—разсказывали нѣмцы: — все самый бѣдный народъ были— у однихъ вовсе земли не было, у другихъ совсѣмъ мало. Собрались идти на Амуръ; дошли до Оренбурга—а переселенческій начальникъ намъ говоритъ: вы, говоритъ, народъ бѣдный, куда вамъ такъ далеко идти—ступайте въ Ташкентъ. Дошли до Казалинска—у многихъ не то что дальше идти, ѣсть нечего стало. Прожили зиму въ Казалинскѣ; всю зиму намъ начальство помогало, а

потомъ до Ташкента провезли на казенный счетъ. Отвели землю—поливной по шести десятинъ на семью, да степи отвели кусокъ, да воду дали, сколько слѣдовало, изъ Ханымъ-арыка.

— Какъ же вы съ водой справлялись?

— Трудно было сначала!.. Часть земли намъ отвели съ готовыми арыками, на остальную пришлось проводить воду. Сами, первое время, не знали, какъ взяться —согласились съ киргизами: они арыки провели, а мы имъ дали два раза посѣять просо. Теперь хорошо выучились: гдѣ нужно—либо сами проводимъ арыки, либо киргизъ нанимаемъ и имъ показываемъ, гдѣ и какъ вести.

— Что́-же, хлопокъ сѣете?

— Нѣтъ, не сѣемъ; у насъ все пшеница

— Почему такъ? развѣ хлопокъ здѣсь не родится?

— Нѣтъ, родится—киргизы кругомъ сѣютъ, да намъ не подходитъ: работы съ хлопкомъ очень много, а намъ, нѣмцамъ, надо побольше хлѣба засѣять; есть вѣдь которые по пятьдесятъ да по шестьдесятъ десятинъ засѣваютъ. А потомъ, для хлопка надо много воды, а у насъ воды совсѣмъ мало. Вѣдь мы и подъ хлѣба почти не поливаемъ: поливать хорошо, если по три да по четыре раза,—на это воды не хватаетъ; а разъ полить—только хуже. Сначала мы тоже думали, что безъ полива нельзя, —а какъ стали пробовать,—видимъ, озимая пшеница и ячмень безъ полива больше пользы даютъ, чѣмъ на политой землѣ. Только подъ клеверъ [1]) и поливаемъ— тутъ ужъ безъ полива никакъ нельзя... Вотъ, насчетъ яровыхъ хлѣбовъ у насъ плоховато: раннихъ яровыхъ— пшеницы, ячменя, эти года вовсе сѣять не стали—са-

[1]) Клеверомъ туркестанскіе жители—и крестьяне, и интеллигенты, называютъ люцерну; это названіе настолько укоренилось, что его употребляютъ въ обиходѣ даже мѣстные спеціалисты-агрономы.

ранча съѣдаетъ; поздніе яровые безъ полива не родятся, а воды для нихъ не хватаетъ.

— Ну, а все-таки, какъ вамъ здѣсь живется? довольны, что сюда переселились?

— Довольны... Сначала трудно было: пришли ни съ чѣмъ, съ водой обходиться не умѣли, что можно безъ полива сѣять—не знали; а теперь хорошо живемъ—куда лучше, чѣмъ дома, въ колоніяхъ.

— А съ киргизами у васъ дружба, или нѣтъ?

— У насъ не можетъ быть съ киргизами дружбы—sie sind ja Muhammedaner (замѣчу—въ скобкахъ, что весь нашъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ): споровъ и обидъ нѣтъ, но и дружбы тоже нѣтъ. Съ крестьянами дружнѣе живемъ — die sind doch Christen, wie wir.

Рано утромъ трогаемся въ дальнѣйшій путь—трогаемся не безъ затрудненій, потому что нѣмецкія лошади, привыкшія къ дышловой запряжкѣ, съ большою неохотою даютъ впречь себя въ троечный тарантасъ.

По обѣимъ сторонамъ сверхъестественно-пыльной дороги сильно-холмистая степь, заполненная послѣдними отрогами Таласскаго Алатау. Плоскіе сырты и пологіе склоны холмовъ покрыты саженнымъ слоемъ сѣровато-желтаго лёсса и поросли густою, но выженною палящимъ туркестанскимъ солнцемъ травою. Внизу, справа, долина небольшой рѣчки Келеса, а по долинѣ, вдоль рѣчки, аулы зачисленныхъ въ осѣдлое состояніе—какъ я узналъ отъ моего спутника—киргизъ Акъ-Джарской волости. Зимовки жалкія—небольшія глинобитныя „курганчи“, съ крохотными огороженными двориками; на плоскихъ крышахъ небольшія скирды люцерны или соломы. Около зимовокъ — крохотные квадратики орошаемыхъ пашенъ, все больше подъ люцерной; повыше, по склонамъ холмовъ,—большіе квадраты и прямоугольники богары—посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія;

съ нѣкоторыхъ полосъ недавно снятъ хлѣбъ, другія—старыя залежи, поросшія характерною верблюжьею колючкой. Около зимовокъ разставлены куполообразныя киргизскія юрты.

— Прикочевали уже,—говоритъ мой спутникъ.

— Какъ прикочевали?—изумляюсь я: — вѣдь вы же говорили, они осѣдлые?

— Я говорю—*зачислены* въ осѣдлые—но они преспокойно продолжаютъ кочевать: вѣдь горы здѣсь подъ рукой, они и откочевываютъ на лѣто. А что ихъ зачислили въ осѣдлые, такъ вѣдь это такъ, зря: около Ташкента всѣхъ позачисляли, а подальше—оставили на кочевомъ положеніи; а разницы никакой нѣтъ. А вѣдь для киргизъ это зачисленіе — не шутка: осѣдлымъ полагается отводить одни культурныя угодья,—а у нихъ много-ли такихъ угодій: всего-ничего!.. хорошо еще, что пока за казенными пастбищами почти нѣтъ присмотра—они себѣ и откочевываютъ на лѣтовку, хотя права уже не имѣютъ. А запереть ихъ на своей землѣ—хоть пропадай!“

Недоѣзжая почтовой станціи Шорапхана, цѣпь зимовокъ и полей прерывается на нѣсколько верстъ—очевидно, киргизы не съумѣли вывести сюда воды. Вдоль рѣчки, по широкой лужайкѣ, чуть не на версту вытянулся сплошной рядъ юртъ; вокругъ юртъ кишмя кишитъ народъ: гдѣ группа киргизъ верхами, гдѣ такіе же киргизы сидятъ небольшими группами въ кружокъ, на корточкахъ, и предаются пріятнымъ разговорамъ; женщинъ не видно, не видно и скота...

— Байга? — спрашиваетъ мой товарищъ ямщика-киргиза.

— Байга,—отвѣчаетъ тотъ:—Сандыбай байга дѣлалъ, отца поминалъ. Больше мѣсяцъ байга живутъ, купцовъ сколько собралось!.. Первой лошади семьсотъ рублей, второй—шестьсотъ, третьей—пятьсотъ рублей.

— Здòрово!—восклицаю я.

— Хорошая байга,—соглашается киргизъ.—А Касембека помнили—куда больше байга была: сыновья больше трехъ тысячъ истратили, родственники давали кто пятьсотъ, кто тысячу рублей; да со всего рода по приговору собирали, по одиннадцать рублей съ кибитки, съ богатаго и съ бѣднаго,—а въ роду тысяча восемьсотъ кибитокъ! Однихъ барановъ пятьсотъ штукъ зарѣзали, да сорокъ лошадей. Первый призъ былъ—тысяча рублей, да пятьдесятъ верблюдовъ, да десять бобровъ, да китайская ямба серебряная. Народу много-много собралось. весь Аульеатинскій уѣздъ, изъ Акмолинскаго уѣзда пріѣхали, изъ Атбасарскаго—тоже больше мѣсяца жили.

— Вѣдь это-же чистое разореніе!—восклицаю я.

— Бываетъ, что и разоряются,—говоритъ мой спутникъ: нельзя—разъ родовитый киргизъ умеръ, сыновья не могутъ уклониться отъ байги. Если средства не слишкомъ большія остались—бываетъ, что и бо́льшая часть наслѣдства на байгу уходитъ. Ну—да это рѣдко. А такъ—въ убыткѣ они не остаются: соберутъ народъ на байгу, угостятъ, дадутъ призы,—а понемногу все съ лихвою выберутъ: то подарками, то землей, то чѣмъ другимъ.

Станція Беклярбекъ, устроенная въ бывшей мечети. Комната для проѣзжающихъ — крохотная боковая каморка, а въ большой круглой залѣ мечети, съ закуренными стѣнами и куполообразнымъ потолкомъ, помѣщается ямщицкая. На полу валяются кошмы, шубы, по стѣнамъ развѣшана сбруя, а подъ однимъ изъ оконъ, гдѣ не такъ темно, столикъ станціоннаго писаря.

Еще пара перегоновъ, все по такой-же холмистой степи, мѣстами орошенной и обработанной, но увы, съ посѣвами сплошь выѣденными саранчею, и мы въ Чимкентѣ.

И Чимкентъ и Аульеатà—это, такъ сказать, Таш-

кенты въ миніатюрѣ: небольшой русскій городъ, съ тѣми же одноэтажными, свѣтло-окрашенными домами, кирпичными тротуарами, арыками и двойными аллеями рослыхъ деревьевъ, и такой же сѣро-желтый туземный городъ, съ многочисленными чай-ханами и обширнымъ базаромъ. На пригоркѣ старая крѣпость, которую когда-то штурмовалъ Черняевъ. Вокругъ города—широкій поясъ садовъ и полей, принадлежащихъ туземцамъ-горожанамъ. На степи—юрты наѣзжихъ изъ Ташкента кумысниковъ.

Вечеръ мы провели у одного изъ чимкентскихъ служащихъ нотаблей. Не то случайно, не то—чтобы посмотрѣть на проѣзжихъ людей, къ нему собралось еще нѣсколько нотаблей, также изъ служащаго класса. Поговорили по поводу послѣднихъ ташкентскихъ извѣстій и слуховъ, которыя привезъ съ собою мой товарищъ по поѣздкѣ. Потомъ стали разговаривать о мѣстныхъ дѣлахъ, о поселенцахъ, киргизахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

— Не похвалю я,—говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—нашихъ мужичковъ.—Возьмите киргизъ или сартовъ: подъ поселенія землю у нихъ отобрали, стѣснили порядочно, а между тѣмъ держатся тихо и смирно, никогда сами не задѣнутъ русскихъ. А крестьяне—туземцевъ въ грошъ не ставятъ: басурманскую молъ землю нашъ царь завоевалъ, а мы царскіе, значитъ у басурманъ надо землю отобрать да раздать хрешшонымъ. Только и слышатъ отъ нихъ киргизы: „орда некрещеная“, да „тварь“...

— Это вѣрно, — говоритъ другой. — Ко мнѣ вотъ приходили мѣщане да солдаты—на Каскасу̀ проситься, такъ и говорятъ: „жителевъ тамъ нѣтъ, одна орда“. Точно ордà не жители!..

— Это что за Каскасу?—спрашиваю я.

— А вотъ, вы завтра вверхъ по Сайраму поѣдете,—

такъ это еще повыше, въ горахъ; ужъ давно тамъ солдатскій поселокъ намѣчался; ничего изъ этого не вышло, но преданіе держится, и то одни, то другіе хлопочутъ на водвореніе. И сейчасъ вотъ солдатъ одинъ—писаремъ онъ у пристава служитъ, набралъ народу человѣкъ съ полсотни, взялъ съ нихъ по три цѣлковыхъ и хлопочетъ. Я вотъ,—замѣтилъ собесѣдникъ,—и самъ съ нимъ разговаривалъ; говорю ему: не выйдетъ ваше дѣло, много тамъ киргизъ лѣтуетъ, а онъ мнѣ: чего,—говоритъ, на нихъ смотрѣть, мы, молъ, всѣ въ солдатахъ служили, такъ неужто изъ-за киргизъ намъ откажутъ?!.

— Да ужъ, это что́ грѣха таить, — сказалъ третій собесѣдникъ...—Только и наровятъ, какъ-бы туземца обмануть или обидѣть. Вотъ возьмите, арыки: вѣдь мужика не выгонишь арыкъ чистить или поправлять. Гдѣ арыки общіе съ киргизами—чистое несчастье: мы, молъ, не затѣмъ сюда пришли, чтобы арыки копать; орда до насъ чистила, пускай и теперь чиститъ. А настоишь, заставишь выйти на работу,—ужъ мужикъ непремѣнно въ какіе-нибудь десятники пристроится; киргизы да сарты работаютъ, а онъ себѣ стоитъ да покрикиваетъ.

— Ну, знаете-ли, — вставилъ свое слово еще собесѣдникъ,—имъ отъ киргизъ тоже не мало терпѣть приходится... Возьмите вотъ потравы,—вѣдь какъ мужиковъ донимаютъ!

— Господи, да какъ же можетъ быть иначе!.. Развѣ легко киргизамъ привыкнуть! Прежде было вольно, пасли скотъ гдѣ хотѣли, никакихъ границъ не знали. А теперь повыростали поселки—естественное дѣло, что скотъ нѣтъ-нѣтъ да и зайдетъ на крестьянскій надѣлъ; а крестьяне и рады, — загонятъ скотъ, да и сдерутъ вдесятеро. А киргизъ—онъ и понять не можетъ, за что́ съ него берутъ; крестьянскій-то скотъ тоже постоянно на киргизскую землю заходитъ, киргизы на это и не смотрятъ,—а съ нихъ за все дерутъ. Вотъ,

назадъ тому три года у покровскихъ мужиковъ саранча всѣ корма сожрала, киргизы весь ихъ скотъ на свои пастбища пустили, такъ, сами собой; ихъ и губернаторъ въ приказѣ благодарилъ.. а дождитесь-ка отъ нашихъ мужичковъ чего-нибудь подобнаго... у нихъ первое время и своего скота-то не было, корма зря пропадали, а забѣжитъ киргизская скотина, сейчасъ скандалъ поднимутъ. Ну, раза, два, три ихъ нагрѣютъ, они и мстить начинаютъ, лошадей уводятъ и все такое

— Напрасно вы, Михайлъ Иванычъ, такъ на нашихъ мужиковъ нападаете,—вмѣшался въ разговоръ другой собесѣдникъ. Ну, конечно, не легко имъ ужиться съ киргизами, народъ чужой, другой крови и другой вѣры. А отъ сартовъ киргизамъ лучше? Нашъ мужичекъ, онъ конечно своего не упуститъ, но гдѣ ему до сарта! Сартъ—тотъ ужъ такъ киргиза опутаетъ, что твой паукъ; дай ему только волю,—у киргизъ и земля вся уплыветъ, и скота не останется, цѣликомъ слопаютъ! Притомъ же,—не забудьте, Михайло Ивановичъ—нашъ мужикъ несетъ къ нимъ болѣе высокую культуру!.. значитъ, не одинъ вредъ отъ него киргизамъ...

— Хороша культура!—воскликнулъ Михайло Иванычъ, къ которому довольно дружно присоединились и остальные собесѣдники,—что же такое особенное крестьяне принесли киргизамъ по части культуры?..— разскажите пожалуйста!

— Какъ, помилуйте, а коса-литовка!—развѣ это для киргизъ не благодѣяніе?.. вѣдь до русскихъ они руками траву рвали или серпомъ рѣзали, много ли онъ могъ къ зимѣ корма заготовить?.. а теперь чуть не каждый киргизъ косить выучился.

— Ну, только и есть... косы да косы... А въ остальномъ не киргизы у русскихъ учатся, а рускіе у киргизъ: всѣ пріемы поливки полей у нихъ переняли,

культуру люцерны, кунакъ [1]); а кетмень!.. вѣдь мужикъ теперь шагу безъ кетменя ступить не можетъ... Ужъ если кому киргизы обязаны своею культурой, то конечно сартамъ. А мужички у тѣхъ же сартовъ да киргизъ учатся, да и учатся то еще какъ... сартъ хлопокъ сѣетъ или рисъ, а нашъ братъ мужичекъ—пшеничку да ячменекъ,—съ хлопкомъ молъ работы больно много... Оно и выходитъ: сартъ на пяти десятинахъ поливной земли—чуть не помѣщикъ. А крестьянамъ отвели по двадцать да по тридцать десятинъ, воды—хоть отбавляй,—тутъ бы имъ рай земной, а имъ все мало. Выпашутъ свой надѣлъ, удобрять неохота,—и пошли арендовать киргизскую землю, а тамъ и прошенія подавать: „нельзя ли молъ прирѣзочки,—у орды вонъ сколько земли праздно лежитъ“...

На слѣдующее утро ѣдемъ въ сторону отъ большого тракта, въ Георгіевку и Петропавловку. Чуть не вплотную отъ самаго Чимкента начинаются и тянутся на двадцать верстъ поля огромнаго сартовскаго кишлака Сайрама, главнаго торговаго пункта Чимкентскаго уѣзда. Вотъ и самый кишлакъ—все тѣ же массы сѣрожелтыхъ лёссовыхъ построекъ, такой же базаръ съ перекрытыми улицами — всѣ эти сартовскія поселенія какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга.

— Сорокъ мечетей,—съ восторгомъ говоритъ, оборачиваясь къ намъ, ямщикъ-киргизъ!—Много святыхъ,—могила Миріамъ есть, матери Исà [2]).

Дорога тянется по долинѣ Сайрама. Долина сплошь разработана въ аккуратные квадраты поливныхъ полей, а довольно высоко по склону окаймляющихъ долину безлѣсныхъ горъ тянется то прямая, то изломанная

---

[1]) Кунакъ—мелкій видъ проса, употребляемый и въ пищу, и въ кормъ скоту, очень распространенный среди туркестанскихъ туземцевъ и особенно киргизъ.

[2]) Миріамъ—Марія, Исà—Іисусъ.

линія орошающаго эти поля арыка. Ниже арыка весь склонъ горы тоже разработанъ въ поливныя пашни, выше—большіе квадраты то занятой хлѣбами, то оставленной въ залежь богары.

На встрѣчу намъ тянется верблюжій караванъ: перекочевываетъ съ горныхъ лѣтовокъ семья богатаго киргиза. Что онъ богатъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, со свойственною киргизскимъ „баямъ“ хвастливостью, каргаулъ,—„отличка богатыхъ“, объясняетъ намъ ямщикъ-киргизъ,—султанъ изъ перьевъ, торчащій надъ вьюкомъ перваго верблюда. Но еще краснорѣчивѣе о томъ же говорятъ прекрасныя верховыя лошади, дорогіе серебряные пояса мужчинъ—у одного изъ нихъ на рукѣ соколъ въ изукрашенной шапочкѣ, и въ особенности—огромные табуны скота, которые тянутся вслѣдъ за караваномъ, подъ конвоемъ одѣтыхъ въ лохмотья пастуховъ.

Сайрамскія пашни, долго тянувшіяся широкою сплошною полосой, начинаютъ чередоваться съ пашнями и усадьбами киргизъ. Аккуратныя сѣро-желтыя мазанки со сложенными на плоскихъ крышахъ скирдами соломы и люцерны, около нихъ небольшія по площади, но хорошо выросшія древесныя насажденія, чистораздѣланныя поля. Эти киргизы уже совершенно осѣли; „на джайляу не ходятъ“, — объяснилъ намъ нашъ киргизъ-ямщикъ. И, конечно, „числятся“ кочевниками.

А вотъ и надѣлъ Георгіевскаго поселка. Вправо отъ дороги — полоса поливныхъ земель, занятыхъ подъ бахчи и подсолнухъ. Влѣво полоса заброшенныхъ земель, поросшихъ верблюжьею колючкой и совершенно высохшею травою,—но со слѣдами когда-то дѣйствовавшихъ оросительныхъ канавокъ.

— Камень, нельзя пахать, объясняетъ, на наши вопросы, попавшійся навстрѣчу Георгіевскій мужикъ.— Опять же и подъ худобу мѣсто нужно.

— А киргизы не пахали этой земли?

— Они-то пахали! ихнимъ омачемъ можно пахать,— а нашимъ плугомъ нешто этакій камень спашешь!..

Вотъ и Георгіевскій поселокъ: такой же сплошной зеленый садъ, въ которомъ топутъ вымазанныя бѣлою глиной, крѣпкія и просторныя хохлацкія мазанки. По улицамъ—день былъ воскресный — разгуливаетъ деревенская молодежь и разъѣзжаютъ верхами киргизы, въ праздничныхъ одеждахъ. То здѣсь, то тамъ, на завалинкѣ, сидитъ группа мужиковъ и мирно бесѣдуетъ съ сидящими на корточкахъ киргизами; кое-гдѣ, въ окнахъ, характерныя физіономіи киргизъ—у кого-нибудь въ гостяхъ, за самоваромъ.

Заѣзжаемъ, тоже напиться чаю, къ волостному старшинѣ. За чаемъ, конечно, обычные разговоры: о землѣ, объ урожаѣ, объ уборкѣ.

— Можно здѣсь жить-то,—говоритъ старшина, потягивая изъ блюдечка чай. Наши-то, все больше, кто изъ Кустаная сюда пришелъ, кто изъ Актюбы; которые раньше и въ Оренбургской губерніи жили, у башкиръ, аль на Самарѣ,—ну, противъ здѣшняго тамошнія мѣста ничего не стоятъ. Тамъ хлѣбъ два года родится, а два года засуха—нѣтъ ничего. А здѣсь каждый годъ урожай. Насчетъ покосу тоже хорошо: у киргизцевъ поле было подъ клеверомъ засѣяно,—мы подъ покосъ оставили; сейчасъ ужъ больше десятка годовъ косимъ, трава вонъ какая растетъ..

— Но хлѣба-то вѣдь только съ поливомъ родятся!?

— Зачѣмъ!.. мы вотъ пришли—тоже располагали, безъ поливу нельзя сѣять; ну, да и нечѣмъ было: скота не было, сѣмянъ тоже, дай Богъ хоть поливную-то землю какъ-нибудь засѣять. А сейчасъ заправился народъ, скотомъ завелись: у насъ въ поселкѣ однихъ быковъ рабочихъ за тысячу, два табуна рогатыхъ ходятъ, лошадей у каждаго по двѣ али по три. Плугъ быковъ

всякій житель имѣетъ, а у которыхъ по два, да по три плуга. Ну—воды-то и не хватаетъ всю землю полить. По началу боялись безъ поливу сѣять, а потомъ пытать стали: гдѣ на бугоръ нельзя воды вывести—дай-молъ попытаемъ, на фартъ, такъ посѣять; посѣяли — ладно вышло, что́ на поливной землѣ, что́ безъ поливу; дальше да больше,—теперь которые на богарѣ больше противъ поливной стали сѣять. А ужъ у киргизцевъ, повыше въ горахъ—тамъ хоть вовсе не поливай... За такую землю дороже поливной платить стали...

— А много арендуютъ мужики у киргизъ?

— Мно-ого... Безъ-мала все кругомъ пораспахали!.. Наши мужики, да изъ-подъ Чимкента со всѣхъ поселковъ: тамъ, на степѣ-то, саранча больно обижаетъ,—ну, а въ горахъ саранчи нѣтъ. Вотъ мы на Майбулакѣ пашемъ—тамъ за полтысячи десятинъ хресьяне покортомили; подъ Каскасой скрозь русскіе пашутъ,—киргизцы шибко сдавать стали: послѣ мужиковъ дескать хлѣбъ лучше родится. А которые посправнѣе—тѣ землю берутъ за процентъ: дастъ киргизу зимой денегъ, аль пшеницы, а весной за то пашетъ, сколько придется. Пропадаютъ тоже за которыми деньги... Въ нашемъ поселкѣ, пожалуй, за тысячу рублевъ за киргизцами осталось. Киргизцы—они сейчасъ въ рукахъ у нашего брата: всю зиму онъ то хлѣбъ беретъ, то чего! вѣдь бѣдны они, плохо работаютъ.

— А до васъ какъ они жили?

— Да такъ и жили! разъ въ день поѣстъ кузи, аль чего... а теперь попривыкли ѣсть по-русски-то; мы ихъ изъ-за этого и въ работники не больно охочи брать: работаютъ плохо, а съ ѣдой трудно: вари имъ все свое, мясо каждый день чтобъ было. До насъ и не знали, какой такой сахаръ,—а теперь работникъ безъ сахару чаю не пьетъ!.. Работать-то, положимъ, которые уже подучились: косятъ здорово, быковъ тоже запрягать

привыкли. Конечно, и киргизъ разный: и у нихъ есть честные, да работящіе,—и между нашимъ братомъ всякій народъ.

Верстъ десятокъ выше по Сайраму—небольшой поселокъ Петропавловскій, возникшій всего тому три года. Мазанки самаго типичнаго хохлацкаго вида, вокругъ мазанокъ молодое древесное насажденіе; лишняя вода изъ арыковъ заливаетъ дорогу и сбѣгаетъ внизъ, въ долину рѣки. По гумнамъ огромные стога сѣна и ометы соломы, на дворахъ и на улицѣ—каменные молотильные катки, ручныя вѣялки. И здѣсь множество киргизъ—угощаются, пьютъ чай, разговариваютъ.

Большинство жителей поселка—харьковцы, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, всѣ—изъ двухъ сосѣднихъ деревень. Послали „въ Ташкенъ“ ходоковъ,—тѣ прожили цѣлый годъ и высмотрѣли землю; потомъ, прямо уже на облюбованное мѣсто, пришли и остальные. Сначала заарендовали у сартовъ землю на тридцать лѣтъ,—а потомъ сарты сами предложили купить „на вѣчность“: по 65 рублей за пай, а въ паю по 20 десятинъ поливной земли, да „еще сколько-то неполивного выгона“,—да право на четыре кулака[1]) воды для поливки пашенъ, да два кулака на усадьбы.

— Что́ больно дешево?—спрашиваю я.

— Киргизцы имъ травили землю,—они и надумали насъ сюда пустить: располагаютъ такъ, что мужики киргизцевъ отвадятъ скотъ зря пускать,—тогда и сартамъ на своей землѣ вольготнѣе будетъ.

— Что́-же, хорошее здѣсь мѣсто?

— Чѣмъ не хорошее! воды сколько хочешь, да и безъ поливу хлѣба родятся. Только однимъ пеловко: холстомъ земля вытянулась, безъ мала что на десятокъ

---

[1]) Кулакъ—мѣстная мѣра оросительной воды.

верстъ,—къ самому Егорьевскому поселку подошла. Мы-было тамъ и поселились; да тамъ вода худая — стали болѣть, которые и примерли. Сюды перешли, у живой воды дома поставили,—такъ отсюда опять далеко на поля попадать, черезъ рѣчки да арыки; какъ вода съ горъ набѣжитъ, такъ черезъ рѣчки и вовсе не переѣхать: ужъ сколько возовъ съ хлѣбомъ, да съ сѣномъ потопили.. Больно только общество у насъ несогласное!

— Что̀ такъ?

— Да такъ вотъ: по началу все изъ-за усадебъ спорили. У насъ вѣдь въ поселкѣ не все хохлы — десять домовъ есть со всякихъ мѣстовъ: въ Чимкентѣ раньше жили да по поселкамъ,—такъ вотъ, съ ними все нелады; а теперь и изъ своихъ, кто побогаче, общественную землю запахиваютъ.

— А у васъ земля не разбита по паямъ?

— Какъ не разбита! Да они нешто глядятъ! пашутъ, сколько имъ надо, да и все тутъ; прогоны перепахиваютъ, ничего знать не хотятъ. Мы вотъ, которые побѣднѣе, хотимъ на вѣчность раздѣлиться, а то они намъ вовсе не даютъ житья.

— Что̀-жъ у васъ, развѣ уже вся земля распахана!

— Какой тебѣ вся! на первый разъ по три десятины на пай подѣлили, потомъ по пятку. Только еще обзаводимся,—все больше на заемныя деньги.

— У кого занимаете?

— Да у егорьевскихъ мужиковъ больше. Дастъ онъ тебѣ сто рублевъ,—а ему за процентъ десятину пшеницы отдай. А десятина пшеницы—она вѣдь тоже на сто рублей выйдетъ... Ну, сейчасъ ужъ которые изъ долговъ выходить стали. Тоже вотъ съ водою первое время намаялись. Первый годъ вовсе не поливали—не умѣли взяться; слава-те Господи, дождичка послалъ, такъ хлѣбъ хорошо уродился. А кто польетъ—пуститъ воду, стоитъ,

разставя руки, и глядитъ,—а вода на двадцать десятинъ разольется. Стали киргизъ нанимать на поливку, а сами у нихъ учились. А то который видитъ—киргизъ пошелъ свою пашню поливать, за нимъ бѣжитъ, посмотрѣть, значитъ Ну, сейчасъ-то ужь выучились, воды зря не упустимъ...

Въ тотъ же день, вечеромъ, вернулись въ Чимкентъ, а на другое утро поѣхали дальше, по Аульеатинскому тракту.

Вотъ поселокъ Красныя-воды—какъ и всѣ другіе, въ густой, искусственно насаженной рощѣ. Изгороди плоховаты, воротъ у многихъ дворовъ вовсе нѣтъ. Нѣсколько просторныхъ домовъ съ раскрашенными оконными рамами и желѣзными крышами, но больше—сѣрыя мазанки съ камышевыми или глиносоломенными крышами; многія обпесены нешпрокими галлерейками, съ крышами на тоненькихъ столбикахъ. Передъ многими домами, на кучѣ бревенъ или прямо на землѣ, выложено по нѣсколько арбузовъ или дынь, предназначенныхъ для продажи возчикамъ проходящихъ мимо обозовъ или каравановъ. На трактѣ, въ самомъ дѣлѣ, огромное движеніе: верховые киргизы, арбяные обозы съ хлѣбомъ изъ Семирѣчья или съ „россійскою“ мануфактурою и бакалеей, верблюжьи караваны съ шерстью, мужицкія фурманки, запряженныя парою быковъ, характерные колонистскіе фургоны, занесенные въ край меноиитами и константиновскими нѣмцами...

Вотъ стоятъ рядомъ, почти слившись другъ съ другомъ, поселки Черная рѣчка, Бѣловодовскій и огромный сартовскій кишлакъ Манкентъ. За Манкентомъ длинный-длинный спускъ къ рѣчкѣ Машату, на ней небольшой русскій поселокъ Антоновка.

Пока происходитъ перепряжка, къ почтовой станціи собирается небольшая кучка мужиковъ — не началь-

ство-ли, молъ, какое-нибудь ѣдетъ, которое могло бы „распорядиться“ и помочь ихъ горю...

— Житья намъ не стало отъ общества — разсказываетъ одинъ изъ нихъ, немолодой мужикъ съ окладистою бородою.

— А вы то сами кто же?—спрашиваю.

— Новенькие мы. Кореннихъ жителевъ этта шестнадцать домовъ, да насъ — вотъ, новенькихъ, шестнадцать

— Что жъ вы, не приписаны, что-ли?

— Пошто не приписаны! приписаны, земскія платимъ, общественный сборъ платимъ, — да только приписать-то насъ начальство приписало, а земли на насъ нѣту—одинѣ усадьбы отведены; киргизскою землею пользуемся.

— Арендуете?

— Которые кортомятъ, а больше изъ третьей части пашемъ: киргизинъ, чья, значитъ, земля, полить долженъ, да сжать хлѣбъ,—а нашъ братъ спахать должонъ, да посѣять своими сѣменами; изъ урожая киргизину одна часть идетъ, а намъ двѣ.

— Житья только намъ старожители не даютъ, вмѣшался другой, молодой мужикъ; дуютъ насъ и выживаютъ: за воду берутъ по три цѣлковыхъ съ усадьбы,— а у самихъ вода-то зря пропадаетъ; за скотину берутъ по три рубля, — а скотину-то мы и не пускаемъ на ихнюю землю, на казенной пасемъ.

— На какой это казенной?

— А киргизцы жейляу [1]) зовутъ: лѣтомъ скотина ихняя ходитъ, съ Дарьи тоже киргизцы приходятъ скотъ пасти—тутъ она по-за околицей сейчасъ и подошла... Киргизцы-то намъ не препятствуютъ; смиреные они, не обижаютъ нашего брата, даромъ что орда...

---

[1]) Джайляу—лѣтнее пастбище

Общественный табунъ, у старожителевъ, тоже на казенной землѣ ходитъ, заодно съ киргизскою скотиной. Обижаются только киргизы на общество-то: хресьянскій скотъ на казенной землѣ завсегда ходитъ, а киргизская скотина какъ за хресьянскую межу зайдетъ—сейчасъ загонятъ и за протраву возьмутъ.

— Не сойтись намъ здѣсь видно съ обществомъ, продолжалъ первый мужикъ — говорятъ и себѣ земли мало. Высмотрѣли мы ужъ себѣ мѣстечко, въ горахъ, на Юръ-су. Хорошее мѣсто, проѣздъ удобный—можно мужику жить. Которые тамъ ужъ и землю покортомили, а сейчасъ покупать налаживаемся.

— Кто же продаетъ землю?

— Котунъ-бекъ тамъ есть—богатый киргизинъ... десятинъ тысячъ до десятка у него тамъ есть; спорятъ они насчетъ этой земли съ Иманбаемъ,—онъ и надумалъ продать землю; дешево беретъ, да еще воду вывести сулится: да туда и воды выводить не надо—безъ поливу хлѣбъ родится.

— Да какъ же онъ можетъ продать? вѣдь земля не его, а общественная!

— У нихъ, ваше степенство, богатые все могутъ: захочетъ продать—и продастъ, никого не спроситъ... Вотъ, будете ѣхать, увидите — на Каракчи-булакѣ зимовки разломанныя: ужъ годовъ пятокъ антоновскіе мужики это мѣсто у богатаго киргизина окортомили—на тридцать лѣтъ, сказываютъ; кургапчи поразломали, которыхъ киргизцевъ въ тотъ же часъ прочь согнали, а которыхъ на годъ оставили.

— Ну, и что́ же, такъ антоновцы и пользуются?

— Нѣтъ, не вышло: киргизцы жаловаться стали—до енералъ-губернатора доходили; настоящаго-то рѣшенія, кажись, еще не вышло,—а только не сѣютъ они на той землѣ—не допускаетъ ихъ начальство.

— А нельзя ли, ваше благородіе,—вмѣшался третій

мужикъ, — на Юръ-су намъ землю подъ поселокъ отвести? больно удобное мѣсто!

Я начинаю объяснять, что въ той мѣстности земля не предназначена подъ заселеніе, а состоитъ въ пользованіи киргизъ.

— Да чего-же, ваше благородіе, на нихъ, на орду, глядѣть-то!.. прикажетъ имъ уѣздный начальникъ отдать землю подъ поселокъ—нѣшто они станутъ супорствовать! которые вотъ есть поселки—тоже не больно-то много киргизцевъ спрашивали: скажетъ уѣздный—пишите приговоръ, да и все тутъ...

Однако, лошади давно поданы—ѣдемъ дальше. Мѣстность замѣтно повышается, и лессовая степь начинаетъ чередоваться съ каменистыми склонами и плато. Въ одномъ мѣстѣ, на самой дорогѣ, небольшой сартовскій кишлакъ съ многочисленными—почти сплошь—чайханами и каравансараями.

— Тюлькубашъ, говоритъ мой товарищъ по экскурсіи. Земля киргизская, — а сарты за долги получили дозволеніе поселиться. А мѣсто-то удобное: ровно полдороги между Чимкентомъ и Аульеатà — всѣ обозы останавливаются; даже русскіе, и тѣ охотнѣе кормятъ здѣсь, нежели въ Ванновкѣ. Вотъ, и выросъ настоящій торговый кишлакъ. Только въ преподлую исторію они попали!

— А что̀ такое?

— Да вотъ—тоже изумительный примѣръ самовольства киргизскихъ богачей. Въ одинъ прекрасный день совершенно посторонній киргизъ — даже рода другого, взялъ, да сдалъ всю эту мѣстность въ аренду крестьянамъ изъ Корниловки да изъ Ванновки, вмѣстѣ съ киргизскими зимовками и съ сартовскимъ кишлакомъ; да еще какъ сдалъ — по нотаріальному договору!.. Тѣ конечно, какъ только договоръ заключили, первымъ дѣломъ обложили сартовъ въ свою пользу: по копѣйкѣ

съ квадратной саженп. Ну — тутъ ужъ казна вмѣшалась: возбудили дѣло объ уничтоженіи договора...

Поселокъ Ванновскій. На время перепряжки заѣзжаемъ къ священнику—чайку попить, побесѣдовать.

— Какъ же вамъ здѣсь живется, батюшка, спрашиваемъ мы послѣ обмѣна привѣтствіями?

— Да ладно жилось, — только общество больно несогласное. То есть общество-то ничего — а билетныхъ здѣсь очень ужъ много—столько же, сколько старожиловъ. Мучатъ ихъ просто старожилы: за каждую лошадь, хоть онъ ее въ пригонѣ кормитъ, по три рубля берутъ; живутъ они по квартирамъ—а съ нихъ берутъ за проживаніе по шести рублей съ семьи. Не жалѣетъ мужикъ мужика — всѣ ихъ жалѣютъ, а сами они другъ дружку — нисколько... А больше они изъ-за того билетныхъ выживаютъ, что тѣ имъ у киргизъ воду воровать не даютъ.

— Какъ это такъ?

— Да такъ. Вода то у ванновцевъ изъ одного арыка съ киргизами, а киргизы народъ простой, мужикъ ихъ всегда на чемъ-нибудь нагрѣетъ. А вотъ, какъ пошли билетные у киргизъ землю арендовать,—имъ вода нужна, они и смотрятъ, чтобы на киргизскую землю воды попадало сколько слѣдуетъ. Аксакалу тоже платятъ, чтобы не обижалъ.

— Какому аксакалу?

— А который воду распредѣляетъ. Сейчасъ крестьянинъ выбранъ изъ Ванновки. Ну, жалованья ему полагается сорокъ рублей да по пуду хлѣба съ двора, а билетные и киргизы ему особо платятъ, чтобы киргизъ не обижалъ водою.

Отъ Ванновскаго опять замѣтный подъемъ до поселка Высокаго, расположеннаго на высотѣ свыше тысячи двухсотъ метровъ, на самомъ горномъ узлѣ, гдѣ отъ

Таласскаго Алатау отдѣляется невысокій Каратаускій хребетъ.

Въ Высокое пріѣзжаемъ довольно поздно вечеромъ и остаемся ночевать. Пока грѣется самоваръ, мы выходимъ на улицу, полюбоваться чудною лунною ночью. Навстрѣчу намъ какой то мужичокъ съ лопатой, съ которымъ мы и пускаемся въ разные разговоры.

— Я то самъ,—разсказывалъ онъ,—Калуцкой губерніи. Только мало нашихъ, въ поселкѣ то три двора всего, аль четыре. А то все больше хохлы. Раньше то они по участкамъ жили, — кто на Донщинѣ, кто въ Астраханской губерніи, кто гдѣ; одинъ старикъ, сказываетъ, восемнадцатую хату строитъ. Споръ сейчасъ большой идетъ въ обществѣ, насчетъ земли. Прежде то, какъ пришли, землю по паямъ раздѣлили: не гнались поначалу за землей, располагали такъ, что на одномъ паю прожить можно. Ну, а какъ стали малолѣтки подрастать,—имъ земли то и нѣтъ; которые семейные, тоже на одномъ паю не прожить. Вотъ и просятъ—землю по душамъ подѣлить. Ноньче вотъ сходъ былъ: гомону было, не дай ты Господи! Да не взяла еще сила то; какъ стали голоса считать,—за передѣлъ пятьдесятъ семь набралось, а сорокъ три—по паямъ оставаться; двухъ то третей и не вышло. А только не обойтись безъ дѣлежа,—никакъ безъ этого невозможно. Мнѣ то самому и такъ хорошо, — одинакой я. А вотъ которые малолѣтки, да отдѣленные, — вонъ ихъ сколько, цѣлый выселокъ,— показалъ нашъ собесѣдникъ куда то въ темноту: тѣмъ худо; на каждый сходъ ходятъ, кланяются,—дайте, молъ, старички, земли; а тѣ не даютъ.

— А какъ же живутъ они?

— Да такъ, живутъ. По киргизамъ землю кортомятъ. Ну, у котораго земля вовсе выпахалась, аль ничего нѣтъ,—дадутъ ему какую десятинку; уходятъ вотъ тоже которые на новыя мѣста, отъ тѣхъ земля остается.

— А много уходятъ?

— Немного. Чего уходить то! Жисть здѣсь хорошая, бѣдныхъ во всемъ поселкѣ ни одного нѣтъ, а богатыхъ, по два да по три плуга,—порядочно. Первые то годы больше уходили: боязно было посередь орды жить, говорить по ихнему не знали. А сейчасъ привыкли: все съ киргизами, и напять можетъ, и насчетъ земли сговориться; а ребятишки и вовсе выучились по ихнему балакать; съ пастухами гуляютъ, въ гости ходятъ. Работники тоже у богатенькихъ все изъ киргизцевъ; эти только года, какъ саранча на степь обижать стала, мѣщане изъ подъ Чимкента въ работники стали напиматься.

Еще два или три станціонныхъ перегона. Дорога спускается съ перевала, сначала слѣдуя за едва замѣтнымъ пониженіемъ плоскогорья, потомъ извиваясь по узкой лощинѣ, вдоль небольшого ручья. Около станціи Куюкской, стоящей совершенно одиноко у самаго устья лощины, дорога выходитъ на широкое подгорное плато, протянувшееся, съ едва замѣтнымъ пониженіемъ, къ городу Аульеата и дальше на востокъ. Справа виднѣется невысокая передовая цѣпь главнаго Таласскаго хребта, но основной массивъ, съ его снѣжными вершинами, совершенно не виденъ изъ-за заволакивающей жаркій воздухъ сѣроватой дымки.

На станціи Куюкской вниманіе наше привлекаютъ двѣ вещи: необыкновенная чистота на самой станціи, которую мы ставимъ въ прямую связь съ интеллигентнымъ и приличнымъ видомъ станціоннаго писаря, видимо какого-нибудь неудачника, выброшеннаго жизненною бурею на дикія скалы Куюкскаго ущелья,—и... русскій ямщикъ, садящійся на козлы нашего экипажа; отъ самаго Ташкента ямщики были исключительно киргизы. Пустившись въ разговоры съ этимъ ямщикомъ, мы дѣлимся съ нимъ своимъ недоумѣніемъ по поводу этого поразившаго насъ факта.

— Побѣднѣе наша деревня-то, отвѣчалъ на это ямщикъ: изъ Головачевки мы — сейчасъ вотъ будемъ ѣхать; земля у насъ больно худая—одинъ камень; какъ были новыя земли, такъ хлѣбъ хорошо родился, а сейчасъ земля вовсе выпахалась, а назьмить нечѣмъ — навозъ на кизяки идетъ. Сейчасъ своей земли совсѣмъ пахать не стали, все по киргизамъ кортомятъ. Которые на арендахъ хорошо заправились—тѣ ладно живутъ, десятинъ десятка по два засѣваютъ, а то и по три. А которые съ плохихъ урожаевъ позорились—въ работникахъ живутъ; насъ вотъ двое въ ямщикахъ на станціи. Пять семействъ и совсѣмъ ушли; дома-то попродавали новенькимъ,—а земли имъ общество не даетъ: себѣ нужно.

— Не такая, значитъ, ужъ плохая земля, коли не захотѣли новенькимъ дать? кабы была негодная, небось силомъ стали-бы навязывать?!

— Нѣтъ, какая ужъ земля,—а только мужику земля завсегда нужна...

Вотъ и сама Головачевка—плохо обстроенная деревенька, и—что особенно бросается въ глаза—съ очень незначительными и малорослыми древесными насажденіями. Сейчасъ же за деревней переѣзжаемъ вбродъ, громыхая по крупнымъ каменнымъ обломкамъ, черезъ рѣчку Асу, текущую здѣсь тремя небольшими рукавами.

— Весной—разсказываетъ ямщикъ—общество наше мостъ ставитъ черезъ Асу — ноньче вотъ паводкомъ снесло. Берутъ за проѣздъ по малости, а за годъ сотъ пять аль шесть обществу достается.

— А проѣзжіе не жалуются?

— Чего тебѣ жалуются—благодарятъ: сильно водная весною Аса-то, вбродъ когда и вовсе не проѣхать...

Изъ Аульеата намъ предстоитъ проѣхать въ горы, вверхъ по теченію Таласа, до расположеннои въ семидесяти верстахъ группы меноннитскихъ поселковъ.

Верстъ двадцать пять нашъ путь лежитъ по той же широкой подгорной террассѣ. Сначала—длинная цѣпь тѣнистыхъ садовъ, сѣро-желтыхъ усадебъ, окруженныхъ глинобитными зубчатыми стѣнами, и караванъ-сараевъ, принадлежащихъ аульеатинскимъ сартамъ. Затѣмъ — открытая степь. По сторонамъ виднѣется нѣсколько большихъ группъ густой зелени—то сартовскіе кишлаки, то русскіе поселки, посаженные на взятой у сартовъ и у киргизъ землѣ. Вдоль нашего пути то засѣянныя пашни, то поля, освободившіяся изъ подъ раннихъ яровыхъ—пшеницы или ячменя, то дикая степь, но съ сохранившими слѣдами оросительныхъ бороздокъ. Въ разныхъ направленіяхъ, длинными, но не частыми рядами, вытянулись киргизскія зимовки или курганчи, съ обязательными скирдами люцерны на плоскихъ крышахъ и съ небольшими древесными насажденіями, почти при каждой курганчѣ. Кое-гдѣ киргизы то жнутъ хлѣбъ, то косятъ второй или третій сборъ люцерны, то занимаются чисткою оросительныхъ канавъ.

Вотъ и ущелье Большая Капка, черезъ которое Таласъ прорывается изъ горъ на широкую предгорную равнину. Немного не доѣзжая ущелья дорога подходитъ почти вплотную къ самому Таласу. Въ то же время къ дорогѣ подступаетъ сначала одинъ арыкъ, потомъ другой, который идетъ откуда то совсѣмъ съ другой стороны (вѣрнѣе—бѣжитъ куда то совсѣмъ въ другую сторону), а у самаго выхода изъ Капки, примѣрно на версту, тянется совсѣмъ рядомъ съ первымъ; онъ только приподнятъ на искусственно насыпанное, немного повышенное надъ горизонтомъ, русло, потому что вода изъ этого арыка обслуживаетъ гораздо болѣе отдаленныя поля. Вотъ дорога подступила уже совсѣмъ къ

обрывистому берегу Таласа. Внизу, по узенькой прибрежной полосѣ, бѣжитъ еще третій арыкъ, на другомъ берегу рѣки — четвертый, еще съ полверсты дальше, уже у самаго въѣзда въ Большую Капку, показывается пятый, уходящій куда то далеко въ противуположную сторону. Тутъ же и „головы“ двухъ изъ этихъ арыковъ: параллельно берегу рѣки, на нѣсколько вершковъ надъ водою, возвышается недлинная гряда камней, изъ подъ которыхъ торчитъ гдѣ дернъ, гдѣ хворостъ. Это немудреное сооруженіе отхватываетъ часть теченія рѣки и направляетъ воду въ оросительный каналъ; немного удлиняя эту гряду или сбрасывая часть камней, туземный ирригаторъ регулируетъ поступленіе воды въ арыкъ, сообразно часто измѣняющемуся уровню воды въ рѣкѣ и надобности въ ней для полива.

Слѣдомъ за остальными тремя арыками или, вѣрнѣе, навстрѣчу имъ, нашъ экипажъ въѣзжаетъ въ узкое, длиною пару верстъ, ущелье. Дорога проложена по высѣченному въ скалѣ карнизу, то спускаясь почти къ самому руслу шумно бѣгущей по своему каменистому ложу рѣки, то поднимаясь надъ нею на нѣсколько десятковъ саженъ. Арыки бѣгутъ сначала по узенькой полосѣ прибрежнаго наноса, одинъ по одной сторонѣ рѣки, еще два, одинъ надъ другимъ,—по другой, а гдѣ теченіе рѣки непосредственно подступаетъ къ скалистому обрыву, тамъ арыкъ бѣжитъ по устроенному въ самомъ руслѣ рѣки искусственному каменному жалобу.

Изъ ущелья выѣзжаемъ въ нешпрокую — полторы или двѣ версты—горную долину. Правый берегъ Таласа крутой и обрывистый, безъ слѣда жилья или культуры. Лѣвый, по которому мы ѣдемъ,—ровная терраса, окаймленная также цѣпью невысокихъ скалистыхъ горъ. По ихъ склонамъ тянутся линіи арыковъ, взявшихъ воду либо изъ булаковъ [1]), либо изъ Таласа, гдѣ-нибудь

[1]) Ключей.

выше по теченію и выводящихъ ее на культурныя земли долинной террасы.

Минуемъ, оставляя его нѣсколько въ сторонѣ, Ключевской поселокъ. Вблизи поселка, кое гдѣ, кучки вывезеннаго навоза.

— Подъ клеверá вывозимъ, — объясняетъ мужикъ, сваливавшій навозъ съ телѣги на одну изъ непосредственно лежащихъ у самой дороги полосъ. Подѣлили ноньче, на нѣмцевъ глядючи, по десятинѣ на домъ удворной земли. На вѣчность подѣлили, чтобы навозить. Раньше то у насъ вся земля была по дворамъ подѣлена. Спору много было въ обществѣ — а ноньче всю землю, окромя клеверовъ, раздѣлили по душамъ; на три года подѣлили, которую землю эти года засѣвать; а прочая земля какъ отдохнетъ—тоже по душамъ подѣлятъ.

— А хорошо хлѣба родятся?

— Да всяко. Больно похвалить тоже нельзя—земля бѣлая, силы въ ней мало. А все же противъ рассеискаго куда лучше.

— А откуда ваша деревня?

— Хохлы все больше, разныхъ губерній. По началу больше кустанайцы были, да никого не осталось; всѣ поразошлись, кто куда,—а въ ихъ мѣсто новыхъ уѣздный начальникъ попричислялъ. Новенькихъ есть домовъ десятка полтора—все сродники, да сусѣди, да земляки. А только земли имъ ужъ не даютъ — себѣ, молъ, не хватаетъ. Ну, этимъ, которымъ, худо живется. А у кого семья рабочая—тѣмъ ничего: зарабатываютъ. Кто гдѣ, снимаютъ землю у киргизцевъ,—живутъ себѣ...

Еще десятокъ верстъ, и мы добираемся до группы меннонитскихъ поселковъ. На самомъ тракту—сравнительно большой „колóнокъ“ Орловъ (удареніе на о)—названіе, которое меннониты принесли съ собой откуда то изъ Пруссіи, которое они дали своей колоніи

въ Самарской губерніи и съ которымъ пришли сюда, въ глухія предгорья Алатау; немного поодаль—группа изъ четырехъ другихъ, меньшихъ по размѣрамъ „колонковъ“. Впрочемъ именно только эти колонки—чисто меннонитскіе. Въ Орловѣ только половина поселка—меннониты, и тѣ—отлученные отъ меннонитской общины за недостаточную твердость въ правилахъ вѣры и уступчивость требованіямъ свѣтской власти; остальные—нѣмцы-лютеране, земляки обитателей Константиновскаго поселка. Всѣ пять колонковъ рѣзко отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ русскихъ поселковъ края. Обширныя усадебныя мѣста, обнесенныя аккуратными глинобитными стѣнами; просторные дома, каждый въ двѣ или болѣе комнатъ, аккуратно построенные, частью оштукатуренные лессовою замазкой, частью выкрашенные въ разные свѣтлые цвѣта, почти всегда—подъ одною крышею со скотскими хлѣвами; чрезвычайно регулярно разсаженныя и хорошо содержанныя древесныя насажденія и прекрасные фруктовые сады—хотя собственно въ отношеніи построекъ колонки туркестанскихъ меннонитовъ не выдерживаютъ сравненія съ меннонитскими селеніями Самарской губерніи.

Мы рѣшаемъ остановиться на почлегъ въ колонкѣ Орловъ, у Herr a Starost'a. Я передаю ему поклоны отъ родственниковъ и сосѣдей,—и насъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ гостей.

Конечно, чай, съ какимъ то нѣмецкимъ печеніемъ и удивительнѣйшими, по размѣрамъ и чистотѣ, яблоками. И конечно, разговоры о житьѣ-бытьѣ.

— Хорошо здѣсь жить, объясняетъ намъ Herr Starost a,—настоящій Herr, съ длинными бакенбардами, пробритымъ подбородкомъ и въ городскомъ пиджакѣ, совершенно подъ стать его усадьбѣ, съ необыкновенно подчищеннымъ декоративнымъ садикомъ, дворомъ, выложеннымъ камешками, и его гостиной, съ город-

скою мягкою мебелью и заставленными всякими бездѣлушками стеклянными шкапами: у каждаго, кто только не самый бѣдный, по пять-шесть лошадей, и столько же коровъ Самое лучшее здѣсь — что разъ польешь землю, такъ неурожая уже не бываетъ; въ Самарѣ вѣдь бывало, что и по четыре пуда съ десятины собирали, а здѣсь даже въ нынѣшнемъ году по сорокъ пять да по пятьдесятъ пудовъ,—а такого плохого урожая, какъ ноньче, никогда небывало.

— А много у васъ земли?

— Немного: во всѣхъ колонкахъ по двадцати десятинъ на семейство. У насъ въ колонкѣ раздѣлили такъ, что каждому отъ самаго двора нарѣзали по три десятины подъ навозъ — тутъ садъ съ огородомъ, тутъ и клеверное поле, а послѣ клевера года два-три хлѣбъ сѣемъ. Полевая земля въ восьми мѣстахъ—съ десятину на дворъ пшеничной земли, двѣ десятины черноземy, да десятинъ восемь—бѣлой земли. Остальное—выгонная земля, болотистая, немножко сѣнокоса.

— Что-же, ваши меннониты обходятся надѣльною землею?

— Какъ можно, что̀ вы! всякій арендуетъ у киргизъ, и наши, и русскіе; вездѣ кругомъ, все аренды—haben alles Land ausgesogen (конечно, и здѣсь весь разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ)... Прежде за деньги арендовали, рублей по 5—6 за батманъ; теперь киргизы за деньги не сдаютъ, а только изъ половины урожая; да и то, эти года они уже и жать отказываются, а требуютъ дѣлить урожай на корню. Трудно теперь вести хозяйство—хоть хлѣбъ и въ цѣнѣ, да за то земля обходится гораздо дороже.

— А киргизы сами хорошо живутъ?

— Плохо! Alles durch ihre eigene Schlechtigkeit: вѣдь у нихъ какіе обычаи! Волостной управитель безъ десяти-двѣнадцати рублей не приметъ заявленія о по-

кражѣ; за тридцать-сорокъ копѣекъ для всякаго дѣла можно лжесвидѣтеля нанять—вотъ какой это народъ! Нынѣче навѣрно голодать будутъ! вѣдь киргизъ никакого разсчета не понимаетъ: понадобились деньги, все равно, на дѣло или на пустяки,—ужь онъ ни на что не смотритъ: хлѣбъ запродаетъ впередъ, землю отдаетъ на 10 лѣтъ подъ посѣвы, забирается подъ работу. Эти года вотъ хлѣбъ по рублю и болѣе пудъ, а они съ зимы запродаютъ по четыре съ полтиной за батманъ [1]); жать нанимаются по три рубля за батманъ—значитъ, полтора рубля за десятину; хлѣба съ зимы столько запродаютъ, сколько и при хорошемъ урожаѣ не получитъ; придетъ урожай—все приходится отдать; на зиму безъ хлѣба остался—опять забирать надо.. Эти года многіе и пахать перестали: раньше пахали, а теперь всю землю ипольщикамъ отдаютъ. Вѣдь они какіе: у кого пять-шесть головъ скота—тотъ уже бай и уходитъ на лѣтовку въ горы, не думаетъ о томъ, что будетъ зимой...

— А по вашему, здѣсь какое хозяйство болѣе выгодно—земледѣльческое, или скотоводческое?

— А смотря по цѣнамъ... Прежде вотъ батманъ овса рубль стоилъ или полтора — такъ свиней откармливали (меноннитскіе окорока и посейчасъ славятся въ Ташкентѣ!). Теперь ужь это невыгодно. Хлѣбъ въ цѣнѣ—стали больше хлѣбъ сѣять. Скотоводствомъ, конечно, тоже всѣ занимаются въ колонкахъ, только не такъ, какъ русскіе: рогатый скотъ больше для молока держимъ—сыроварни у насъ есть въ колонкахъ, по

---

[1]) Батманъ—собственно мѣра сыпучихъ тѣлъ, равная приблизительно нашей четверти или немного больше. Затѣмъ, этимъ же названіемъ туземцы обозначаютъ и площадь, на которую высѣвается одинъ батманъ зерна; при принятомъ рѣдкомъ посѣвѣ это составляетъ около двухъ десятинъ.

пятьдесятъ копѣекъ за ведро платятъ; а потомъ, выкармливаемъ выѣздныхъ лошадей, рублей по полтораста продаемъ, по двѣсти, рогатый скотъ тоже—по 40—50 рублей продаемъ на мѣстѣ, а въ Ташкентѣ за нашихъ коровъ и по сту рублей даютъ.

— Откуда жъ у васъ такой скотъ?

— А у насъ производители есть общественные: жеребцы орловскіе, голландскіе быки—уходъ тоже не такой, какъ у крестьянъ. Вотъ не угодно-ли вамъ посмотрѣть мой скотный дворъ?

И Herr Starost повелъ насъ въ обширное, свѣтлое строеніе, съ деревяннымъ покатымъ поломъ и стоками для жидкихъ нечистотъ, съ отдѣльными стойлами и яслями для каждой лошади и для каждой коровы, блещущее, въ полномъ смыслѣ слова, голландскою чистотой.

— Такъ вѣдь это вѣрно только у васъ такъ,—замѣтилъ я, у другихъ вѣдь нѣтъ такой роскоши!...

— Нѣтъ, это ужъ у всѣхъ; у кого скотный дворъ больше, у кого меньше, но устройство у всѣхъ такое: такъ у насъ еще на родинѣ было заведено.

Изъ скотнаго двора мы прошли въ садъ, и тутъ сразу увидѣли, почему у меннонитовъ яблоки получаются безъ малѣйшаго изъяна: каждое дерево, очевидно, является предметомъ самаго тщательнаго ухода, земля подъ деревьями идеально взрыхлена и содержится въ черномъ пару—нигдѣ не видно ни малѣйшей травинки...

Идемъ осматривать всякіе амбары и сараи,—въ сараяхъ обычные колонистскіе фургоны, но тутъ же и экипажъ полугородского типа, разные плуги, молотилка, вѣялка.

— Изъ Россіи выписывали?—спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ, у насъ въ колонкахъ мастера дѣлаютъ. Плуги вотъ заводскіе,—одинъ только здѣшней работы. Раньше наши мастера плуговъ не дѣлали, года

три всего какъ стали дѣлать: взяли эккертовскій шаблонъ, только рамы дѣлаютъ покрѣпче, потому что очень каменистая земля...

Посмотрѣли еще и семейное кладбище—тутъ же, на полевомъ участкѣ, маленькій квадратикъ, обнесенный хорошенькою изгородью, съ двумя чисто содержимыми могилками, аккуратно засаженными цвѣтами.

За ночь надъ Таласскою долиною пронесся проливной дождь, который очистилъ воздухъ отъ заволакивавшей его дымки, а на немного сотъ метровъ выше выпалъ въ видѣ снѣга. И возвращаясь изъ колонковъ въ Аульеата, я все время любовался покрытыми чистымъ, свѣже выпавшимъ снѣгомъ, вершинами передового хребта, изъ-за котораго мѣстами выглядывали снѣжныя вершины главной цѣпи Таласскаго Алатау.

VII.

In darkest Kirghizia.

Нашъ небольшой караванъ — десятка полтора верховыхъ лошадей — окончательно готовъ. Вьюки навьючены, люди сѣли въ сѣдла и потихонечку выѣзжаютъ, одинъ за другимъ, изъ двора дома начальника уѣзда. Мнѣ посчастливилось попасть въ свиту одного довольно важнаго мѣстнаго начальства, а потому нашъ караванъ имѣетъ торжественный видъ. Впереди, въ яркихъ шелковыхъ халатахъ, Аульеатинскій городской аксакалъ, провожающій начальство до границы города, да два или три управителя ближайшихъ къ городу киргизскихъ волостей; при каждомъ изъ нихъ—верховые джигиты; нѣсколько верховыхъ киргизъ, ведущихъ въ поводу вьючныхъ лошадей; въ хвостѣ шествія дан-

ный намъ въ качествѣ переводчика джигитъ уѣзднаго управленія, въ бѣломъ коломянковомъ бешметѣ, папахѣ съ красною тульею и шашкѣ чрезъ плечо. Туземцы на базарѣ, только еще открывающіе свои лавки, дѣлаютъ кулдукъ, немногочисленные встрѣчающіеся русскіе снимаютъ шапки. На самой чертѣ города городской аксакалъ слѣзаетъ съ лошади и пропускаетъ мимо себя начальство, которое обмѣнивается съ нимъ, черезъ переводчика-джигита, парою благодарственныхъ и привѣтственныхъ словъ.

Цѣлый день, потомъ еще день двигаемся ровною степью. Мы тянемся большою караванною дорогой, съ десятками параллельныхъ верблюжьихъ слѣдовъ, то по совершенно ровной, то по слегка всхолмленной степи. По лѣвую руку продолжаютъ виднѣться каменистыя предгорья и красивыя снѣжныя вершины Алатау, по правую долго тянется почти сплошная цѣпь киргизскихъ курганчей, съ уложенными на крышахъ скирдами люцерны. Сѣро-бурая или сѣрожелтая, то плотная лессовая, то рыхлая супесчаная почва степи усѣяна отдѣльно-стоящими характерными шапками „колючекъ“, между которыми мѣстами пробивается, послѣ недавняго случайнаго ливня, молоденькая ярко-зеленая трава — предвѣстникъ того сплошного травяного ковра, который покроетъ степь послѣ большихъ осеннихъ дождей; по низинамъ располагаются, то узкими полосками, то обширными площадями, покрытые не крупнымъ, но густымъ зеленымъ ковромъ солонцеватые „сазы“, которые на днѣ низинъ переходятъ въ голые солонцы — „такыры“. То тутъ, то тамъ небольшіе арыки. Но большинство арыковъ совершенно пересохло, и пахатныя земли, гдѣ ихъ можно разсмотрѣть съ дороги, почти вездѣ, какъ будто-бы, пустуютъ; лишь изрѣдка виднѣется полоска чернаго или краснаго проса-кумака, или рѣдкое жнивье уже собранной пшеницы.

„Таранча сѣяла“, объсняетъ на наши разспросы переводчикъ-джигитъ. Это значитъ — саранча съѣла... Ужъ пятый годъ здѣсь свирѣпствуетъ саранча, уничтожая сплошь хлѣба, идущіе первымъ яровымъ посѣвомъ: пшеницу и ячмень. Хозяйство здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, успѣло уже до нѣкоторой степени приспособиться къ этой напасти: раннихъ яровыхъ почти не сѣютъ, замѣнивъ ихъ озимыми—ячменемъ и пшеницей; яровые сѣютъ только поздніе,—все больше просо,—которымъ не опасна саранча. Однако, саранча изрядно-таки подорвала зарождающееся земледѣльческое хозяйство киргизъ: уже въ теченіе ряда лѣтъ Тастюбинская волость прокармливалась своимъ хлѣбомъ, не мало и продавала на Аульеатинскомъ базарѣ; а послѣдніе два года хлѣбъ приходится покупать...

— Наши киргизы привыкли къ хлѣбу,—объясняетъ намъ черезъ переводчика Тастюбинскій управитель:—безъ хлѣба ужъ наши дѣти не могутъ... Вотъ на Чу киргизы—тѣ только полгода хлѣбъ ѣдятъ, когда на кстау [1]) стоятъ; а когда на джайляу ходятъ, хлѣба нѣтъ—кушаютъ мясо, кумызъ, айранъ.

Изгибъ дороги приводитъ насъ нѣсколько ближе къ линіи курганчей. Почти вездѣ около нихъ выставлены юрты, рваныя, черныя—не видно ни одной изъ тѣхъ большихъ, почти бѣлыхъ юртъ, по которымъ можно отличить стоянку киргизскаго бая.

— Прикочевали уже съ лѣтовокъ здѣшніе киргизы?—спрашиваю я, черезъ переводчика, Тастюбинскаго управителя.

— Здѣшній киргизъ никуда не ходитъ—объясняетъ намъ управитель, тоже черезъ переводчика: который совсѣмъ бѣдный (нашъ переводчикъ произноситъ „мѣдный“), у котораго немножко скота есть, тотъ здѣсь кстау имѣетъ,

[1]) Кстау—зимовка, джайляу—лѣтовка.

здѣсь и джайляу,—никуда не ходитъ. Только богатый джайляу ходитъ.

— Куда же, въ горы?

— Нѣтъ, теперь не ходятъ: старой время всѣ горамъ ходили: на Минбулакъ, Джиты-тюбе, вездѣ ходили. Теперь своя волость ходятъ, вотъ туда — и переводчикъ махнулъ рукой куда-то въ сторону сѣверо-востока. Въ горы только такой ходитъ, у кого тамъ „свои“ есть. Какъ большой куянъ былъ — нестали горамъ ходить: баранъ всѣ пропали, люди много пропало. Прежде богатые были, корма много было — всѣ вмѣстѣ ходили, напополамъ: на горы приходили съ Чу, изъ Чимкента, Манкента, — никто ничего не говорилъ; а теперь не пускаютъ: каждый своя волость ходитъ.

Однако, дѣло подходитъ къ полудню: бойкая ходà нашихъ лошадей начинаетъ переходить въ шагъ, насъ самихъ разбираетъ жажда, и мы не безъ удовольствія видимъ на горизонтѣ большую могилу, около которой, по объясненію нашихъ проводниковъ, назначенъ намъ привалъ. Однако, до этой могилы оказывается еще часа съ полтора ходу—степь обманчива насчетъ разстояній...

Однако, добрались. Могила—цѣлая мечеть, изъ сѣро-желтаго сырцоваго кирпича, увѣнчанная высокимъ полукруглымъ куполомъ; неподалеку отъ нея—еще двѣ-три могилы въ томъ же родѣ, только поменьше, — и тутъ же цѣлое кладбище—сотни двѣ или три могилокъ рядовыхъ киргизъ, на которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ кучекъ каменистой земли.

— Хорошо богатой — говоритъ нашъ переводчикъ-джигитъ, показывая нагайкой на большую „моллу“: вотъ какой моллà поставилъ, всѣмъ видать. А мѣдный какъ собака земля зарылъ—лошадь ходитъ, верблюдъ ходитъ, никто не знаетъ. Хорошо богатому... Большая польза! какъ помирать будетъ—тоже хорошо!

Мы поражены, потому что въ безсвязныхъ словахъ

нашего переводчика намъ чудится какой-то намекъ на будущую жизнь, въ которой, значитъ, богатому тоже лучше будетъ житься, нежели „мѣдному“.

— Какая же польза?—спрашиваю я однако, желая добраться до корня вещей.

— Лошадь привязать будетъ, баранъ рѣзить,—большая польза...

Послѣ пространныхъ объясненій, „польза“ оказалась вотъ въ чемъ: когда умираетъ богатый, наслѣдникъ рѣжетъ барановъ, привязываетъ къ могилѣ лошадь и дѣлаетъ байгу,—выигравшій лошадь получаетъ „большую пользу“.

Около могилы—торжественная встрѣча: два или три аульныхъ старшины, съ мѣдными знаками на груди, двое или трое народныхъ судей, біевъ, тоже съ знаками, — важные, толстые, въ богатыхъ халатыхъ: ихъ избираются всегда изъ самыхъ богатыхъ и „почетныхъ“ киргизъ, что конечно не мало способствуетъ весьма одностороннему направленію киргизскаго „обычнаго права“... И нѣсколько десятковъ киргизъ безъ всякихъ знаковъ, судя по ихъ костюмамъ—самаго разнообразнаго общественнаго положенія.

— Зачѣмъ это ихъ такъ много? спрашиваетъ мой товарищъ по экскурсіи; онъ вновѣ на своемъ посту и потому еще не успѣлъ привыкнуть къ требованіямъ степного этикета.

— А тутъ аульные старшины, объясняетъ управитель, — народные судьи; другіе лошадей привели,—можетъ быть понадобится перемѣнять, а то такъ, просто, съѣхались, посмотрѣть на начальство.

И дѣйствительно: большинство этихъ киргизъ съѣхалось просто изъ любопытства. Проѣздъ начальства—это развлеченье, „тамаша“, ради которой кочевникъ-киргизъ, имѣющій слишкомъ много свободнаго времени, готовъ скакать хоть сотни верстъ.. Нерѣдко, говорятъ,

и тяжбы затѣваются ради „тамаши“: скучно киргизу, не предвидится ни байги, ни проѣзда начальства, — онъ и начинаетъ съ кѣмъ-нибудь тягаться; все-таки развлеченіе: къ народному судьѣ надо ѣхать, къ волостному управителю, пожалуй къ начальнику уѣзда—людей можно повидать, новости узнать.

При нашемъ приближеніи вся толпа киргизъ спѣшивается и становится въ установленномъ обычаемъ порядкѣ: впереди аульные старшины и біи, позади—всѣ остальные киргизы; всѣ дѣлаютъ кулдукъ; волостной управитель представляетъ старшинъ и біевъ, послѣ чего мы тоже слѣзаемъ съ лошадей и слѣдуемъ, едва передвигая изломанныя верховою ѣздою ноги, въ пріуготованную для насъ парадную юрту; юрта тотчасъ же наполняется болѣе почетными изъ присутствующихъ киргизъ, которые разсаживаются на корточки и смотрятъ, какъ начальство разбирается въ вьюкахъ и извлекаетъ оттуда вещи для умыванья и кой-какую провизію.

Черезъ нѣсколько минутъ уже готовъ и самоваръ; на коврахъ, посреди юрты, разстилаютъ не особенно чистой „дастарханъ“ — не то платокъ, не то салфетку, и на немъ раскладываютъ угощенье: боурсаки, орѣхи съ изюмомъ, окаменѣлые крендели и леденцы ташкентскаго производства... Мы съ аппетитомъ потягиваемъ чай; насколько хватаетъ чашекъ, попиваютъ чай и размѣстившіеся въ юртѣ почетные киргизы. Тѣмъ временемъ, конечно, успѣли уже зарѣзать традиціоннаго барашка. Любимое киргизское яство—это вареная баранина. Но варить барана долго, а потому насъ угощаютъ „коурдакомъ“ — мелко нарѣзанные кусочки баранины, зажаренной въ собственномъ салѣ.

Поѣли, покормили лошадей свѣже-срѣзанною люцерной, отдохнули, засѣдлали и навьючили лошадей— и въ путь.

Все такая же степь; которая только теперь уже не

разнообразится курганчами,—и утомленный однообразною картиной степи путникъ можетъ развлекаться только многочисленными курганами сусликовъ, да время отъ времени—рѣющими по поднебесью хищными птицами Мѣстами по степи разсѣяны какія то странныя, полукруглой формы, земляныя кучки, оказывается, это засыпаны, чтобы не разнесло вѣтромъ, небольшія копешки сѣна, заготовленныя на случаи необходимости подкормить зимою, во время тебеневки, ослабѣвшую скотину. Въ одномъ мѣстѣ экстренное развлеченіе: большое—штукъ двадцать или тридцать—громадныхъ дрофъ, важно разгуливающихъ среди рѣдкихъ куртинъ степного бурьяна.

— Что̀ это за птица?—спрашиваетъ мой товарищъ переводчика-джигита.

Тотъ говоритъ какое-то киргизское названіе. „Большой птица—прибавляетъ онъ:— кемень кушаетъ, песко́мъ кушаетъ, все кушаетъ.

Уже подъ вечеръ, верстахъ въ пятидесяти отъ города, вниманіе наше привлекаетъ колесный слѣдъ—первый съ момента выѣзда изъ Аульеата.

— Что̀ это—спрашиваемъ,—арба проѣзжала?

— Нѣтъ, арба широкія колеса; да здѣсь арба и нѣтъ, все верхомъ ѣздятъ, верблюдъ ѣздятъ. Изъ города охотникъ ѣзжалъ, птицъ стрѣлялъ.

Справа отъ дороги показывается огромная отара барановъ—штукъ шестьсотъ, на взглядъ, а то и восемьсотъ, подъ охраною двухъ пастуховъ: одинъ верхомъ на лошади, другой—на быкѣ.

— Чей это скотъ?—спрашиваемъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ нашего джигита, одинъ изъ сопровождающихъ насъ киргизъ отдѣляется отъ насъ и стремглавъ мчится къ старшему пастуху.

Оказывается—это бараны перваго богача Тастюбинской волости, Даудбая: здѣсь—почти восемьсотъ бара-

новъ, да въ другомъ мѣстѣ пасется двѣ съ половиной сотни молодняка, да сотня верблюдовъ, да за триста лошадей.

— А гдѣ онъ кочуетъ?—спрашиваемъ мы.

Оказывается—гдѣ случится: лѣтомъ—здѣсь, на пустынныхъ лѣтовкахъ Тастюбинской волости, зимой уходитъ въ пески Муюнкумъ, а если выпадетъ глубокій снѣгъ—то и на возвышенныя тебеневки сосѣдней Уюковской волости, съ которыхъ снѣгъ сдувается постоянно-дующими вѣтрами.

— А зимой гдѣ онъ живетъ? Домъ его гдѣ?

— Домъ вовсе нѣтъ,—зимой джурта живетъ; домъ съ собой не потащишь! который мѣдный—курганча живетъ, а который богатый — весь годъ джурта живетъ; зимой въ кумъ (пески) джурта ставитъ, лѣтомъ горамъ ставитъ.

— А пашня гдѣ у него?

— Пашня не пашетъ. Который богатый — самъ не пашетъ: мѣдный ему пашетъ. Который сильно богатый—пять, шесть, десять, пятнадцать кошей пашутъ.

— Какъ это такъ?

— А который мѣдный, у него кошъ есть, вода есть [1]), — а скотина нѣту. Ну — богатый даетъ пару быковъ, работать, коровъ три, или четыре, или больше, кормиться, да батманъ пшеницы — посѣять. А мѣдный долженъ землю вспахать, да посѣять, да полить, да хлѣбъ убрать, да обмолотить, — сколько получится, пополамъ дѣлятъ.

— А какъ же, — спрашиваю, — хозяинъ его провѣрить можетъ? Вѣдь хозяинъ все лѣто на лѣтовкѣ, далеко,—онъ и не видитъ, сколько бѣдный хлѣба нажалъ да обмолотилъ. Тотъ его, значитъ, и обмануть можетъ?

— Извѣстно—не видитъ. А только обмануть нельзя:

---

[1]) Имѣется въ виду право на землю и воду, распредѣляемое по кибиткамъ или кошамъ.

сосѣди все видятъ, сколько жалъ, сколько молотилъ,— они все скажутъ; бѣдный обманетъ—другой разъ богатый скотина не дастъ...

Вотъ и желанный ночлегъ. Опять чаепитіе съ „достарханомъ“, опять зарѣзанъ баранъ и жарится курдакъ, опять народные судьи, аульные старшины и множество киргизъ, собравшихся на „тамашу“. Наконецъ, всѣ требования этикета исполнены, и мы остаемся вдвоемъ въ нашей юртѣ, гдѣ и располагаемся на ночлегъ. Убранство юрты не совсѣмъ такое, какъ у сѣверныхъ киргизъ: ковры—главная гордость сѣвернаго киргиза, разостланы здѣсь только на землѣ, да и то—неважные, хотя юрта выставлена, видимо, богатымъ киргизомъ: боковыя стѣнки увѣшаны, вмѣсто ковровъ, покрывалами изъ пестраго туземнаго шелка, обшитыми широкою каймою изъ чернаго плиса. Противъ двери, на почетномъ мѣстѣ, груда подушекъ, на которыхъ полагается сидѣть дорогимъ гостямъ,—а по обѣимъ сторонамъ — чего я никогда не видѣлъ въ сѣверныхъ степяхъ— старинныя кровати, въ формѣ ладьи, съ рѣзьбой по дереву и съ грудою шелковыхъ одѣялъ, подъ которыми лежатъ достаточно грязныя подушки и пуховики. Освѣщается юрта чиракомъ—приспособленіе, напоминающее тѣ древніе свѣтильники, которые находятъ въ Помпейскихъ или Керченскихъ раскопкахъ.

— Ни у кого здѣсь свѣчей нѣтъ, — объясняетъ на наши разспросы джигитъ—самой богатой нѣту.

— А лампы?

— Лампа нѣту. Вѣтеръ джурта валить можетъ, отъ лампа огонь будетъ, джурта сгорить будетъ.

На другой день—все та же пустынная, слегка волнистая степь. Тастюбинскаго управителя смѣняетъ Уюковскій управитель, объясняющійся съ нами черезъ того же переводчика джигита, — а Тастюбинскій управитель со своею свитой, проводивъ насъ, по этикету,

примѣрно на двѣсти шаговъ отъ нашего ночлега, заскакиваетъ еще на сотню шаговъ впередъ, слѣзаетъ съ лошади и прощается съ нами, сдѣлавъ истовый кулдукъ

Опять около полудня привалъ съ юртою, достарханомъ и коурдакомъ, но съ такою отвратительною, сладковато-соленою водою, что мы, несмотря на жажду, едва проглатываемъ по стакану чаю, густо сдобреннаго клюквеннымъ экстрактомъ Но вечеромъ дѣло оказалось не совсѣмъ благополучно. Почти не понимая языка, мы по интонаціямъ нашихъ киргизъ видимъ, что они недоумѣваютъ и безпокоятся; каждую минуту въ ихъ разговорѣ слышатся слова „учакты болостъ“, сопровождаемыя недоумѣвающими жестами или покачиваніемъ головъ. Передъ закатомъ солнца всѣ оживились: на встрѣчу показался верховой, джигитъ Уюковскаго волостного, который посланъ былъ впередъ, узнать, гдѣ ожидаетъ насъ Учактинскій волостной. Однако, оживленіе смѣнилось еще большимъ недоумѣніемъ—посланный, оказывается, не нашелъ Учактинскаго волостного и его юрты

— Гдѣ же,—спрашиваемъ мы нашего джигита,—ночевать будемъ?

— А вотъ, за тою горой,—отвѣчалъ тотъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ другими киргизами и указывая на пригорокъ, до котораго оставалось, примѣрно, верстъ пятокъ; аулъ есть, вода есть.

Слава Богу — верстъ пять, значитъ, мы поспѣемъ чуть не къ закату солнца... Мы начинаемъ усиленно хлестать нагайками нашихъ порядочно-таки уставшихъ лошадей, поднимаемся на пригорокъ—никакого аула нѣтъ...

— Гдѣ же твой аулъ? — спрашиваемъ нашего джигита.

— А вонъ, за той горой, — показалъ тотъ уже на

другой пригорокъ, едва замѣтный въ надвигавшейся темнотѣ.

Скверно!... Сами голодные, истомленные жаждой: лошади еле передвигаютъ ноги; лишь усиленною работою нагаекъ мы можемъ заставить ихъ бѣжать, хоть часть дороги, рысью или ходою... За той горою тоже еще пришлось скакать верстъ съ пятокъ, и только поздно ночью мы достигаемъ желанныхъ юртъ, гдѣ— какъ оказывается, и ожидалъ насъ не менѣе желанный Участковый управитель..

На другой день мы двигаемся по мѣстности уже иного характера. Караванная дорога ушла отъ насъ куда-то въ сторону, въ перерѣзъ Каратаускаго хребта, а мы двигаемся параллельно виднѣющемуся издали хребту, по полузаливной долинѣ рѣки Асы — той самой, которую мы пересѣкали на-дняхъ, въ видѣ бурливой горной рѣчки, и которая превратилась здѣсь въ типичную степную рѣчку, почти безъ теченія, совершенно изсякающую нѣсколькими десятками верстъ ниже. Долина Асы—то зеленые „сазы“, перемежающіеся съ голыми бѣлыми „такырами“, то густыя заросли высокаго, гдѣ еще стоящаго на корню, гдѣ скошеннаго камыша, то заросли гребенщика, съ его напоминающею туйю зеленью и массою мелкихъ красно-фіолетовыхъ цвѣтовъ. То тутъ, то тамъ киргизскія орошаемыя пашни: въ одномъ мѣстѣ арыкъ, выводящій воду изъ какихъ-то ключей, въ другихъ мѣстахъ системы бугутовъ— невысокихъ плотинъ, задерживающихъ весеннюю воду въ наполняемыхъ разливами Асы озерахъ, изъ которыхъ вода потомъ разводится арыками на пахатныя поля. Всѣ поля, однако, пустуютъ: одни заброшены изъ-за саранчи, другія засѣваются, вообще, только при большихъ разливахъ Асы, такъ какъ при низкомъ уровнѣ вода въ рѣкѣ засоляется и не годится для полива. Мѣстами попадаются, по одиночкѣ или группами,

какія-то низенькія глинобитныя постройки; это—куралыки, гдѣ киргизы складываютъ запасъ сѣна и зерна для весенняго посѣва.

На полуденномъ привалѣ участинскій управитель сдаетъ насъ слѣдующему, каракольскому управителю. Это—управитель по назначенію, изъ бывшихъ писарей; онъ говоритъ хоть и не гладко, но вполнѣ свободно, по русски; но тутъ же, при первомъ знакомствѣ, намъ бросается въ глаза характерная черточка: мы рѣшаемъ разуться, чтобы дать отдыхъ затекшимъ на сѣдлѣ ногамъ, и управитель по назначенію... стремительно бросается снимать съ начальства сапоги.

Оказывается, что съ нашимъ дальнѣйшимъ слѣдованіемъ опять какая-то заминка: каракольскій управитель долженъ сдать насъ, вечеромъ, джилыбулакскому управителю, а благодаря перевранному джигитомъ распоряженію, джилыбулакскій управитель поѣхалъ насъ встрѣчать на ту самую караванную дорогу, которая теперь осталась далеко въ сторонѣ,—осталась въ сторонѣ по очень простой причинѣ: киргизы уже укочевали съ тѣхъ горныхъ лѣтовокъ, по которымъ тянется эта дорога, и потому мы не нашли бы тамъ ни юртъ, ни лошадей.

— Какъ же мы будемъ безъ джилыбулакскаго управителя?—спрашиваемъ мы.

— Ничего, догонитъ,—успокаиваетъ насъ каракольскій управитель, узунъ-кулакъ скажетъ.

— Кто это Узунъ-кулакъ?

— Это по киргизски—„длинное ухо“: молва, значитъ; навѣрно до джилыбулакскаго управителя молва дойдетъ, что начальники въ эту сторону поѣхали.

— Ну, посмотримъ!...

Трогаемся дальше, все по той же Асинской долинѣ. Поодаль виднѣется зубчатая полоска Каратаускихъ горъ, на фонѣ которой выдѣляется, точно срѣзанная

подъ линейку, горизонтальная линія предгорной терасы.

— Ваша волость?—спрашиваю управителя.

— По сю сторону горъ наша. Только мы границу не очень караулимъ: лѣтомъ къ намъ Учактинская и Джилыбулакская волость кочуетъ, зимой—Саянская, Бугинская, Аристандинская, Кочкаратинская... У нихъ лѣтовки и поля въ горахъ и за горами, а для зимы удобныхъ мѣстъ нѣтъ; а у насъ—камыши, для зимы удобно: и отъ вѣтра закрыто, и кормъ готовый.

— А у васъ всѣ кочуютъ?

— Нѣтъ, не всѣ. Кто бѣдные—тѣ не кочуютъ, а все лѣто живутъ въ курганчахъ, хлѣбъ сѣютъ, сѣно косятъ. У кого нѣтъ четырехъ верблюдовъ, тому и кочевать нельзя: не на чемъ кошъ увезти. А у кого верблюды есть — непремѣнно кочуетъ: лѣтомъ для верблюдовъ въ горахъ не годится—корма подходящаго нѣтъ, ни въ камышахъ худо,—мошка донимаетъ; вотъ, и приходится откочевывать.

— А куда же кочуютъ?

— А тоже различно: у кого пятьдесятъ, сто, полтораста барановъ—тѣ далеко не кочуютъ: лѣтомъ стоятъ вотъ на той степи, подъ горами, а зимуютъ въ камышахъ, на Таласѣ и на Асѣ. А у кого двѣсти-триста барановъ или больше—тѣ на лѣто уходятъ въ горы, зимуютъ въ пескахъ или на Чу, а весною и осенью стоятъ на степи, между горами и Таласомъ.

— А помногу скота у богатыхъ?

— Да вотъ съ нами бій ѣдетъ: у него тысяча барановъ, сотня лошадей, сорокъ верблюдовъ. А есть и богаче—у Керимбая барановъ тысячи двѣ, триста лошадей, сотня верблюдовъ; кошей двадцать исполу пашутъ—у него и здѣсь коши, и на Чу, и въ горахъ пашутъ.

— А косить гдѣ?

— Не косятъ... Развѣ на столько скота можно сѣна накосить?! Косятъ только бѣдные, да средніе, а у богатыхъ скотъ весь годъ ходитъ на подножномъ корму. Глубокій снѣгъ выпадетъ—онъ скотъ въ пески гонитъ, или купитъ сѣна у бѣдныхъ, а самъ не коситъ... Вотъ, у насъ только для верблюдовъ не совсѣмъ хорошо, кормовъ подходящихъ мало. По Джилыбулакской волости поѣдете—у нихъ все верблюжьи корма, верблюдовъ больше и держатъ.... А вотъ—управитель показываетъ куда-то прямо передъ собой—тутъ и юрты выставлены.

Однако, насъ это совсѣмъ не устраиваетъ: солнце стоитъ еще высоко надъ горизонтомъ, и становиться на ночлегъ чуть не съ четырехъ часовъ нѣтъ никакого разсчета.

— Ну, можно до Каракога доѣхать—тамъ аулы стоятъ. Киргизы, положимъ, бѣдные, а все-таки юрта найдется; а самоваръ откуда-нибудь достанемъ.

Управитель что-то говоритъ своему джигиту,—тотъ стремглавъ уносится впередъ.

Къ заходу солнца, дѣйствительно, добираемся до какихъ-то ауловъ: одну юрту, собственно для насъ, уже разбили—довольно маленькую, изъ старыхъ кошмъ, но все же съ рѣзными кроватями и шелковыми покрывалами. Другую, для управителя и его свиты, только начинаютъ ставить; это дѣлаютъ, по исконному обычаю, женщины, а мужчины только помогаютъ поставить на мѣсто верхній кругъ, соединяющій куполообразную кровлю юрты. Мы располагаемся на подушкахъ около юрты и наблюдаемъ всю эту возню. Вотъ откуда-то скачетъ верховой киргизъ и везетъ совершенно черный самоваръ; другой тащитъ въ мѣшкѣ нѣсколько арбузовъ и дынь; мальчишка, тоже верхомъ на лошади, везетъ откуда-то, попробовать, круглую чашку кумыса.

— Сейчасъ барана будутъ рѣзать,—говоритъ упра-

витель, который, кстати сказать, везетъ съ собою полагающееся къ достархану угощенье.

— Нужно-ли барана рѣзать?—говорю я своему товарищу. Вѣдь это, говорятъ, бѣдный аулъ, а денегъ за барана они не возьмутъ.

— Позвольте доложить, ваше благородіе, вмѣшивается управитель,—вѣдь людямъ ѣсть надо, которые съ вами пріѣхали. А потомъ—они, все равно, по обычаю должны для гостей барана зарѣзать. Вѣдь нашъ обычай такой: у кого два барана—долженъ для гостя одного зарѣзать, у кого одинъ баранъ—тоже долженъ зарѣзать. А кто откажется для гостя барана рѣзать, того народные судьи и почетные люди накажутъ — на одну лошадь и одинъ халатъ. Да вѣдь въ степи—позвольте, ваше б-діе, доложить, и нельзя иначе: киргизъ ѣдетъ изъ Туркестана въ Аульеата, цѣлую недѣлю ѣдетъ—ничего съ собою не беретъ; знаетъ, что его вездѣ накормятъ.

— А нельзя имъ денегъ дать за барана?

— Заплатить нельзя, а силяу дать, подарокъ, можно; если ничего нѣтъ съ собой, дайте дѣтямъ мелочи—будутъ очень довольны.

Мы выходимъ изъ юрты и начинаемъ раздавать мелкую серебряную монету собравшимся ребятишкамъ, до нельзя грязнымъ, со струпьями и язвами на головахъ и лицахъ.

Затѣмъ, поѣвши все того-же коурдака и вареной баранины, укладываемся на покой. Откуда-то издалека доносятся разнообразные крики.

— Чушкà [1]) гоняютъ, объясняетъ намъ присутствующій при нашемъ вечернемъ туалетѣ джигитъ. Много чушкà въ камышахъ, полемъ ходитъ, просо кушаетъ. Киргизъ ночь караулитъ, прочь гоняетъ.

---

[1]) Свинья, въ данномъ случаѣ кабанъ

— А отчего не стрѣляютъ ихъ?

— Ружья нѣтъ, уѣздный начальникъ не дозволяетъ.

Утромъ, при нашемъ пробужденіи, появляется новое лицо: джилыбулакскій управитель, котораго „узунъ-кулакъ"—этотъ безпроволочный киргизскій телеграфъ, таки направилъ по вѣрному слѣду.

Снимаемся въ путь, уже съ новымъ управителемъ, и направляемся прямикомъ къ Каратаускимъ горамъ.

Верстъ десять — сплошные солонцы-сóры, то рѣдкоусѣянные „колючками", то совершенно голые, съ бѣлымъ налетомъ выцвѣтающей соли. Затѣмъ, довольно большая площадь заброшенныхъ, назадъ лѣтъ тридцать, пахатныхъ полей, съ отлично сохранившимися оросительными канавками.

— Не стали здѣсь пахать,—другой мѣсто лучше,— объяснилъ намъ аульный старшина черезъ переводчика-джигита.

А вотъ и пашни, гдѣ подъ просомъ, гдѣ подъ люцерной,—политыя сначала изъ пробивающагося тутъ же ключа Джилы-булакъ, повыше — изъ рѣчки Ишпасъ, сбѣгающей съ Каратаускихъ горъ.

— Это какого старшинства пашни? — спрашиваемъ мы, имѣя въ виду старшинства или административные аулы, установленные русскою властью по существующему закону объ управленіи краемъ, — образованныя притомъ, по мысли того же закона, изъ группъ, совмѣстно пользующихся культурными угодьями.

Оказывается, здѣсь пашутъ киргизы, четырехъ разныхъ старшинствъ, но входящіе въ составъ двухъ родственныхъ между собою, небольшихъ родовыхъ ауловъ. И эти киргизы, да и вся Джилыбулакская волость, имѣютъ пашни и здѣсь, и въ горахъ, и за Муюнъ-кумами, на побережьѣ Чу; на Чу теперь и сѣютъ больше хлѣбъ: — туда еще не добралась

саранча, заставившая почти прекратить посѣвы по степямъ между Таласомъ и Каратаускими горами.

Минуемъ развалины Кумъ-кента — „Песчанаго города", — одного изъ тѣхъ многолюдныхъ городовъ, которые когда то были разсѣяны по всѣмъ прирѣчнымъ и предгорнымъ районамъ края — вездѣ, гдѣ только можно было добыть воды, и отъ которыхъ теперь остались только осыпавшіяся глинобитныя стѣны, да слѣды распространившихся, мѣстами, на сотни квадратныхъ верстъ, теперь заброшенныхъ оросительныхъ каналовъ и канавокъ. Подъ развалившеюся стѣною стоитъ, большая группа умѣренно-почернѣвшихъ и умѣренно-обтрепанныхъ юртъ,—это аулъ „средненькихъ" киргизъ, достающій здѣсь послѣдніе дни лѣтовочнаго періода и собирающійся черезъ нѣсколько дней вернуться на зимовыя стойбища, на Асу. Нѣсколько поодаль отъ нихъ— три или четыре большихъ, бѣлыхъ юрты, и около нихъ, на длинной коновязи, около полусотни дойныхъ кобылицъ; это богатый бай, остановился около своихъ родовичей, перекочевывая съ горъ на зимнія пастбища въ Муюнъ-кумахъ.

Еще нѣсколько верстъ мимо темнозеленаго, большого соленаго озера, отъ котораго такъ и разитъ слегка тухлымъ запахомъ концентрированной морской воды,— и мы поднимаемся на ту ровную, какъ столъ, предгорную террассу, которая еще вчера виднѣлась намъ на фонѣ зубчатаго контура Каратаускихъ горъ. Сплошная, свѣтло-сѣрая, лёссовая степь, съ массою мелкой гальки въ почвѣ, кряду вся раздѣланная подъ пашню и покрытая ажурной сѣтью оросительныхъ канавокъ. Но только изрѣдка виднѣются темно-зеленыя пятна проса или слегка желтѣетъ пшеничное жнивье. Эта степь славится своею превосходною почвой, дающей прекрасный урожай пшеницы при одномъ только поливѣ передъ вспашкой. Но воды горныхъ ключей не

хватаетъ и на десятую долю этой необъятной степи,— и потому та родовая группа киргизъ, которой предки, когда-то, „оживили“ эту землю, поневолѣ ведетъ на ней самое экстенсивное залежное хозяйство: ежегодно, весною, выборный мирабъ на общемъ сходѣ родовичей рѣшаетъ, гдѣ пахать наступающимъ лѣтомъ; намѣченное мѣсто поливается и засѣвается, на слѣдующій годъ вода и посѣвъ переводятся на другое мѣсто, — а разъ заброшенная пашня поступаетъ подъ посѣвъ не ранѣе пятнадцати лѣтъ, служа въ теченіе этого времени лишь пастбищемъ верблюдовъ и барановъ.

Ближе къ горамъ, несмотря на гораздо худшую, сильно каменистую почву, тянется поясъ сплошь засѣянныхъ полей, принадлежащихъ впрочемъ уже не киргизамъ, а сартамъ лежащаго за горами большого кишлака. Здѣсь для полива пользуются водою сбѣгающихъ съ горъ мелкихъ ключей и рѣчекъ, — а гдѣ есть вода, тамъ и самая плохая почва используется подъ культуру, тогда какъ безъ воды идеальный лёссъ остается безплодною пустыней.

А вотъ и ущелье или перевалъ Турланъ, по которому намъ предстоитъ перейти черезъ невысокій Каратаускій хребетъ, чтобы выйти къ Туркестану, въ долину Сыръ-Дарьи.

Неширокая лощина; по каменистому дну ея едва струится небольшой ручеекъ; сбоку тропы тянется довольно широкій арыкъ, взятый, гдѣ-то выше, изъ того же ручья и выводящій воду на расположенныя на предгорной степи пахатныя земли. По обѣимъ сторонамъ лощины — гряды невысокихъ холмовъ, то съ мягкими, то съ крайне причудливыми очертаніями, — мѣстами что́-то вродѣ мелко-иззубренной крѣпостной стѣны. Обнаженныя скалы чередуются то со скатами, усѣянными крупною дресвой или мелкою галькой, то съ уже успѣвшею образоваться, мѣстами супесчаною, мѣ-

стами даже лессовидною почвой. И вправо, и влѣво отъ перевала, такія культуроспособныя почвы залегаютъ обширными сплошными пространствами, на которыхъ киргизы производятъ большіе богарные посѣвы.

А вотъ и самый перевалъ. Тропа сворачиваетъ въ сторону отъ ручья. У самаго сворота—какія-то двѣ пещеры, вырытыя въ склонѣ горы. Это зимовки киргизъ, зимой пасущихъ сартовскій скотъ на горныхъ тебеневкахъ: у самаго входа въ пещеру они разставляютъ свои юрты, гдѣ и проводятъ день, а на ночь помѣщаются въ пещерѣ... И это—при непрерывно дующемъ въ ущельѣ сильномъ вѣтрѣ, наносящемъ на три аршина снѣга и сплошь и рядомъ на недѣли и мѣсяцы отрѣзывающемъ пастуховъ отъ всякаго сношенія съ внѣшнимъ міромъ...

Совершенно стемнѣло. До ночлега еще больше часа ходу,—но склонъ горы настолько пологъ и тропа настолько спокойна, что лошади продолжаютъ бѣжать крупною рысью, и только иногда соскальзываютъ въ бѣгущій тутъ же, вдоль тропы, маленькій арыкъ.

Наконецъ, желанные огоньки: это—нѣсколько киргизскихъ курганчей, а около нихъ — хуторъ Ивана Гудкова, въ которомъ мы должны заночевать.

Длинное строеніе, съ двумя жилыми покоями и большими сѣнями, и тутъ же, подъ одною крышей,—скотный дворъ. Обстановка бѣдная, безъ претензій на деревенскую роскошь. Хозяинъ — николаевскій солдатъ, мѣщанскаго вида, въ пиджакѣ и съ бѣлой бородой; его жена—вѣроятно вторая—типичная хохлушка, очень склонная жаловаться и плакать, тогда какъ старикъ сохраняетъ неизмѣнно-спокойный и безстрастный видъ.

Вотъ уже тридцать лѣтъ Гудковъ живетъ въ этомъ ущельѣ, съ его зимними глубокими снѣгами и постоянно дующими сильными вѣтрами. Служилъ ка-

кимъ-то сторожемъ на заброшенномъ, уже давно, мѣдномъ рудникѣ, и отъ владѣльца рудника получилъ разрѣшеніе занять подъ хуторъ никогда—кажется—не принадлежавшее руднику мѣсто. Жить и хозяйствовать на хуторѣ можно хорошо: земля хлѣбородная, воды вдоволь,—арыкъ взятъ изъ горнаго ручья, тутъ же въ предѣлахъ принадлежащаго къ хутору участка; да и безъ поливу сѣять можно хорошо — даже еще лучше чѣмъ съ поливомъ.

— Жаромъ портитъ хлѣба, гдѣ полито, — а гдѣ не полито, тамъ хлѣбъ жару лучше терпитъ; опять же поливная земля скорѣе выпахивается—вымываетъ изъ нея силу водой,—а безъ поливу дольше хлѣбъ родится.

— А съ киргизами какъ живете? не обижаютъ васъ? не опасно одному жить въ такомъ глухомъ мѣстѣ?

— Ничего! съ киргизами ладно живемъ! дѣлить намъ съ ними нечего: земля у меня своя, у нихъ своя, вода тоже. Ну, бываетъ скотъ ихній къ намъ зайдетъ—вотъ еще намедни сь тальникъ—у насъ насѣженъ былъ—потравили; такъ не судиться же съ ними! и наша скотина тоже когда къ нимъ заходитъ...

Потомъ, уже въ Туркестанѣ, я узналъ, что киргизы очень уважаютъ Гудкова и даже ходятъ къ нему разбираться въ разныхъ мелкихъ спорахъ и дрязгахъ.

— Скучно только жить здѣсь,— продолжалъ между тѣмъ Гудковъ — особливо когда нерабочее время: по недѣлѣ да по двѣ зимою ни къ намъ, ни отъ насъ проѣзду нѣтъ. Годовъ тому съ десятокъ совсѣмъ тоска одолѣла! продали мы хуторъ — вонъ сусѣдъ живетъ, киргизинъ, у меня хуторъ купилъ,—да переѣхали жить въ городъ, по торговой части. Да нѣтъ, не погляну-лось послѣ своего-то хозяйства да вольнаго житья! Опять сюда пріѣхалъ, новый хуторъ построилъ,—видно ужъ здѣсь вѣкъ доживать!

— А правду говорятъ,—спросилъ мой спутникъ,—

что въ Чулакъ-курганѣ (огромный сартовскій кишлакъ на сѣверо-восточномъ склонѣ Каратаускихъ горъ) старикъ солдатъ живетъ?

— Живетъ! годовъ за восемьдесятъ ему; казакъ сибирскій; двадцати годовъ былъ, какъ со службы убѣгъ... Совсѣмъ сталъ какъ сартъ, по-русски говорить забылъ! вѣру ихнюю принялъ! А праздники наши все помнитъ: придетъ бывало ко мнѣ—плачетъ... Сейчасъ не сталъ ходить: больно старъ сталъ, ослабъ ногами.

— А вы по-киргизски говорите?

— Какъ не говорить! я говорю, и сыны говорятъ. Вотъ, старуха моя—та не хочетъ по ихнему... А паренекъ вотъ—и Гудковъ показалъ на своего младшаго сына, подростка лѣтъ пятнадцати,—тотъ уже безъ мала что позабылъ по-русски, а по ихнему балакаетъ—что твой киргизъ!..

На утро еще часа два пути по другому ущелью, открывающемуся уже на Сыръ-Дарьинскую долину. Ущелье или лощина приблизительно того же типа, съ разбросанными то тамъ, то сямъ клочками богарныхъ полей; но въ одномъ мѣстѣ небольшой ручеекъ протекаетъ среди совершенно отвѣсныхъ и даже нѣсколько нависшихъ надъ ущельемъ каменныхъ стѣнъ; здѣсь всегда дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ—лошади едва удерживаются на ногахъ...

Опять пара десятковъ верстъ по высокому предгорному плато, возвышающемуся надъ заливною сыръ-дарьинскою долиной. Поверхность плато слегка волнистая, почва — чистѣйшій лёссъ, поросшій густою, темнозеленою полынью-шáгыръ. Но воды здѣсь еще меньше, чѣмъ на противуположномъ склонѣ Каратау, и потому это плато почти пустынно и служитъ почти исключительно весеннимъ и осеннимъ пастбищемъ для киргизскаго и сартовскаго скота. Кое гдѣ по пустынной степи вьется ложе высохшаго ручья; весною вода такихъ ручьевъ частью служитъ для полива озимей въ

лежащихъ ниже, въ долинѣ, сартовскихъ селеніяхъ,—частью же вливается въ разсѣянныя по долинѣ многочисленныя озера; здѣсь воду перехватываютъ бугутами и потомъ разводятъ для полива яровыхъ полей. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ небольшіе ключи; вода ихъ перехвачена плотинками и образуетъ маленькіе пруды, откуда, когда нужно, ее выпускаютъ для полива лежащихъ по сосѣдству клочковъ пахатныхъ полей.

Вотъ однако и пунктъ нашего послѣдняго полдневнаго привала: урочище Чокъ-тасъ, съ киргизскимъ кишлакомъ на пятидесять, примѣрно, кибитокъ полуосѣдлыхъ киргизъ. Этотъ кишлакъ—уже настоящая деревня, съ жилыми домами изъ саманнаго кирпича, высокими глинобитными оградами вокругъ бахчей и люцерновыхъ полей и съ большими садами, политыми выведенною изъ ключей водою. Въ одномъ изъ этихъ садовъ, у волостного управителя, для насъ разбита, вмѣсто традиціонной юрты, красивая, пестрая палатка, устланная внутри дешевыми коврами.

Управитель, на этотъ разъ уже не назначенный, а выборный, встрѣчаетъ насъ почтительно и привѣтливо, но съ достоинствомъ; помогая намъ, по киргизскому обычаю, слѣзть съ лошадей, онъ не проявляетъ однако ни малѣйшей склонности съ сниманію сапогъ и тому подобнымъ, не требуемымъ обычаемъ, услугамъ.

Конечно, чаепитіе, дыни, достарханъ съ ташкентскими леденцами, коурдакъ изъ только что зарѣзаннаго барашка,—все по заведенному порядку. И по заведенному порядку—разговоры.

— Много ли у васъ скота,—спрашиваемъ мы управителя,—по всему видно, состоятельнаго человѣка.

Оказывается не очень много: всего штукъ сорокъ лошадей, да столько же верблюдовъ, да ста три барановъ. Зато управитель сѣетъ много хлѣба, обрабатывая землю самъ съ своими сыновьями: высѣваетъ батма-

новъ шесть озимой пшеницы, да батмана четыре озимаго ячменя,—значитъ, десятинъ до двадцати озимыхъ хлѣбовъ. Проса сѣетъ мало: воды хватаетъ только на весенній поливъ, который и расходуется на озимые хлѣба.

— У нихъ съ водой строго, — разсказываетъ сопровождающій насъ до города и служащій переводчикомъ Джилыбулакскій управитель: воды мало, и дѣлятъ ее поровну, между богатыми и бѣдными: каждый по полсутокъ поливаетъ: одинъ съ утра до полудня, другой—съ полудня до вечера. А кто бѣдный, сдаетъ воду богатому изъ половины: богатый поливаетъ въ его очередь—только для дынь и джугары долженъ ему оставить воды; самъ пашетъ, самъ сѣетъ свои сѣмена, а за воду отдаетъ бѣдному половину урожая, да кибиточную подать за него платитъ...

Здѣсь такимъ образомъ не бѣднякъ, а болѣе сильный хозяинъ является испольщикомъ, а бѣдняку дороговизна воды создала сравнительно привиллегированное положеніе.

— А кочуютъ они гдѣ?—спрашиваю.

Оказывается—вовсе не кочуютъ: живутъ лѣто и зиму на своихъ усадьбахъ, на лѣто, впрочемъ, выставляя юрты, и только молодой скотъ отгоняютъ на расположенныя тутъ же подъ рукою горныя лѣтовки.

Однако пора въ путь: послѣдній, а потому особенно утомительный, хотя и короткій перегонъ. Сначала — сплошная полоса полей чоктасскихъ киргизъ, потомъ еще съ десятокъ верстъ—пустынное степное плато, и съ окраины послѣдняго показывается, на широкой долинѣ, конечный пунктъ нашего странствованія—городъ Туркестанъ, съ возвышающеюся надъ нимъ знаменитою мечетью — Хазретомъ. По сторонамъ, то здѣсь, то тамъ, какъ бы въ линію вытянулись то большія, то маленькія пятна темной зелени, съ выдѣляющимися на

фонѣ ихъ глинобитными постройками и оградами; это сартовскіе кишлаки и хутора, располагающіеся вдоль питающаго и городъ, и всѣ эти кишлаки и хутора, а теперь—еще и желѣзнодорожную станцію, большого арыка, собирающаго воду изъ цѣлой группы горныхъ ключей... И первый признакъ осѣдлой культуры—верховая тропа превращается въ дорогу, прорѣзанную слѣдами широко разставленныхъ арбяныхъ колесъ.

На другое утро, смывъ съ себя дорожную грязь и потъ, отправляемся осматривать хазретъ. Высокій порталъ, въ видѣ арки съ двумя куполками по бокамъ, когда то сплошь выложенный чудесными, синими съ зеленымъ изразцами. Теперь этихъ изразцовъ сохранилось очень мало—по большей части они повывалились, и замѣнены сѣро-желтою лессовою штукатуркой. Квадратный главный залъ съ куполообразнымъ потолкомъ, выкрашенный бѣлою краской, съ громаднымъ мѣднымъ чаномъ посрединѣ, окруженнымъ одиннадцатью бунчуками отъ одиннадцати святынь. Маленькій боковой залъ, съ могилою оставившаго мечети свое имя святого султана Ходжи-Хазрета. Позади главной залы—небольшая мечеть „зикрà“, очень изящная, съ четырьмя полукуполками по сторонамъ и среднимъ полусферическимъ куполомъ. Въ неширокомъ проходѣ могила принца изъ „Ромы“ (Рима?), который, по преданію, былъ мюридомъ (ученикомъ) султанъ-Хазрета, покрытая вылинявшею шкурою джульбарса (тигра); въ ногахъ памятника навалена куча большихъ роговъ аргали, плохо очищенныхъ и издающихъ довольно противный запахъ; на полу насыпаны горсточки земли или пыли—символическія могилки, замѣняющія столь желанное погребеніе около могилы святого. Кухня съ огромными, совершенно черными чанами и деревян-

ными корытами, гдѣ когда то по пятницамъ варился палау (пилавъ) для бѣдныхъ. Зала медрессе, для учениковъ котораго въ зданіи мечети устроено до трехсотъ келій, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ и проходамъ. Невѣроятно обвалившаяся лѣстница, ведущая на плоскую крышу мечети. Въ боковыхъ помѣщеніяхъ грязь, мусоръ, обвалившіеся кирпичи, копоть, массы голубинаго помета—голуби въ хазретѣ пользуются особеннымъ почетомъ. Все вообще производитъ впечатлѣніе мерзости запустѣнія,—и если мечеть еще хоть сколько-нибудь поддерживается, то это, повидимому, подъ вліяніемъ настоящій русскаго начальства. Отъ мечети, по разнымъ поводамъ, отошла большая часть ея вахфовъ, а главное—вакуфные доходы чуть не цѣликомъ разбираются шейхами—потомками султанъ-Хазрета, потомственными старостами или попечителями мечети.

Съ плоской крыши, по которой валяются растерзанные коршунами трупы голубей и обломки обвалившихся съ купола сине-зеленыхъ изразцовъ, мы любуемся видомъ на городъ Туркестанъ. Небольшой русскій, чисто чиновничій городокъ, одноэтажные домики котораго тонутъ въ густой листвѣ воспитанныхъ на арычной водѣ древесныхъ насажденій,—и большой туземный городъ: сплошная, совершенно безъ зелени (воды мало!) масса сѣро-желтаго лёсса, съ плоскими или куполообразными крышами, уже безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ европейскаго вліянія,—такъ и вызывающая воспоминаніе о библейскихъ временахъ. Въ сторонѣ, вдоль большого арыка, хутора, окруженные садами, и поля, покрытыя гдѣ просомъ, гдѣ джугарой, гдѣ темно-зеленымъ ковромъ люцерны.

— Ну, пора и ѣхать: говорятъ, черезъ часъ или два (а то и черезъ полсутокъ) можетъ отойти рабочій поѣздъ. Нѣсколько верстъ по сыпучему песку Сыръ-

Дарьинской долины, и мы у цѣли—у строящейся станціи, возлѣ которой уже собранъ поѣздъ: рядъ вагоновъ съ желѣзнодорожною кладью, пара „приспособленныхъ“ вагоновъ—одинъ съ надписью „вагонъ для переѣзда служащихъ“, другой—„вагонъ для перевозки рабочихъ“; а за ними небольшой бѣлый служебный вагончикъ, который долженъ доставить насъ въ Ташкентъ, а отсюда—далеко-далеко, туда, гдѣ нѣтъ ни киргизъ, ни верблюдовъ, ни юртъ, и гдѣ подъ тусклымъ, туманнымъ небомъ Балтійскаго побережья, люди плохо могутъ себѣ представить, что̀ такое—Туркестанское солнце, и что̀ можетъ значить пробивающаяся гдѣ нибудь изъ-подъ земной поверхности струйка воды...

Приложеніе

Въ Башкиріи.

Въ Башкиріи.

— Шафраново, восемь минутъ...

Мнѣ слѣзать... Станція кишмя-кишитъ народомъ, напоминая если не Павловскъ или Озерки, то во всякомъ случаѣ какую-нибудь средней руки дачную станцію окрестностей Москвы или Петербурга: студенты, просто молодые люди, два—три офицера и безконечное множество барышень, на нѣкоторыхъ—фески или расшитыя тюбетейки, придающія картинѣ нѣкоторую couleur locale. И вездѣ—большія, перевязанныя бечевками бутылки съ кумысомъ: горлышки такихъ бутылокъ торчатъ изъ кармановъ у кавалеровъ и изъ ридикюлей у дамъ; пара бутылокъ съ кумысомъ оставлена кѣмъ-то на одной изъ лавокъ, на станціонномъ перронѣ, кѣмъ-то другимъ—на подоконникѣ станціоннаго дома. А въ залѣ I класса, вокругъ традиціоннаго графина съ мутноватою водой, стоитъ цѣлая батарея выпитыхъ бутылокъ, и клеенка на столѣ вся залита расплескавшимся кумысомъ.

Башкиръ-извозчикъ въ полурусской одеждѣ, въ бѣлой шляпѣ поверхъ засаленной тюбетейки, везетъ меня въ большое село Слакъ, въ 3 — 4 верстахъ отъ станціи. По внѣшности Слакъ мало отличается отъ русской деревни, и только минареты нѣсколькихъ мечетей говорятъ вамъ, что это—не русская деревня, а

башкирское селеніе. Пожалуй, о томъ-же говорятъ и нѣсколько запущенныя избушки, по бо̀льшей частью выбѣленныя глиной, и покосившіеся заборы,—и несомнѣнно о томъ-же говорятъ ярко-красные по преимуществу, своеобразные по покрою, наряды женщинъ, и бѣлыя шляпы и характерныя безрукавки мужчинъ.

На улицахъ Слака сегодня множество народа, снующаго взадъ и впередъ по улицамъ и густою толпою наполняющаго базарную площадь.

— Величайшее зло для башкиръ эти базары,—говоритъ пріѣхавшій къ кому-то въ гости земскій врачъ, съ которымъ мы взяли пополамъ послѣдняго извозчика: вѣдь они рѣшительно по всѣмъ базарамъ ѣздятъ, какіе только есть въ окрȕгѣ,—то полфунта сахару кунча́лъ—купить надо, то осьмушка чаю, то кунакъ видать. Сидятъ себѣ кружками, кумысъ тянутъ, водой изъ рѣчки разбавляютъ,—пока не свалятся. А гдѣ русскіе по близости, тамъ, кромѣ кумыса, конечно и водка. Ну, съ базара на базаръ,—для работы времени и не остается. Тоже и по гостямъ: вы зовете башкира по дѣлу, даже для него интересному, а онъ—не могу, гости ѣхать надо. Въ базарный день ужъ онъ и никакой работы не беретъ,—базаръ гулять надо... Такъ худого ничего о нихъ не скажешь: честный народъ, особенно которые не слишкомъ между русскими понатерлись,— воспитанный, деликатный; сравнительно они даже довольно чистоплотны; я вотъ одно время работалъ въ больницѣ для умалишенныхъ,—такъ ужъ башкиръ какой больной, а подай ему непремѣнно ванну въ четвергъ. А только вотъ эта лѣнь кочевая,—вѣка пройдутъ, пока они отъ нея отдѣлаются! Вотъ припущенники башкирскіе—тѣ совсѣмъ другой народъ: тоже вѣдь всякіе татары, мещеряки, чуваши, земли у нихъ всего ничего, а живутъ—не башкирамъ чета...

— Отчего же это такъ?—спрашиваю я.

— Да все отъ многоземелья!... Вѣдь смѣшно сказать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно: для башкиръ земля—точно проклятіе, которое надъ ними тяготѣетъ и обрекаетъ ихъ на голоданіе и нищету.

Мнѣ не разъ случалось читать и слышать о многоземельѣ, какъ о главномъ источникѣ башкирской нищеты. Но мнѣ хочется услышать, какъ смотритъ на этотъ парадоксальный фактъ мѣстный человѣкъ, неприкосновенный къ процессу „освобожденія отъ земли“ башкиръ, и потому я дѣлаю видъ, что не понимаю его словъ.

— Какъ это можетъ быть?—говорю я: вѣдь башкиру, полукочевнику, необходимо, напротивъ, много земли. Какимъ же образомъ земля можетъ для него быть проклятіемъ?

— Да видите ли,—пока башкиры были настоящими номадами, пока въ Башкирію не вторгалась пришлая культура, до тѣхъ поръ они себѣ и жили, какъ слѣдуетъ кочевникамъ: пили кумысъ, рѣзали барановъ, когда падалъ скотъ,—подтягивали животы потуже и терпѣли. Но вѣдь вы знаете, что̀ у насъ уже издавна идетъ въ Башкиріи: чуть не 300 лѣтъ, какъ башкирскія земли стали лакомымъ кусочкомъ, къ которому подбирается каждый, кто не дуракъ. Налѣзло въ вольныя башкирскія степи и лѣса припущенниковъ,—кто у башкиръ выпроситъ земли, кто и безъ спроса сядетъ и сидитъ. Потомъ чумазый полѣзъ,—ужь чуть-ли не при Алексѣѣ Михаиловичѣ указы издавались: не продавать башкирскихъ земель, а запрещали продажу,—значитъ было что̀ запрещать. Ну, пріемы нашего „буржуа“ извѣстны: угощенія, подарки, подкупъ, спаиваніе, запутываніе въ долгахъ,—въ концѣ-концовъ башкиры за гроши распродали милліоны десятинъ земли, въ Башкиріи явились помѣщики, и даже съ крѣпостными. Потомъ „башкирская эпопея“,—объ ней и говорить нечего:

*

дѣло еще памятное,—тоже чуть не милліоны десятинъ расхватали!... А теперь—мужикъ-переселенецъ полѣзъ. Ну, а онъ не отстаетъ отъ „буржуа“,—тоже наровитъ, какъ бы рубль за грошъ купить: тѣже подкупы, подпаиваніе, обманы, а то и простой захватъ, открытое насиліе. Въ концѣ концовъ прежняго простора нѣтъ уже и въ поминѣ; кочевать негдѣ, скота водить не на чемъ,—приходится пріучаться къ земледѣлію.

— Ну, и слава Богу,—перебиваю я,—вѣдь земледѣліе надежнѣе скотоводства; сами же вы говорите, что въ кочевыя времена и животы подтягивать приходилось, когда падалъ скотъ.

— Да, надежнѣе,—воскликнулъ мой собесѣдникъ,—а вотъ побывайте-ка по башкирскимъ деревнямъ: полуразвалившіяся землянки, ни хлѣба, ни скота. Башкиръ-вотчинникъ—вѣдь это что-то въ родѣ помѣщика: сдаетъ въ аренду десятки десятинъ земли. А посмотрите—этотъ вотчинникъ работаетъ изъ милости у своего же арендатора, которому за нѣсколько пудовъ муки отдалъ земли на вдесятеро бо́льшую сумму. Вѣдь чтобы стать пахаремъ, надо трудиться, а башкиръ-вотчинникъ отъ кочевого быта отсталъ, а къ земледѣльческому не присталъ: сотни лѣтъ его подпаивали, у́гощали, обманывали, обсчитывали; сотни лѣтъ башкиръ тѣмъ жилъ, что продавалъ то одинъ кусочекъ земли, то другой, сдавалъ въ аренду то лишнюю, то и нелишнюю землю. Ну, пока еще есть что́ продавать или сдавать, онъ продаетъ и сдаетъ. А вотъ продастъ все,—тогда пойдетъ уже другое. Я вотъ въ разныхъ уѣздахъ служилъ,—закончилъ мой собесѣдникъ,—въ Стерлитамакскомъ, Бирскомъ, теперь служу въ Уфимскомъ и вижу: чѣмъ у башкира больше земли, тѣмъ болѣе жалкое его существованіе. А гдѣ земля уже подобралась, — вотъ напримѣръ въ Бирскомъ уѣздѣ—значитъ продать ужь нечего, сдавать нечего, тамъ они помаленьку и попахи-

ваютъ, и скота у нихъ побольше, и живутъ получше...

Мой спутникъ сходитъ у квартиры мѣстнаго земскаго врача, а я доѣзжаю до земскаго „пункта“ и, напившись чаю, ѣду дальше.

Ѣдемъ сначало по довольно широкой долинѣ Дёмы,—той самой Демы, которая когда-то въ такихъ поэтическихъ краскахъ была описана И. С. Аксаковымъ. Потомъ, по пологому склону, поросшему жалкимъ дубовымъ кустарникомъ (башкирскіе лѣса!), поднимаемся на водораздѣлъ. Это сильно волнистая мѣстность, изрѣзанная по всѣмъ направленіямъ долинами многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ; гдѣ склоны этихъ долинъ пологи, они распаханы сплошь и представляютъ собою хорошо знакомую каждому жителю средней Россіи картину чередованія трехпольныхъ „перемѣнъ“; склоны покруче—то такая же жалкая заросль, то совершенно голые красноватые косогоры.

Невдалекѣ отъ дороги показывается рядъ соломенныхъ крышъ.

— Что̀ за деревня, спрашиваю ямщика,—башкирская?

— Хохлы, отвѣчаетъ ямщикъ.

— Арендаторы, или на казенной землѣ?

— Были рендатели. Сколько-то лѣтъ продержали землю, а потомъ не стали платить и самихъ башкировъ прогнали. Тѣ въ судъ подавали,—судъ присудилъ хохловъ выдворить, да не тутъ-то было: не уйдемъ, говорятъ, въ дубье примемъ. Возились-возились съ ними—сынъ у меня въ объѣздчикахъ служитъ (вставилъ, какъ бы въ скобкахъ, ямщикъ), онъ мнѣ и разсказывалъ: земскій сколько разовъ пріѣзжалъ, другіе начальники,—ничего̀ не могутъ подѣлать. Покончили на томъ, что землю приняли въ казну, да отъ казны хохламъ надѣлили,—а которыхъ она была башкиръ, тѣмъ въ другомъ мѣстѣ казенную землю дали. Поплоше, сказываютъ, земля-то; ну, да башкиры—они народъ смирный, пре-

пятствовать не стали: приняли, подписку дали. А хохлы—тѣ еще сколько время супорствовали: не хотимъ, молъ, обществомъ за землю платить, да и земли, говорятъ, мало. Ну побились, побились съ ними, а потомъ говоритъ начальство: не хотите молъ, такъ не надо: будемъ землю въ арендъ сдавать. Сдали озеро; ну, тогда видятъ хохлы—дѣло плохо, начальство взаправду осерчало; приняли землю и подписку дали.

Еще нѣсколько верстъ,—еще пара овраговъ съ крутыми склонами и мелкою дубовою порослью.

При самой дорогѣ—довольно большая деревня, дворовъ съ полсотни, на видъ очень зажиточная: большія крѣпкія избы, большею частью въ два сруба; нѣсколько домовъ съ желѣзными крышами и архитектурными фантазіями, въ родѣ балконовъ и верандъ.

— Самодуровка,—сообщаетъ мнѣ ямщикъ. Изъ господскихъ они, на волю безъ земли вышли.

— А давно здѣсь поселились?

— Да годовъ съ тридцать, поболѣ. На рендѣ держали землю отъ башкиръ, а годовъ съ пятокъ какъ купили въ вѣчность,—ба́нка помогла. Прежде-то деревня побольше была, а какъ покупать стали землю,—которые бѣдные, тѣхъ не приняли; они и ушли, на казенномъ участкѣ живутъ,—сейчасъ мимо ѣхать будемъ.

— А землю какъ раздѣлили, не слыхалъ?—спрашиваю ямщика.

— По паямъ, слыхать, дѣлили,—по состоянію, значитъ: кто сколько денегъ заплатилъ, тотъ на столько и земли взялъ; которые десятинъ десятокъ, аль полтора, которые и по полсотни взяли. Справный народъ, зажи́вный... Пришли безъ мала-что ни съ чѣмъ, а вотъ какъ заправились! земля хорошая, урожаи во-какіе были, аренда дешевая—башкиръ вѣдь, онъ что̀ младенецъ: только угости его, почетъ сдѣлай,—онъ задаромъ все отдастъ...

А вотъ и поселокъ „отверженныхъ“ изъ самодуровскаго общества: казенная оброчная статья Кармала-Тамакъ, и на ней тоже съ полсотни дворовъ, расположившихся въ два „порядка“, подъ угломъ одинъ къ другому. Здѣсь ужъ ни желѣзныхъ крышъ, ни балконовъ и верандъ; избы все ровныя, небольшія, съ соломенными крышами, но аккуратныя на видъ и безъ того безнадежно унылаго вида, который такъ характеренъ для неудачно водворившихся поселковъ.

— Ни съ чѣмъ пришли мы изъ Самодуровки то, — разсказывалъ мнѣ пожилой крестьянинъ, къ которому мы завернули напиться чудной ключевой воды и, кстати, поболтать: житья намъ не давали богатые, не дай ты Господи! Сейчасъ-то которые мало-мало поправляться стали. Есть—десятинъ по двадцать пять на пай взяли, а которые по десяти да по пяти: у кого, значитъ, какое изможеніе. Мѣсто только больно неудобное. Мы настояще-то не сюды и просились, а на Узунлинскій участокъ, да ошибка, что-ли, вышла,—дозволеніе сюда послѣдовало. Начальство, слыхать, сулится насъ на Узунлинскій участокъ перевести; ну, изъ нашихъ которые соглашаются переходить, а которые здѣсь хотятъ остаться: чего молъ домашность рушить, про насъ и здѣсь удобной земли хватаетъ.

Вотъ въ небольшой лощинкѣ маленькій поселочекъ, всего дворовъ восемь или десятокъ; крѣпкіе бревенчатые дома, въ два сруба, съ новенькими тесовыми крышами. Это—Степановское товарищество.

— Спервоначалу мордвы здѣсь жили,—разсказывалъ намъ кто-то изъ степановцевъ, пока мы давали небольшой отдыхъ нашимъ лошадямъ, — десять домовъ ихъ было; землю держали на рендѣ. Потомъ разбрелись, кто куда. Остался одинъ старикъ, Василій Митричъ; принялъ девять семей изъ россійскихъ—все больше симбирскіе, да вдесятеромъ и купили землю у башкиръ,

полтораста десятинъ, по десяти рублевъ за десятину (а теперь такой земли ужъ и за сорокъ не купишь,—вставилъ отъ себя мой ямщикъ). Алексѣй Степанычъ вотъ,— мой собесѣдникъ указалъ на особенно обширный и крѣпкій на видъ трехсрубный домъ, — два пая взялъ, прочіе—по одному. На пай по сотеннику въ полѣ вышло; всей, значитъ, пашни по три сотенника [1]), а то неудобіе да лѣсъ. Ну, на трехъ сотенникахъ гдѣ же прожить! Вотъ и арендуемъ казенную землю; еще нѣсколькихъ мужиковъ приняли въ аренду, — да поляну въ казенномъ лѣсу арендуемъ. Казенную землю по началу-было на пан разбили, по состоянію, а потомъ, какъ подравнялись, стали дѣлить по душамъ, — по пяти десятинъ вышло на душу. Вотъ только боязно намъ, ваше благородіе, какъ бы казенную землю у насъ не отбили: Гайнинскіе на нее просятся, да изъ-подъ Ивановскаго завода какіе-то проснлись на поселеніе, да изъ другихъ деревень. А намъ безъ нея — пропадать надо: куды же на трехъ-то сотенникахъ уйдешь!.. Хлопочемъ вотъ, чтобы въ надѣлъ намъ отвели, подъ поселеніе, значитъ; да кто его знаетъ, что̀ выйдетъ; то-ли дозволятъ, то-ли нѣтъ! А отойдетъ статья отъ насъ, намъ хоть свою землю бросать, да на новое мѣсто уходить!.. Продавала намъ барыня землю по двадцати пяти рублевъ за десятину, да побоялись мы, какъ бы не запутаться! Тѣсно намъ, баринъ,—заключилъ мой собесѣдникъ, — только тѣмъ и живы, что крѣпко другъ за дружку держимся...

Еще нѣсколько пологихъ переваловъ, то поросшихъ некрупнымъ дубнякомъ, то сплошь распаханныхъ; одни съ чудною черноземною почвой, другіе болѣе или менѣе каменистые, — и мы въѣзжаемъ въ широкую долину

---

[1]) Сотенникъ—хозяйственная десятина въ 4,000 кв. саж.; 3 сотенника = 5-ти казеннымъ десятинамъ.

притока Демы, Мелеуза. Минуемъ, оставляя нѣсколько въ сторонѣ, большое припущенническое селеніе Ново-Васильевку, — одно изъ тѣхъ сотенъ селеній, которыя возникли въ Уфимской губерніи на развалинахъ былого земельнаго богатства башкиръ; издали я вижу довольно порядочную застройку, а главное — весь надѣлъ, кромѣ нешпрокой полосы луговъ и крутого, каменистаго лѣвобережнаго увала, окаймляющаго долину, распаханъ сплошь; мало того, ново-васильевское общество арендуетъ смежныя казенно-оброчныя статьи, образовавшіяся изъ такъ-называемыхъ „башкирскихъ запасныхъ земель“, побѣдоносно выдерживая, пока, натискъ массы разнаго другого народа, хлопочущаго кто о разрѣшеніи переселиться на эти статьи, кто о сдачѣ ихъ въ аренду: тѣ, примѣрно, три или три съ половиной десятины на наличную мужскую душу, къ которымъ сводится припущенническій надѣлъ, совершенно не удовлетворяютъ ихъ, и ново-васильевцы совершенно убѣждены, что имъ „нельзя жить“ безъ сосѣднихъ съ надѣломъ казенныхъ земель.

Нѣсколько дальше, на сліяніи Мелеуза съ его притокомъ Конуръ-Мелеузомъ, на широкой ровной долинѣ, съ чудною черноземною почвою, — переселенческій поселокъ Ново-Михайловка. Видъ деревни жалкій: маленькія избушки, крытыя соломой, много мазанокъ; но посреди широкой улицы поселка—длинный рядъ хлѣбныхъ амбаровъ.

— По всей окрýгѣ у насъ такъ, — объясняютъ мнѣ крестьяне:—во дворахъ ставить—отъ огня о́пасно, а за деревней — воры. А эдакъ и огонь не скоро дойдетъ, и на глазахъ у себя. На старинѣ у насъ такъ амбары были постановлены.

— А старина ваша гдѣ?

— Да Белебейскаго мы уѣзда, баринъ, господскіе: изъ Чегодаевки, да изъ Барановки, такъ на два конца

и живемъ; ну, потомъ начальство еще изъ прочихъ деревень попрописывало, тоже все больше здѣшняго уѣзду. Душъ до полусотни здѣсь и не бывали: какъ имъ вышло разрѣшеніе,—землю посдавали припущенникамъ, а сами дома жить остались. Зимой вотъ начальство пріѣзжало, повѣрку дѣлало; сказывалъ начальникъ, ихъ исключать станутъ, а въ ихъ мѣсто новыхъ пришлютъ.

— Ну, а землей какъ, довольны?—спрашиваю я.

— Да землю, ваше бл-діе, не похаешь,—хороша земля. Мало только ее,—башкиры кругомъ прижали, пошириться некуда.

А глаза у говорящаго такъ лукаво поблескиваютъ изъ подъ нависшихъ бровей: стану, молъ, я тебѣ, барину, разсказывать правду...

Ѣдемъ дальше. На паровомъ полѣ большое стадо свиней, подъ наблюденіемъ пары пастуховъ.

— Нельзя безъ пастуховъ,—объясняетъ ямщикъ,—башкиры кругомъ, орда: зайдетъ къ нимъ свинья—зарѣжутъ, и ничего съ ними не подѣлаешь...

Дальше дорога идетъ вверхъ по Конуръ-Мелеузу. Тоже одинъ берегъ крутой, поросшій дрянною кустарною порослью; мѣстами не осталось и поросли, а голая почва, съ каменистыми обнаженіями. Другой берегъ отлогій, почти сплошь распаханъ, и только верхняя окраина увала, болѣе крутая, мѣстами осталась подъ лѣсною порослью. Въ одномъ мѣстѣ, немного въ сторонѣ, довольно большая роща крупной, очевидно уже нѣсколько лѣтъ не вырубавшейся заросли.

— Казенный лѣсъ?—спрашиваю ямщика.

— Никакъ нѣтъ,—Бишбулякскихъ.

— Припущенники?

— Чуваши. Купили землю у башкиръ-то: тысячу триста десятинъ купили, по пятнадцати рублевъ десятина: въ банкѣ деньги брали.

— А много ихъ?

— Да домовъ съ полсотни. Богатый народъ, у каждаго кубышка. Работать больно здоровы, да и скопидомы-же, не дай Господи: копѣйки лишней изъ рукъ не выпустить.

Заѣзжаемъ мѣнять лошадей и пьемъ чай, повидимому, у „перваго жителя“ деревни. И на дворѣ, и въ домѣ — классическая грязь, характерная для чувашскихъ поселковъ. Чуваши въ синихъ рубашкахъ, чувашки—въ синихъ-же, но съ красными каймами, короткихъ кофтахъ или охабняхъ, поверхъ синихъ же юбокъ. Всѣ приземистые, широкоплечіе, смуглые, многіе съ больными глазами, и всѣ почему-то—съ какимъ-то безнадежнымъ унынiемъ на лицѣ, вызывающимъ воспоминаніе объ остякахъ, карагасахъ, вообще о первобытныхъ племенахъ, погибающихъ подъ гнетомъ напирающей на нихъ „цивилизаціи“,—и совершенно не подобающимъ такому несомнѣнно крѣпкому и успѣшно борющемуся за существованіе племени, какъ чуваши.

Собираемся ночевать въ населенной башкирами, бывшими государственными крестьянами, деревнѣ Биктяшевой, на Икѣ. Деревня—очень бѣдная и съ довольно сомнительною репутаціей. Тѣмъ не менѣе, имѣя на ревизскую душу по пяти десятинъ угодій, биктяшевское общество въ полномъ составѣ арендуетъ два казенныхъ участка, да сверхъ того, кто побогаче, участвуютъ въ нѣсколькихъ арендаторскихъ товариществахъ вмѣстѣ съ припущенниками и крестьянами нѣсколькихъ другихъ селенiй.

Подъѣзжаемъ къ указанному намъ для ночлега дому. Заѣзжаемъ во дворъ, гдѣ застаемъ всю семью за вечернимъ чаепитiемъ. Посреди двора разостланъ коверъ, на которомъ размѣщается на корточкахъ, по восточному обычаю, вся семья, и шумитъ невѣроятно

грязный самоваръ; на парѣ тарелокъ разныя „прикуски“ и остатки съѣденной дыни.

Заходимъ въ домъ—большое помѣщеніе въ три сруба. Въ передней горницѣ полъ покрытъ бѣлою кошмою; въ ряди мебели—только столъ, да пара стульевъ, очевидно предназначенныхъ исключительно для почетныхъ посѣтителей, не привыкшихъ проводить жизнь, сидя на корточкахъ. Въ жилой комнатѣ—широкія нары, сплошь покрытыя дешевыми коврами. Все запущено и страшно грязно, и только въ послѣдней крайности, со всякими мѣрами предосторожности, въ этой грязи можно было бы рискнуть остаться на ночлегъ. Этой крайности однако нѣтъ; по здравомъ размышленіи мы рѣшаемся проѣхать еще нѣсколько верстъ и ночевать въ ближайшемъ русскомъ поселкѣ,—гдѣ однако находимъ ничуть не меньшую грязь, и гдѣ миріады ползающихъ и скачущихъ всю ночь не даютъ намъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро я объѣзжаю рядъ поселковъ, расположившихся по мелкимъ притокамъ Ика.

Вотъ, одинъ за другимъ, по теченію Талдыбулака, почти вплотную около линіи желѣзной дороги, расположились три переселенческихъ поселка — Ярославка, Семеновскій и Хорошевскій.

— Не житье бы имъ, а маслянца, — разсказываетъ мнѣ ямщикъ, крестьянинъ изъ того поселка, гдѣ мы такъ неблагополучно провели ночь, — земля хорошая, хлѣбъ родится, зимой на желѣзной дорогѣ большія деньги зарабатываютъ: мѣсто здѣсь буранистое, чуть погода, сейчасъ линію снѣгомъ занесетъ, и тогда идите, честной народъ, снѣгъ сгребать... Большія тысячи зарабатываютъ!.. Умирать крестьянину не надо! А вѣдь поди-жь ты,—продолжалъ ямщикъ оборачиваясь ко мнѣ, не хотятъ здѣсь жить: изъ Семеновки да изъ Хорошевки

уже ходоковъ посылали въ Кочетовъ, да въ Акмолы; воротились ходоки,—не поглянулось.

— Чѣмъ же имъ здѣсь не глянется?

— Да кто ихъ знаетъ—такъ, просто зря, съ жиру бѣсятся. Ну, хорошевцы — тѣ еще насчетъ скотскаго прогону обижаются; по-за дворами у нихъ чугунка прошла, а переѣзду нѣту черезъ линію, — черезъ чужую землю приходится гонять; крюкъ-то вонъ какой, да хорошо еще пока сосѣди пускаютъ, а не станутъ пускать—такъ хоть скотины не держи. Хлопочутъ они, хлопочутъ насчетъ пропуска черезъ линію, да все чего-то не выходитъ имъ. Ну, а ярославцы — тѣ ужъ Богъ ихъ знаетъ съ чего; сказываютъ, земли мало.

— А почему же они не арендуютъ? Кругомъ-то вѣдь все казенныя земли?

— Да не сговорятся все!.. Вотъ отъ ихняго надѣла отрѣзокъ остался—имъ бы и кортомить, такъ нѣтъ: ихній же крестьянинъ снялъ—Алексѣемъ зовутъ—до шестерыхъ товарищей принялъ изъ другихъ деревень, — втрое съ нихъ беретъ противъ казенной цѣны. Одинъ ныъ у нихъ писарь во всемъ обществѣ, Алексѣй-то, безъ него шагу ступить не умѣютъ!.. Ну, а ему, извѣстно, разсчетъ самому снимать участокъ, да барыши брать,—вотъ онъ ихъ и сбиваетъ съ толку...

Ѣдемъ роскошными овсами. У самой дороги мужикъ въ красной рубахѣ, коситъ хлѣбъ.

— Вотъ онъ самый, Алексѣй и есть,—говоритъ мнѣ ямщикъ.

Я останавливаюсь на пару минутъ, покалякать съ Алексѣемъ. Рослый, широкоплечій мужикъ съ небольшою русою бородою; лицо умное и даже симпатичное, если бы не нѣсколько напускной, преувеличенно-добродушный тонъ рѣчи и не безпокойно бѣгающіе глаза.

— Зря мужики про землю говорятъ-то, — отвѣчаетъ

Алексѣй на мои вопросы—будто земля худая. Хороша земля:—нечего Бога гнѣвить,—лучше не сыскать.

— А вотъ они жалуются, что мало земли? - спрашиваю я.

— Да оно извѣстно—маловато. Такъ кортомили бы!

— Да что-жъ имъ кортомить? Вѣдь къ деревнѣ участокъ подошелъ,—его кому-то другому казна сдала,—говорю я, дѣлая видъ, что не знаю, кто арендаторъ этой земли.

— А имъ кто не велѣлъ прошеніе продавать? Я вотъ имъ предлагалъ, подавайте да подавайте. А они—то да се, не захотѣли. Ну, не хотятъ, я и снялъ участокъ, принялъ товарищей — башкиръ бектяшевскихъ — свой расходъ беру съ нихъ.

— Будто одинъ свой расходъ? А пользы не берешь?

— Ну, да есть, можетъ, и польза. Надо вѣдь и за труды чего-нибудь очистить.

Такъ для меня и осталось невыясненнымъ, почему ярославское общество не сняло земли; оно ли не захотѣло, Алексѣй ли дѣло разстроилъ, чтобы самому снять участокъ и получить „за труды“. А только, вспоминая объ его хитро бѣгающихъ глазахъ, я думаю, что мой ямщикъ разсказывалъ мнѣ правду...

Ѣдемъ дальше и поднимаемся изъ долины Талды-булака на прибрежный увалъ. Издали виднѣются двѣ большихъ деревни, окруженныя обширными смѣнами обычнаго и въ этой мѣстности трехпольнаго сѣвооборота.

— Нижняя-Тураева и Нижняя-Шахова, — отвѣчаетъ ямщикъ на мои вопросы.—Башкиры, припущенники!..

— А пашни кругомъ чьи?—спрашиваю,—сами пашутъ или въ аренду сдаютъ?

— Куды тебѣ сдаютъ? Они хошь и башкиры, а работаютъ такъ, какъ и изъ русскихъ мало которые. Имъ не то что сдавать, не хватаетъ земли: обществами по два участка держатъ, а кто побогаче — такъ

участки снимаютъ; когда промежъ себя соберутся, да участокъ заарендуютъ, а когда изъ другихъ деревень примутъ; кому, значитъ, сколько надо, тотъ столько и беретъ земли. Вонъ участокъ по-надъ рѣчкой,—указалъ рукою ямщикъ:—нижне-шаховскіе держатъ, домовъ четыре аль пятокъ, да изъ Куркуловскаго поселка мужики. Тоже у нихъ большое несогласіе, у куркуловцевъ.

— А въ чемъ дѣло?

— Да насчетъ участковъ. Тоже у нихъ одинѣ все мутитъ. Допрежъ всѣхъ онъ тутъ на арендѣ жилъ, еще поселка не было. А сейчасъ подбиваетъ, чтобы, значитъ, обществомъ участки снимать, подъ приговоръ; кажись, ужъ прошеніе подавали. Ну, въ обществѣ-то которые поисправнѣе—хотятъ участокъ держать, а которые побѣднѣе, не желаютъ,—своей земли дѣвать некуда, дѣло бѣдное. Опять же и съ шаховцами чего-то у нихъ не ладно вышло, тоже насчетъ участковъ... А ладно шаховцы живутъ, да тураевцы, — вернулся мой ямщикъ къ прежней темѣ: хошь и орда, а землю хорошо уважаютъ,—яровой на перегаркахъ сѣютъ, а земля это любитъ; хлѣбъ у нихъ завсегда есть... Справно живутъ, а только чернѣе крестьянъ: одежа простая, разносословъ тоже не ѣдятъ,—и не скажешь, что башкиры!..

А вотъ цвѣтъ переселенческихъ поселковъ всего Белебеевскаго уѣзда—поселки Знаменскій и Жуковскій, одинъ возлѣ другого, по берегу небольшой рѣчки Тарказы. Застройка замѣтно лучше, нежели въ другихъ поселкахъ; очень хорошіе теплые хлѣва, у многихъ изгороди изъ дикаго камня, подъ заборами—одно и двухлемешные заводскіе плуги; посреди улицы, небольшими группами, хлѣбные амбары, и при каждой такой группѣ—маленькая сторожка.

— Мы, баринъ, Симбирской губерніи, всѣ одной деревни,—разсказывалъ мнѣ пожилой, съ умнымъ и добродушнымъ лицомъ, жуковскій крестьянинъ, къ

которому мы заѣхали напиться квасу и дать подышать лошадямъ; знаменскіе—тѣ Бугурусланскаго уѣзда, одной волости, четырехъ деревень. Пришли мы всѣ вмѣстѣ, въ одинъ годъ, чужихъ къ намъ не доселяли, оттого и живемъ хорошо: всѣ другъ дружку знаемъ, другъ дружкѣ помогаемъ—кому поработать, кому денегъ прихватить или сѣмянъ, кому что̀. Вотъ въ другихъ деревняхъ съ десяти губерній понàгнато народу,—тамъ ужъ этого нѣтъ: тамъ другъ на дружку волками смотрятъ: хоть пропадомъ-пропадай, не поможетъ никто...

— Ну, должно быть, и землица вамъ хорошая попалась?

— Да, землицу-то грѣхъ похаять, а только по здѣшнему мѣсту не вовсе первый грунтъ. Да не въ этомъ сила: вонъ тутъ недалеко Тарасовскій поселокъ: самая первая, по здѣшнему, земля, а живутъ бѣднѣе бѣднаго. А у насъ земля съ краснинкой, да и гальки вдосталь, а живемъ слава Богу,—нечего Его, Батюшку, гнѣвить. По-настоящему, у насъ и дома-то земля была лучше противъ здѣшней, да не наша была; а здѣсь и похуже, да наша.

— Небось, кортомите землю?—спрашиваю я, твердо помня господствующее мнѣніе, что на пятидесятинномъ переселенческомъ надѣлѣ нельзя прожить безъ аренды.

— Безъ мала-что не кортомимъ; у барыни только снимаемъ тридцать десятинъ — вонъ за рѣчкой, изъ-за потравы, — больно близко подошла; убираемъ ей двадцать десятинъ за это. А подъ хлѣба не арендуемъ, своей землей обходимся.

— Что́ же, заработки есть? На чугункѣ работаете?

— Нѣтъ, некогда намъ по заработкамъ-то ходить,— своей работы не управить. Мы ужъ—какъ пахаря, такъ пахаря и есть: хлѣбъ-батюшко за все отвѣчаетъ. Земля-матушка — она труды любитъ. По другимъ вотъ поселкамъ мужики сказываютъ, здѣшняя земля назьму не

принимаетъ. А мы вотъ, какъ пришли, два хлѣба сняли, видимъ—урожай пошелъ на убыль, сейчасъ принялись навозъ возить, и слава тебѣ Создателю: у другихъ въ хорошій годъ семьдесятъ пудовъ съ десятины, а у насъ сто. Про засушливый годъ и говорить нечего: у другихъ ничего нѣтъ, а у насъ все мало-мало да родится: навозъ—онъ въ землѣ сокъ держитъ. Пришли-то мы вѣдь, баринъ, въ голодный годъ, какъ намаялись!... спасибо, Красный Крестъ кормилъ. Ну, а сейчасъ—слава Богу!.. Вотъ насчетъ покосовъ, оно плоховато: взамѣсто сѣна яровая солома идетъ, да ржаная солома съ посыпкой—черезъ это и теплые хлѣва позаводили: съ нашихъ кормовъ скотина въ холодномъ хлѣву не выживетъ!

— А сѣять траву, — спрашиваю, — никто не пробовалъ?

— Не пытано у насъ... Слыхали мы, въ другихъ мѣстахъ сѣютъ траву; и сами стали бы сѣять, да не знаемъ, какъ за это дѣло взяться. Кабы научилъ кто, да показалъ, а то вѣдь тоже зря ее посѣять, такъ что̀ выйдетъ?..

Я совѣтую обратиться за указаніями къ земскому агроному и уѣзжаю съ хорошимъ, удовлетвореннымъ чувствомъ: рѣдкій примѣръ переселенческаго поселка, который не стремится во что̀ бы то ни стало распахивать все больше и больше, не ноетъ и не жалуется на „малоземелье“ или на „худую землю“, а сразу сталъ на правильный путь, способный обезпечить переселенцамъ дѣйствительное и, главное, прочное благосостояніе...

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр
I По Амуру и Приамурью	1
1. Стрѣтенскъ	3
2 Шилка и верхній Амуръ. Благовѣщенскъ.	12
3. Черняевскій волокъ. Зейская пристань.	29
4. Амурская прерія	42
5. Амурскіе старовѣры.	55
6. Амурскіе помѣщики	70
7. Малый Хинганъ	85
II. Въ Уссурійскомъ краѣ	103
1. Хабаровскъ	105
2. По Уссурійской дорогѣ	116
3. Въ дебряхъ Уссурійскаго края	137
4. Сихота-Алинъ и приморскій трактъ	155
III. Въ Арало-Каспійской степи	177
1. Въ царствѣ пшеницы	179
2 Уральскъ	198
3. Зауральская степь	205
4. Бродячая Русь	230
5. По Средне-Азіатской дорогѣ	242
6. Новый и старый Ташкентъ	259
7. Въ предгорьяхъ Алатау	277
8. In darkest Kirghizia	309
Приложеніе. Въ старой Башкиріи	335

На складѣ въ магазинѣ „Общественная Польза“:

I. Всѣ изданія П. П. Гершунина (иллюстр. геогр. библіотека „Народы и страны“ и «Общеобразовательная библіотека») подъ общей ред. Н. А. Рубакина.

II. Изданія Е. Д. Кусковой:

Шмеле.— Соціалдемократическіе профессіональные союзы въ Германіи. Ц. 1 руб. 75 коп.

Веберъ.—Ростъ городовъ въ XIX в. Ц. 2 руб. 50 коп.

Прокоповичъ С. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи ц. 2 руб.

Головачевъ. Россія на Дальнемъ Востокѣ ц. 1 руб.

III. **Л. Шестовъ.**—Достоевскій и Нитше. Ц. 1 руб. 50 коп.

Его же.—Добро въ ученіи гр. Л. Толстого и Нитше. Ц. 1 руб. 50 коп.

Его же.—Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Ц. 1 руб. 50 к.

IV. Изданія «Оріонъ».

О. Мирбо.—Разсказы. Пер. О. Витмеръ. Ц. 1 руб.

Омптеда.—Разсказы. Пер. М. Славинской. Ц. 1 руб.

Петрищевъ А.—Бернадотъ. Др. поэма. Ц. 50 коп.

Овсянико-Куликовскій. Д.—Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 25 коп.

V. Изданія Д. Е. Жуковскаго.

Виндельбандъ В. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи Ц. 1 руб. 60 коп.

Овсянико-Куликовскій Д. Вопросы психологіи творчества. Ц. 1 руб. 50 коп.

Фонъ-Леклеръ. Къ монистич. гносеологіи. ц. 50 коп.

Куно-Фишеръ. Исторія новой философіи. т. IV Кантъ и его ученіе ч. I. Ц. 3 руб. 75 коп.; т. VIII Гегель, его жизнь и ученіе; вып. 1-й Ц. 3 руб. 50 коп., вып. 2-й Ц. 2 руб. 50 коп. т. III Лейбницъ, его жизнь и ученіе. Съ портр. Ц. 4 руб.

VI. Изданія «Научно-Образовательной Библіотеки».

VII. Изданія журн. «Образованіе».

VIII. Изданія журн. «Русское Богатство».

IX. Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова; и мн. др.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи редакціи газеты «Право»:

„НУЖДЫ ДЕРЕВНИ

по работамъ Комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». Сборникъ статей.

т. I. ц. 2 руб. 50 коп. (Статьи по вопросамъ культурно-правовымъ).

т. II. 3 руб. 50 коп. (статьи по вопросамъ экономическимъ).

Объявл. дозв. ценз. СПБ. 24 ноября 1904 г. Тип. Т-ва «Общ. Польза», В. Подъяч., 39.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ т-ва «Общественная Польза», (Спб., Б. Подъяческая, 39), въ Москвѣ—магазинъ П. Д. Путиловой (Арбатъ, 17).